

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

АНДРЕАС ГРУБЕР

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

Девочку нашли спустя год. Ее спина покрыта зловещими татуировками.
Но она упорно молчит о пережитом...

Андреас Грубер — автор триллеров международного класса,
до дрожи страшных, запутанных и поразительно увлекательных.

Kronen Zeitung

Annotation

В лесу на окраине Вены семейная пара, приехавшая в свой пригородный дом, находит обнаженную исхудавшую девочку. Вся ее спина покрыта татуировками с мотивами из «Ада» Данте. Полиции удается выяснить, что это одиннадцатилетняя Клара, пропавшая год назад. Но девочка упорно молчит о прошедших двенадцати месяцах.

Тем временем молодая сотрудница мюнхенской полиции Сабина Немез начинает обучение на курсе для высокоодаренных молодых кадров. Ее преподаватель – опытный голландский профайлер Мартен С. Снейдер. Суть методики его обучения заключается в том, что со студентами он разбирает нераскрытые преступления. Вскоре Сабина вместе со Снейдером погружается в расследования трех жутких дел, которые лишь на первый взгляд не имеют ничего общего. А когда прослеживается связь с похищением той самой девочки в Вене, границы между теорией и практикой окончательно размываются...

- [Андреас Грубер](#)
 - [Пролог](#)
 - [I. С воскресенья, 1 сентября, по понедельник, 2 сентября](#)
 - [II. Вторник, 3 сентября](#)
 - [III. Среда, 4 сентября](#)
 - [IV. Четверг, 5 сентября](#)
 - [V. Пятница, 6 сентября](#)
 - [VI. Суббота, 7 сентября](#)
 - [VII. Воскресенье, 8 сентября](#)
 - [VIII. Понедельник, 9 сентября](#)
 - [IX. Вторник, 10 сентября](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарность](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
-

Андреас Грубер

Смертный приговор

*Посвящается
Петеру Хиссу
и Томасу Фрелиху.
Спасибо, что вы
вдохновили меня на
романы о
Снейдере.*

*Изучай своего
врага пристально,
потому что тебе
суждено стать
таким же, как он.*

Поговорка

Пролог

Силы ее были на исходе, но она продолжала бежать. Легкие нестерпимо жгло. Сколько она уже не дышала свежим воздухом? Только подвальная вонь семь или восемь месяцев. А может, и дольше? В любом случае целая вечность.

Колючки и шипы царапали руки и ноги. Ветка хлестнула по бедру и рассекла бледную кожу. Камни и иголки впивались в босые ступни. Она чувствовала болотный запах и ощущала холодную лесную почву.

Прочь, прочь отсюда!

В боку кололо, словно кто-то пытал ее раскаленным шампуром. Только бы не лишиться сознания. Пока она еще способна передвигаться, нужно идти вперед. В какой стороне поляна? Ее охватила паника, потому что она понятия не имела, куда бежит и когда закончится лес.

Некоторое время казалось, что деревья рдеют, потому что вечернее солнце проглядывало между ветвями, но теперь снова стало темно. По ее щекам катились слезы. Она идет в неправильном направлении? Нужно развернуться? Существует ли вообще *правильный* путь? Она должна наконец-то найти людей, встретить какого-нибудь туриста, а может, даже выйти к дому. Тогда она будет в безопасности. Она ни за что не хотела возвращаться в подвал. Этой боли она больше не вынесет.

Бедром она зацепилась за колючий куст и резко дернулась в сторону. Вскрикнула и побежала дальше, чувствуя, как кровь стекает вниз по ноге. На коже выступил холодный пот. От ветра ее бил озноб. Внезапно деревья перед ней расступились, и низко висящее солнце на мгновение ослепило.

Шатаясь, она неуверенно направилась к поляне. Под ногами у нее оказалась утоптанная тропинка с растрескавшейся сухой землей. Она пошла по этой тропинке. Заметила на одном из деревьев – желтые и фиолетовые сорняки проросли между его корнями – деревянную табличку со стрелкой и надписью: «2 км до Вены». Она ускорила шаг и наконец увидела бревенчатый дом со старыми оконными ставнями, замшелой кровлей и высокой каминной трубой.

Участок земли перед домом был обнесен ветхим штакетником. Рядом стоял автомобиль. Открытый багажник напоминал пасть жестяного монстра. В машину села женщина. Мужчина захлопнул крышку багажника. Она не могла поверить своему счастью и побежала быстрее.

– *Помогите!* – прохрипела она, но ее не слышали.

Они что, глухие?

– *Помогите! Я здесь!* – Она попыталась поднять руки, но силы покинули ее.

Мужчина тоже сел в машину.

– *Помогите!* – крикнула она из последних сил.

Мужчина завел мотор. Она подбежала ближе и оказалась в тени дома, дрожа всем телом. Автомобиль тронулся с места и на секунду осветил ее фарами. Затем снова наступила темнота.

Когда автомобиль, взвизгнув тормозами, остановился, она в изнеможении упала. Она чувствовала траву и землю на губах. Ее веки дрожали.

Хлопнула дверь, и кто-то направился к ней.

– Отто, мне не показалось! Иди сюда! Здесь кто-то лежит.

Женщина опустилась рядом с ней на колени. В воздухе стоял запах лаванды. Пальцы коснулись ее лба и откинули в сторону прядь волос.

– Это ребенок. Ей не больше десяти лет.

– Господи! – воскликнул мужчина. – Девочка же абсолютно голая и ужасно исхудавшая.

– Принеси плед из машины. Отто, ты только взгляни на ее спину. О боже, почти вся спина! – ужаснулась женщина. – Я такого никогда не видела. Ради всего святого, что с ней произошло?

– Кто мог сотворить такое? – пробормотал мужчина.

– *Пожалуйста, не прикасайтесь!* – закричала она. – *Очень больно!*

– Отто, посмотри. Она шевелит губами. Что с тобой произошло?

– *Помогите же мне!*

– Что с тобой случилось, девочка? Скажи что-нибудь.

– Оставь ее, – буркнул мужчина. – Ты же видишь, что она не говорит. Я думаю, она немая. Помоги мне, ей срочно нужно в больницу.

Женщина поднялась и опасливо посмотрела в сторону лесной опушки.

– А не та ли это девочка, которая пропала здесь год назад?

I. С воскресенья, 1 сентября, по понедельник, 2 сентября

*Вся жизнь
есть страдание.*

Артур Шопенгауэр

1

Большую часть года Висбаден казался местом, где никак не может произойти ничего плохого, – умиротворяющий образ складывался из школ, больниц, реабилитационных клиник, аллей и широких торговых улиц.

Но в этот ночной час курорт с термальными купальнями и минеральными источниками погрузился в глубокий сон и демонстрировал совсем другую свою сторону. Дождь хлестал в лобовое стекло машины Сабины, и фары лишь едва выхватывали из темноты размытые фасады домов.

«Дерьмовая погода!» С волос Сабины стекала вода, одежда промокла до самого нижнего белья. Гнусавый голос Клауса Кински, который она загрузила для навигатора, вел ее по городу. Она ехала мимо изысканных магазинов, на посещение которых у нее вряд ли когда-то будет достаточно денег. Но в настоящий момент у нее все равно не было настроения для шопинга. А вот что ей сейчас действительно необходимо – так это горячая ванна и сухая одежда.

Пять часов назад она выехала из Мюнхена и слушала в машине радио. За несколько километров до Висбадена лопнула левая передняя шина, и Сабине кое-как удалось остановить машину на обочине. Она позвонила в аварийную службу, но те могли приехать только часа через два. После выполнения более ранних заявок. Поэтому она вышла под проливной дождь, чтобы вытащить из багажника светоотражающий жилет и обозначить место аварии предупредительным треугольником.

Никто не остановился, чтобы узнать, почему ее машина стоит на обочине с включенной аварийной сигнализацией. Проезжающие мимо автомобили раз за разом окатывали ее водой, пока она сидела на корточках и, ругаясь, поднимала домкратом машину, отвинчивала крестовым ключом гайки и устанавливала запасное колесо на передний мост.

Все это время ее мучили сомнения, правильно ли она поступает. И так уже промокнув до нитки, она могла бы пройти сейчас два километра пешком до ближайшего съезда и дожидаться аварийную службу на заправке, попивая кофе. Но у нее не было столько времени. Не сегодня вечером! К тому же ее джинсы были в грязи, руки в масле, а в обувь набралось столько воды, что она ощущала себя лягушкой. Наверное, скоро между пальцами на ногах вырастут перепонки.

До этого она никогда не задумывалась, достаточно ли вообще воздуха в ее запасной шине. Воздуха, разумеется, было маловато, но с шиной, которая выглядела как проколота надувная лодка, она разве что смогла съехать с автобана. Громко ругаясь, Сабина затянула гайки и загрузила поврежденную шину в багажник. В общей сложности она потеряла больше часа.

Забравшись наконец в машину, она вытерла воду с лица. Мельком взглянула в зеркало заднего вида и убедилась, что выглядит как проигравшая турнир по боям в грязи.

Вот дерьмо!

Сабина завела мотор. Из динамиков тут же зазвучал хип-хоп. Эту дрянь она слушать не станет. Сейчас ей нужно что-нибудь ободряющее, мотивирующее, поэтому она вытащила из бардачка и вложила в CD-проигрыватель аудиокнигу Ника Хорнби. Из динамиков раздался голос Маттиаса Швайгхёфера, и через мгновение в мире снова воцарился порядок. Съехав с автобана, она даже нашла заправку, где удалось накачать запасную шину.

Через пятнадцать минут Сабина доехала до центра города, теперь ее навигатор показывал, что нужно покинуть автомагистраль, которая вела через Висбаден, чтобы ехать в направлении Гайсберга. Это была ее цель, там она проведет следующие два года. К тому же снова увидит Эрика. В шестнадцать лет они были парой. Она любила вспоминать то время, но после окончания школы Эрик пошел служить в бундесвер и сейчас, после многолетней учебы, работал комиссаром в висбаденском

БКА – Федеральном ведомстве уголовной полиции. Год назад они снова сошлись – отношения на расстоянии Висбаден – Мюнхен, из которых, однако, ничего путного не вышло. Поэтому она с тяжелым сердцем завершила их месяц назад. Эрик еще даже не знал, что она приезжает. Сабина хотела его предупредить, но уже целую неделю не могла с ним связаться – ни по мобильному, ни по Интернету. Возможно, у него новый номер или его неожиданно направили в командировку за границу. В любом случае она надеялась, что теперь у их отношений появится новый шанс... если он этого вообще захочет.

Когда Сабина добралась до самой высокой точки Гайсберга, где начинались владения Федерального ведомства уголовной полиции, она выключила проигрыватель, и голос Маттиаса Швайгхёфера смолк. Сквозь дождь виднелись высокий забор, стальные ворота, шлагбаумы и камеры видеонаблюдения, которые окружали территорию. Таерштрассе, узкая глухая улочка, вела к участку и заканчивалась разворотным тупиком с несколькими парковочными местами для посетителей. Отсюда многоэтажное офисное здание со стеклянными коридорами разделялось на несколько секций. Весь комплекс напоминал современную крепость.

Сабина припарковалась, сняла светоотражающий жилет и вылезла из машины. Под дождем взбежала по лестнице к главному входу, прошла мимо охранника и затем миновала вертящуюся дверь. Ее встретил неоновый свет. В десять вечера холл выглядел почти вымершим. Слева находился пост вахтера, справа сканер в полный рост, за ним зона, где проверяли сумки. Перед турникетом-вертушкой стояли женщина и двое мужчин в форме и с оружием – сотрудники службы внутренней безопасности. Рации у них на поясах издавали прерывистый шум и потрескивание. На настенном мониторе демонстрировался информационный рекламный ролик. В каждом углу висела камера с табличкой «Ведется видеонаблюдение». Ресепшен выглядел таким же гостеприимным и дружелюбным, как зона досмотра пассажиров перед выходом на посадку в аэропорту после предупреждения об угрозе теракта.

Она откинула мокрые коричневые волосы с лица и наклонилась к прорези в большой стеклянной перегородке.

– Сабина Немез. – Капли дождя стекали с ее волос на стойку. – С завтрашнего дня я начинаю учебу в академии.

Вахтер, тоже в униформе и с оружием, подкатился на своем вращающемся стуле к прорези и взглянул на монитор компьютера.

– Вы поздно.

– Я знаю. Может, у вас найдется для меня полотенце?

Лишь теперь он поднял на нее глаза: на вид около пятидесяти, черные волосы, короткая бородка и южные черты лица. На бейдже, прикрепленном к рубашке, значилось: «И. Фальконе». Наверное, Игнацио или Инносенцо?

– В общежитии вы найдете все необходимое. Но прежде всего мне нужен ваш паспорт и разрешение.

Скорее, Игнорант!

Сотрудники службы внутренней безопасности наблюдали за ней, не сходя с места. Сабина заметила напряжение на их лицах. Она вытащила паспорт и разрешение из кармана куртки и просунула все в прорезь. Уже много раз она посылала свое резюме в БКА и все время получала отказ, но теперь, в двадцать восемь лет, точнее, два дня назад в пятничное утро, она неожиданно узнала, что ее допустили к учебе в академии для особо одаренных молодых кадров в качестве комиссара-стажера уголовной полиции и что семестр начинается завтра.

Конечно, это было странно. Уже только потому, что ежегодно тысячи молодых людей подавали заявления на зачисление в академию, но только пятьдесят получали места. И вот теперь, после того, как БКА много лет отклоняло ее резюме, Сабину вдруг допустили к учебе здесь – и к тому же без единого вступительного экзамена. За этим стоит Эрик?

Вахтер тщательно проверил ее документы. Затем поднял на нее свой острый подбородок.

– Пункт выдачи в это время уже закрыт, поэтому вы получите документы и снаряжение здесь.

Фальконе просунул в прорезь ее новый служебный жетон и заламинированное служебное удостоверение со встроенным чипом, защищенным от подделки. А также именной бейдж с зажимом.

– Это вас легитимирует в академии. С прошлой недели в здании действует повышенный уровень безопасности. Поэтому всегда носите удостоверение на ленте так, чтобы его было хорошо видно, тогда проблем не возникнет, – пробубнил он скучающим голосом, словно повторял сегодня это предложение уже в пятидесятый раз.

Тут дама из службы внутренней безопасности вышла из оцепенения и достала из ящика за стойкой, куда Сабина не могла заглянуть, несколько предметов и разложила их перед Сабиной.

– Я уже решила, что эти вещи лишние, – объяснила женщина.

Сабина узнала «ЗИГ-Зауэр 229» в защитной кобуре с затвором и спусковым крючком. В полиции Мюнхена ей выдали «хеклер-и-кох», но переучиться на «ЗИГ» будет несложно.

Женщина положила сверху магазин.

– Боевые патроны? – спросила Сабина.

Женщина улыбнулась своим коллегам.

– Всего одну минуту здесь и уже хочет боевые патроны. Это учебный магазин для тренировок, фрау комиссар. – Потом она выложила на стойку еще один магазин. – Вот патроны Action.

Их Сабина тоже знала. Старые пули пробивали тело, а эти останавливались сразу после столкновения и детонировали в тканях.

Женщина достала темно-синюю куртку БКА, застегивающуюся на липучки, спортивную сумку, наручники, баллончик с перцовым газом и телескопическую дубинку. Сабина должна была расписаться в получении. В это время Игнорант Фальконе выдвинул через стеклянное окошко на стойку кучу учебных пособий, расписание занятий и план помещений, с помощью которых Сабина должна была ориентироваться в молохоподобном здании БКА.

Он хлопнул ладонью по стопке и ободряюще посмотрел на Сабину.

– Если у вас появятся вопросы, пожалуйста, не обращайтесь ко мне. Здесь все написано. – Затем он положил сверху еще одну папку и скривил рот. – А, специальность «Криминалистический анализ». Значит, Мартен Снейдер возьмет вас под свое крыло.

– Мартен С. Снейдер, – поправила его женщина из службы внутренней безопасности. – Поздравляю! – добавила она без особого воодушевления.

Сабина открыла папку и тут же наткнулась на список имен.

– Только пять студентов попали на этот курс?

– А больше никогда и не бывает, – заметил вахтер. – Остальные распределены на другие специальности. Но вы успеете познакомиться со своими коллегами; учебные планы отчасти пересекаются. Вот соглашение о конфиденциальности и неразглашении информации. –

Он пододвинул ей лист бумаги. – Подпишите и возьмите завтра с собой на первое занятие.

Затем он выставил на стойку биометрический сканер.

– Обе руки, на каждой – большой палец, указательный и средний. Мы берем по шесть отпечатков пальцев у всех сотрудников, чтобы...

– Да, я знаю, – прервала его Сабина и приложила первый палец к сканеру. *«Чтобы на месте преступления можно было отсеять отпечатки собственных людей».*

По окончании процедуры Фальконе снова убрал сканер за свою стойку.

– Хорошо, вы зарегистрированы. Добро пожаловать в Академию. Кампус расположен напротив главного здания. – Он указал на выход.

Вот как все просто!

Вахтер вручил ей магнитную карту-ключ от ее комнаты с номером пятьдесят. Кто приехал последним, получает оставшееся жилье. Хочется надеяться, что это не какой-нибудь клоповник. Как студентка она будет получать только девятьсот евро в месяц, зато жилье бесплатное. Сабина расторгла договор аренды своей мюнхенской квартиры – но так как сообщение о приеме в академию пришло неожиданно, письмо еще не дошло по почте. О квартире она ничуть не сожалела. Сабину гораздо больше огорчало, что она долго не увидит своего отца и сестру, а главное, трех племянниц пяти, шести и восьми лет, которые выглядели как образцовый выводок – мал мала меньше – и которые всегда так гордились своей тетей Виной. Но зато у нее будет возможность чаще видаться с Эриком.

– У меня еще один вопрос, – сказала Сабина, укладывая оружие и учебные пособия в спортивную сумку.

Вахтер кивнул на бумаги:

– Там все написано.

– Возможно, – ответила она. – Вы не знаете, комиссар уголовной полиции Эрик Дорфер находится сейчас за границей или в отпуске?

Фальконе окинул ее взглядом, словно хотел сказать: *«Синьорина, я похож на того, кто знает служебное расписание всех двух тысяч здешних сотрудников?»*

Но, очевидно по выражению ее лица, он понял, что ей это было важно – или же она просто вызвала у него жалость в своей насквозь промокшей одежде и с перепачканными в машинном масле руками.

Без комментариев он пощелкал клавишами и взглянул на монитор.
– М-м-м. – Он скривил рот. – Дорфер на больничном. Лежит в госпитале Святого Иосифа.

– Здесь, в Висбадене?

Он поднял на нее глаза.

– Да, мне очень жаль. Больше я ничего не знаю. – Затем не удержался и съязвил: – И отвезти вас туда я тоже не могу.

Сабина проигнорировала его тон. Краем глаза она заметила, что трое сотрудников службы безопасности беседовали между собой. Наконец от группы отделилась женщина и подошла к Сабине.

– Вы хорошо знаете Дорфера?

– Да, он... мой друг, мы вместе ходили в школу.

– Когда вы видели его в последний раз?

Сабина ненадолго задумалась.

– Около месяца назад, когда он приезжал в Мюнхен. А что?

– Мы говорили о нем только сегодня днем. Думаю, вы должны знать. Он лежит в реанимации.

Сабину словно обухом по голове ударили. Она недоверчиво уставилась на женщину.

– Мне очень жаль. – Сотрудница полиции понизила голос, и новый, мягкий, сочувствующий, тон совершенно ей не подходил. – Ему выстрелили в голову, и теперь его ввели в искусственную кому.

– Что? Я... – «В Эрика стреляли?» В голове у Сабины вертелись десятки вопросов. – Это на службе?..

Женщина кивнула.

– Я не имею права вам больше ничего сообщать.

В полусознательном состоянии Сабина запихнула спортивную сумку в багажник. Она даже не заметила, что дождь снова промочил ее до нитки. Как парализованная, она вырулила с парковки для посетителей, выехала из тупика и медленно покатила на противоположную сторону – на территорию кампуса.

Она прижала свое удостоверение с чипом к сканеру, после чего автоматический шлагбаум поднялся, пропуская ее на территорию академии. Сквозь пелену дождя в свете фар показалось двухэтажное U-образное здание. Современная постройка из стали и бетона со стеклянными фасадами. Множество указателей и табличек помогали

Сабине сориентироваться на территории. Слева находились фитнес-центр и плавательный комплекс с глубоким бассейном, в котором темно-синяя вода поблескивала в аварийном освещении. Посередине располагались учебные аудитории, а справа – общежитие для студентов. Здесь уж точно нет никаких клоповников. Под крышей висели многочисленные камеры видеонаблюдения. На территории перед зданием живой изгородью была огорожена посадочная площадка для вертолета.

Радость от того, что старая жизнь осталась позади, что она получила место в академии и сможет пройти двухгодичный курс учебы и тренировок, как рукой сняло.

Эрик!

Коллега из службы безопасности ответила на ее вопрос не «Я не могу вам больше ничего сообщить», а «Я не имею права вам больше ничего сообщать». Во что там Эрик, черт возьми, вляпался?

Припарковав машину, Сабина под дождем докатила чемодан до здания академии и, следуя указателям, направилась к комнатам. Благодаря датчикам движения свет в коридорах включался автоматически. Каждое ее движение фиксировалось камерами.

Ее комната находилась в самом конце коридора. Она уже хотела открыть дверь электронной карточкой, как заметила конверт, воткнутый в дверную раму. В конверте была записка, написанная от руки.

«Приходите завтра в 7:30 в аудиторию номер 1.
Мартен С. Снейдер».

Больше ничего, и Сабина снова задалась вопросом, почему ее пригласили сюда именно сейчас.

2

На следующее утро Сабина сварила у себя в комнате чашку крепкого кофе и затем направилась по безлюдным коридорам академии в аудиторию номер 1. В семь тридцать одну она постучала в дверь и вошла.

Утреннее солнце светило в большие окна. О ночной грозе ничто не напоминало.

Помещение выглядело как типичный университетский лекционный зал, только меньше. Посередине стояла кафедра докладчика с всевозможными регулируемыми по высоте хайтековскими прибарбасами. Позади висел большой экран для видеопроектора. К потолку крепились три камеры видеонаблюдения так, чтобы в зале не было ни одного мертвого угла. Три ряда современных рабочих мест для студентов с ноутбуками, розетками и подключением к Интернету напоминали амфитеатр, поднимающийся вверх уступами.

Мартен С. Снейдер уже сидел за кафедрой, наклонив голову и погрузившись в какие-то бумаги.

– Вы опоздали, Белочка, – пробормотал он, не поднимая головы.

– Мне очень жаль. – Сабина слишком хорошо знала Снейдера, чтобы понимать, что он не шутит. Она огляделась. К счастью, кроме них со Снейдером, в аудитории больше никого не было. Еще год назад она ненавидела, когда он называл ее Белочкой. Он абсолютно точно знал, что ее отец придумал для нее это прозвище из-за густых каштановых волос и больших глаз миндального цвета, – и она запретила Снейдеру называть себя так, однако он намеренно ее запрет игнорировал.

Снейдер отодвинул папку в сторону и положил свои большие, как тарелки, руки на кафедру.

– Добро пожаловать в Висбаден. Я надеюсь, что вы не пожалеете о своем решении приехать сюда. – В его голосе отчетливо слышался голландский акцент с растянутым «Л».

– А почему я должна пожалеть? – Снейдер знал, что она мечтала работать в Федеральном ведомстве уголовной полиции.

Он смерил ее холодным взглядом.

– Здесь вас выдрессируют и превратят в хорошо подготовленную собаку-ищейку, которая бросается по команде «фас!». Сдружитесь с этой мыслью.

С их последней встречи, когда Снейдер привлек ее к расследованию одного преступления, прошло больше года, но в его внешности ничто не изменилось. Ростом он был чуть больше метра восьмидесяти, на его худой фигуре болтался дизайнерский костюм.

Сабина знала, что ему сорок семь лет, но уже тогда он выглядел старше. Работа сказалась на нем. Тонко выбритые бакенбарды начинались возле ушей и узкой полоской шли до подбородка. Этот контраст с лысиной и бледным лицом, которое уже несколько лет не видело солнца, создавал эффект черно-белого фильма.

Снейдер был лучшим профайлером БКА, и Сабина задавалась вопросом, почему именно такой циничный мизантроп, как Снейдер, который любого разбирает по косточкам, занимался тем, что обучал молодые кадры.

– Мысль о том, чтобы стать собакой-ищейкой, должна меня расстроить? – спросила Сабина.

– Зависит от вас. Вы знали, что звери в цирке в среднем живут дольше, чем звери в зоопарке? – Он откинулся назад. – Их тренируют и перед ними ставят определенные задачи. Они служат какой-то цели. Осознанное занятие продлевает жизнь.

– Вы именно поэтому преподаете в академии?

Снейдера это замечание не впечатлило.

– Смысл жизни в том, чтобы придать жизни смысл, не так ли? Не годы, а бездействие и отсутствие интереса старят нас. – Он похлопал по стопке папок. – Это личные дела. Придать студентам нужную форму – тяжелая работа.

Сабине не хотелось обсуждать эту философскую ерунду – тем более в такую рань.

– Зачем вы меня вызвали?

– Вам наверняка было любопытно снова взглянуть на меня.

У нее заходили желваки на щеках. Снейдер несколько не изменился.

– Вообще-то...

– Приятно, что я смог удовлетворить ваше любопытство.

– Хм-м-м-м... – Сабина шумно выпустила воздух.

– Почему такое раздражение?

– Я впустую трачу здесь свое время. Вступительная лекция начинается в девять часов, и перед этим я хотела навестить Эрика в больнице.

– Боже мой, сама наивность. – Он криво усмехнулся. – Двое коллег приставлены к палате охранять его. Без специального разрешения вы и приблизиться не сможете к отделению.

Сабина не очень любила Снейдера, однако в ее памяти о нем сохранились более приятные впечатления. По крайней мере, он мог бы выразить сочувствие, вместо того чтобы унижать.

– Вы были вместе с Эриком Дорфером, верно?

«Были»? Видимо, он знал о том, что они расстались.

– Я хотела помириться с ним, – объяснила она.

– Дела у него не очень хороши, вы наверняка уже знаете.

Ее сердце сдавило железным корсетом.

– Почему в него стреляли?

Не ответив, он вытащил из ящика розовый листок, который заполнил и подписал. Передал листок Сабине.

– С этим разрешением на посещение вы пройдете через пост охраны в палату Эрика.

– Спасибо. – Она взяла листок и направилась к двери. На полпути обернулась.

– Но вы можете мне сказать?..

Он указал на дверь.

– Обычно выход там же, где и вход. – В следующий момент Снейдер уже снова был погружен в досье студентов.

3

Госпиталь Святого Иосифа находился недалеко от Гайсберга – в нескольких минутах езды на машине. Сабина вошла в отделение реанимации и показала свое разрешение. Санитар провел ее к палате Эрика, перед которой стояли двое полицейских. Один из них со стрижкой «ежиком» и квадратным лицом напоминал шкаф. Сложно сказать, было ли у него под пиджаком оружие.

– Ваша фамилия? – спросил он с бесстрастным лицом.

Она показала ему свое удостоверение БКА.

– Я... подруга Эрика, – солгала она, потому что так надеялась получить больше информации. Затем она протянула свое гостевое разрешение.

Полицейский приподнял густые брови.

– Подписано самим Снейдером. – Бросил взгляд на коллегу.

Очевидно, он был впечатлен.

– Вы знаете, почему в Эрика стреляли?

– Я не уполномочен предоставлять вам данную информацию.

Впечатлен, но не настолько. Он открыл для нее дверь, и Сабина вошла в палату.

Жалюзи были опущены. Единственным звуком было пищание аппаратуры. Эрик находился в искусственной коме, подключенный к многочисленным приборам и с маской на лице. Сабина присела на кровать и стала рассматривать его. С одной стороны из-под повязки выбивались светлые волосы. С другой его наверняка обрили. Тень трехдневной щетины лежала на заострившемся подбородке.

Сабина коснулась его щеки. Шероховатая кожа была прохладной. Ей казалось, что Эрик вот-вот откроет глаза, но они оставались закрытыми. Только длинные ресницы беспокойно подрагивали. Он выглядел таким уязвимым – от крепкого парня, каким она видела его еще несколько недель назад, не осталось и следа. Но худшее в этой ситуации было то, что она не могла ему помочь вернуться в реальность.

– Ну почему у нас ничего не вышло? – прошептала она. Все вдруг показалось ей таким сюрреалистичным. Одиннадцать месяцев они мотались между Мюнхеном и Висбаденом или просто встречались на один день где-нибудь на полпути, чтобы побыть вместе – но им тут же приходилось расставаться. Сабина уже собиралась уволиться из Мюнхенской полиции и перевестись в Висбаден. Работая следователем в оперативном отделе, она всегда первой оказывалась на месте, выясняла, было ли совершено преступление, ограждала территорию, снимала отпечатки, опрашивала свидетелей и готовила факты для коллег из отдела по расследованию убийств. Она все равно не хотела заниматься этим всю жизнь.

Но в отношениях с Эриком вдруг возникла напряженность. Можно ли вообще сказать, что они отдалились друг от друга? Они ведь никогда по-настоящему и не сближались.

Сабина бережно держала его за кисть руки, в тыльную сторону которой была воткнута игла капельницы.

– Мне нужно было всего лишь подождать еще один месяц.

Сабина знала, что Эрик сильнее страдал из-за их расставания, чем она. Сабина всегда предпочитала конец с болью, чем боль без конца. Но это вовсе не означало, что она легко справилась с тоской. Просто

больше не могла этого вынести. Ей нужна была перспектива. Теперь перспектива появилась. Предложение поступить в БКА все изменило. Но почему это не произошло месяцем раньше?

– Ты, дурачок, конечно же с головой окунулся в работу. Это был твой способ справиться с нашим расставанием? – Она смахнула слезу со щеки и заметила, какие у нее ледяные пальцы.

Несмотря на повязку, Эрик по-прежнему выглядел озорным. Ее баварское восклицание «*Jo mei*»^[1] сместило его еще в школе и наверняка заставило бы улыбнуться и сегодня. Она посмотрела на приборы, которые показывали кровяное давление, частоту сердечных сокращений и температуру тела Эрика. Искусственное питание поступало через желудочный зонд.

– *Jo mei*, – сказала она, сжала его руку и расплакалась.

Спустя полчаса Сабина вышла из палаты Эрика. Через двадцать минут начнется вступительная лекция в академии – а Снейдер не терпел опозданий.

Когда она шла по коридору, перед ней со звуковым сигналом открылись двери лифта. Из него вышел врач в белом халате и направился ей навстречу. Он был худощавый, с узким лицом. Как замороженная она уставилась ему в глаза. Они были налиты кровью и слегка навывкате, как при базедовой болезни. Кроме того, под глазами набрякли большие темные мешки. Мужчина, несомненно, слишком мало спал. «Надеюсь, это не лечащий врач Эрика».

Сабина вошла в лифт и нажала на кнопку первого этажа. Прежде чем двери успели закрыться, она увидела, как он кивнул обоим охранниками и скрылся в палате Эрика.

Мартен Снейдер вошел в лекционный зал ровно в девять часов и ни секундой позже. Сабина знала, что он не только думает так же точно, как часовой механизм, но и действует соответствующе. Не удостоив аудиторию даже взглядом, он прошагал на своих длинных ногах к кафедре.

Кроме Сабины на курсе было еще четыре студента. Она сидела во втором ряду, соседнее место было свободно. Рядом с безучастным видом развалилась молодая женщина и грызла ручку. В первом ряду сидели остальные трое: одна женщина и двое мужчин примерно того же возраста, что и Сабина, – около тридцати. У них был критический взгляд и, как показалось Сабине, минимум четыре-пять лет опыта за плечами. Она наблюдала за поведением своих коллег. Никто не шутил, казалось, все воспринимают происходящее очень серьезно.

Снейдер оперся длинными руками о кафедру, наклонился вперед и оглядел присутствующих.

– Хочу прояснить раз и навсегда: я плюю на корректные с гендерной точки зрения понятия типа студентки и студенты. Для меня вы все студенты. Если вам это не нравится, можете обратиться с жалобой к президенту БКА Хессу. Но я вас предупреждаю! Список жалоб к моей персоне длинный. – Он застыл в принятой позе.

Сабина посмотрела через широкое окно на вертолетную площадку. Кусты гнулись от ветра.

– И сразу второй момент, и это также касается вас, госпожа Немез: в академии много разных направлений. Вы выбрали оперативный криминалистический анализ. Мы не профайлеры, а полицейские аналитики, специалисты, занимающиеся случаями похищения людей, и судебные психологи-криминалисты. Мы должны не только владеть аналитическим мышлением, но и докапываться до самой сути дела. – Его взгляд скользнул по головам студентов, и в следующий момент на лице появилась любезно-презрительная улыбочка, которой он так великолепно владел. – Я изучил ваши досье. Все вы якобы незаурядно умны, но на мой взгляд все равно сырой материал. – Он посмотрел на присутствующих и вздохнул. – Не могу сказать, что я счастлив видеть вас на своем курсе, но попытаемся найти компромисс.

Снейдер на секунду закрыл глаза и помассировал виски. Он выглядел скверно. Охота за убийцей была для него лекарством от ужасных кластерных головных болей, которые в несколько раз сильнее мигрени и которые он пытался подавить с помощью наркотиков. В это утро настроение у него было скверным, вероятно, потому, что он уже давно не гонялся ни за каким преступником.

– Учеба на моем курсе чрезвычайно интенсивна, – продолжал он, не поднимая головы. – Вам придется не просто продираться вперед,

как коллегам на других специальностях, вы будете по-настоящему страдать, это я вам обещаю.

– Хорошенькое начало, – едва слышно пробурчала соседка Сабины.

– Вы хотите что-то сказать, Мартинелли?

– Нет, – ответила та.

– Хорошо. – Снейдер даже не поднял глаз.

Сабина бросила быстрый взгляд на свою коллегу. У женщины были черные волосы, заплетенные в длинную косу, стройная, мускулистая фигура, пирсинг в носу, сбритые брови, а вместо них – татуировка в виде изогнутой линии над глазами. На шее Сабина тоже заметила татуировку, напоминающую жало скорпиона. Суровая девушка, была первая мысль Сабины. «Тина Мартинелли» было написано на ее бейдже. Из списка сокурсников Сабина знала, что ей двадцать три года и она изучала юриспруденцию.

– Привет, я Тина, – прошептала она еще тише, чем раньше. У нее был хриплый голос и итальянский акцент.

– Привет, я Сабина.

– К счастью, у большинства из вас есть кое-какой опыт, – продолжал Снейдер. – Вы пришли из земельных управлений уголовной полиции, сразу после юридического факультета или из оперативного отдела полиции. – Снейдер взглянул на Сабину. Видимо, она была единственной, кто сумел попасть в академию из простых оперативников.

– Среди вас есть человек, который, как я предполагаю, еще никогда не видел труп и не стрелял из оружия. – Он бросил взгляд на соседку Сабины. – В БКА работают шестнадцать аналитиков. Учеба в академии длится четыре семестра, и только лучшие выдержат это испытание. Я ваш преподаватель, и меня зовут...

– Мартен Снейдер, – пробормотала Тина.

– Мартен С. Снейдер, – поправил он ее, – мои коллеги и я еще надерем вам задницу! На этом вступительная часть закончена. С этого момента с вами будут обращаться так же, как и со всеми остальными.

Тина Мартинелли отреагировала спокойно.

Снейдер сменил позу и теперь ходил взад-вперед за кафедрой.

– Согласно инструкции вы должны показывать максимальные спортивные результаты, владеть оружием и уметь быстро и адекватно

реагировать во всех ситуациях. Глядя на ваши лица, я понимаю, что никто из вас не соответствует этим требованиям. Кроме того, согласно инструкции вы должны продемонстрировать отличное поведение. Но при всем неуважении, мне на это плевать!

Оба парня в первом ряду улыбнулись.

Снейдер заговорил громче:

– Мы здесь не на Венском балу, мы занимаемся расследованием экстремальных убийств. Когда весь день занимаешься только тем, что смотришь на мертвых и обезображенных людей, не можешь этим ни с кем поделиться. Нельзя вечером прийти домой и рассказать своему партнеру: «Сегодня у меня был интересный случай убийства пятилетней девочки на сексуальной почве. Не передашь мне сливки, любовь моя?» Вам понадобится стратегия, как с этим справиться. Мой совет: определите для себя эту стратегию. Без нее вам здесь не выдержать и двух лет.

Снейдер покинул кафедру и прошелся мимо первого ряда. Он на секунду остановился рядом с женщиной, которая что-то записывала в своем блокноте, вырвал листок и без комментариев смял его.

– Я открою вам тайну, чем мы занимаемся в академии. Мой коллега Конрад Бессели учит своих студентов делать все правильно. Но вы также должны научиться делать правильные вещи и думать нестандартно. И именно этому я вас буду учить. – Снейдер бросил скомканный листок в корзину для мусора.

– Это означает, что нам нельзя ничего записывать? – спросила женщина в первом ряду.

– Если вы не можете запомнить даже того, что я рассказываю на первом занятии, как вы собираетесь вникать в сложные структуры мышления серийного убийцы?

После короткой паузы он продолжил:

– Я не хочу, чтобы вы теряли мое время, поэтому говорю все один-единственный раз, и вы должны все хорошо запомнить.

Снейдер снова вернулся за кафедру.

– Вы знаете, почему находитесь здесь?

Это был риторический вопрос, никто не ответил.

– Ежегодно в академию принимают пятьдесят человек и распределяют на десять направлений. Кандидаты проходят

тщательный отбор. И все равно количество провалившихся составляет семьдесят процентов.

По аудитории прокатился гул. Зачем Снейдер им это рассказывает? Сабине стало не по себе. Она не участвовала в этом строгом отборе. Уже с прошлой пятницы она подозревала, что ей досталось место другого студента, который выдержал вступительные испытания.

– В нашей академии мы растим креативные головы, критически анализируем преступления и вырабатываем новые подходы к расследованию. – Снейдер развел руки. – Поверьте мне, через несколько месяцев передо мной будут сидеть только двое или трое. Почему? Потому что позже от вас будут зависеть человеческие жизни. И у меня есть собственные, особенные методы, как отобрать действительно пригодных для такой работы кандидатов.

Сабина ни секунды в этом не сомневалась. Она уже сталкивалась с методами Снейдера. С одной стороны, он был гений, с другой – презирающий людей говнюк. Объединять в себе две положительных черты – гениальность и человечность – было, видимо, невозможно даже для такого корифея, как Снейдер. Большинство студентов еще понятия не имели, как он обращается с людьми. Она, к сожалению, уже знала.

Снейдер оглядел присутствующих.

– Вопросы есть?

Все промолчали.

– Хорошо...

Тут Тина подняла руку.

– Можно кое-что спросить?

– Вы это уже сделали.

Тина посмотрела на него без эмоций.

– Давайте уже, коллега Мартинелли, но кратко.

– Почему вы преподаете в академии, если считаете нас всех идиотами?

Коллеги в первом ряду одобрительно закивали.

– Думаешь, что повстречал уже достаточно наглецов, – пробурчал Снейдер себе под нос, – однако новые всезнайки все равно находят дорогу в академию.

Какой комплимент! Сабина заметила возмущенные лица своих коллег. Добро пожаловать в мир Снейдера!

– Резонный вопрос, который я сам себе часто задаю, фрау Мартинелли, – наконец ответил Снейдер. – Кто в старости никого не учит, не оставит после смерти памяти о себе. Такой ответ вас устроит? А теперь я задам вам вопрос. Почему вы здесь?

– Чтобы через пару лет хвастаться, что закончила ваш курс.

Это прозвучало иронично. Сабина не смогла сдержать улыбку.

Снейдер наклонил голову.

– Хороший ответ. – На мгновение Сабине показалось, что он тоже улыбнулся. Снейдер взглянул на свои часы Swatch в цветах голландского флага. – На данный момент мы закончили. Остаток занятия вы посвятите тому, чтобы ознакомиться с убийствами, которые получили название Centipede, то есть «Многоножка». Захватите с собой подписанное соглашение о конфиденциальности. Мы увидимся с вами ровно в пятнадцать часов. Тот, кто опоздает или придет без подписанного соглашения, вылетит с занятия. – Он развернулся и покинул аудиторию.

Какое-то время в помещении стояла тишина. Некоторые шумно выдохнули. Сабина откинулась на спинку стула и ждала. Студенты стали собирать свои бумаги и пособия, и постепенно послышались первые комментарии: «хуже, чем ожидалось» или «высокомерный ублюдок». Но Сабина знала, что все прошло вполне безобидно. Снейдер умел и по-другому. Все равно реакция студентов была понятна. С одной стороны, Снейдер не слишком-то располагал к себе людей, с другой – здесь сидели не прыщавые подростки-ботаники, а коллеги, большинство из которых уже имели большой профессиональный опыт. И хотя Тина была младше других, она тоже не казалась наивным цыпленком, только что вылупившимся из яйца. И вот им пришлось выслушать от Снейдера, что половина из них мусор, который ему нужно будет отсеять.

– Не такой уж он и мерзкий, – неожиданно сказала Тина рядом.

– Подожди делать выводы. – Сабина взяла свою папку и первой вышла из аудитории.

У лифта она увидела, как Снейдер разговаривает с каким-то высоким седым мужчиной.

– Между прочим, наше предложение раздать новые мобильные раньше запланированного срока пока ни к чему не привело, – сказал седоволосый.

Сабина подходила ближе.

– Поэтому я предложил Хессу установить камеры также на территории кампуса, в подземном гараже и на лесных маршрутах. – Двери лифта открылись, Снейдер вошел в кабину и исчез.

Сабина как раз хотела проскользнуть мимо седого мужчины на лестничную клетку, как тот вдруг обернулся. На мгновение она оторопела. У мужчины было небритое обветренное лицо с глубокими морщинами и один зоркий и острый глаз; на другом он носил черную повязку, из-за чего выглядел грубо. Мужчина воспользовался ее замешательством и взглянул на бейдж.

– Значит, вы Сабина Немез... – произнес он и протянул ей руку. Его кожа была шершавой, рукопожатие крепким.

– Добрый день. – Сабина поискала глазами бейдж с именем, но не нашла.

– Я о вас слышал. Хорошая работа. Мартен проронил пару слов – а он это редко делает. Должно быть, вы его впечатлили. Правда, вы меньше, чем я думал.

Много ли этот мужчина знал о том, что они со Снейдером сделали? И не такая уж она маленькая. Метр шестьдесят три сантиметра.

– Я надеюсь, вы соответствуете требованиям. – Мужчина похлопал ее по плечу, затем пошел по коридору.

Сабина смотрела ему вслед. У мужчины была неровная походка. Он слегка прихрамывал. Возможно, из-за травмы нога не сгибается в колене.

Тут к ней подошла Тина:

– Ну, уже подружилась?

Сабина помотала головой:

– Понятия не имею, кто это.

– Ты его не знаешь? – Тина усмехнулась. – Чему вас только учат в ваших оперативных отделах. Это был второй профайлер, который обучает другую группу. Тот, кто ввел в Германии криминалистический анализ и составление психологических портретов убийц. Бывший учитель и ментор Снейдера. Конрад Вессели.

Лифт поднял Мелани Дитц на шестой этаж Венской больницы. Палаты университетской клиники были знакомы ей еще с предыдущих визитов. Несколько раз в год Мелани ходила этим путем в отделение психиатрии и психотерапии, для нее это стало уже почти рутинной. Помещения были светлыми и приветливыми, с благоухающими цветами в вазах и яркими картинами на стенах. Вполне уместно, потому что уголовная полиция использовала эти комнаты для бесед с жертвами надругательств, после того как первичное лечение было окончено.

– Рядом, – прошептала она.

Золотистый ретривер послушно бежал рядом с ней, стуча когтями по полу. Псу было три года – муж Мелани подарил его ей на сорокалетие.

Некоторые мужчины, пьющие в коридоре кофе, обернулись, и Мелани задалась вопросом, пялятся ли они на собаку или на нее. Но взгляды подтвердили, что парней интересовал не пес. Хотя Мелани была уже не так молода, но ее высокая стройная фигура и длинные темные волосы по-прежнему как магнит притягивали мужчин.

Перед закрытой дверью с табличкой «Кабинет терапии № 3» беседовали врач в белом халате и сотрудник венской уголовной полиции, которого она уже знала по нескольким совместным делам. Его фамилия была Хаузер, он стоял, скрестив на груди руки, и смотрел бесстрастным взглядом, по которому Мелани ничего не могла прочитать.

– Входить с собаками в здание запрещено, – сказал врач. – Шерсть и слюна не очень гигиеничны. Вам этого не объяснили?

«Шейла – фас!»

Солнечный нрав Мелани и ее дружелюбная улыбка иногда вводили в заблуждение, но она тоже могла дать отпор, правда, сейчас решила сдержаться.

– Конечно, объяснили. – Она протянула доктору свое удостоверение.

Сначала он изучил гостевой пропуск на отвороте ее блузы, потом его взгляд переместился на деревянное ожерелье красного дерева у нее

на декольте. Для этого врачу пришлось вытянуть шею, потому что он был на голову ниже ее. Как убого, подумала Мелани. Лишь после этого он взглянул на удостоверение.

– Прокурор Мелани Дитц? – недоверчиво пробормотал он и бросил взгляд на Хаузера. Тот подтвердил лаконичным кивком.

Она в очередной раз убедилась, что при упоминании этой должности люди представляют себе мужчину с залысынами и в пошитом на заказ костюме. Но под этот устаревший стереотип она никак не подходила.

– Вы будете заниматься делом? – спросил Хаузер.

– Пока еще не могу сказать. Почему этим интересуется уголовная полиция?

– Возможно, это не единственный случай, – ответил Хаузер.

Врач вопросительно посмотрел на Мелани.

– Я специализируюсь на случаях надругательства над детьми, – объяснила она. – Я бы хотела поговорить с девочкой наедине.

Доктор поморщился.

– Должен вас огорчить, малышка ни с кем не разговаривает.

– Она немая?

– Мы не знаем. Но ее голосовые связки в порядке.

Мелани взглянула на Хаузера.

– Нам уже известно, кто эта девочка?

Полицейский покачал головой:

– Мы предполагаем, но еще не получили окончательных результатов от службы уголовного розыска.

– Хорошо, соберите, пожалуйста, все, что у нас имеется на данный момент, и принесите ее личное дело мне в палату. – Мелани указала на дверь. – Можно?

– Собака останется снаружи, – предупредил врач.

«Опять началось!»

– Это специальная терапевтическая собака для работы с детьми – жертвами насилия, – объяснила Мелани. – Такие собаки успокаивающе действуют на травмированных детей, помогают им справиться со страхом и повышают их самооценку.

Ей очень хотелось сказать: «Эта собака за двадцать минут делает больше, чем вы, боги в белом, за пять недель». Но она не хотела оскорблять врача. словно в подтверждение ее слов, собака

повернулась боком и гордо продемонстрировала на своей сбруе голубой значок с надписью «Терапевтическая собака».

Доктор бросил скептический взгляд на Хаузера. Тот пожал плечами.

– Дитц всегда приходит на беседы к детям с этой псиной.

Дитц! Псина! Что за выражения! Это называется терапевтическая собака. И по крайней мере, фрау Дитц. Этот примат Хаузер не весть что себе позволяет. Мелани знала, что у него нет детей, дома он держит уродливого геккона и обладает чуткостью стенобитного шара. Кроме того, в детстве его укусила такса, и с тех пор он боится собак. Вообще-то, это ему самое место в кабинете терапии – в качестве пациента. Или стойки для одежды.

Наконец врач отошел в сторону.

– С собакой или без... Девочка не будет говорить.

– Позвольте мне попробовать. – Мелани открыла дверь, но не вошла, а ослабила поводок собаки и дала ей обнюхать палату.

Запах, помещение, настроение, девочка... с такими ситуациями Шейла была знакома. Собака в ту же секунду поняла, что в ней нуждаются, что здесь есть тот, о ком необходимо позаботиться, – и приступила к тому, что умела выполнять лучше всего: свою работу!

Мелани вошла в палату, отпустила собаку с поводка и закрыла за собой дверь.

Ретривер медленно подошел к девочке и потерся мордой о ее ногу, а Мелани остановилась и посмотрела в окно. Был чудесный день, желтые и оранжевые стены сияли в лучах полуденного солнца.

– Можно я присяду? – спросила она, но девочка не ответила. Она не сводила глаз с диктофона на столе и даже не отреагировала, когда собака легла рядом с ней на пол.

Мелани перешагнула через мягкое покрывало с медвежатами и села за стол напротив девочки. Выключила записывающее устройство и положила его в ящик.

– Меня зовут Мелани, а эта собака породы золотистый ретривер. Ей три года, и ее имя Шейла.

Мелани заметила, как девочка покосилась на пол.

– Когда я увидела ее в первый раз, она была таакоой маленькой. – Руками Мелани показала небольшой комочек. – Я тут же в нее

влюбилась и назвала Шейлой, потому что есть кошачий корм с таким названием, которой она, кстати, очень любит.

Обычно эта история смешила детей, но девочка никак не отреагировала.

– Кошачий корм не очень подходит для собак, – пояснила Мелани, – но иногда я позволяю Шейле съесть мисочку.

На столе стоял поднос с нетронутым обедом.

– Можно? – Мелани взяла кусок ветчины с тарелки. – Шейла?

Собака наострила уши. Мелани бросила ей кусок, и та поймала его на лету.

– Если хочешь, можешь погладить Шейлу... или даже покормить, если не боишься и тебе не нравится здешняя еда.

Девочка подняла голову, и Мелани в первый раз увидела ее лицо. По телосложению казалось, что ребенку лет девять или десять, но взгляд говорил, что она старше. Возможно, это из-за того, что ей недавно пришлось пережить.

У девочки были очень темные брови, большие черные глаза, курносый нос, веснушки и длинные каштановые волосы до пояса. Она на мгновение открыла рот, словно хотела что-то сказать, и Мелани заметила ее кривоватые резцы, которые придавали ей невероятно милое выражение. На первый взгляд можно было подумать, что у этого ребенка было беззаботное детство, но страх и страдание в глазах свидетельствовали о другом.

На девочке был надет черно-белый полосатый свитер с капюшоном. Под тканью Мелани заметила уже начавшую формироваться грудь. Когда девочка неожиданно повернула голову в сторону, Мелани испытала странное чувство. «Я же знаю тебя!» Из новостей? Нет, это было раньше. Она представила себе девочку с короткими волосами и на три года младше.

– Клара? – прошептала Мелани.

Девочка уставилась на нее.

«Боже мой – это действительно она!»

В этот момент в дверь постучали. Вошел Хаузер и положил папку на стол. Он наклонился к Мелани и прошептал в ухо:

– Теперь мы с уверенностью можем сказать, кто она.

– Спасибо. – Мелани оставила папку на столе без внимания.

– Это...

– Спасибо!

Хаузер бросил на нее холодный взгляд, но исчез без дальнейших комментариев.

Мелани отодвинула папку в сторону и придвинулась ближе к столу. При взгляде на девочку у нее по коже побежали мурашки, а тонкие волосы на руках встали дыбом.

– Я тебя знаю. Возможно, ты меня уже не помнишь, но ты тоже меня знаешь.

Клара свесила руку вниз и как бы случайно погладила собаку по спине. Шейла довольно заурчала.

– Твоя мама и я были лучшими подругами в таком же возрасте, что и ты сейчас. Повзрослев, мы продолжали дружить, но три года назад потеряли друг друга из виду.

«Когда твоя мама познакомилась с новым мужчиной».

По реакции Клары Мелани догадалась, что девочка отлично поняла каждое слово. Мелани даже убедилась, что Клара тайно изучает ее лицо и пытается вспомнить. Но узнавание не наступило.

Господи. Ингрид вообще знает, что ее дочь здесь?

Мелани подсчитала. Кларе должно быть сейчас одиннадцать лет. Ее отец погиб во время несчастного случая на сталеплавильном заводе пять лет назад, а у матери после этого начались один за другим романы со странными типами. Возможно, это был своего рода кризис среднего возраста. Уже тогда их дружба дала трещину, но окончательно они разошлись, когда Ингрид познакомилась с сомнительным парнем, которого Мелани терпеть не могла, потому что тот слишком напоминал ее собственного отца. А что касается мужчин, интуиция редко ее подводила. Как его звали? Рудольф Брайн... или что-то в таком роде. Точно, Рудольф Брайншмидт! Паразит хуже некуда! Мелани посоветовала своей подруге не связываться с ним, но вместо этого Ингрид порвала дружбу с ней.

– Я позвоню твоей маме, чтобы она приехала сюда, – предложила Мелани.

После краткого оживления Клара снова потеряла интерес. Было еще слишком рано. Даже если Мелани не терпелось задать ей десятки вопросов, нужно было выждать. В настоящий момент лучшим собеседником для девочки была Шейла.

Собака потерлась головой о бедро Клары, и девочка нежно погладила ее, запустив пальцы в шерсть, словно хотела притянуть к себе любимый плед.

Пока Клара отвлеклась на Шейлу, Мелани открыла папку и украдкой заглянула в документы.

«Клара Брайншмидт, 11 лет» – значилось на листе с личными данными.

Невероятно! Ингрид действительно вышла замуж за этого типа и даже дала своей дочери фамилию нового мужа. Ниже был указан адрес проживания Клары. По-прежнему Нойваль-дегг, на окраине Вены. Та же улица, тот же дом, в котором Ингрид жила раньше и в котором они с Мелани готовились к школьным занятиям. Господи, как летит время. Со своими первыми парнями они познакомились во время поездки с классом в теннисный лагерь. Позже они ходили к одному и тому же гинекологу, напивались на Новый год и вместе начали учиться в университете – Ингрид изучала экономику, а она юриспруденцию. Когда Ингрид достаточно поздно, в тридцать один год, забеременела, она начала работать бухгалтером на дому... И вот теперь ее одиннадцатилетняя дочь сидела напротив Мелани.

Пока Клара и Шейла занимались друг другом, Мелани листала бумаги. Пожилая супружеская пара нашла Клару вчера около двадцати часов в Венском Лесу, после того как она исчезла год назад. «Господи! Целый год!» Затем следовало несколько листов медицинского заключения, которые Мелани переложила не читая, пока не наткнулась на крупные цветные фотографии. От их вида у нее перехватило дыхание. Это были снимки спины Клары. Мелани хотелось зарыдать в голос. Ради всего святого, зачем кому-то понадобилось совершать такое с девочкой?

Нетронутым остался один небольшой участок, а так вся спина Клары, начиная от затылка по лопаткам и до копчика, была покрыта татуировкой с ужасными мотивами огня, крови, ангелов, демонов и пыток, которые напоминали Мелани Ад из «Божественной комедии» Данте.

Когда Мелани вышла из палаты и закрыла дверь, к ней подошел Хаузер со стаканчиком кофе.

– Это для меня? – спросила она.

– Нет. – Хаузер сделал глоток.

Все равно ей сейчас был нужен скорее бренди.

– Ну? Девочка заговорила? – спросил он.

– Еще нет, но это лишь вопрос времени, она скоро откроется. – Она задумчиво теребила собачий поводок в руке. Шейла все еще была у Клары в палате, и если Мелани не ошибалась, то собаку как раз кормили сэндвичами с ветчиной и сыром.

– Вы уже сообщили матери Клары?

– Ах да, этого нет в папке. – Хаузер щелкнул пальцами. – Ее мать умерла год назад, незадолго до исчезновения девочки.

– Что? – Слова копьем пронзили ее сердце. – Ингрид мертва?

Хаузер прищурился.

– Вы знали эту женщину?

Мелани кивнула. Словно в трансе она продолжала мять поводок. Ингрид было бы сейчас сорок три – столько же, сколько ей самой. Мелани даже не заметила, как к ним кто-то подошел. Лишь когда мужчина обратился к ней, она подняла глаза.

– Простите? – пробормотала она.

Из-за двери у нее за спиной доносились детский смех и собачий лай. Шейла была в своей стихии.

Седой мужчина в белом халате, примерно одного с ней роста, пристально смотрел на поводок в ее руке.

– Я сказал, что заведу отделением, а вы кто такая?

Она сделала глубокий вдох и выдох.

– Мелани Дитц, старший прокурор. Я беру это дело.

6

Вместе со всеми остальными студентами академии в первой половине дня Сабина осилила курс «Служебный устав и сотрудничество с прокуратурой». После этой теоретической болтовни и обеда в столовой занятия продолжились «Обращением с оружием и амуницией». Разборка и сборка «ЗИГ-Зауэра» была уже значительно интереснее, как и тренировка в учебном стрельбище.

Правда, Тина отсутствовала эти два часа, и тренер сделал соответствующую пометку. В промежутках у Сабины оставалось

немного времени, чтобы выяснить что-нибудь об убийствах по делу «Многоножка», как велел им Снейдер. Со своего ноутбука она могла зайти на главную страницу архива БКА, но без пароля доступа к данным не получила. Видимо, Федеральное ведомство уголовной полиции держало свои якобы высокоодаренные молодые кадры на коротком поводке.

По крайней мере, в Интернете она нашла статью в пять строк по ключевому слову Centipede, правда, в ней лишь говорилось, что одна берлинская семья была зверски убита в собственном доме четыре года назад. Все остальные статьи на эту тему были удалены с серверов по причине защиты молодежи. Похоже, Снейдер на своем втором занятии сразу перейдет к делу.

Ровно в пятнадцать часов Снейдер вошел в аудиторию. Он начал лекцию, одновременно собирая соглашения о конфиденциальности:

– Эти листки служат одной-единственной цели. На своем курсе я буду разбирать с вами только нераскрытые дела. Я хочу, чтобы вы были открыты для новых идей, и собираюсь разрабатывать с вами новые гипотезы. По раскрытым делам вы можете загуглить решение, но я хочу воспитать вас самостоятельно думающими людьми с собственными идеями. Поэтому с данного момента все, что вы услышите или увидите, является служебной тайной. Если вы ее нарушите, то это будет рассматриваться как уголовное преступление. Все ясно?

Снейдер взял последний листок и пошел к кафедре.

– Кроме того, уже раскрытые дела вы всегда будете анализировать на занятиях моего коллеги Вессели. Он оперативник старой школы и больше доверяет статистике, результатам лабораторных исследований и компьютерному анализу.

Тина нагнулась к Сабине.

– Раньше он был сильным преподавателем, но со временем стал теоретиком, – прошептала она.

– Мартинелли, я это слышал! Методы Вессели ничуть не хуже – просто это другой подход. В свое время многие из его дел могли быть раскрыты с помощью программ обслуживания базы данных. Но существует классическое программное обеспечение, которое намного превосходит все остальные. А именно, вот это... – Снейдер постучал

себя пальцем по лбу. – И мы хотим работать с ним. – Он сунул бумаги в свою папку. – Итак! Что вы выяснили по убийствам Centipede?

– Ничего, – ответил Шёнфельд с первого ряда, атлетичный блондин в белой футболке поло, который в глазах Сабины уже во время тренировки по стрельбе выглядел высокомерно. Он попал в Академию из Земельного управления уголовной полиции Берлина и имел самый высокий уровень IQ в группе.

Майкснер, сидящая рядом, ни в чем ему не уступала. Сабина вообще чувствовала себя потерянной среди всех этих интеллектуалов. Ей не нужно было проходить ни вступительное собеседование или двухдневный тест на профессиональную пригодность, предоставлять медицинские справки, принимать участие в групповых заданиях и беседовать один на один с психологом. Она даже не знала, достаточно ли ее ежедневных занятий пилатесом и пробежек для поддержания необходимой формы. Когда выдастся спокойная минута, нужно будет спросить Снейдера, не он ли за всем этим стоит.

– У нас заблокирован доступ к архиву БКА, – добавил Шёнфельд.

– И не без причины, – ответил Снейдер. – Во время учебы вы находитесь на низшем доверительном уровне, это означает, вам разрешается дышать и отвечать тогда, когда вас спрашивают. Вы не получите никаких паролей к актам текущих расследований. Может, у кого-то из вас была другая креативная идея?

Никто не ответил, наконец Тина подняла руку.

– Я была в газетном архиве городской библиотеки и воспользовалась аппаратом для чтения микрофиш.

– У вас не было столько времени, – возразил Снейдер.

– Я отказалась от тренировки в стрельбе.

– Возможно, однажды она могла бы спасти вам жизнь.

– Я спортивный стрелок, – ответила Тина. – В Палермо этому учат первым делом.

– Шпигаты и копченый угорь, – пробормотал Снейдер. – Похоже, вы одна тут с яйцами. И что же вы выяснили?

Сабина улыбнулась про себя. Вообще-то ее не должно удивлять, что студентка юрфака с татуировками и пирсингом занималась спортивной стрельбой.

– Убийства «Многоножки» произошли в сентябрьские выходные четыре года назад, – начала Тина. – Неизвестный три дня удерживал

семью на их собственной вилле и жестоко расправлялся с каждым по очереди.

– Состав семьи?

– Отец, мать, шестнадцатилетний сын, восьмилетняя дочь, собака и две кошки.

Снейдер соединил кончики пальцев перед лицом.

– А теперь я покажу вам, что убийца Centipede сделал с этой берлинской семьей. – Он взял пульт дистанционного управления и пошел к видеопроектору. – У логиков не возникнет проблем со следующими изображениями. Сопереживающим и впечатлительным нужно выработать определенную дистанцию и беспристрастность по отношению к жертвам и их родственникам, иначе с годами вы сойдете с ума.

Снейдер затемнил аудиторию, опустив с помощью пульта жалюзи на окнах, и включил проектор. Через несколько секунд появился первый снимок размером больше человеческого роста. Изображения на экране сменялись каждые десять секунд, превратившись в бесконечное диашоу.

Сначала Сабина решила, что это какая-то шутка, но потом поняла, что фотографии настоящие. Она почувствовала, как Тина рядом с ней вцепилась пальцами в стол. Сабина тоже напряглась.

Этих людей не просто убили, преступник расчленил их и, как пазл, сложил из частей тел абсолютно новое существо, недоступное человеческому сознанию. Этот симбиоз из скомпонованных частей тел на диване в гостиной имел ужасающее сходство с безобразным монстром-многоножкой. Отсюда и название. Кроме того, преступник включил в свое творение домашних животных и части кукол. Красные шторы были сняты с окон, закреплены на потолке гостиной и искусно задрапированы, как на театральной сцене, словно убийца хотел сказать: «Занавес поднят – добро пожаловать на мой спектакль!» Некоторые снимки походили на барочные картины маслом. Даже одежда подходила к заново сформированным телам. Все это выглядело как трехмерный жуткий паноптикум в исполнении спятившего Дали или Пикассо.

– Это же противоестественно! – пробормотала Майкснер в первом ряду.

– «Противоестественно»? – повторил Снейдер. – Мотивы серийных убийц, в основном, ярость или сексуальное влечение. Если вы, как криминалисты-аналитики, это поймете, то сможете работать более структурированно. В противном случае вам лучше идти в патрульные полицейские. Мы же должны рассматривать этот поступок как тотальное произведение искусства. Потому что наша работа не поймать преступника, а понять преступника, чтобы другие его поймали.

– Однако в прошлом году Снейдер собственноручно поймал серийного убийцу, – прошептала Тина.

– Я знаю, – ответила Сабина, не отрывая взгляда от фотографий. Она также знала, что сегодня ничего уже не сможет съесть.

На лицах убитых не было никаких эмоций. Сабина знала это по другим трупам, которые видела до этого. Челюсти опущены вниз, синие языки вывалились наружу. На губах засохла пена. Роговая оболочка глаз тоже абсолютно высохшая.

Пока одни пялились на фотографии, а другие отворачивали голову, Снейдер прошелся по среднему проходу и раздал досье. Сабина заглянула в папку. Внутри лежали показания свидетелей, отчеты экспертно-криминалистической службы и судебного медика. Медицинские сведения были – и это неудивительно – намного обширнее, чем в случаях других убийств. Однако как психическая экспертиза, так и психологический портрет преступника отсутствовали.

По печатям и тому, как были заполнены формуляры, Сабина поняла, что они имеют дело с копиями оригинальных документов, а не с фейковым показательным примером. Она сразу сообразила, где нужно искать, чтобы за несколько минут получить общее представление об этом деле. Едва она закрыла папку, как Снейдер снова взял слово:

– Добровольцы, вперед! Что произошло?

Шёнфельд вызвался первым. Ясное дело, он должен был показать, что выяснил за такое короткое время.

– Состоятельная берлинская семья. Вилла в пригороде, крытый бассейн в доме, комната для бильярда и библиотека с открытым камином. В пятницу утром неизвестный проникает в дом и усыпляет мать и дочь большой дозой рогипнола, сильного седативного средства.

Они тут же теряют сознание. Однако на предплечьях женщины имеются следы борьбы – очевидно, семья не была знакома с убийцей. Он стреляет в бернскую овчарку, убивает стилетом обеих сиамских кошек и сбривает животным шерсть. Пули от девятимиллиметрового пистолета «хеклер-и-кох» с глушителем. Гильзы преступник забрал с собой.

– Дальше!

– В обед домой приходит сын. Ближе к вечеру отец. Обоих ожидает та же самая процедура. Раны на предплечьях, удар по голове, доза рогипнола. Все члены семьи, связанные и с кляпами во рту, находятся в доме до вечера воскресенья. Лишь около семнадцати часов он приступает к своей работе.

– Почему он так долго ждет? – перебил его Снейдер.

– Следы в ванной комнате позволяют сделать вывод, что семья многократно пользовалась туалетом. Возможно, убийца не хотел, чтобы опорожнение кишечника и мочевого пузыря в момент смерти обезобразило его творение.

Сабина подняла глаза. Шёнфельд был неплох.

Снейдер кивнул:

– Дальше.

– Однако кровь не смущает убийцу. Она гармонирует с цветом штор и дивана. Он отделяет головы и конечности от тел своих жертв, пришивает их по-новому, перемешивая людей и животных.

Двое студентов в первом ряду начали шептаться: Майкснер, расфуфыренная блондинка с солнечными очками в волосах, и Гомез, долговязый парень, который жевал жвачку и вел себя достаточно непринужденно. Не похоже, что он когда-либо работал в Земельном управлении уголовной полиции.

Снейдер тут же подошел к ним.

– Вам наскучили рассуждения? Я скажу, почему вы должны наострить уши. Мы обсуждаем все это не для того, чтобы заполнить паузу. Возможно, однажды вы будете работать над этим делом, потому что появятся новые сведения.

– Извините, – пробормотала Майкснер и убрала длинные волосы за ухо.

– Есть ли комментарии к уже сказанному? – спросил Снейдер. Все промолчали. – Хорошо, продолжайте, Шёнфельд!

Тот вернулся к теме:

– Помимо своего творения убийца не оставил никаких следов. Кровь, волосы, слюна, пот и частички кожи – все принадлежит членам семьи. Посторонние следы были идентифицированы, их оставили друзья и знакомые, у которых на момент преступления было алиби.

Снейдер поднял одну бровь.

– Это и есть следы! Чем сильнее человек старается что-то скрыть, тем больше выдает нам о себе. А именно?

– Преступник работал в перчатках и сетке для волос. Предположительно, в медицинской маске или даже в полиэтиленовой пленке поверх одежды. Возможно...

– Неплохо, – перебил его Снейдер. – Мартинелли, продолжите вы! Что мы знаем о психике убийцы?

В первый момент Сабина немного посочувствовала Тине, потому что та наверняка была перегружена фактами, и Снейдер хотел выставить ее на посмешище. Но она ошиблась.

– Преступник действовал по плану, – уверенно сказала Тина. – И во время преступления от него ничего не ускользнуло.

– Дальше! – потребовал Снейдер.

– Если мы хотим понять художника, то должны посмотреть на его творение. Нам помогут три краеугольных камня на пути становления серийного убийцы: ночное недержание мочи, поджоги и издевательства над животными. Последний момент кажется наиболее выраженным.

– Чего он хочет этим добиться?

– Если животное посмотрит на нас человеческими глазами, то нам станет не по себе. То же самое, если нам улыбнется человек с собачьей пастью. Убийца намеренно хотел вызвать эти неприятные чувства у наблюдателя.

Тина была права, ужаснее всего Сабине показалась восьмилетняя девочка с кошачьими глазами.

– Почему такая жестокость?

– Похоть, алчность и кровожадность подобны соленой воде: чем больше пьешь, тем сильнее жажда, – ответила Тина.

Снейдер кивнул:

– В каждом убийстве есть зерно сумасшествия. Нужно остерегаться, чтобы не прорастить его. Какие вопросы мы должны

здать себе?

– С тех пор он совершил еще преступления?

Снейдер помотал головой.

– Насколько нам известно, нет.

– А до этого он уже убивал?

– Предположительно, нет.

– Однако эти фотографии напоминают мне... – Тина умолкла.

– Да? – Снейдер подошел ближе.

– То, как скомпонованы тела и пришиты друг к другу, напоминает мне серию убийств из восьмидесятых. Я тогда еще не родилась, но помню, что несколько лет назад читала об этом статью.

– Йохан Белок, – подсказал Снейдер.

По аудитории прокатился гул. Теперь некоторые начали припоминать. Сабина тоже вспомнила. Белок был лейпцигским детским врачом и одновременно сумасшедшим, который в восьмидесятых годах изувечил много людей в собственных домах. Но самостоятельно Сабина до этого не додумалась бы – она не была такой помешанной, как Тина, которая, очевидно, интересовалась подобными вещами в частном порядке.

Снейдер остановил диашоу и открыл с помощью пульта дистанционного управления другой документ. Это были потускневшие цветные снимки мест преступлений, которые со временем немного пожелтели.

– Мартинелли?

Тина прочистила горло.

– Я считаю маловероятным, что Белок после стольких лет снова активизировался.

– Я тоже, – отозвался Снейдер. – Белок уже пятнадцать лет сидит в отделении строгого режима исправительного учреждения в Вайтерштадте.

– Я склоняюсь к подражателю, – продолжила Тина. – Прослеживается очевидная эскалация по отношению к преступлениям Белока. Возможно, даже вызывающая беспокойство у самого преступника.

Снейдер прошел к своей кафедре.

– Первое важное замечание сегодня! А также причина, почему БКА взялось за это дело. Белока схватили в ГДР и пятнадцать лет

назад перевели в Вайтерштадт.

Сабина знала эту тюрьму особого строгого режима. Она находилась в сорока километрах к югу от Висбадена.

Снейдер хрустнул пальцами.

– Майкснер, продолжайте вы!

Блондинка поднялась.

– Соседи сообщили, что видели световые вспышки за опущенными жалюзи берлинской виллы. Я полагаю, что это были не выстрелы из пистолета, а вспышки фотоаппарата. – Она покосилась на Снейдера, который смотрел на нее безо всяких эмоций. – Преступник фотографировал свое произведение.

– Зачем фотографии? Почему он не снял видео? – спросил Снейдер.

– Метаморфоза семьи на диване, в обрамлении красной бархатной шторы, производит впечатление картины, написанной маслом. Фильм же – это нечто подвижное, поэтому он выбрал фотографию.

– Почему ему недостаточно собственных воспоминаний? – не отставал Снейдер.

– Потому что он... – замялась Майкснер, – хочет рассматривать фотографии и переживать деяние снова и снова?

– Неверно! Мартинелли?

Тина ни секунды не колебалась с ответом:

– Потому что он хотел поставить себя на место Белока и понять, что бы тот почувствовал, увидев в газете фотографии своего усовершенствованного творения.

– Вот причина! – воскликнул Снейдер. – Итак, нам известны четыре убийства Белока и это нелепое подражание. Следовательно, мы располагаем достаточными знаниями. Представьте себе это знание в виде фонаря на спине. Он освещает лишь тот отрезок пути, который мы уже преодолели. Но искусство состоит в прогнозировании. Будет ли он снова убивать? И если да, то с какой целью – из садизма или фетишизма?

Никто не ответил.

– Это был вопрос! Итак, кто за фетишистский мотив?

Сабина посмотрела по сторонам. Все руки взметнулись вверх.

Снейдер подошел к ее месту.

– Немез, вы не разделяете этого мнения? Почему?

– Покажите нам, пожалуйста, еще раз слайд номер семнадцать из предыдущего диашоу.

Снейдер остановил презентацию фотографий с мест преступлений Белока и включил снимки из берлинской виллы. Слайд номер семнадцать изображал восьмилетнюю дочь с серповидными зрачками сиамской кошки в глазницах.

– Лицо девочки почти черное от крови, пролитой вечером в воскресенье. Но отчетливо видны белые участки в складках вокруг глаз, потому что девочка зажмурилась. Это ее кровь?

Снейдер пристально посмотрел на Сабину.

– Да.

– Значит, она была еще жива, когда ей вырезали глазные яблоки. Он садист. Он ненавидел эту семью! Ненавидел их богатство, их бассейн, бильярдную и библиотеку – и он заставил их мучиться. Возможно, он убил мать последней и заставил ее смотреть, как расправляется с ее семьей.

Снейдер ослабил узел галстука.

– Правильно.

Затем он прошел к своей кафедре.

Тина подвинулась к Сабине и толкнула ее локтем в бок.

– Эй, круто.

Сабина считала, что это не круто, а грустно и одновременно ужасно. Она не хотела уметь проникать в голову убийцы, но как только видела фотографии с места преступления, это происходило автоматически.

– Серийный убийца – это тот, кто учится на собственном опыте. Поэтому будет все труднее поймать его. Какие методы мы могли бы применить в этом случае?

– Можно спровоцировать его сообщением в газете, – предложил Шёнфельд. – «Преступник-подражатель оскорбляет шедевр Белока!»

– Уже публиковали – с прессой так никто и не связался.

– Мы могли бы основать народную дружину, возможно, он вступит в нее, чтобы выяснить, сколько мы уже о нем знаем, – предложил Гомез.

– Это мы тоже уже делали – среди дружинников его не оказалось.

– В годовщину преступления можно опубликовать статью об убийстве и установить наблюдение за могилой семьи, – предложила

Тина.

Снейдер помотал головой:

– Никто не пришел.

Все молчали.

– Существует другой перспективный метод? – спросил Снейдер.

– Нет, – ответила Сабина.

Снейдер поднял бровь.

– Почему нет?

– Это же очевидно, что ни один из известных методов ничего не дал – иначе дело было бы уже раскрыто.

– Выскочка, – пробормотал кто-то на первом ряду.

Сабина проигнорировала комментарий.

– Вместо этого нам стоит проверить, не вступал ли кто-то в контакт с Белоком за последние пятнадцать лет.

– Вполне возможно. – Снейдер нажал кнопку на пульте управления и вывел на экран протокол посещения тюрьмы Вайтерштадт. – За все время своего заключения Белок принимал посетителей только семь раз. Пять раз в восьмидесятых годах к нему приходила жена, и два раза – мужчина четыре года назад.

У Сабины перехватило дыхание. Но не из-за фамилии посетителя, а потому, что она увидела подпись сотрудника БКА, который запрашивал протокол посещения. Эрик Дорфер. Дата – всего лишь четыре недели назад. Очевидно, Эрик работал над этим делом, но ей ничего уже не рассказывал. Раньше они всегда обо всем говорили.

– Лишь один-единственный посетитель вызвал интерес у следователей, а именно – берлинский гинеколог с хирургическими знаниями, который после своих визитов прислал Белоку в тюрьму еще письмо, – рассказывал Снейдер. – Мы проверили доктора Яна. Обыск дома, допрос, графологическая экспертиза – по полной программе. Некоторые улики говорили против него, поэтому был начат судебный процесс, который лично я считал преждевременным.

Снейдер раздал тонкие папки с досье, которое они быстро прочитали. Обсудив между собой факты, пришли к единогласному решению, что следов, которые указывали на гинеколога как убийцу, было недостаточно для обвинения.

Гomez резюмировал одним предложением то, что думали все:

– Улики выглядят чертовски фальшиво.

– Вытащите изо рта жвачку, когда разговариваете со мной! – приказал Снейдер.

Гomez невозмутимо завернул жвачку в бумагу.

– Все выглядит так, словно настоящий преступник следил за Белоком, чтобы выяснить, посещает ли его кто-то. А потом отправил Белоку письмо от имени этого посетителя. Тем самым он хотел подsunуть уголовной полиции убийцу... гинеколога доктора Яна. Тот просто оказался не в том месте не в то время.

Снейдер прищурился.

– Продолжайте!

– Я хочу сказать, визит в тюрьму и вскоре после этого убийства. Как-то слишком гладко. Черт возьми, все выглядит так, словно визит гинеколога стал удобным моментом для демонстрации преступления одержимого подражателя, чтобы мы подумали именно то, что подумали. И мы тут же на это покупаемся. На самом же деле нет никакого преступника-подражателя, а есть просто убийство берлинской семьи, которую кто-то хотел уничтожить.

– Прекрасно, вы можете снова жевать жвачку. – Снейдер кивнул. – Я разделяю такое мнение. Кто-то проложил хитроумный ложный след, чтобы отвлечь внимание от себя и сделать ответственным за убийства другого.

– Чем закончился судебный процесс? – спросила Тина.

– Судья Ева-Мария Ауэрсберг, которая, кстати, живет в Висбадене, вела заседание. К счастью, она распорядилась еще раз проверить улики. Берлинский гинеколог был оправдан. – Снейдер взглянул на часы. – Вы можете оставить все материалы себе, но не забывайте о соглашении о конфиденциальности, которое вы подписали. Еще вопросы есть?

Сабина, не раздумывая, подняла руку.

– Эрик Дорфер расследовал это дело?

Снейдер выключил видеопроектор.

– Это не важно.

– Я узнала его подпись на протоколе посещений, – сказала Сабина. – Что он выяснил? И почему в него... – Она почувствовала, как при этой мысли на глаза навернулись слезы, которые она тут же подавила. – Стреляли?

В аудитории зашептались. Некоторые обернулись к Сабине.

Снейдер не ответил.

– Если вопросов больше нет...

– У меня еще один, – перебила его Сабина.

Снейдер пристально посмотрел на нее.

– Пожалуйста.

– Итак, мы считаем, что кто-то расправился с берлинской семьей и в качестве преступника хотел презентовать уголовной полиции невиновного, который сам не более чем жертва. Но, возможно, берлинский гинеколог и есть настоящая цель убийцы, а растерзанная семья лишь средство на пути достижения этой цели.

Шепот в зале умолк. Похоже, все обдумывали слова Сабины. Даже Снейдер. Его голова была опущена, на лбу собрались морщины. Она буквально видела маленькие шестеренки под его лысиной, которые зацеплялись друг за друга, проворачивались и за секунды взвешивали за и против в этой теории. Наконец он поднял голову.

– Я соглашусь с вами, такая возможность существует, но я считаю ее маловероятной. Мы продолжим завтра – ровно в восемь часов.

После этого двухчасового семинарского марафона у Сабины гудела голова. Пока другие покидали аудиторию, она оставалась сидеть на своем месте, уставившись на Снейдера – тот как раз ответил на входящий звонок на смартфоне. Но Сабина его практически не видела. В мыслях она была с Эриком, который с простреленной головой лежал в реанимации госпиталя Святого Иосифа. Как только у нее появится свободная минута, она его снова навестит. Наконец она собрала свои учебные материалы и вышла из аудитории.

Тина стояла с Шёнфельдом, Майкснер, Гомезом и коллегами из другой аудитории. Похоже, у них образовалось что-то вроде группировки. Они негромко переговаривались. Когда Сабина подошла ближе, все умолкли.

– Сегодня вечером мы идем в столовую, а потом в город в какой-нибудь паб, – сказала Тина. – Ты с нами?

– Я...

В разговор вмешался Снейдер:

– Не сегодня. – Он убрал свой телефон и взглянул на Сабину. – Хесс хочет видеть вас в 19:00 в своем бюро.

Тина вытаращила глаза.

– Президент Хесс?

Снейдер проигнорировал ее. Взял Сабину за руку выше локтя и потащил за собой к лифту.

– Вы хотите со мной поужинать? – ехидно спросила она.

– Нет, Белочка. – Больше Снейдер никак не отреагировал на ее шутку. Хотя он понизил голос, кажется, некоторые студенты услышали ее прозвище.

– Больше никогда не упоминайте в академии фамилию полицейского, занимающегося каким-либо текущим расследованием, – прошептал он, когда они дошли до лифтов. – Понятно?

Сабина была ошарашена.

– Господи, да каждый мог прочитать его имя на экране.

– Но не каждый знает Дорфера. Я выдал вам разрешение на посещение, но это еще не означает, что вы должны трубить обо всем.

Сабина прищурилась. Сейчас она рассердилась не меньше Снейдера.

– Вы допустили ошибку!

Он выругался по-голландски. Затем притянул Сабину ближе к себе. Она уловила аромат ванильного чая, которым Снейдер пытался заглушить запах косяков. Видимо, он чувствовал себя погано, раз снова курил травку.

– Мне очень жаль, что это случилось с Эриком Дорфером. – Снейдер пристально посмотрел на нее. – В последнее время он работал над несколькими делами и...

– Над какими?

– Это конфиденциальная информация, но он вышел на новый след в деле Centipede незадолго до того, как неизвестный стрелял в него ночью. Все произошло в его кабинете в главном здании. Но это останется между нами, понятно?

Сабина кивнула.

– О'кей, – сказал Снейдер. – Так что, если у вас на этот счет появится детальная и обоснованная теория, только с глазу на глаз.

После того как Мелани Дитц переговорила с главным прокурором, который официально передал ей дело Клары, она

позвонила Хаузеру. Мелани разделяла его мнение, что это расследование должно находиться в ведении уголовной полиции Вены, и дала ему час времени, чтобы собрать специальную комиссию и назначить встречу-брифинг в офисе прокуратуры Венского земельного суда.

Когда Мелани ровно в 18:00 подошла к своему бюро, полицейские из Федерального ведомства по уголовным делам уже ждали в фойе. В команде был даже врач Клары. Остальных мужчин Мелани знала по прежним расследованиям. Среди них не было ни одного отца семейства и ни одной женщины! Она собрала бы совсем другую команду. Хотя прокуратура была основным ведомством, ведущим расследование, она все равно не имела полномочий самостоятельно выбрать следователей.

Мелани пригласила команду к себе в бюро.

– Господа, спасибо, что пришли.

Она села.

Мужчины расположились за столом для посетителей. Секретарь Мелани принесла кофе и минеральную воду. Шейла ушла в свой угол, полакала воды из миски и легла на свою подстилку. Она привыкла к совещаниям в офисе.

– Мы ведем расследование против неизвестного преступника, – открыла Мелани собрание и посмотрела на врача. – Есть какие-то новости по состоянию Клары?

– Мы имеем дело не с обычным сексуальным маньяком. Не считая татуировок, она не подвергалась другим истязаниям. Признаков изнасилования тоже нет.

– Необычно... – вслух подумала Мелани. – Что насчет татуировки?

– Некоторым один год, другим несколько месяцев, пара совсем свежих. Тело десятилетней девочки развивается, меняется. Оно растет, а вместе с ним и татуировки на спине.

Мелани пришла в голову абсурдная мысль.

– А это могло быть причиной, почему ее целый год держали в заключении?

– Чтобы посмотреть, как изменится рисунок на ее коже? – Врач покачал головой. – Возможно.

Мелани требовательно посмотрела на Хаузера, и тот записал это в своем ноутбуке.

– Ее нашли в запущенном состоянии, грязную, со свалывшимися волосами, организм был обезвожен, в крови наблюдался недостаток сахара; похоже, она провела целый год без солнечного света. Кроме того, от побега у нее остались ссадины и резаные раны. Сильного истощения нет, она почти ни к чему не притрагивается, за исключением ветчины, – но в целом физическое состояние хорошее.

– А психическое?

– Она травмирована, по-прежнему не говорит ни слова и еще неделю будет находиться под интенсивным наблюдением врачей, пока не покинет больницу.

– Хорошо. Завтра утром в прессе появятся первые сообщения о Кларе, но мы будем и дальше оберегать ее от СМИ. Никаких фотографий, никаких интервью.

Мужчины единодушно закивали.

– Нам нужен дополнительный персонал службы безопасности в больнице.

– Я уже распорядился, – сказал Хаузер.

– Что нам известно о татуировке?

Хаузер прочистил горло.

– Это мотив из «Ада» Данте.

У Мелани по спине пробежал мороз. Значит, она не ошиблась с предположением.

– Детали?

– «Ад», первая часть «Божественной комедии» Данте, состоит из множества песен. Около 1300 года к каждой из песен была нарисована картина. Маслом на деревянных досках. Итальянский художник покончил с собой в сорок лет. В восьмой песне описывается... – Хаузер бросил взгляд в ноутбук, – пятый круг Ада с болотом, в котором мучаются гневные души. Татуировка на спине у Клары точно воспроизводит этот мотив.

Было странно слушать культурно-исторические детали из уст невежды в области искусства. Но, похоже, он выполнил свое домашнее задание.

– Значит, существует еще семь изображений, – пробормотала Мелани, и эта мысль испугала ее. – Сколько песен всего?

– Тридцать четыре.

– Вот дерьмо, – вырвалось у нее.

Мужчины молчали. Видимо, все думали об одном и том же. Возможно, это расследование лишь вершина айсберга.

– Я хочу, чтобы вы просмотрели список всех пропавших детей и подростков за последние пять лет, – сказала Мелани. – Может быть, вы найдете взаимосвязь.

– Это длинный список, и в случае нелегально въехавших детей нам часто не хватает...

– Я знаю, все равно проверьте, – перебила его Мелани. – А сейчас расскажите мне что-нибудь о результатах розыска, проводимого год назад, когда Клара пропала.

Хаузер потерял узел галстука.

– Вы сами знаете, что расследовать преступление, совершенное на природе, сложнее, чем преступление в помещении, где сохранились все следы. – Прозвучало как дешевое оправдание тогдашнего провала Хаузера.

– Да, это и так ясно, избавьте меня от пустословия. Какие факты годичной давности у нас имеются?

– Клара исчезла больше года назад, двадцать пятого августа. В последний раз ее видели в Нойвальдегге, примерно в трех километрах от того места, где она была обнаружена вчера. – Хаузер разложил на столе план Вены и показал Мелани место.

Нойвальдегг находился на северо-западе города и граничил с Венским Лесом. Огромная территория. Клара жила поблизости. Так что она была похищена всего в нескольких сотнях метров от дома.

– Что вы тогда предприняли?

– За год до этого в лесу был найден труп в пластиковом пакете. Румынская девочка примерно Клариного возраста, и у нее на спине отсутствовал участок кожи между затылком и копчиком. Мы отработывали в том числе и этот след, потому что предполагали связь между исчезновением Клары и мертвой румынкой.

– Как оказалось, подозрение было не таким уж абсурдным, – пробормотала Мелани.

– Мы начали акцию, чтобы найти педофилов, которые интересовались татуировками.

– Да, верно. – Мелани припоминала. Уголовная полиция Вены опубликовала в Интернете сайт, предлагавший снафф-видео^[2] с татуированными малолетними, и запустила его в соответствующих кругах. После анонимной регистрации и перевода девяноста девяти евро на счет в Маниле обещанный материал с детской порнографией должен был быть доступен для скачивания. Разумеется, до этого ни разу не дошло.

– Что удалось выяснить в итоге? – спросила Мелани.

– На наш сайт вышло около семидесяти клиентов, которых мы смогли проверить через операторов кредитных карт и по IP-адресам. Строители, водители мусоровозов, менеджеры, налоговые консультанты, но также учителя, детские воспитатели и социальные работники. Только мужчины, представители всевозможных профессий. Было даже пять IP-адресов из Ватикана, но ни за одним из них не скрывался похититель Клары. Мы просто пригрозили им денежным штрафом.

– Нужно еще раз внимательно изучить этих типов.

– Двое моих людей уже занимаются этим.

– Хорошо, а что с Нойвальдеггом?

– Перевернем его в ближайшие дни. Можно только предполагать, как долго Клара бежала и в каком направлении. Мы работаем в радиусе полутора километров от места ее обнаружения.

– Увеличьте до трех!

– Для этого у меня парней не хватает.

– Тогда возьмите женщин!

– Простите?

– Возьмите студентов Полицейской школы или запросите помощи у пожарной службы. Кроме того, я хочу, чтобы вы работали также по ночам и прочесали лес с поисковыми собаками.

– Что вы надеетесь найти?

– Я надеюсь ничего не найти, но, возможно, мы наткнемся на еще один труп девочки в пластиковом пакете. – На этом тема для Мелани была закрыта. – Что тогда дал опрос соседей Клары?

Хаузер вымученно улыбнулся.

– Ничего. Знаете, что нам рассказали соседи? Брайншмидты жили уединенно, но некоторые соседи жаловались, что целый год испытывали проблемы с беспроводным Интернетом, но так и не

смогли установить причину. Лишь после исчезновения Клары Интернет в этом районе снова заработал безупречно.

– Один и тот же провайдер?

Хаузер помотал головой:

– Разные.

– Странно, – вслух размышляла Мелани. – У вас есть предположение, в чем могло быть дело?

– Честно говоря, у меня не было достаточно людей, чтобы заниматься этим.

– О'кей, что-нибудь еще?

Хаузер вновь помотал головой.

– Соседи не замечали ничего необычного.

– Вы допросили тогда Рудольфа Брайншмидта?

– Конечно. У него было алиби.

Мелани насторожилась.

– Мать Клары умерла за неделю до этого, а у него было алиби на момент похищения? Кто присматривал за Klarой?

– Никто. Она играла одна на детской площадке рядом с домом. Брайншмидт собирался заехать за ней через час, после того как заберет машину из автомастерской.

Это просто невысказано! Насколько бессердечным нужно быть, чтобы на несколько часов оставить десятилетнего ребенка, который только что потерял свою мать, одного на детской площадке? К тому же недалеко от леса, где недавно нашли закопанный труп румынской девочки.

– Когда Клара сможет увидеться со своим отцом? – спросил врач.

– Ее отец мертв, – резко ответила Мелани. Господи, он был таким добросердечным человеком.

– Я имел в виду Рудольфа Брайншмидта. Он теряет терпение, и я не знаю, сколько мы еще сможем тянуть время.

Мелани задумалась, подыскивая правильные слова.

– Я не уверена, пойдет ли эта встреча Кларе сейчас на пользу.

– Вы подозреваете Брайншмидта, верно? – предположил Хаузер.

Конечно. Это был самолюбивый говнюк и ее подозреваемый номер один. Но если она признается в этом, то главный прокурор тут же заберет у нее дело, она даже приказ об аресте произнести не успеет.

– Что вы выяснили о Брайншмидте? – спросила она вместо ответа.

– За три года до этого он познакомился с матерью Клары, женился на ней и удочерил ее дочь.

– Удочерил? – вырвалось у Мелани. – Тем самым Ингрид отказалась не только от пенсии вдовы, но и от пенсии по сиротству для Клары?

Хаузер кивнул.

– У Рудольфа Брайншмидта свой магазин электротоваров на краю города, который приносит неплохой доход.

Мелани с трудом произнесла следующий вопрос, но она поклялась вести расследование объективно и без эмоций.

– От чего умерла мать Клары?

Хаузер взглянул на своих людей, те посмотрели на врача.

– Насколько я знаю... – Доктор откашлялся. – Ее привезли в Общую больницу Вены с нарушениями сердечного ритма... Возможно, инфаркт.

– «Возможно»? Выясните это для меня, пожалуйста.

– Без постановления суда невозможно получить доступ к медицинским картам каких-либо пациентов.

– Попробуйте. – Мелани собрала свои документы. – Есть еще вопросы?

Никто ничего не сказал. Шейла наострила уши. Она чувствовала, что совещание закончилось.

8

Несмотря на яркие указатели, путь по этажам и стеклянным коридорам Федерального ведомства уголовной полиции был настолько запутанным, что даже собака-ищейка заблудилась бы по дороге в бюро президента Хесса. В некоторых углах пахло штукатуркой, малярной краской и силиконом, и было件нятно, что недавно установили дополнительные видеокамеры.

У Сабины было время, чтобы переодеться, и она выбрала свой стильный темный костюм. Наконец-то найдя путь к кабинету Дитриха Хесса и поднимаясь в лифте, она подумала о коротком телефонном

разговоре, который незадолго до этого состоялся у нее с доктором Лауренцом Беллом из Висбаденского госпиталя Святого Иосифа.

Назвав свой служебный номер, Сабина представилась сотрудницей БКА и одновременно подругой Эрика Дорфера и сделала вид, что у них отношения. Иначе ей было никак не заполучить информацию. Кроме того, ее запомнили охранники; и, видимо, этого оказалось достаточно доктору Беллу. Чем больше он рассказывал об Эрике, тем сильнее у нее сжимался желудок. «Пуля повредила несколько сосудов и все еще находится в голове. Кровь из раны попадает в мозг и давит на нервные ткани, из-за чего возникает дополнительный отек, который в свою очередь давит на ствол головного мозга». Пока дыхательный центр не заблокировался, врач вынужден был ввести Эрика в искусственную кому и понизить температуру тела до 34 градусов, чтобы отек спал. Сабина очень надеялась, что врачи в отделении реанимации знают, что делают.

Раздался звуковой сигнал, и двери лифта открылись. Кабинет Дитриха Хесса находился в конце коридора. Его секретарша сразу же провела Сабину к нему. Стены кабинета были облицованы угнетающим красным деревом. Зеленая лампа для чтения давала немного света, и пахло трубочным табаком.

– Входите. – Хесс откинулся в своем высоком кожаном кресле. Он не встал, чтобы поприветствовать Сабину, не протянул ей руку.

Она подошла ближе. На его столе стояла рамка с фотографией привлекательной платиновой блондинки, вероятно, жены Хесса. Рядом с телефоном лежала папка, на которой значилась фамилия Сабины.

– Садитесь. – Голос Хесса напоминал ворчание собаки.

Сабина опустилась на мягкое кожаное кресло и утонула в нем. Так как она с детства была маленькой, а Хесс имел крупное телосложение, то он смотрел на нее через стол сверху вниз. На вид ему было лет шестьдесят. Возможно, чуть больше. Такие типы, как он, просто так не уходят на пенсию.

– По направлению «Криминалистический анализ и судебная психология» в академии есть два курса. Один ведет Снейдер, другой – Вессели. – Дитрих Хесс внимательно на нее посмотрел. – Когда несколько дней назад вы узнали о том, что приняты в академию, вы единственная не захотели указать предпочтения. Все остальные подали заявление на курс Снейдера. Почему? – У Хесса были короткие седые

волосы, пронизательный взгляд и харизма, которая без жестикуляции и ненужных слов сразу давала понять, что все будет только так, как он распорядится.

– Я была рада, что вообще получила какое-то место в академии.

– Вы не хотели на курс Снейдера? – Его тон был не очень доброжелателен.

– Хотела.

– По какой причине?

Сабина чувствовала себя как на допросе.

– А вы других спросите, почему они хотели к Снейдеру, – предложила она.

– Это не обязательно. Я сам могу ответить вам на данный вопрос, – сказал Хесс. – Снейдер эксцентрик. Он пользуется определенной репутацией, которая, конечно, распространяется среди студентов. В этом году, как всегда, из всех претендентов Снейдер отобрал желаемых кандидатов, в том числе и вас, но я, как всегда, определил к нему на курс самых отчаянных бунтарей. И, конечно, вас, потому что вы точно подходите под это описание.

Его голос прозвучал так, словно это решение доставило ему большую радость.

– Но я вовсе не хотел унизить или оскорбить его. Это не мой стиль, а Снейдера. Но вы скоро и сами узнаете.

«Спасибо за совет». Этот урок она уже выучила в прошлом году. Но она также видела, как точно и эффективно работает Снейдер.

Пиджак Дитриха Хесса висел на спинке его кресла. Рукава рубашки были закатаны. Он оперся локтями о стол.

– Хотя я снабжаю его упрямыми всезнайками, после его курса выпускаются самые компетентные сотрудники. Еще несколько лет назад нашим лучшим преподавателем был Конрад Бессели, но Снейдер доработал и усовершенствовал метод Вессели. Я не знаю, как Снейдер это делает, но у него самый высокий процент раскрываемости и он создает самые точные психологические портреты преступников. Доля попаданий почти невероятна.

Хесс изучал ее поверх своих очков для чтения.

– В любом случае не будьте столь наивны и не думайте, что вам полагается какой-то бонус, потому что в прошлом году вы со Снейдером раскрыли серию убийств. Лишь потому, что вы

воспитанница Снейдера и он ходатайствовал за вас, у вас здесь нет никаких преимуществ.

Воспитанница? Кровь ударила Сабине в голову. Что он вообще думает?

Очевидно, эмоции отразились у нее на лице, потому что Хесс самодовольно улыбнулся.

– Так что не надейтесь, что Снейдер и впредь собирается прокладывать вам путь. Он не будет этого делать.

Что касается «воспитанницы» и «прокладывать путь». Снейдер только что отчитал ее как сопливую пацанку.

– Почему вы вообще приняли меня в академию?

– Потому что мне уже начали действовать на нервы ваши бесконечные заявления, которые...

– Которые постоянно отклонялись, – перебила его Сабина.

– И в этот раз повторилось бы то же самое, но я был в долгу перед сукиным сыном. Почему он решил потратить его именно на вас, мне до сих пор неясно.

Похоже, дипломатия не являлась сильной стороной Хесса. То, что он был обязан Снейдеру, тот упоминал уже в прошлом году, как и то, что они с Хессом люто ненавидели друг друга. Но деталей Сабина не знала.

– Только не думайте, что вам не нужно выдавать те же результаты, что и другим. Если не сможете выложиться на сто процентов, последуйте, по крайней мере, принципу благоразумия и вернитесь в Мюнхен, чтобы избавить себя от позора поражения.

«Что? О чем это он?» Она всего на десять минут опоздала на последнее занятие, потому что звонила в госпиталь. И уже оказалась в эпицентре борьбы за власть между Снейдером и Хессом. Видимо, Хесс хотел избавиться от нее, чтобы посадить Снейдера в лужу.

– Я не хочу, чтобы в БКА работали люди, которые не справляются с задачами и исполняют свои обязанности без убежденности. В конце концов, я также отвечаю здесь за безопасность.

– Но это не особо помогло Эрику Дорферу, – вырвалось у нее.

Хесс поднял одну бровь.

– Вы в курсе?

– Мы друзья, и я знаю, что в него стреляли в кабинете в служебное время.

– Я дам вам один совет: не стоит рассказывать об этом в кампусе, лучше сконцентрируйтесь на учебе. Я твердо уверен, что работу в БКА нужно заслужить.

Сабина прищурилась.

– Если вы намекаете на то, что я не проходила процедуру отбора, то могу вам лишь сказать, что это не было моим решением. Я готова в любой момент выполнить эти тесты...

– Знаю, знаю. – Он поднял руки. – Снейдер устроил это для вас, и я не собираюсь ничего менять. Теперь мы со Снейдером квиты. Но я лично буду проверять, соответствуете ли вы на сто процентов всем требованиям. Однако, если вы, как перешедшая из оперативного отдела полиции, чувствуете, что не доросли до новых задач, то всегда можете вернуться на старое место службы в Мюнхен, где будете расследовать кражи сумочек в пешеходной зоне.

Вот так, значит, Хесс думает о ней? К счастью, в дверь постучали, прежде чем у Сабины вырвалось то, о чем она потом пожалела бы.

Вошла секретарша.

– Дитрих, пришли господина из Рейн-Майн-Халле^[3], они хотят поговорить с тобой насчет празднования шестидесятилетия.

Хесс улыбнулся.

– Спасибо, одну минуту.

Секретарша исчезла, и черты лица Хесса снова окаменели.

– Я думаю, вы все поняли, так?

Сабина кивнула. Да, она все поняла.

– Если у вас больше нет вопросов, я предлагаю...

– Вы, наверное, думаете, что имеете дело с глупой деревенской девчонкой, – перебила она его. «Нет, не делай этого», – затрещали сигнальные звоночки у нее в голове. Но было уже поздно. Она начала предложение и договорит его до конца.

Сабина поднялась с кожаного кресла и теперь смотрела на Хесса сверху вниз.

– Но я взрослая женщина. Как и вы, я видела немало страданий и дерьма в этом мире и сама могу оценить свои силы... и у меня больше нет вопросов.

Сабина вышла из здания БКА, прошагала по улице и попала на территорию кампуса. Сейчас ей больше всего хотелось сорвать с себя

свой черный костюм и поколотить по боксерской груше в фитнес-центре. На табличке стояли часы работы зала. Понедельник – пятница, с 08:00 до 19:30. Она подергала дверь, но центр закрылся пять минут назад.

Ей нужно было как-то выпустить пар. Бассейн и спортзал для занятий джиу-джитсу тоже были закрыты. Сабина прошагала мимо библиотеки, конференц-зала и помещения для стрельбы. Стены из красного кирпича и пол, выложенный коричневой плиткой, напоминали ее детский сад. Как и мансардные окна, и стеклянные стены во внутренний двор, через которые проникал свет вечернего солнца. Но в отличие от детского сада академия располагалась в ультрасовременном здании с видеокамерами под потолком и автоматическими стеклянными дверями. «Территория находится под видеонаблюдением». Ей пришлось взять себя в руки, чтобы не ударить кулаком по одной из таких табличек.

Сабина знала, что за студенческим общежитием находится лес с учебным полигоном. Там для военно-спортивной группы была организована площадка для паркура, которой можно было пользоваться по вечерам. Сабина прошла мимо кухни и прошагала через столовую. Это был самый короткий путь к общежитию. Может, позволить себе бутылку пива, прежде чем начать пробежку по лесу в кроссовках и термосвитере. По крайней мере, это остудит ее и вернет на землю.

Перед входом в столовую несколько рабочих стояли на лестницах и укладывали под потолком длинный кабель, видимо, чтобы установить еще больше дополнительных камер. Но тот, кто стрелял в Эрика, вряд ли настолько сумасшедший, чтобы еще раз атаковать на этой территории.

Вдруг замигал верхний свет.

– Вот дерьмо, – выругался один рабочий.

Все посетители столовой посмотрели в сторону Сабины. Как Тина и сказала, здесь действительно были ее коллеги. Но и несколько студентов из других курсов: фонетисты, лингвисты и ребята с направления «Криминалистическая техника».

Тина заметила Сабину и помахала ей, подзывая к столу, за которым также сидел и Гомез, ковыряя вилкой еду в своей тарелке.

Шёнфельд, с самоуверенной улыбкой на губах, заигрывал с Майксер. Та успела переодеться в белую обтягивающую футболку.

Подойдя ближе, Сабина услышала, как ее коллеги рассказывали истории из своих прежних рабочих будней. Видимо, они пытались переплюнуть друг друга, соревнуясь в том, кто нашел самый ужасный труп и раскрыл самое сенсационное убийство. Только Тина, которая только что закончила университет, слушала без комментариев.

– Привет, Белочка! – подколот Шёнфельд, когда Сабина встала перед их столом. – Как прошла встреча с президентом? Разрулила все, как обычно?

– Что значит – как обычно?

– Говорят, что ты давно знаешь Снейдера.

Приходить сюда было плохой идеей. По какой-то причине – Сабина еще не выяснила, по какой именно, – она была для этой группы, возможно, за исключением Тины, как бельмо на глазу.

– Расскажи, зачем ты ходила к Хессу? – спросила Тина, видимо пытаясь разрядить обстановку.

– Как зачем? – перебила ее Майксер. – Когда это случилось, чтобы бурундук из оперативного отдела попадал в академию?

Сабина промолчала. Ей было очень хорошо знакомо презрительное прозвище бурундук для коллег в синей униформе с погонами. Видимо, и здесь, среди всех этих гениев, ей тоже нужно привыкать к данному понятию.

– А кто сказал, что ты справишься? – наехала Тина на блондинку.

– Не смей меня, малолетка! После вот этого гения... – Майксер похлопала Шёнфельда по плечу, – на нашем курсе больше всего мозгов у меня. И я не думаю, что та, которая раньше занималась подготовительными работами на улице, доросла до криминалистического анализа. – Майксер бросила на Сабину пренебрежительный взгляд. – Разве что у нее связи.

Сабина не ответила. В одном Хесс был прав: он действительно запихнул на курс Снейдера всех бунтарей, хвастунов и умников. Но никто из них не знал, что в Мюнхене она посетила все возможные курсы повышения квалификации и профессиональные семинары, чтобы больше не протоколировать кражи сумочек в пешеходной зоне.

– Откуда вы вообще взяли эту чушь? – спросила Тина.

Гомез отложил вилку.

– Очень просто, – вмешался он в разговор. – Любимице Снейдера не нужно было сдавать вступительный тест, и она прошла процедуру отбора вот так запросто. – Он щелкнул пальцами. – Видимо, она знает не только Снейдера, но и этого Эрика Дорфера и, конечно, президента. Удивительно, чего можно добиться с протекцией, в то время как нам здесь приходится надрывать задницу.

Некоторые из сидящих за другими столами посмотрели на них.

– Похоже, ее даже не мучают угрызения совести, что из-за нее кто-то лишился учебного места, – констатировала Майкснер так, словно Сабины здесь нет.

Класс! Но было и без того ясно, что ее высокоодаренным коллегам понадобится один день, чтобы понять, что это Снейдер предложил ее на эту учебную программу.

– Значит, у Снейдера есть на то причины, – заявила Тина.

– Оставь, – сказала Сабина. Не было никакого смысла оставаться здесь и оправдываться. Даже если от этих упреков у нее раздувались шейные артерии. Места в академии были действительно ограничены, особенно по направлению «Криминалистический анализ». Бесило лишь то, что все думали, будто Снейдер ее как-то выделяет, а с Хессом она прекрасно ладит. Как бы не так!

– Думайте, что хотите, – ответила Сабина. – Желаю вам хорошего вечера. – Как будто ей больше нечего делать, как препираться со своими так называемыми коллегами. Она развернулась и услышала, как Тина встала и тоже покинула группу.

– Да они просто боятся, что ты можешь оказаться умнее их.

– Мне так не показалось, – сухо ответила Сабина. – Почему ты не осталась с ними?

Тина спокойно отреагировала на вопрос.

– Хочу дать шанс посплетничать и обо мне за спиной.

– А сейчас серьезно! – потребовала Сабина. Чего Тина от нее хочет?

– Сегодня мой первый день здесь. Я только сейчас поняла, что это самовлюбленные позеры.

– Ты действительно из Палермо?

– Я провела там первые десять лет. Вначале все думали, что я мальчик. Плевать! Я здесь никого не знаю.

– Не повезло. Я тоже никого не знаю, спокойной ночи.

Тина скривила лицо.

– Ты ведь не собираешься к себе в комнату?

– Я бы сейчас с удовольствием как следует позанималась в спортзале, а потом поплавала бы. Возможно, пойду вместо этого на пробежку.

Тина пихнула ее локтем в бок.

– Эй, ты не единственная, у кого есть связи. Я знаю вахтера из главного здания.

– Фальконе?

Тина ухмыльнулась.

– Он из Италии, *capisci*?^[4]

– *Capisco!*

– Он может открыть нам зал.

9

В двадцать часов в отделениях Венской больницы, погруженных в матовый неоновый свет, царил абсолютный покой. Последние посетители только что ушли. Рядом с ночной медсестрой за стойкой на шестом этаже сидел охранник. Мелани Дитц показала свое удостоверение, хотя мужчина ее уже знал. Ни он, ни медсестра не сказали ничего по поводу того, что она держала в руке большую плюшевую игрушку коричневого цвета, а рядом бежал золотистый ретривер.

Мелани направилась в отделение психиатрии к палате Клары, перед которой стоял еще один охранник. Тот лишь бросил быстрый взгляд на собаку.

Мелани показала ему свое удостоверение.

– Она спит?

Он помотал головой:

– Смотрит телевизор.

Мелани прислушалась. Из-за двери доносился голос Хлеба Бернда^[5]. Она осторожно постучала. Потом приоткрыла дверь и сначала впустила Шейлу. После вошла сама.

При виде собаки Клара соскочила с кровати. На ней была голубая пижама в цветочек. Горел ночник, и работал телевизор.

Пока Клара гладила собаку и обе, как старые друзья, терлись друг о друга носами, Мелани убавила громкость детской передачи. Она подошла ближе, дала Кларе немного времени, а потом протянула ей мягкого плюшевого пса с висячими ушами и желтыми глазами-пуговицами.

Девочка удивленно рассматривала мягкую игрушку.

– Я знаю, что раньше у тебя был такой, – пояснила Мелани. – Я попыталась найти похожего. Того звали Феликс, верно? Если хочешь, он твой.

Губы Клары разомкнулись.

– Феликс...

Мелани умело скрыла удивление.

– Можно? – спросила она и присела на кровать Клары.

Шейла положила морду на матрас и посмотрела на Клару искренними глазами.

Девочка автоматически коснулась собаки и почесала ей за ухом. Шейла от удовольствия заурчала.

– Шейла... – прошептала Клара.

Мелани улыбнулась.

– Ей нравится, когда ты произносишь ее имя.

– Это Феликс. – Другой рукой Клара притянула к себе плюшевого пса. Казалось, что она хочет прижать к себе животных, чтобы те защитили ее.

– Ты золотистый ред ривер? – спросила она собаку.

– Золотистый ретривер, – поправила Мелани.

Клара не отреагировала на замечание Мелани.

И тут Мелани пришла в голову спонтанная идея. Она искадила голос.

– *Я золотистый ретривер.*

Клара прислушалась.

– *Но не чистой породы, как другие, а помесь... во мне есть немного и от волка.*

– Ты можешь сегодня ночью остаться у меня?

– *Я должна спросить хозяйку,* – сказала Мелани.

Шейла раздраженно взглянула на Мелани, потому что еще никогда не слышала, чтобы та говорила искаженным голосом.

– О, пожалуйста, – умоляла Клара.

– Я думаю, она не против. Но мне необходима еда, а рано утром мне нужно на улицу... Ну, ты понимаешь.

– Да, я понимаю. – Клара смущенно захихикала. – Но твоя хозяйка может забрать тебя рано утром. Ты можешь спать здесь на этом покрывале. Кроме того, у меня для тебя кое-что есть. – Клара открыла ящик прикроватной тумбочки. – Я припасла это для тебя... ветчина и сыр.

– Сыр можешь съесть сама, а ветчина пахнет вкусно.

Клара протянула собаке ветчину, которую та жадно схватила.

– Совсем неплохо, у тебя еще есть?

– Да, момент. – Клара порылась в тумбочке.

Пока Шейла жевала ветчину, Клара скатала сыр в трубочку и сунула себе в рот.

– А где ты была так долго?

Клара немного помолчала.

– Я не помню.

– Не думай больше об этом. В любом случае сегодня ночью я останусь с тобой, здесь ты в безопасности.

– Спасибо. – Клара опустила голову на подушку и заглянула собаке в глаза. – Надеюсь, мужчина в огненно-красной маске больше никогда не придет.

Первые врата Ада

«Любое начало тяжело. Разве не так говорится? Так оно и есть. Первые надрезы, вспарывание, отделение, вычищение, расчленение. Много частей, много крови. Уже скоро мой мир превратится в сплошное вязкое болото. Но я принимаю все это. Как-никак я долго это планировал, готовился и, наконец, решился. Крики становятся громче, как только я врезаюсь в их плоть. Без глаз они не могут видеть меня, и у них нет языков и губ, чтобы выговорить слова, но из их глоток вырываются вой и вздохи. Скоро я положу всему этому

конец одним аккуратным разрезом, но сейчас заставляю себя успокоиться.

Я хочу сделать это точно так, как он тогда. Но как только он выносил крики и многочасовые слезы? Меня раздирают сомнения. Я не такой, как он, мне не хватает убежденности, необходимости и призвания сделать это.

Но иначе зачем я здесь? Я должен закончить это.

Наконец крики умолкают. Грудь поднимается, сердце слабо бьется еще два раза, дыхание утихает. Конечности цепенеют, остывающие тела оседают.

Наконец возвращается покой. У меня в голове становится тихо. Спокойной рукой я начинаю работать. Нет никого, кто мог бы отвлечь меня. Никого живого, кто спутает мои мысли. Я уже на правильном пути.

Сначала я меняю глаза, чтобы они больше не смотрели на меня. Они становятся моими творениями. Я властвую над ними и могу формировать их по собственному желанию. Я лишаю их улыбки и меняю им рты.

Спокойствие, с которым они терпят мою работу, дает мне необходимую силу и вдохновение для новых творческих путей. Я знаю, что еще в самом начале всех возможностей. Скальпель может разделить все именно так, как я хочу, и сделать то, что представляется мне в моем всесилии.

Скоро мое сознание отключится. И начнется безмятежное творчество. Я создаю нечто новое, как в бреду, формирую и леплю, словно в горячке. Наверное, так чувствовали себя Да Винчи или Роден, когда опускали руки в мягкую, податливую массу созидания.

Моя фантазия не знает границ. Каждая часть тела объединяется в одно целое. Метаморфоза происходит словно сама собой. Я просто ее инструмент. Она подчиняет меня себе, и я дарю ей безумие, боль и смерть.

В моих руках сменяются скальпель и игла, нитки и проволока. Стекло лампочек, кукольные суставы, столовые приборы из ящика, гвозди из шкафа для инструментов... Уже скоро не существует никаких границ, и общая картина улыбается многочисленными новыми ртами и смотрит многими, многими глазами.

Мое произведение не от мира сего. Я перешагнул эту границу, бросил взгляд в темноту, открыл свою душу вдохновению и создал непостижимое новое воплощение. Через него я стал бессмертен.

Я черный Бог Ада.

Как я только мог сомневаться в себе?

Мои начальные угрызения совести утихли. Важно лишь, чтобы он увидел, что все выполнено, и чтобы они поверили, что это сделал кто-то другой».

II. Вторник, 3 сентября

*Чем плотнее
толпа людей, тем
быстрее
распространяется
эпидемия Зла, тем
продуманнее и
ужаснее его
средства, тем
очевиднее его
решительность.*

Теодор Рохолл

10

На ночь Мелани сдвинула два плетеных кресла в больничном зале для посетителей и спала там. Все это время Шейла спокойно лежала в палате Клары. На следующее утро Клара и Шейла вместе позавтракали, затем Мелани отправилась со своей собакой в ближайший парк, где даже оказалась площадка для выгула с поилкой.

Пока Шейла носилась, Мелани набрала номер мобильного Хаузера. Тот сразу ответил.

Мелани взглянула на наручные часы. Было 7:30.

– Разбудила?

– Нет, я уже давно встал, – простонал он. – Что нового?

– Это я вас хотела спросить. Для меня есть какие-нибудь новости? – Мелани услышала отдаленные голоса.

– Студенты полицейской школы с ищейками нашли сегодня утром труп девочки в Венском Лесу.

– И вы даже не позвонили мне?

– Мы еще не знаем, имеет ли это какое-то отношение к нашему делу.

– Где именно?

Хаузер помолчал.

– У источника Агнессы. Это...

– Я знаю, где это, – перебила она его. – Примерно в трех километрах от того места, где была найдена Клара.

– Да, – проскрипел Хаузер.

Значит, ее решение удвоить радиус оказалось верным.

– Вы уже знаете что-нибудь о мертвой?

– Нет, сотрудники экспертно-криминалистической службы как раз выкапывают ее.

– Спасибо, отличная работа. – Мелани положила трубку и свистнула. Шейла тут же подбежала к ней, и Мелани взяла ее на поводок. Собака бросила на хозяйку полный ожидания взгляд.

– Мы едем в лес.

Трактир «У источника Агнессы», исходный пункт многочисленных любителей пеших маршрутов, был в это время еще закрыт. Однако на парковке стояло машин шесть, все принадлежали Венской уголовной полиции и Федеральному ведомству по уголовным делам.

Мелани припарковала свой автомобиль рядом с другими и вышла наружу. Солнце еще пряталось за дубами, которые отбрасывали длинные тени. Мелани знобило. Она накинула жилетку и открыла заднюю часть кузова, где Шейла мирно спала на противоскользящем коврикe. Она взяла собаку, которая немедленно проснулась, на поводок и направилась с ней через парковку к лесной дорожке – полиция уже маркировала ее белой оградительной лентой с двумя красными полосами.

Ей навстречу из леса вышел Хаузер, разговаривая по телефону. Как только он увидел ее, сразу сунул сотовый в карман.

– Что вы здесь делаете? Это дело еще не ваше.

– Это я вам скажу, как только взгляну на спину трупа... и, между прочим, доброе утро!

– Доброе, – буркнул он. – У вас других дел нет?

– Три, если быть точной, – но они близятся к завершению, там осталась только бумажная война.

Хаузер был небрит, и от него пахло кофе. Галстук криво повязан, к ботинкам прилипла грязь и листва. Похоже, он здесь с самого раннего утра.

– Как далеко в лесу нашли девочку?

– У старого источника Агнессы, примерно в пяти минутах ходьбы отсюда. Вообще-то, я собирался сейчас допросить владельца трактира.

Она проскользнула под оградительной лентой и взяла Шейлу на короткий поводок.

– Тогда я вас не задерживаю.

Хаузер пробормотал что-то невнятное и последовал за ними. При этом он подозрительно посмотрел на Шейлу, но ничего не сказал.

– Если бы я знал, что вы тут же появитесь здесь, то даже не упомянул бы о находке. Я задаюсь вопросом, зачем вы сюда приехали.

Мелани остановилась.

– Черт побери, в чем ваша проблема?

Шейла наострила уши, услышав резкий тон Мелани.

– Могу вам объяснить. – Хаузер поднял плечи. – Я хотел бы работать с непредвзятым прокурором.

– По-вашему, я не такая?

– Вы знаете Клару и дружили с ее умершей матерью.

– Боже мой, вы себя вообще слышите? – Мелани пошла дальше. – Прокуроры имеют право братья за дела, даже если лично знают жертву.

– Ради бога, но мать Клары была вашей лучшей подругой. Этот случай задел вас эмоционально, и вы считаете, что должны контролировать каждый мой шаг.

– И это вас беспокоит?

Хаузер ничего не сказал. Этот мерзавец подслушивал под дверью, когда она была у Клары в больнице. Разумеется, ему гораздо милее был бы другой прокурор, который будет неторопливо вести дело. Между тем и Хаузер тоже не самый ее любимый кандидат для ведения расследования.

Шейла послушно бежала рядом с Мелани по тропинке.

– Послушайте, я не хочу с вами ссориться. Для вашего успокоения – я не видела Клару три года и даже не знала, что ее мать умерла год назад.

– Но вы знали, что Клара исчезла год назад... – с легким упреком заметил Хаузер.

– Нет, девочка, как и ее мать, взяла фамилию Брайншмидт. Кроме того, в СМИ не сообщали об исчезновении Клары, не публиковали ее фотографию.

– Уполномоченный прокурор и я имели причины держать расследование в тайне от прессы.

– Да, великолепная работа! Bravo!

– Вы собираетесь указывать мне, как я должен выполнять свою работу?

Тут Мелани не выдержала:

– Я бы вела расследование иначе, подключила бы прессу, показала бы видео Клары и выслушала бы ее подруг. Но вы этого не сделали, потому что надеялись быстро найти пропавшую девочку, не привлекая внимания прессы. Я права? О господи, возможно, вы упустили решающих свидетелей!

Хаузер закрипел зубами.

– Мы все знаем, как заканчивается похищение с большой шумихой в прессе и чрезмерной публичностью. – Он развел руками. – Преступник впадает в панику, что сосед может случайно узнать жертву, теряет самообладание, убивает похищенную и прячет труп. Вы пошли бы на такой риск?

Мелани молчала.

– С моим методом Клара все-таки выжила, и ей удалось сбежать, – продолжил Хаузер.

– Но то, что она до сих пор жива, связано, скорее всего, лишь с тем, что татуировка у нее на спине еще не завершена.

Они дошли до источника Агнессы. Маленькая лесная поляна была обрамлена деревьями с желтыми и оранжевыми кронами. Скалы, частично скрытые листвой, окружали прогалину. Вода из источника на одной из этих скал медленно стекала в водозабор, который по высоте не доходил даже до лодыжки. Рядом стояла скамья и распятие. Этот источник якобы приносил счастье... Но, видимо, не каждому.

Мелани посмотрела в лес, где несколько человек выкапывали труп из земли.

Хаузер указал на огражденную тропу, которая вела к месту находки.

– Хотите посмотреть на убитую? – Его слова прозвучали примирительно.

– Да, спасибо, после вас.

Хаузер прошел вперед. Мелани привязала поводок к крепкому суку и приказала Шейле сидеть. Затем последовала за Хаузером.

В двух метрах от места обнаружения трупа она остановилась. Пока полицейские обследовали окрестности, коллеги уже полностью раскопали труп девочки на глубине полуметра. Две яркие лампы на штативах освещали место захоронения.

Фигура и размеры трупа указывали на то, что это ребенок от десяти до четырнадцати лет. Голое, завернутое в полиэтиленовую пленку тело лежало на спине. Коллеги Хаузера уже вскрыли пленку и начали исследование. Плоть полностью почернела и сильно истлела. Пока больше ничего нельзя было сказать.

– Что нам известно на данный момент? – спросила Мелани.

– Немного, за исключением того, что у нее, похоже, нет переломов костей и она лежит здесь уже минимум полгода.

Мелани взглянула на источник, распятие и скамью. Место захоронения находилось всего в нескольких метрах от лесной тропы.

– Убийца сильно рисковал, когда закапывал ее здесь.

Хаузер кивнул.

– Место еще называется «Источник девственниц».

– Думаете, это что-то означает?

Хаузер пожал плечами:

– В любом случае мы должны обыскать весь участок леса, возможно, это еще не все жертвы.

В следующий момент сотрудники экспертно-криминалистической службы подняли труп из ямы и положили рядом на подложку. Осторожно перевернули мертвую на живот. Тут же защелкали фотоаппараты. В свете вспышек Мелани увидела спину девочки. Кожа от лопаток до самой поясницы отсутствовала. Оголенный позвоночник был словно отлит из смолы. Кости блестели от вспышек фотокамер.

Мелани отвела взгляд и сделала глубокий вдох и выдох.

– С вами все в порядке?

«Ничего не в порядке!»

– Видите, это наш случай, – сухо ответила Мелани. – Что, если Клара, мертвая румынка и эта третья девочка были не единственными

детьми? Если в том месте, где держали Клару, есть еще такие же жертвы, как она? Возможно, некоторые из них еще живы.

– Да, – согласился Хаузер. – Мы должны найти мерзавца, и как можно скорее.

Мелани кивнула. Именно это она и собиралась сделать.

11

– Катарине двадцать один год, и она умная молодая женщина. К тому же писаная красавица и студентка психологического факультета, – рассказывал Снейдер. – Ее мечта: однажды стать психотерапевтом.

Он ходил по аудитории и вертел в руке пульт управления.

Была ровно одна минута девятого. Прошлым вечером Тина и Сабина хорошенько попотели в фитнес-центре и поплавали в бассейне, а затем пошли в ирландский паб, где Сабина два часа без остановки рассказывала об Эрике. После этого она спала уже намного лучше, чем накануне, – кроме того, сегодня в обеденный перерыв она снова навестит Эрика в больнице.

Тина сидела на своем месте свежая, как огурчик, заинтересованная и будто заново родившаяся. Чем больше эта женщина пила, тем активнее становилась, подумала Сабина. Яркосиний нетбук Тины был раскрыт, и она, летая пальцами по клавишам, записывала самые важные данные. Это было наверняка разрешено, а потому Снейдер вряд ли подойдет и выбросит нетбук в корзину для мусора.

Снейдер затемнил помещение и включил видеоряд. На экране была молодая женщина, которая вела оживленное благотворительное мероприятие. Фильм был профессионально смонтирован, с использованием съемки с движения и наложением высокопарной музыки в исполнении оркестра. Сабина была очарована молодой женщиной на экране. Обворожительное создание с курносым носиком и веснушками, веселым нравом и ослепительной улыбкой. Сабина только не знала, куда клонит Снейдер.

Когда видео закончилось, Шёнфельд наклонился к Майкснер и достаточно громко прошептал ей в ухо, так что услышала даже

Сабина, сидевшая в другом ряду.

– Она наверняка стала бы пятой на нашем курсе...

– Шёнфельд! – оборвал его Снейдер. – Говорите, чтобы слышали все.

– По какой специальности учится Катарина? – быстро нашелся Шёнфельд.

– Интегративная психотерапия, – ответил Снейдер. – Катарина из Австрии. Она живет на краю Венского Леса и учится в университете Вены. Во время летних каникул она работает гувернанткой в местечке Санкт-Петер-Ординг, расположенном на берегу Северного моря, и время от времени подрабатывает официанткой в кафе одной неврологической клиники – не столько ради денег, сколько из научного интереса.

– Почему об этой обычной студентке сняли такое затратное видео? – спросила Майкснер.

– Она не обычная студентка, а племянница одного австрийского дипломата и часто бывает на публике во время благотворительных мероприятий. Этого достаточно, я не могу раскрыть вам прочие детали, касающиеся семьи.

– Горячая штучка, – прокомментировал Гомез.

Снейдер проигнорировал это замечание.

– А сейчас я покажу вам, что с ней сделали. – Он нажал на кнопку пульта дистанционного управления.

На экране появилась картинка. Сабина тут же отвернула голову. Даже Тина закрыла глаза. Сделав глубокий вдох и выдох, Сабина заставила себя снова взглянуть на экран и рассмотреть фотографию. Катарину было невозможно узнать. Части тела и куски плоти висели на шнурах на деревянной свае, прочие останки лежали в песке и служили пищей червякам, улиткам и морским крабам.

На этот раз Снейдер не заставлял их реконструировать преступление, а сам рассказал, что случилось, одновременно раздавая материалы с заключением судмедэкспертов.

– Примерно три года назад, в пятницу двадцать четвертого сентября, кто-то усыпил Катарину хлороформом, незаметно дотащил через длинный деревянный причал до моря, привязал к деревянной свае, закопав до бедер в ил, дождался, когда она пришла в себя, и обычным складным ножом, которым обычно режут сало, жестоко

изувечил. Затем, предположительно, дождался прилива и смотрел, как Катарина медленно умирает в прибывающей морской воде.

«Жестоко изувечил» слишком безобидно сказано, подумала Сабина. Здесь больше подходило – раскромсал на куски вдоль и поперек.

– По расчетам судмедэкспертов, она умерла в 18:50, когда прилив достиг максимума. Солнце зашло лишь полчаса спустя. И все равно свидетелей не было.

Все углубились в медицинский отчет, а Снейдер продолжал:

– Почему преступление совершено именно так и никак иначе? Катарина уже не может рассказать нам свою историю. Теперь мы должны рассказать ее историю. Гомез, ваша очередь. Кто мог совершить это убийство?

Гомез, который сидел в вальяжной позе, подобрался.

– До этого были подобные убийства?

– Ничего похожего.

– Тогда будем исходить из того, что это было его первое преступление.

– Откуда мы знаем, что это был он? – перебил Снейдер.

– Картина, которую оставил нам убийца, указывает на рецидивиста. В Германии за последние семьдесят лет было около двухсот серийных убийц, которые, согласно статистике, совершили от четырех до пяти убийств. Лишь пять процентов преступников – женщины.

– Вы почерпнули эту мудрость в Интернете?

– Да, – ответил Гомез. – А конкретно: в статье, которую вы написали.

Снейдер поджал губы.

– Тогда это похоже на правду. Дальше!

– Прежде чем совершить убийство, преступник много лет жил фантазиями и наверняка сотни раз представлял себе это конкретное убийство. Он себя, так сказать, сам запрограммировал.

– Гомез! – Снейдер помахал рукой. – Используйте оба полушария головного мозга! Дайте нам детали.

– Знала ли Катарина своего убийцу? Вероятно, нет, иначе дело не осталось бы нераскрытым три года спустя. Но с незнакомцем она не пошла бы к морю по длинному деревянному причалу, так что,

предположительно, он усыпил ее хлороформом еще на суше. Девятьсот метров до моря он нес ее на руках. Весит она, похоже, около пятидесяти пяти килограмм. Так что полагаю, он высокий и сильный.

– Гомез! – снова прервал его Снейдер. И одновременно поднял вверх три пальца. – Резюмируйте свои выводы в трех коротких точных предложениях. Сможете?

Гомез сел еще прямее и подумал несколько секунд.

– Он не использовал ни рыбацкого ножа, ни морских узлов, значит, это не рыбак и не матрос. Так как хлороформ действует недолго, ему приходилось повторять дозу, но он наверняка не хотел ждать слишком долго, пока Катарина придет в себя, – что указывает на медицинские знания. Я предполагаю, что преступнику тридцать лет, он холост, у него мало практических навыков, зато отличное умение планировать. Возможно, он ненавидит женщин.

Снейдер недовольно наморщил лоб.

– Вы в тупике. Развивайте в себе способность отличать суть от несущественного.

– То, что он не изувечил ее вагину, может также означать и то, что он не испытывал ненависти к женщинам, – исправился Гомез. – По крайней мере, я не вижу признаков сексуальной ярости.

– Лучше. – Снейдер кивнул и поднял вверх три пальца другой руки.

– Майкснер, теперь вы.

– Он осознанно выбрал жертву и наверняка наблюдал за ней несколько недель, прежде чем убить. Это означает, что он может проживать недалеко от места преступления. Однако в этом случае мы бы уже давно его нашли. Значит, он мобилен и имеет водительские права – если только он не живет... – Она задумалась. – А после были подобные убийства?

– Нет.

– Предположительно, ему просто не подвернулась подходящая возможность, – продолжала Майкснер. – Вы сказали, что Катарина подрабатывала официанткой в неврологической клинике. Где та находится?

– В Санкт-Петер-Ординге, на прогулочной набережной.

– Возможно, преступника можно найти среди пациентов этой клиники. Меня, как следователя, интересовали бы досье и

медицинские карты больных.

– Клиентов! – исправил ее Снейдер, полез в ящик и достал пять папок. В каждой находилось по двадцать пять бланков с основными данными клиентов, которые могли быть приняты в расчет.

Просмотрев бумаги, все сошлись на одном кандидате: двадцатипятилетием Симоне Каспареке, который проходил в клинике стационарное лечение. До этого он был фермером и работал комбайнером на полях своей матери. Одним дождливым днем он собирал кукурузу, но, так как дождь все усиливался, его мать побежала на пашню, чтобы позвать сына домой. Из-за высокой кукурузы он не увидел ее приближения, мать попала в силосорезку и была изувечена ножами. Он пытался вытащить ее, но безуспешно. С тех пор Каспарек мучался от сильного чувства вины. Первую попытку самоубийства предпринял спустя две недели после несчастного случая, последнюю – за пару дней до убийства Катарины.

– Кроме того, Каспарек страдает пограничным расстройством личности и синдромом Аспергера, – объяснил Снейдер. – Оба нарушения идентичности дают вкуче очень редкую и не менее взрывную комбинацию.

Снейдер вывел на экран фотографию Каспарека. На вид около тридцати, неухоженная трехдневная щетина, узкое, непропорциональное лицо.

– Гомез, что вы знаете о пограничном расстройстве личности?

– Такие люди боятся быть покинутыми. Для них характерно суицидальное или самотравмирующее поведение, они также не способны контролировать свою агрессию по отношению к окружающим. Часто случаются кратковременные параноидальные...

– Гомез, избавьте меня от этого говна из учебника, – пробурчал Снейдер. – Я расскажу вам кое-что о Каспареке. Он пытается избавиться от чувства внутренней пустоты. Это начинается однажды утром, когда во время бритья он прижимает помазок к коже сильнее, чем это необходимо. Если чувство пустоты остается, то он кусает себя или бьется головой о стену. За этим следуют несколько попыток суицида. – Он сделал паузу. – Шёнфельд, что вы знаете о синдроме Аспергера?

– Э-э-э... ничего.

– Неверный ответ. Мартинелли?

– Жизнь Каспарека определяется рутинной. Например, он постоянно переходит улицу в одном и том же месте или сидит в автобусе всегда на одном и том же сиденье по ходу движения. Как только что-то меняется, он уже не может с этим справиться. Кроме того, он не в состоянии понять чувства других. Возможно, это и есть причина, почему он перенес Катарину к морю, несмотря на опасность быть увиденным другими, – они ему просто безразличны.

– Но какой у него мотив? Почему он это сделал?

– Итак... – Тина повертела между пальцами ручку, прежде чем ответить. – Каспарек безэмоционален по отношению к другим, однако это не касается его собственного чувства вины. Он не может избавиться от кошмарной навязчивой мысли, что именно он виновен в том, что случилось с матерью. Эти повторяющиеся видения сводят его с ума. Его единственный шанс на выздоровление – окончательно вытеснить эти образы из головы, и для этого он должен заменить воспоминание о своей матери на воспоминание о ком-то другом. – Она неуверенно посмотрела на Снейдера.

Тот кивнул.

– И он убивает другого человека, с которым у него нет близких отношений, – продолжила Тина. – Поэтому он и располагает тело Катарины так, как если бы она попала в силосорезку. Морская вода символизирует дождь, который шел в тот день.

– Видите, получается же. – Снейдер казался довольным.

Пока Сабина включала сотовый и кликала по экрану, Снейдер заговорил громче:

– Я вижу, что вы можете больше, чем просто дышать нашим чистым лесным воздухом Гайсберга. Постепенно вы начинаете заслуживать свою зарплату. Значит, с убийцей все ясно, – резюмировал он. Никто ему не возразил. – Немез! Вам наскучили наши рассуждения?

Она на секунду подняла глаза от экрана и продолжила печатать.

– Черт возьми, что там такого важного? – крикнул Снейдер. – Отложите телефон в сторону!

– Я только что погуглила погоду двадцать четвертого сентября того года.

Снейдер с любопытством смотрел на нее.

– И как вам помогут эти знания?

– Вы прежде сказали, что убийца незаметно перенес свою жертву к морю. Кроме того, вы утверждаете, что Каспарек не в состоянии понять чувства возможных свидетелей, поэтому не учел опасность быть замеченным. Лишь субъект с подобной клинической картиной мог так рисковать и тащить женщину в бессознательном состоянии через весь причал.

– Вы лишь повторяете то, что мы уже знаем.

– Но все это было совсем не обязательно! – заявила Сабина. – Ему не нужно было ни осторожничать, ни бояться, что за ним наблюдают. В тот день в 18 часов было не просто дождливо. Хлестал настоящий ливень, и штормовой ветер гнал его с побережья в открытое море. Небо до горизонта было затянуто темными тучами. Рестораны закрыты. На деревянном причале гарантированно никого не было.

– Хорошо – поставьте себя на место преступника и опишите его чувства! – потребовал Снейдер.

– Он поднимает женщину... – Сабина на мгновение замолчала и закрыла глаза. – Дождь хлещет ему в лицо. С усыпленной женщиной на плече он тяжело шагает по волнорезу.

Тут Катарина приходит в себя. Но ему не нужна еще одна доза хлороформа, потому что шторм все равно относит ее стоны в море. Она начинает двигаться – это заставляет его быстрее идти туда, где кончается причал и где на темном горизонте он наконец видит блеск волн. Он увязает в иле, пробирается дальше. Его личный катарсис в том, чтобы отнести эту женщину к предназначенному для нее месту...

Сабина открыла глаза.

– И какой вывод из этого вы делаете? – спросил Снейдер.

– Это мог быть кто угодно.

Шёнфельд и Майкснер снисходительно улыбались и качали головой.

– Правильно, – спустя какое-то время подтвердил Снейдер. – Каспарек не был осужден.

Шёнфельд развернулся.

– Почему?

«В таком случае дело было бы закрыто, гений», – подумала Сабина.

– По трем причинам. – Снейдер поднял руку. – На месте преступления не взяли следы ДНК. Признание было выбито из

Каспарека сотрудниками полиции, расследующими этот случай, и обыск его палаты проходил без соответствующего ордера, из-за чего доказательства и улики не могли быть учтены в суде.

– Почему снова не открыли производство по этому делу?

Снейдер вальяжно сел на стол рядом с кафедрой.

– Когда-нибудь слышали о «парадоксе Кеннеди»?

Все помотали головой, Сабине это понятие тоже не встречалось ни разу за всю ее карьеру.

– Вы знаете такое из новостей: если происходит убийство известной личности, как, например, Кеннеди, к расследованию неожиданно подключаются высокопоставленные чиновники высшего уровня, которые не имеют понятия о работе на улице. И случаются ошибки, которые обычно допускают только дилетанты. – Снейдер вздохнул. – Здесь похожий случай. Катарина была племянницей австрийского дипломата, и делом вдруг стали заниматься высокие начальники.

– Кто руководил расследованием? – спросила Тина.

– А вы как думаете? – ответил вопросом на вопрос Снейдер.

– Президент Хесс лично?

Снейдер ничего на это не сказал.

– Как бы то ни было, настоящего преступника так и не схватили.

– А почему вы считаете, что это был не Каспарек? – спросила Тина.

Снейдер, все так же сидя на столе, оперся локтями о кафедру.

– Просто... если все совпадает и сходится, то что-то не так. Все было слишком гладко. Настоящий убийца за несколько недель или месяцев до преступления достал, как и мы, медицинские карты всех клиентов неврологической клиники. Возможно, он, как и мы, наткнулся на Каспарека, на его чувство вины в смерти своей матери, на протоколы сеансов психотерапии, описания его ночных кошмаров и фотографии с места несчастного случая.

Пока Снейдер говорил, Сабина еще раз пролистала досье Каспарека. На копии допроса, который проводили всего несколько недель назад, она узнала смазанную подпись сотрудника, ведущего расследование: «Эрик Дорфер». По спине у нее пробежал холодок. Ее голову словно окунули в ледяную воду. Простое совпадение или

система заключена в том, что Снейдер разбирает с ними только те дела, над которыми работал Эрик?

– ...После этого убийца разрезал Катарину на части, чтобы она выглядела как мать Каспарека. – Снейдер понизил голос. – Как будто и она попала в силосорезку в тот дождливый день.

Сабина открыла рот, но Снейдер не дал ей сказать ни слова.

– Нет, я не думаю, что Каспарек был настоящей целью убийцы, который хотел повесить на него преступление, – Катарина была первичной и основной целью, а Каспареку просто отводилась роль козла отпущения.

– Я хотела сказать кое-что другое, – пробормотала Сабина. Все же она поостережется еще раз произносить фамилию Эрика на занятии.

Снейдер раздраженно махнул рукой.

– Ну, что там?

Сабина заскрипела зубами.

– Точно так же, как и в деле Centipede, убийца оставил ложные следы, чтобы подозрение пало не невиновного человека. Там берлинский гинеколог, здесь мужчина с диссоциативным расстройством идентичности из Санкт-Петер-Ординга.

Снейдер поднялся со стола и махнул рукой, словно уже знал, куда она клонит. Но Сабина не дала сбить себя с мысли.

– В обоих случаях речь может идти об одном и том же преступнике.

– Полностью исключено, – возразил Снейдер. – Методы убийц различаются. В одном случае использовали рогипнол, в другом хлороформ. Там скальпель, здесь складной нож. Кроме того, на основании резаных ран судебный медик исходит из абсолютно разных физических характеристик преступников.

– Но...

– Что – но? – воскликнул Снейдер и направился к Сабине. – Вы всерьез думаете, что мы с Бессели, как и еще десяток прочих специалистов БКА, не сравнили бы эти два случая друг с другом? Это определенно два разных почерка! Никакого сходства нет!

– Есть, – возразила Сабина. – Попытка оставить фиктивные следы.

– О боже, вы пока что выдавали неплохие идеи, но что это за притянутая за уши теория? Подумайте сами! – сказал Снейдер. – Вы

утверждаете, что судмедэксперт ошибся.

– Может...

– Может, вы не доросли до этого дела и оно превосходит ваши способности, – перебил он ее. – Вместо того чтобы фантазировать, вам следует вернуться в реальность.

Сабина замолчала. Она заметила, как ее рука сама собой сжалась в кулак под столом. Конечно, это была настоящая находка для других, которые обменивались многозначительными взглядами. Лишь вчера Снейдер просил студентов предлагать новые теории и быть открытым для всего – но в следующий момент душил на корню любое креативное начало. Снейдера словно подменили. К тому же она не ожидала от него такого непоследовательного поведения. Это было непривычно. С ним творилось что-то, чего она не понимала своим куриным умишком?

– Мы снова увидимся завтра в восемь утра. – Снейдер завершил занятие.

Сабина уже не слушала. Она изучала медицинское заключение и искала подпись судебного медика. И вдруг испытала дежавю: его звали доктор Лауренц Белл.

12

Мелани ехала по Анрайнерштрассе к своему земельному участку на озере. Ей казалось, что ее желудок – это бездонная темная дыра. Нужно как-то выбросить из головы картинку разложившейся изуродованной девочки в полиэтиленовом пакете. Одно дело видеть такое на фотографиях уголовной полиции и представлять их в зале, и совсем другое – стоять в двух метрах, чувствовать запах тела и слышать хруст суставов.

«Подумай о чем-нибудь другом!»

Она опустила стекло, и в машину ворвался пряный запах озера. Было десять часов утра, и несколько серфингистов уже вытаскивали свои доски из воды. Издалека она видела свой дом. Вообще-то, он принадлежал им с Герхардом. Они долго искали участок, пока наконец не наткнулись на этот на озере Нойзидлер, в сорока пяти километрах на юго-восток от Вены. Расположение было идеальным для обоих и не

мешало их работе. Герхард был судебным репортером и, как и Мелани, имел дома собственный офис. Кроме того, оба любили работать в тишине и уединении.

Они отремонтировали дом, оборудовали мансарду и пристроили зимний сад с большой верандой. К тому же участок был достаточно большим и для хобби Герхарда: они с Мелани любили заниматься дайвингом на озере, и иногда он наткнулся на разный металлолом, который вытаскивал на берег и затем переплавлял в произведения искусства в своей мастерской. По крайней мере, он утверждал, что это искусство. К счастью, у Мелани были хорошие контакты с галеристами, которые забирали у них те работы, в которых сквозило что-то необъяснимо апокалиптическое. Но некоторые выглядели совсем неплохо и даже находили применение в доме в качестве столов или настольных ламп.

Мелани припарковала внедорожник рядом с мастерской Герхарда и выпустила Шейлу из кузова. Собака тут же побежала к берегу озера и принялась резвиться в камышах. Над водой стоял туман, но утреннее солнце его скоро разгонит.

Через окно мастерской Мелани увидела вспыхивающие искры. У Герхарда был выходной – это означало, что он не писал репортажи, а работал над своим новым творением. Она не хотела ему мешать. Вчера вечером она отправила ему сообщение, что проведет ночь с Кларой в больнице. Мелани постучала в окно и через засаленное стекло послала Герхарду воздушный поцелуй. В знак приветствия он коснулся сварочных очков и снова склонился над конструкцией, чей каркас напоминал средневековую «железную деву»^[6]. «Отвратительно!»

Мелани нуждалась в сахаре, чтобы прийти в себя и раскататься. Она сварила себе в кухне какао, намазала хлеб вареньем, достала из ящика яблоко и «сникерс» и с подносом пошла к себе в кабинет. Сегодня у нее не запланировано никаких встреч в суде, и она поработает дома. Ее домашний кабинет был просторным и светлым. Письменный стол стоял перед панорамным окном, которое выходило на озеро. Время от времени Мелани отрывала взгляд от компьютера и наблюдала за Шейлой, которая как сумасшедшая носилась по лужайке, валялась в мокрой траве и пыталась схватить пастью росу с травинок. Собака еще немного побегала, а потом исчезла из вида. Вскоре Мелани услышала, как щелкнула дверца для собак и лапы застучали по

паркетному полу. Шейла мордой толкнула притворенную дверь в кабинет, прошла в комнату и растянулась на спине под письменным столом, раскинув лапы в стороны.

– Даме не подобает такая поза, – пожурела ее Мелани.

Но, похоже, Шейле было все равно. Она хотела, чтобы ей почесали живот.

Спустя час, в течение которого Мелани работала над другими делами, иногда поглаживая ногой собаку по животу, позвонил врач Клары. Он начал без обиняков:

– Я попытался получить медицинскую карту пациентки Ингрид Брайншмидт, но это невозможно.

Мелани вздохнула. Нет ничего невозможного, если быть настойчивым.

– Что вы предприняли? – спросила она, устав от вечных отговорок.

– Я разговаривал с главным врачом.

«О господи!» – Мелани ударила себя ладонью по лбу.

– Для получения данных пациента нам необходимо согласие суда.

Логично! Но Мелани было ясно, что в данном случае она не получит судебного постановления, потому что смерть Ингрид не имела никакого отношения к исчезновению ее дочери.

– Вы знаете, кто был ее домашним врачом?

– Да, но можете не тратить на него время. Он апеллирует к врачебной тайне. К тому же для передачи сведений об Ингрид Брайншмидт ему необходимо согласие ее супруга. У вас оно есть?

– Нет, согласия у меня нет, спасибо. – Мелани повесила трубку и раздраженно бросила сотовый на письменный стол. Какой же бюрократ!

Шейла вскочила со своего места и побежала к двери. В кабинет вошел Герхард. Шейла бурно приветствовала его, и он погладил ее по спине. Герхард был на семь лет старше Мелани и в этом году отпраздновал пятидесятилетие. Он был одного с ней роста, и на висках у него уже появилась первая седина – что в глазах Мелани делало его очень сексуальным.

Он поправил очки на носу и поцеловал Мелани.

– Что, не в духе?

От него пахло металлом, но от рук исходил аромат мыла. Мелани была рада, что он смог на несколько минут оторваться от своего творения.

– Обними меня, – вздохнула она.

– Настолько плохо? – Герхард наклонился к ней и крепко прижал к себе.

– Сегодня утром я была в Венском Лесу. Там нашли труп девочки. Это ужасно... – с трудом выговорила она.

– Милая. – В его голосе прозвучал упрек. – Предоставь это специалистам экспертно-криминалистической службы и судебным медикам. – Он встал за ее крутящимся стулом, откинул волосы и стал массировать ей шею. – Как прошла ночь у Клары в больнице?

– Она заговорила и сообщила первую полезную информацию. Уголовная полиция уже работает над этим. Мы ищем мужчину с красной маской.

– Это же здорово.

– Да, но врач Клары не очень охотно сотрудничает. Бюрократ, который, похоже, боится за свое место. Кроме того, я снова работаю с группой Хаузера. Бесчувственный старый холостяк. Даже кофе мне не принес.

– Ты ведь его не пьешь.

Мелани развернулась на стуле.

– Ну и что?

– Женская логика. – Герхард нахмурил лоб. – Хаузер?

– Да, ты его знаешь, он уже слишком долго работает на своем месте, не особо мотивирован и несет службу согласно предписаниям.

– Ах да. – Его лицо прояснилось. – И он не может терпеть молодую энергичную и чересчур мотивированную женщину-прокурора, которая не всегда придерживается правил.

– Молодую? Спасибо за комплимент.

– Пожалуйста. Это тот тип, который держит дома игуану?

– Геккона, – ответила Мелани. – К тому же он не умеет обращаться с детьми.

Герхард засмеялся.

– Это не его работа. Он должен найти мужчину, который сделал это с Klarой.

– Ты прав. – Она прислонилась головой к Герхарду, а он продолжал массировать ей шею. Много лет Мелани обсуждала с ним дела и рабочие проблемы, хотя вообще-то это было запрещено, потому что он писал судебные репортажи для газет. Но в этом случае она плевала на свою обязанность неразглашения служебной тайны, потому что Герхард никогда бы не злоупотребил этими знаниями. Он был в курсе многих вещей, и беседы с ним иногда наталкивали ее на новые мысли. Кроме того, он умел хранить секреты.

– Видишь, все не так страшно. – Он погладил Мелани по щеке. – А я уже думал, у тебя снова ПМС.

Мелани развернулась и уставилась на него округлившимися глазами.

– Э-э-э... – Он поднял руки в извиняющемся жесте. – Я просто пошутил.

– Это решение! – воскликнула она. – Ты гений. – Она вскочила и поцеловала его в щеку.

– Да я знаю, – смутился он. – Если тебе снова понадобится моя помощь, ты только скажи. – Он присвистнул и покинул кабинет вместе с Шейлой.

Мелани схватила сотовый и набрала номер своего гинеколога. Минуту повисела в очереди звонков и послушала Conquest of Paradise, пока помощница врача не соединила ее с доктором Хенрайхом.

– Что я могу для вас сделать?

– Доктор Хенрайх, мне нужна ваша помощь.

– Дитя мое, вы знаете, если это в моих силах, я всегда в вашем распоряжении.

Хенрайх был единственным, кому она позволяла обращение «дитя мое» и даже чувствовала себя польщенной. Это был крепкий седой мужчина с отеческими интонациями в голосе, который наблюдал еще ее мать. Помимо собственной практики вот уже много десятилетий он дополнительно несколько часов в неделю работал в больнице.

– Ингрид... – Она осеклась, потому что у нее чуть было не вырвалась фамилия Ингрид по первому браку. – Ингрид Брайншмидт была моей лучшей подругой. Она ведь была и вашей пациенткой.

– Я знаю, дитя мое. Мы с Ингрид часто говорили о вас и вашей карьере прокурора, но также и вашем муже. Я иногда читаю его судебную колонку в газете, очень любопытно. Вы по-прежнему ездите

на озеро нырять, а он все еще сваривает эти странные металлические штуки? Одна даже стоит у меня в клинике.

Мелани знала эту скульптуру, которая выглядела как стельная корова на ходулях.

– Да, он по-прежнему этим занимается. – Мелани сменила тему. – Ингрид умерла год назад.

– Да, очень жаль. Я был чрезвычайно удивлен. Такая хорошенькая с такой маленькой девочкой.

– Якобы у нее были проблемы с сердцем. Но она же всегда была совершенно здорова, помешана на экологически чистых продуктах, питалась одними мюсли, регулярно бегала и не прикасалась ни к сигаретам, ни к алкоголю.

Голос Хенрайха стал серьезным.

– Я чувствую, что-то не дает вам покоя. Что именно?

Старик был не дурак, так что она не стала ходить вокруг да около.

– Я хотела бы взглянуть на медицинскую карту Ингрид.

– Без постановления суда? – буркнул он.

– Я знаю, то, что я требую от вас, не совсем законно, но...

– Дитя мое, – перебил он ее. – Я убежден, что вы поступаете правильно. И если у вас есть обоснованное подозрение, мне этого достаточно.

Она слышала, как он листает ежедневник.

– Сегодня после обеда я в больнице. Перед врачебным обходом у меня будет время, тогда я и найду медицинскую карту Ингрид.

– Спасибо, вы лучший. Только не говорите с главврачом.

– Главврачом? – эхом отозвался Хенрайх. – За кого вы меня принимаете? Но сейчас я должен вернуться к работе, следующая пациентка ждет. – Он окончил разговор.

Мелани медленно опустила сотовый. Она надеялась, что действительно поступает правильно.

После курса «Методы розыскной работы» у Сабины был полуторачасовой обеденный перерыв. Однако она отказалась от обеда в столовой и вместо этого поехала в госпиталь Святого Иосифа. Она

должна еще раз увидеть Эрика, даже если он по-прежнему в коме; иначе она сойдет с ума.

Сабина протянула санитару свое гостевое разрешение, но тот позволил ей лишь заглянуть в палату Эрика через дверной проем. Сабина рассчитывала, что Эрик все еще находится в искусственной коме, но он лежал с закрытыми глазами в кровати и, похоже, спал. Сердце подпрыгнуло у нее в груди. Значит, ему уже лучше.

– Он больше не в коме? – прошептала Сабина.

Санитар пожал плечами.

– Попробую найти врача. – Он исчез, а Сабина села на пластиковый стул перед палатой Эрика.

Напротив нее стояли оба сотрудника БКА, которые были назначены охранять Эрика. Один изучал бейдж Сабины, а другой звякал монетами в кармане брюк.

– Я принесу нам кофе, – буркнул он и исчез.

Сабина рассматривала другого парня с короткой стрижкой, который стоял перед дверью, скрестив руки на груди.

– Вы не знаете, Эрик пришел в себя?

– Я не уполномочен...

– Да, ладно, – перебила она его.

Они замолчали. Через несколько минут пришел врач в белом халате, производящий впечатление не совсем трезвого. Возможно, мужчина пил на работе, чтобы во время операции не тряслись руки. У Сабины было впечатление, что она уже видела этого худого мужчину с узким лицом, синими кругами под глазами и покрасневшими белками глаз. Наверное, во время ее первого визита к Эрику, когда она только приехала в Висбаден.

Сейчас мужчина остановился перед ней, протянул руку и представился как доктор Лауренц Белл. «Вот дерьмо! Именно он лечащий врач Эрика». От него пахло ополаскивателем для рта. Наверняка он уже прилично принял на грудь сегодня утром.

Он взглянул на бейдж Сабины.

– Вы Сабина Немез, подруга Эрика Дорфера.

– Да, – сказала она и поднялась. – Мы разговаривали вчера по телефону.

– Вам повезло, что вы застали меня сегодня. Я бываю в госпитале только два дня в неделю. – Его голос казался вязким и размякшим,

словно во рту у него лежал гнилой арбуз.

– В остальное время вы работаете судебным медиком? – предположила Сабина.

Доктор Белл кивнул:

– В Институте судебной медицины при университетской клинике в Майнце. Вероятно, вы в БКА получаете мои медицинские заключения.

Сабина кивнула. Она видела подпись доктора Лауренца Белла на протоколе вскрытия двадцатидвухлетней Катарины, которую разрезали на части на Ваттовом море.

– Непривычно, что судебный медик работает и в реанимации.

– Специалистов по головному мозгу не так много, – ответил он. – У меня лишь несколько свободных минут. Давайте прогуляемся. – Он направился вдоль по коридору, Сабина последовала за ним.

– Вы вывели Эрика из искусственного сна? – спросила она после небольшого молчания.

Глаза Белла нервно задергались.

– Давайте по порядку. Вашего друга привезли сюда на прошлой неделе в ночь с понедельника на вторник. Это была не моя смена, но меня тут же оповестили. Я уже по телефону объяснил вам причины, почему мы прибегли к терапевтической гипотермии^[7]. Шесть дней он находился в искусственной коме.

– Отцу сообщили?

Белл кивнул.

– Но тот его не навещал.

Что и следовало ожидать! Ограниченный деревенский житель. Он с самого начала был против их отношений и совместной карьеры в уголовной полиции. «Слишком опасно! В худшем случае мои внуки будут расти сиротами». Какой бред! Но в итоге он оказался прав и сейчас получил моральное удовлетворение.

Они подошли к курилке, за молочным стеклом стоял дым.

Белл вошел внутрь.

– Вы ведь не против?

– Нет, – солгала Сабина. Через несколько минут от нее будет вонять как после портового кабака, но, видимо, это единственная возможность поговорить с Беллом.

Врач сунул в рот сигарету и сильно затянулся. Тут же зашелся кашлем – казалось, он в любой момент выплюнет часть лёгкого. Его глаза выпучились еще больше, что выглядело страшновато.

– Хорошая новость... – задыхаясь, продолжил Белл и вытер слезы тыльной стороной ладони. – Отек в головном мозге Эрика спал. Позавчера мы начали выводить его из комы, но фаза пробуждения длится некоторое время. Час назад коллега из отделения неврологии коммуницировал с ним.

Коммуницировал? Сабине стало не по себе.

– А плохая новость?

– Лишь теперь мы можем оценить масштаб повреждения. – Он постучал пальцем по лбу. – Пуля попала в левое полушарие головного мозга, в речевой центр. Ваш друг не может говорить.

Сабине показалось, что Белл дал ей несколько секунд, чтобы переварить информацию. Но она подозревала, что это еще не все.

– Он не может ни читать, ни писать, ни считать, – продолжил Белл.

Комната стала сжиматься вокруг Сабины, и стены грозили вот-вот навалиться на нее. Она оперлась о стол. И попыталась отогнать от себя образ Эрика, лежащего на кровати с перевязанной головой. В следующий момент она снова взяла себя в руки.

– Это ведь можно восстановить?

Белл скривил рот.

– Такое нарушение речи называется афазия. При правильной терапии, возможно, он снова овладеет многими навыками.

Возможно!

Сабина покосилась через стеклянную дверь в коридор, где находилась палата Эрика.

– Когда я могу с ним...

Белл покачал головой:

– Ваши коллеги из БКА хотели допросить его сегодня утром, но когда Эрик осознал, что не может ни говорить, ни писать, он так разнервничался, что нам пришлось дать ему сильное успокоительное.

Сабина вопросительно посмотрела на него.

– Лоразепам. Мы должны были действовать быстро, пока он не начал буйнить, – добавил Белл. Это прозвучало как оправдание. – В настоящий момент он спокойно спит.

После очередного приступа кашля Белл, очевидно, заметил ее вопросительный взгляд и решительность.

– Больше я ничего не могу сказать вам в данный момент. – Он затушил сигарету. – Хотите на минуту зайти к нему?

Сабина кивнула. Белл отвел ее к палате Эрика, переговорил с полицейскими, которые стояли в коридоре и пили кофе, и затем открыл Сабине дверь.

– Одну минуту! – напомнил он ей и попрощался.

Сабина вошла в палату, закрыла за собой дверь и села на кровать Эрика. Он спокойно и ровно дышал, но его веки нервно подрагивали, словно его мучали ужасные кошмары.

«Ты видел, кто в тебя стрелял, верно?»

Она взяла его за руку. Его пальцы были холодными.

– Я с тобой, – прошептала она. – Когда ты выздоровеешь, мы попробуем еще раз, дадим нашим отношениям еще один шанс. Мы могли бы поискать квартиру. Я останусь здесь следующие два года. А когда окончу академию, мы с тобой станем коллегами. Твой отец будет беситься, но с другой стороны... – «Он даже не приехал к тебе», – мысленно добавила она.

При виде его перевязанной головы Сабина сглотнула комок в горле. Хоть бы Эрик смог, как раньше, говорить, шутить и смеяться над ее *Jo mei*. Она не должна думать о том, что теперь он, возможно, стал калекой.

Может, покушение на Эрика никак не связано с его расследованием дела Centipede или убийства на Ваттовом море. Возможно, он выяснил что-то совершенно другое?

– Почему ты не говорил со мной об этом? – прошептала она. Или он рассказал бы, не порви она с ним отношения?

Пока он не восстановится, никто не узнает правду. Очевидно только одно: кто-то пробрался ночью в здание БКА, чтобы отомстить Эрику или заставить его молчать.

Она пожалала его руку.

– Клянусь тебе, я найду его.

Сабина припарковалась на территории кампуса. У нее оставалось еще полчаса до начала следующего занятия. В квартиру Эрика ее не пустят, как и в его кабинет, который сейчас является местом

преступления. Кроме того, Снейдер ни за что не скажет ей, с какими коллегами Эрик контактировал в последнее время. У нее, студентки без прав, были связаны руки, и она чувствовала себя бессильной, но все равно не могла забыть обо всем и делать вид, что все отлично. Иначе она просто не выдержит.

Голос Маттиаса Швайгхёфера все еще раздавался из CD-проигрывателя, но Сабина больше не слушала. В ее голове зрел план, который, словно маленькими крючками, цеплялся за извилины мозга. Она хотела проверить, существует ли связь между делом «Многоножка» и случаем на Северном море. Возможно, за всем этим стоит один и тот же преступник, который копирует определенный способ совершения убийства, чтобы подозрение пало на другого человека. Это был эфимерный след; Сабине нужно было найти другие нераскрытые убийства, которые вписывались бы в данную схему. Потому что убийца, возможно, начал действовать давно. Но у нее не было доступа к онлайн-архиву БКА, где можно найти все дела. С ума можно сойти! Когда она служила в мюнхенской полиции, у нее и то было больше прав, чем сейчас.

Но существовала и другая возможность: как только расследование по какому-либо делу закрывалось, соответствующие материалы распечатывали, нумеровали, подшивали и отсылали в суд – и копия каждого документа направлялась в архив.

Когда Сабина покинула парковку кампуса и направилась на Таерштрассе, из подземного гаража выехали три машины мобильного оперативного отряда. Сабина дождалась, когда проедет колонна, и поспешила вверх по ступеням к главному входу в здание БКА. Она через стекло показала вахтеру свой пропуск и, миновав турникет и сотрудников из внутренней службы безопасности, направилась к лифтам. Ожидая кабину, она изучала информационное табло. Архивный отдел находился на самом нижнем этаже, на одном уровне с подземным гаражом.

Спустя минуту она была внизу. Неоновые лампы освещали коридор. Дверь в архив была открыта. В нос ударил типичный библиотечный запах старой пожелтевшей бумаги. За компьютером сидела женщина. У нее за спиной начинался лабиринт из десятков коридоров и высоченных, до потолка, оранжевых стеллажей для

хранения документов. Сабина была ошеломлена. «А чего ты ожидала? Два, три дела на блюдечке?» С учетом 320 000 новых уголовных дел ежегодно, эта невероятная библиотека в массивных шкафах не могла выглядеть иначе.

– Добрый день! – крикнула женщина.

– Простите? – Сабина рассматривала сотрудницу с седыми волосами, которая тоже оторвала взгляд от компьютера, сняла очки для чтения.

– Чем могу вам помочь?

– Я хотела бы просмотреть материалы по всем случаям убийств, которые за последние пять лет направлялись в суд.

– Больше ничего не хотите? – с усмешкой ответила женщина. – Может, чашку капучино?

– Я... э-э-э...

– Девушка, – более строгим тоном произнесла женщина. – Это место похоже на справочное бюро? Если у вас есть необходимые полномочия, сделайте онлайн-запрос, и мы вышлем вам все необходимое в формате PDF.

– Я хотела бы...

– А я хотела бы на досрочную пенсию. – Женщина опустила взгляд, нацепила очки и продолжила печатать на клавиатуре.

Почему эта стерва такая вредная? Потому что заметила у Сабинины студенческий пропуск?

– А я не могу?..

– Нет, не можете! – отрезала женщина, не поднимая глаз. – У студентов нет доступа к архиву; еще чего не хватало, пусть даже это высокоодаренные молодые кадры. – Она презрительно подняла одну бровь.

Все-таки в этом дело!

– Спасибо. – Сабина хотела уже повернуться, чтобы уйти, как услышала за спиной скрипучий голос:

– Я сейчас слышал что-то о высокоодаренных молодых кадрах?

Она обернулась и уставилась в морщинистое лицо с повязкой, закрывающей один глаз. В проходе стоял Конрад Вессели. Сабина отступила в сторону, после чего он прошел в архив и положил даме на стол папку.

– С этим я закончил, можно сканировать. – Потом он обратился к Сабине: – А вы что здесь делаете? Всегда усердная и целеустремленная, как пчелка?

– Я хотела просмотреть некоторые подшитые судебные акты, – ответила Сабина. Ее бросило в жар, потому что она поняла, как наивно и глупо это звучит. На неизбежный вопрос, зачем ей это нужно, она даже не успела бы придумать более или менее правдоподобный ответ. Но Вессели не спросил. Он отвел ее в сторону и понизил голос:

– Вы знаете, почему архив находится на самом нижнем уровне?

– Потому что здесь самая низкая вероятность пожара?

Он помотал головой:

– Потому что здесь мы стоим на двойной сталебетонной платформе. Документы весят столько тонн, что проломил бы любой этаж в здании. – Он внимательно посмотрел на нее. – Как вы думаете, сколько лет вам понадобится, чтобы просмотреть все эти документы?

Он ее за дуру держит?

– Я ищу только определенные убийства.

– Вы же знаете, что расследование убийств – это дело федеральных земель. Нас привлекают только в отдельных случаях.

Похоже, он считал ее невероятно тупой. После стольких лет в полиции ей не нужно это объяснять.

– Меня интересуют особые случаи, расследованием которых занималось БКА.

– Я полагаю, вы знаете, что делаете. – По тону Конрада Вессели было ясно, что он улыбается про себя.

Он быстро взглянул на сотрудницу архива, которую заметно раздражал их разговор в дверях, но при этом она не решалась сделать замечание Вессели.

Он снова понизил голос.

– Я делаю вам предложение. Вы можете запрашивать подшивки документов от моего имени, однако при условии, что поможете мне с архивированием моих бумаг.

– Когда и как долго?

– А вы, я смотрю, не любите мешкать? – Он усмехнулся. – Сегодня вечером, после вашего последнего занятия. Скажем, два часа.

– Договорились! – ответила Сабина.

Он вырвал лист из своего блокнота, достал из нагрудного кармана перьевую ручку и записал адрес.

– Скажем, в восемь вечера. – И сунул листок ей в руку.

Там было написано:

«Кройцбергштрассе-ам-Зонненберг, 12».

Пока Сабина убирала листок в карман, Вессели обратился к даме:

– Позвольте молодой коллеге поработать часок в архиве и выдайте ей все документы, которые она попросит.

Женщина сняла очки и слащаво заулыбалась.

– Само собой разумеется, господин Вессели. С огромным удовольствием, вы же знаете.

– Конечно, знаю. – Вессели подмигнул ей, а потом исчез в проходе.

В тот же момент лицо стервы снова стало суровым.

– Но срочно и немедленно не получится. – Она щелкнула пальцами. – Потому что сейчас у меня обед.

– Я не против. – Сабина посмотрела на часы. Следующий курс занятий все равно начинается через несколько минут. – Я приду ближе к вечеру.

И уж тогда она возьмет старую перечницу в оборот.

14

Факс в кабинете Мелани затрещал. Прихлебывая какао из чашки, она взяла первый лист.

«Дорогая коллега, высылаю вам мой план дежурств на следующую неделю», – было написано на бумаге неровным почерком. Какой еще план дежурств? Она тут же отставила чашку и схватила остальные листы.

Факс пришел из больницы Вены и был подписан «Доктор Хенрайх». Тут до нее дошло. Врач иногда производил впечатление дряхлого старика, но на самом деле оказался хитрым лисом, который не терял времени даром. Разумеется, на последующих страницах был никакой не план, а медицинская карта Ингрид, которую доктор Хенрайх отправил ей по факсу прямо из больницы.

Мелани углубилась в документы, по привычке автоматически выделяя самые важные места желтым маркером. В последний год жизни мать Клары страдала от сильных головных болей, у нее были нарушения равновесия, тахикардия, проблемы с обменом веществ, катаракта и шум в ушах. Мелани задумчиво повертела маркер между пальцами. Этот коктейль из симптомов не имел никакого смысла.

После того как факс выплюнул последний лист, зазвонил мобильный. Доктор Хенрайх.

– Вы получили мой план дежурств?

– Да, спасибо, все пришло, семь страниц.

– Хорошо, – пробормотал он. – Я дождусь подтверждения, а потом мне нужно на обход. – Он медлил и тянул время, потом понизил голос. – Ваша подруга умерла в больнице, вы знаете, что это означает?

Мелани понимала, к чему он клонит.

– Это значит – автоматически была проведена аутопсия.

– Я об этом и говорю. – Он сделал паузу. – Я смог заглянуть в онлайн-архив. В ее теле было полно опухолей.

– Рак?

– В начальной стадии, но она умерла не от этого. У нее отказали органы.

– Но почему?

– Истинной причины, похоже, никто не знает. Официальная формулировка: сердечная недостаточность.

Это Мелани уже знала.

– Что вы обо всем этом думаете?

Доктор Хенрайх вздохнул.

– Честно говоря, я понятия не имею. Из нас двоих вы детектив. По какому бы следу вы ни шли, не бросайте его. Мне пора, удачи. – Он закончил разговор.

Мелани нуждалась в свежем воздухе. Она покинула кабинет и вышла на террасу. Было три часа дня. Она еще не обедала, в желудке уже урчало, но аппетит полностью пропал. Мелани прогулялась к берегу, ступила на деревянный помост и прошла до самого конца причала, где на волнах танцевал гидроцикл Герхарда. На бензобаке был приклеен зеленый смайлик.

Так как озеро являлось природоохранной зоной, использование моторных лодок было запрещено, но Герхард в порядке исключения

получил разрешение на двигатель своего гидроцикла, потому что доставал со дна озера железный лом и разную рухлядь – что, конечно, не нравилось их соседям. Но невозможно считаться с каждым недовольным старпером.

В нескольких сотнях метров находились парусная школа и яхтклуб. А за ними – апартаменты и летние квартиры. Сейчас в некоторых домах еще живут, но к середине октября все изменится. Осенью в городке Нойзидль-ам-Зе жуткая скукотища.

Мелани подумала об Ингрид. Почему она никогда не звонила подруге в последние годы? Одного раза было бы достаточно, чтобы узнать, все ли у той в порядке. Она могла бы пригласить Ингрид, Клару и, возможно, Рудольфа к себе на озеро. Герхард легко общался с малознакомыми людьми. Мужчины могли бы осмотреть мастерскую Герхарда, пока они с Ингрид пили бы айс-кофе на террасе, а Клара играла бы с Шейлой на берегу. Но сейчас бессмысленно думать о том, что можно было сделать иначе. «Если бы у моей тети были усы, то она была бы моим дядей» – одна из дурацких прибауток Герхарда.

Мелани скинула туфли, закатала штанины, села на причал и опустила ноги в воду. Какая-то семья проплывала в байдарке мимо их участка. Девочки на задней лавке помахали Мелани рукой, она помахала им в ответ. Затем набрала на мобильном номер суда и попросила соединить ее с дежурным судьей.

– О каком деле идет речь? – пробурчал Хиршман в трубку.

– Дело Клары Брайншмидт.

– А, да, девочка, которая пропала год назад. Как продвигается расследование?

– Возможно, это дело гораздо обширнее, чем мы предполагали вначале. Похищение Клары может быть связано с двумя другими девочками, чьи трупы были обнаружены в Венском Лесу.

– Двумя?

Мелани рассказала ему о последней находке у источника Агнессы, а потом вернулась к делу Клары.

– Ровно за неделю до исчезновения девочки ее мать умирает в больнице при странных обстоятельствах.

– Что значит – странных?

Мелани перечислила факты, и Хиршман постарался не допытываться, откуда у нее эта информация. Он знал о ее

своеобразных методах, с помощью которых она иногда добывала доказательства.

– Единственное связующее звено между почти одновременными драмами со смертью Ингрид и исчезновением Клары – ее приемный отец.

– К чему вы клоните?

«Он имеет какое-то отношение к этим событиям!» Но Мелани остерегалась высказать вслух такое предположение. Только по существу!

– Я хотела бы запросить ордер на обыск дома Клары.

– Я вас умоляю, – вырвалось у судьи Хиршмана. – Разве отец был в списке подозреваемых тогда? Или, может, сегодня?

– Нет, – нехотя признала она. – Но, согласно уголовно-процессуальному праву, дом необвиняемого тоже может быть...

– Если есть повод полагать, что там находятся улики, – перебил ее судья. – У вас имеются конкретные подозрения?

– Нет, но я предполагаю...

– Предположений мне недостаточно. Мне нужны убедительные причины. – Хиршман принялся что-то печатать на клавиатуре. – Между прочим, обыск дома год назад не дал никаких результатов, – пробормотал он. – Что вы сейчас надеетесь там найти?

– Татуировочное оборудование или потайной подвал.

Хиршман сочувственно рассмеялся.

– Оставьте мужчину в покое и уважайте его права. Он достаточно пережил за последний год. Кроме того, я не хочу, чтобы полиция перерывала комнату девочки у нее на глазах.

– Клару ведь отпустят из больницы только через неделю, а до того...

– Девочка уже сегодня поедет домой, – заявил Хиршман.

– Что? – вырвалось у Мелани. – Кто так распорядился и почему я ничего об этом не знаю?

– Полагаю, это было решение главврача по настоянию отца Клары. Он говорил со мной.

– Брайншмидт говорил с вами? – Мелани почувствовала себя абсолютно беспомощной.

– Все-таки у него есть право видеть свою дочь.

«Приемную дочь», – мысленно поправила его Мелани. Но этот маленький нюанс не играл для суда никакой роли.

– Когда он заберет ее?

– Думаю, через час, когда сделают последнюю компьютерную томографию.

Мелани взглянула на наручные часы.

– Если вы не возражаете, я возьму это на себя и отвезу Клару домой.

– Как хотите... но не забывайте, что этот мужчина не является подозреваемым.

– Конечно, ваша честь.

Мелани надела туфли и побежала по причалу к дому, где схватила бумажник и ключ от автомобиля. Рудольф Брайншмидт перехитрил ее со всех сторон. Но она так просто не сдастся, это ее долг перед Кларой. Девочка еще не оправилась от психологической травмы и была не готова вернуться в свое привычное окружение.

Когда она бежала к машине, из мастерской вышел Герхард.

– Ты куда? – крикнул он через участок.

– К Кларе – я позвоню тебе по дороге. – Она запрыгнула в машину и захлопнула за собой дверь.

К тому же она и без разрешения суда сможет заглянуть в дом своей умершей подруги, где Брайншмидт живет припеваючи.

15

Сабина ушла с послеобеденного занятия чуть раньше и ровно в шестнадцать часов стояла перед архивом.

Седая стерва в очках для чтения впустила ее.

– Конрад Бессели сказал один час, не дольше!

Сабина кивнула.

– И к тому же мне некогда возиться с вами и доставать документы.

С завтрашнего дня я в отпуске, и мне нужно еще много чего успеть.

Сабина попыталась оставаться дружелюбной.

– И куда вы поедете?

– На Майорку.

«Ага, вечеринки... Отпуск одинокой валькирии в клубе».

Женщина кивнула на письменный стол.

– Сами ищите номера дел вон на том компьютере. – Она посмотрела на часы. – У меня дела.

То, что должно было прозвучать как грубый отказ, вполне устроило Сабину. Все равно эта женщина только мешала бы ее поискам.

Сабина подошла к компьютеру и сразу заметила, что предыдущий пользователь не вышел из системы по обработке запросов. Она не могла поверить своему счастью. С этой версией можно даже начать поиск полных текстов. Она немного подумала и выбрала классический поиск по внутренним базам данных. Сначала она искала все нераскрытые дела за последние пять лет. Потом отфильтровала те, в которых был подозреваемый, но из-за ошибочных или недостаточных улик его оправдали или до предъявления обвинения дело даже и не дошло. Девять случаев!

Массивные оранжевые стеллажи на колесиках доходили до потолка и стояли вплотную, так что между ними не мог протиснуться ни один листочек. Сабина нашла соответствующий шкаф, потом поворачивала рычаги других стеллажей, которые заскользили по специальным рельсам на полу, пока не образовался коридор в блоке с нужными номерами. Работа была утомительная, и теперь Сабина поняла, почему старая стерва не захотела ей помогать.

Вскоре она просмотрела первые восемь подшитых досье. Ни над одним из этих дел Эрик не работал. Только на девятом она наткнулась на его фамилию. Сабина внесла номер дела в онлайн-систему под именем Бессели и хотела уже покинуть архив, как ведьма ее остановила:

– Когда я увижу документы снова?

– Когда вернетесь из Балермана^[8].

С бумагами под мышкой Сабина направилась через столовую к себе в квартиру. У нее было еще полчаса до начала следующего курса. Сегодня вечером в расписании стояло только «Обнаружение ошибок и их причин в расследовании».

– Белочка! – крикнул кто-то через весь зал.

Она узнала голос Шёнфельда. Только его не хватало! К тому же краем глаза она заметила, что Мистер Супермозг сидит за столом не

один, а как минимум с еще двумя гениями. Гомез и Майкснер попивали с ним послеобеденный кофе... Дьявольское трио, навсегда вместе. Тины и след простыл. Похоже, она уже сторонилась этой группы. Мудрое решение! Сабина прошла мимо их стола.

– Что ты там тащишь, заучка? – спросил Шёнфельд.

– Это судебное дело из архива, – ответила за нее Майкснер. – Как ты его достала?

Сабина остановилась.

– Я же заучка.

– И что ты собираешься с этим делать, Элли Макбил?^[9]

– Вместо того чтобы фантазировать, тебе следует вернуться в реальность. – Гомез сымитировал голландский акцент Снейдера и кивнул в сторону раздачи.

Сабина обернулась и увидела Снейдера, который стоял, прислонясь к прилавку, и печатал в смартфоне.

– Заказал себе чайник ванильного чая, – прокомментировал Шёнфельд. – Возможно, в этом чае и заключается секрет его высокой раскрываемости преступлений.

– Он просто ненормальный! – возразил Гомез. – Когда он был младенцем, ведьмы склонились над его колыбелью и наделили его этим темным даром... или что-то вроде того.

– У вас обоих не все дома, – заявила Майкснер. – Судья Ева-Мария Ауерсберг сказала о нем, что он мыслит намного масштабнее всех остальных.

– Откуда ты это знаешь?

– Если бы ты посещал добровольные мероприятия, тоже бы знал. Она приглашенный доцент в Академии и, похоже, хорошо знает Снейдера. Просто он умеет поставить себя на место извращенцев с большим мозгом лучше, чем другие.

Шёнфельд пристально посмотрел на Сабину.

– Это правда?

Вот, значит, почему они вдруг захотели поговорить с ней.

– Кто из нас гений, ты или я? – ответила Сабина.

– Все-таки в прошлом году вы вместе с ним расследовали одно дело. Какой он вообще?

Было и так понятно, что рано или поздно они это выяснят. Гомез и Майкснер с нетерпением смотрели на нее.

– Без понятия, – ответила она.

– Тише, он смотрит в нашу сторону, – пробормотала Майкснер.

В этот момент дверь распахнулась, и несколько мужчин с короткими стрижками, в сапогах, черной форме и кевларовых жилетах прошагали через столовую. Перед зданием стояла машина мобильного оперативного отряда.

– Начальника группы я знаю. Это Ломан, – заявил Шёнфельд. – Ему подчиняются внутренняя служба безопасности и мобильный оперативный отряд. Они целый день патрулируют Висбаден. Видимо, нервничают из-за того, что в Дорфера недавно стреляли, и из-за предстоящего празднования шестидесятилетия в Рейн-Майн-Халле.

Проходя мимо Снейдера, мужчины коротко подняли руку в знак приветствия. Снейдер молча кивнул в ответ. Женщина за прилавком протянула ему чайник. Тот, кого Шёнфельд назвал Ломаном, остановился рядом со Снейдером. Они быстро переговорили, Ломан улыбнулся и похлопал Снейдера по плечу.

– Итак, Белочка. Ты же знаешь Снейдера. Какой он? – повторил Шёнфельд.

– Спроси своих друзей из оперативного отряда. – Сабина взяла свои бумаги и покинула столовую.

Она вошла в свою комнату, бросила документы на кровать и тут заметила, что кто-то положил ей на стол конверт. В остальном в комнате все оставалось по-прежнему. Это на тему личного пространства в здании, где в каждом углу висит видеокамера! Она разорвала адресованный ей конверт и вытащила открытку. Президент Дитрих Хесс приглашал во вторник, десятого сентября, на празднование шестидесятилетия Федерального ведомства уголовной полиции в Рейн-Майн-Халле. Роскошное торжественное приглашение с факсимильной подписью Хесса. «Начало 19:00. Дресс-код: деловой стиль». Ожидалось несколько тысяч гостей. После вручения почетных значков был запланирован фуршет, а затем неофициальная часть с выступлением музыкальной группы.

Сабина задалась вопросом, почему Хесс просто не вычеркнул студентов Снейдера из списка гостей. Но не стала думать об этом и сунула приглашение в ящик стола. На комодке стояла фотография ее

мамы в темно-синем блейзере и элегантной шляпе, которая была сделана незадолго до ее смерти. Рядом Сабина поставила фотографию сестры и трех племянниц, которая всегда поднимала ей настроение: девчонки с растрепанными светлыми волосами и образцовой улыбкой «от уха до уха». Частица родного дома.

Сабина сварила себе кофе и села с документами на балконе. СМИ дали преступлению название «Дело каннибала». В августе два года назад в маленьком местечке Кильбург в районе Айфель был зафиксирован таинственный смертельный случай, и прокуратура привлекла к расследованию БКА. Тридцатилетнего гомосексуалиста усыпили в пансионе пачкой снотворного, а затем перенесли в чужую комнату. На протяжении пяти дней его насильно удерживали там, в конце концов он был частично съеден и умер. Она правильно прочитала? «Частично съеден?» Бедро, предплечья и внутренности. Сабину затошнило. Фотографии из отчета судмедэксперта были ужасны и придавали понятию «пансион с завтраком» новое жуткое значение.

Эрик выяснил, что почти за год до происшествия некто забронировал по телефону эту комнату на неделю. Женственное лицо убитого показалось Сабине знакомым. Это оказался телевизионный ведущий, он был женат и хотя до самой смерти так и не совершил каминг-аут, но интенсивно контактировал в Интернете с некоторыми мужчинами, заинтересованными в антропофагии, то есть каннибализме.

Но все-таки он ушел из жизни не добровольно, потому что его усыпили, связали, заткнули рот кляпом и частично съели, пока он еще был жив. Ни другие гости, ни владельцы пансиона не заметили, что происходило в комнате номер одиннадцать с чудесным видом на горы на протяжении пяти дней.

Однако самым ужасным Сабине показалась написанная от руки записка, которая висела на шнуре на шее жертвы. «Стол накрыт, блюдо сидит напротив вас».

Сабина закрыла папку и уставилась вниз на город у подножия горы Гайсберг. К своему уже остывшему кофе она не притронулась.

В первых двух случаях использовали рогипнол и хлороформ, здесь снотворное. Там скальпель и складной нож, здесь электрический нож для хлеба. Берлин, Северное море и Айфель.

Есть ли между этими тремя преступлениями какая-то связь? Способ убийства, как и выбор жертвы были разными: состоятельная семья, племянница австрийского дипломата и сейчас телевизионный ведущий. Однако бросалось в глаза, что убийства были совершены с интервалом примерно год.

Кроме того, имелись и другие параллели: подозреваемого также посадили в следственный изолятор. Многие улики указывали на то, что преступление совершил кёльнский бухгалтер, занимающийся составлением балансов, Хельмут Прёлль. У него был определенный опыт общения в данных кругах, он контактировал с убитым и не мог предъявить алиби на время совершения преступления. Среди документов Сабина нашла психологическую экспертизу, составленную Бессели. В ней говорилось, что хотя у Прёлля наблюдались гомосексуальные и каннибальские склонности, он абсолютно не разбирался в медикаментах, тем более не знал, как их дозировать. Кроме того, тщедушный Прёлль ни за что не смог бы перетащить ведущего на третий этаж пансиона. Экспертиза Бессели сняла подозрения с Прёлля, и дело против него было прекращено.

Но была еще одна общая черта! Сабина обратилась к медицинскому заключению. В качестве судмедэксперта делом снова занимался доктор Лауренц Белл.

Настоящий преступник и здесь оставил фиктивные следы, чтобы главным подозреваемым стал невиновный? На этот раз голубой бухгалтер? Или она действительно гоняется за фантомом, как утверждал Снейдер? Если нет, то речь может идти только об исключительно изощренном убийце, который оставлял места своих преступлений в таком виде, что очевидного сходства между ними не прослеживалось, и его невозможно было заподозрить. Как давно он играет в эту игру? Сколько убийств на его счету и сколько невиновных людей сидит из-за него в тюрьме?

Но если это была цель, то его усилия не принесли плодов – по крайней мере, в этих трех случаях, потому что никто из подозреваемых не был осужден. Или гений вовсе и не хотел, чтобы кого-то посадили в тюрьму? Все это сбивало с толку.

Сабина поднялась и вылила холодный кофе в горшок с пальмой юккой рядом с балконной дверью. Следующий курс вот-вот начнется. Она собрала бумаги, вышла из комнаты и сунула магнитный ключ в

карман брюк. При этом наткнулась на листок Вессели с адресом архива, где они должны были встретиться сегодня вечером.

Она подумала о психологической экспертизе в деле о каннибале. И неожиданно поняла, что встреча с Вессели не так уж некстати.

16

Из близлежащего леса доносился хвойный запах. За последние годы здесь ничего не изменилось. Родительский дом Ингрид стоял в конце проселочной дороги, которая носила характерное название Лесной переулочек. Уже в нескольких сотнях метров находилась первая кормушка для косуль, которые осенью часто подходили достаточно близко к поселку. Мелани почти не узнала здание с небольшим садиком. Одноэтажный дом на одну семью был перекрашен в желтый цвет, а чердак переделан в жилую мансарду со слуховыми окошками.

Дверь открылась, и на пороге появился Рудольф Брайншмидт.

– Папа! – Клара выронила мягкую игрушку, побежала мимо Мелани и бросилась к своему приемному отцу. Мелани рассчитывала на что угодно, только не на это.

Он подхватил ее и прижал к себе, как родную дочь. У Брайншмидта по щекам даже потекли слезы.

– О господи, малышка!

Он выглядел точно таким же, каким Мелани его помнила: худощавый мужчина с глубоко посаженными глазами, черными редущими волосами. Последние три года не прошли для него бесследно. На висках появилась седина, а сквозь волосы просвечивала кожа головы.

При виде Брайншмидта Мелани начала сомневаться в своих негативных суждениях о нем. Возможно, это лишь предрассудки, которые она сохраняла и развивала в себе все эти годы? Может, он стал заботливым отцом для Клары? Хотелось бы в это верить.

Но он был расчетливым и умел ловко манипулировать людьми. Он познакомился с Ингрид в Интернете, быстро ее обработал и уже после третьего свидания переехал к ней со всеми вещами. Уже после второй встречи Клара должна была называть его отцом, словно родного отца

никогда не существовало. Как Ингрид могла так поступить со своей дочерью?

Мелани осознала, что ее внутренняя ярость направлена исключительно против лучшей подруги. Но было еще кое-что другое, заставившее ее тогда насторожиться. Брайншмидт уже был один раз женат и после смерти своей жены получил приличную сумму денег. Какого черта, его магазин электротоваров приносил ему хороший доход. Наследство и выплата по страховке обеспечили ему будущее. А теперь он живет в милом, опять же полученном по наследству домике на краю Венского Леса.

– Спасибо, что привезла мне Клару. Мы ведь уже знакомы, верно? Вопрос вывел Мелани из задумчивости.

Брайншмидт опустил Клару на землю, заправил черную водолазку в джинсы и протянул Мелани руку. Его пальцы были холодные и узловатые.

– Была рада помочь. – Она с неприятием вспомнила, что они с Брайншмидтом на ты.

– Но это было не обязательно.

– Конечно, обязательно, – возразила Мелани. – Из соображений безопасности так лучше.

– Понимаю. – Он сунул руки в карманы брюк. – Я бы с удовольствием пригласил тебя зайти, но обещал Кларе, что мы поедem в магазины.

– В магазины? Сейчас? – Она взглянула на часы. Было около семи.

– Нам нужно поторопиться. У меня дома ничего нет. Ей нужна зубная щетка, пижама и новая одежда.

Между тем Клара протиснулась мимо Брайншмидта и пробежала в дом. Мелани слышала, как она шумно поднималась и спускалась по лестнице и открывала все двери.

Брайншмидт, улыбаясь, пожал плечами.

– Она возбуждена, это понятно.

– Она ищет свою мать, – серьезно сказала Мелани.

– Ингрид умерла больше года назад.

– Для Клары она умерла за неделю до похищения, – напомнила она Брайншмидту. – Затем Клара год провела в аду. Она не была на похоронах своей матери и не имела возможности осмыслить эту драму.

«А ты хочешь ехать покупать с ней зубную щетку!»

– Я слышал, у нее что-то со спиной...

– Ей срочно нужна психологическая помощь, – перебила его Мелани.

– Я знаю, психологическую травму нужно преодолеть.

– Мы еще не готовы. Мы даже не знаем, о какой травме идет речь.

– «Мы»? – эхом повторил Брайншмидт. – Ты здесь не в качестве тети Клары? Ты здесь потому, что...

– Потому что я веду расследование, да.

– Понятно. – Брайншмидт изучал ее. – Поэтому ты хочешь попасть в дом. – Его брови нахмурились.

Вот оно, это старое чувство! Расчетливый взгляд Брайншмидта. Он мысленно вскрывал, как патологоанатом, психику окружающих – в поисках слабого места, куда он легко мог бы запустить свой крючок.

«Что ты скрываешь?»

– Я просто хотела бы попрощаться с Klarой, о'кей? – холодно произнесла она.

– Пожалуйста... Клара! Тете Мелани, к сожалению, уже пора идти.

Клара сбежала по лестнице и примчалась к двери. Мелани все еще стояла на пороге. Она подняла плюшевую собаку и сунула ее Кларе в руки.

– Хорошо присматривай за Феликсом.

Клара кивнула. И вдруг схватила Мелани за руку.

– Идем! – Она потянула Мелани через прихожую на кухню.

– О, Клара! – запротестовал Брайншмидт. – Тетя Мелани должна ехать, а мы хотели купить для тебя пару новых вещей.

– Сейчас.

В кухне вообще не пахло, словно в этом доме уже много месяцев ничего не готовили. На столе не было даже солонки. Наверняка холодильник и шкафы тоже пустые. В доме конечно же нет даже молока, чтобы сварить какао или приготовить мюсли для Клары.

Клара посадила Феликса за стол на угловой диванчик, так чтобы он видел опушку леса через террасную дверь. Солнце уже опустилось за деревья, и оранжевый свет пробивался сквозь ветви.

Брайншмидт тоже вошел на кухню, и у Мелани было чувство, что он пристально следит за каждым ее движением.

– Это его любимое место? – спросила она.

Клара не ответила. Вместо этого подняла висячие уши пса так, чтобы тот казался больше.

Тут Мелани вспомнила свой последний разговор с Кларой и изменила голос.

– *Это мое любимое место?*

Клара кивнула.

– Тебе нравится?

– *Здесь чудесно.*

– Отсюда ты все видишь и можешь следить.

«Чтобы никто не забрался в дом со стороны леса», – мысленно закончила предложение Мелани. При виде девочки у нее разрывалось сердце. Она через лес убежала от сумасшедшего, который целый год держал ее неизвестно где, – и вот сейчас она снова дома, в своей комнате, с видом на тот же лес. Что творилось в душе этой девочки?

– *Точно. Я буду охранять дом. Лучше меня это никто не сделает.* – Она погладила Клару по волосам.

Потом взглянула на Брайншмидта.

– Какая глухая местность, – заметила она и попыталась обратить все в пустяковую беседу. Одновременно подумала о том, что Хаузер сказал о соседях. – У вас тут вообще есть Интернет?

Брайншмидт нахмурился.

– У нас еще подключение к городской телефонной сети и старый модем. А что?

– И как, работает без проблем?

– Конечно. Почему нет?

«*Потому что соседи жаловались, что перед исчезновением Клары случались сбои в работе беспроводного Интернета*».

– Я тоже живу на отшибе, и у нас плохая интернет-связь, – солгала она.

– Знаю, ты живешь на Нойзидлер-Зе. Зайди как-нибудь ко мне в магазин, может, мы найдем для тебя решение.

В этот момент раздался телефонный звонок. Брайншмидт вышел из кухни, и Мелани увидела, как он снял трубку в прихожей.

– Да, мы уже в пути, – пробормотал он.

Пока Клара усаживала пса, чтобы тот не упал, Мелани смотрела на опушку леса. Она заметила, что на террасной двери был замок с простой поворотной ручкой. За дверью находилась москитная сетка.

Безумная мысль пришла Мелани в голову, и она, не раздумывая, повернула задвижку, так чтобы дверь можно было открыть снаружи.

В следующий момент Брайншмидт снова стоял в кухне.

– Нам пора, бабушка уже ждет!

– Бабушка тоже поедет с нами? – спросила Клара.

– Конечно, разве я тебе не сказал? Она ждет не дождется увидеть тебя. К тому же мы сегодня переночуем у нее.

Еще и это!

Так как родители Ингрид умерли, а Клара никогда не общалась с матерью своего родного отца, речь могла идти только об одной бабушке – матери Брайншмидта. Но она не стала ничего больше спрашивать, а наклонилась к Кларе, чтобы обнять ее. Прижимая к себе девочку, Мелани старалась не думать о том, что было на ее спине, иначе она не смогла бы сдержать слез.

– Я навещу тебя завтра, о'кей?

Затем прошла мимо Брайншмидта.

– На этот раз присматривай за ней лучше, – сказала она и заметила, как ей сложно обращаться к нему на ты.

– Хорошо.

Она не подала ему на прощание руки.

Он ей тоже.

С соседней улочки она наблюдала, как Брайншмидт и Клара вышли из дома и уехали на маленьком фургоне с голубым логотипом. Мелани подождала одну минуту, потом вылезла из машины и направилась к Лесному переулку. Она перелезла через невысокий штaketник и по гравийной дорожке обогнула дом. Соседи находились слишком далеко, чтобы кто-то мог ее заметить. К тому же террасу было не видно за домом.

Мелани отодвинула москитную сетку и открыла дверь. В следующий момент она стояла в кухне и смотрела в желтые глаза-пуговицы плюшевой собаки. Если бы Феликс и правда мог охранять, то поднял бы сейчас ужасный шум. Но он не шелохнулся. Какой плохой сторожевой пес!

За свою карьеру Мелани уже совершала полулегальные поступки, но еще ни разу не проникала незаконно в чужой дом. Ее сердце колотилось где-то в горле, руки казались ватными.

«Ты сейчас уйдешь, – уговаривала она себя. – Всего несколько минут!»

Или хотя бы пока не найдешь татуировочную машинку или спуск в потайное звуконепроницаемое подвальное помещение.

17

Висбаден лежал в долине, на северо-западе которой возвышались три горы. Нероберг, куда можно было подняться на старинном горном трамвайчике, граничила с Гайсберг, где находилось здание БКА, и Зонненберг, на которой, как Сабина только что выяснила, располагался элитный поселок с шикарным видом на город.

Вообще-то на Кройцбергштрассе на горе Зонненберг Сабина ожидала увидеть филиал БКА, какое-нибудь административное здание или, по крайней мере, постройку с подземным архивом. Но в этой местности были исключительно виллы с большими садами.

С усиливающимся скепсисом она ехала вверх по крутым переулкам, пока не добралась до Кройцбергштрассе, двенадцать – частному владению с высоким забором и туями. Она припарковалась перед участком и подошла к главному входу. Здесь она должна помогать с архивированием? Через стальную решетку виднелось Г-образное бунгало с палисадником. В пруду квакали лягушки, вдоль дорожки из натурального камня, ведущей к входу, были высажены кустарники. Вечернее солнце освещало дом с террасой, над которой раскинулись ветви большого старого дуба.

«Кройцбергштрассе, 12».

Вессели подшутил над ней? Она позвонила в домофон. Садовая дверь с жужжанием открылась, и Сабина ступила на участок. В длинной части бунгало находился крытый бассейн. За стеклянным фасадом стояли пальмы. Сабина буквально чувствовала запах хлорки. Спустя минуту Вессели открыл входную дверь. На нем были черные брюки и наполовину расстегнутая черная рубашка. Он выглядел как всегда: седые, немного взъерошенные волосы, обветренное небритое лицо, острый взгляд. Единственное отличие, которое она заметила, – сейчас от Вессели пахло одеколоном. Дорогой пьянящий запах. Она

задавалась вопросом, как он лишился глаза и почему не носит вместо повязки стеклянный протез.

– Значит, вы живете здесь, – констатировала Сабина.

– Вообще, у меня есть кабинет в БКА, но я обычно работаю здесь в домашнем кабинете с частным архивом. К серверам БКА я подключен онлайн.

– А если вам понадобятся другие документы из архива?

– Курьер доставит их мне в течение часа.

Сабина взглянула на деревянную коробку массивной входной двери, кодовый замок и камеры видеонаблюдения под крышей. Они были оснащены датчиками движения и, вероятно, могли быть переведены в режим ночной и инфракрасной съемки. Здесь документы были в такой же безопасности, как и в бункере ведомства уголовной полиции.

Вессели сделал шаг в сторону.

– Входите в мою маленькую крепость.

Так как Вессели был в черных лаковых туфлях, Сабина тоже решила не разуваться. Он провел ее в гостиную, и там Сабину ждал очередной сюрприз. Стол был накрыт на двоих, рядом с открытой бутылкой вина стояли свечи, пахло чесноком, и играла негромкая музыка.

– Надеюсь, вы любите «совиньон блан» и королевские креветки.

– По крайней мере, аллергии нет. Сами готовили?

– Для моих гостей – всегда, – ответил он.

– Гостей? – переспросила Сабина. – Полагаю, на сегодня архивные работы отменяются... – «Вместо этого вы будете пытаться приставать ко мне, – додумала она предложение до конца. – А я снова попала на эту старую уловку».

– Угадали – извините меня, я должен проверить креветки. – Он исчез на кухне.

Без сомнения, он был хищным койотом, который всегда добивался своего, – но Сабина все равно чувствовала себя польщенной. Хотя Вессели перевалило за шестьдесят, он был стройным, высоким и в неплохой физической форме, если не считать проблемы с ногой. Наверняка регулярно плавал в бассейне. Кроме того, обветренное лицо придавало ему загадочности.

К гостиной прилегал зимний сад с высокими комнатными пальмами. Через широкое окно был виден Висбаден, который мирно дремал в долине. Быстро стемнело, и уже замерцали городские огни.

Пока Вессели возился со сковородой в соседней комнате, Сабина подошла к книжному стеллажу и разглядывала полки.

В основном специальная литература по криминологии, от изданий в кожаных переплетах начала девятнадцатого века до современной аутопсии.

– Вы живете здесь один? – спросила она. «Или отослали жену сегодня вечером из дома?» Возможно, у него не было секса уже несколько месяцев. Но сегодня тоже ничего не получится. По крайней мере, с ней.

Вессели выключил вытяжку.

– Моя жена страдала маниакально-депрессивным психозом. Пять лет назад она покончила с собой. Таблетки. Пока я был на конференции в Берлине.

«Черт», – подумала Сабина. Но все равно не испытывала угрызений совести по поводу своей инсинуации.

– В этом весь трагизм, – продолжил он. – Как профайлер я изучаю психику людей, но собственной жене помочь не смог.

Мать Сабины убили год назад. Так что Вессели не нужно давить на жалость, рассказывая ей о боли и чувстве вины.

– Между прочим, этот участок принадлежал семье моей жены. Целым трем поколениям, иначе мы не смогли бы позволить себе жить здесь.

– У вас есть дети? – спросила Сабина.

– Из-за болезни жены мы решили не заводить детей.

Сабина не спеша брела вдоль книжных стеллажей и пальцами скользила по корешкам. У Вессели была невероятно подробная библиотека по судебной медицине.

– Что вы думаете по поводу доктора Лауренца Белла?

– Вы его знаете? – спросил Вессели.

– Немного, – ответила Сабина.

– Ну, он был отцом-одиночкой. До того, как потерял сына и начал пить, он был чертовски хорошим врачом в университетской клинике Франкфурта. Каждый по-своему переживает смерть любимого человека.

- На его профессионализм можно положиться?
- Как нейрохирурга или судмедэксперта?
- Судмедэксперта.
- Раньше он был гением, да и сегодня остается выдающимся.

Поэтому я забрал его в Висбаден.

– Гением? – переспросила Сабина.

– А вы не знали? – Вессели откинулся назад и заглянул в гостиную. – Белл на один глаз сильно близорук, а на другой сильно дальновзорук. Врачи говорят, такое редко встречается. Вообще-то, он не должен ничего видеть, потому что мозг не может совместить две настолько разные картинки. Но он видит. Поэтому когда-нибудь его мозг будет заспиртован, чтобы студенты могли им восхищаться.

Сабина представила себе на секунду жуткий взгляд Белла. В этот момент в комнату вошел Вессели со сковородой в руке. Сабина села за стол. Вессели налил вина в бокалы, и они принялись за еду.

– А какой он хирург?

– Почему вы им интересуетесь?

– Эрик Дорфер мой друг, а Белл лечит его.

Вессели посмотрел на нее с состраданием.

– Трагический случай, мне очень жаль. Но поверьте мне, Белл настоящий профессионал. Эрик в надежных руках.

– Уже есть какие-то предположения, кто мог в него стрелять?

Вессели покачал головой:

– В ту ночь незадолго до покушения перерыли наши со Снейдером офисы. Это наверняка кто-то из Висбадена, у кого хорошие связи с БКА. В ту же ночь мы провели кризисное совещание с директором Хессом. Снейдер тут же организовал самое необходимое: установку новых камер слежения и досрочную выдачу запланированных новых служебных мобильных.

– Почему?

– Это конфиденциальная информация. – Вессели улыбнулся. – В любом случае вы можете себе представить, что после этого происшествия настроение в БКА неважное. И все это именно сейчас, перед самым шестидесятипятилетием. Были проведены сотни допросов – никто никому не доверяет, – сказал он с набитым ртом. – Говорю вам как ветеран, который может это оценить.

Креветки в чесночном соусе были великолепны. Но от ужина все равно оставался какой-то грустный осадок.

– Почему вы пошли в БКА? – спросила Сабина.

– Ну... – Вессели окунул кусок белого хлеба в соус. – Когда в 1968 году начались студенческие волнения, мне было семнадцать, и я видел свою задачу в том, чтобы вернуть спокойствие в стране. Я окончил полицейскую школу и подал заявление в БКА. В то время президентом БКА был Герольд.

Сабина знала Герольда по рассказам. Этот человек был легендой.

– Вы знали Герольда лично?

Вессели прищурился.

– «Лично»? – со смехом повторил он. – Он обучал меня. Гениальный стратег и первый, кто попытался поставить себя на место преступника. До него БКА пребывал в спячке, но Герольд занялся техническим оснащением. Разработал интеллектуальный анализ данных для сыска и инвестировал в технику, создание баз данных и первые мощные компьютеры.

Во взгляде Вессели появилась тоска.

– Можно спросить, почему вы носите повязку?

– Конечно, можно, – сказал он, но на вопрос не ответил. Вместо этого продолжил свой рассказ: – Это кажется парадоксальным, но всеми современными методами расследования, которые сегодня используются в работе, мы обязаны преступникам. – Его слова прозвучали так, словно он гордился этим развитием, к которому тоже приложил руку.

Сабина хотела сменить тему.

– А потом вы стали ментором Снейдера?

Вессели доел и вытер салфеткой рот.

– Мартен отслужил два года в голландской армии, за год до объединения Германии переехал из Роттердама в Дуйсбург и в двадцать три года с отличием окончил университет. Он свободно говорит на нескольких языках. Я сразу увидел его потенциал. У него уже тогда был нюх, как у верблюда, который чует лужу за двадцать километров.

Сабина знала о карьере Снейдера, с тех пор как в прошлом году он появился в Мюнхене и приспособил переговорную комнату уголовной полиции в личный кабинет. У него было почти двадцать

пять лет опыта в криминалистическом профилировании. Кроме того, он был судебным медиком, профессиональным судебным психологом и имел контакты с Европолем в Гааге. Можно подумать, честолюбивый карьерист, но и у Снейдера были свои темные стороны. Он курил травку и любил унижать окружающих, особенно когда мучился от кластерных головных болей.

– Я только одного не понимаю, – размышляла вслух Сабина. – Снейдер корифей. Почему президент Хесс терпеть его не может?

Вессели прищелкнул языком.

– Это взаимно. Раньше Хесс был вице-президентом, а сейчас уже десять лет, как президент. Если бы он мог, давно бы уже выгнал Снейдера.

– Что ему мешает?

– Он утверждает, что Мартен его лучший доцент, судмедэксперт и профайлер.

– Незаменимых нет. Кроме того, в личной вражде это не аргумент. И все равно у Снейдера больше свободы, чем у кого-либо в БКА.

– Вы правы. Очевидно, Мартен знает что-то о прошлом Хесса.

– Вы что-нибудь знаете?..

– Я то же самое хотел спросить вас, – перебил ее Вессели.

– Меня? – Сабина помотала головой.

– Ну, у каждого есть свои тайны. Кстати, какие дела он разбирает сейчас с вашей группой?

Вессели старался, чтобы вопрос прозвучал как бы между прочим, но Сабина заметила его интерес. Возможно, он пригласил ее на ужин не для того, чтобы затащить в постель, а чтобы просто расспросить о Снейдере? Но почему его должно интересовать, что делает Снейдер?

– Я подписала соглашение о конфиденциальности, – кратко ответила она.

– Ах да, знаменитые нераскрытые дела Мартена. – Вессели улыбнулся. – Должен признаться, что я горжусь своим бывшим учеником. – Он с самодовольным видом откинулся на спинку стула и задумчиво покачал в руке бокал с вином. – Знаете, в свое время я открыл его и научил всему, что он сегодня знает. Он перенял мои методы и немного усовершенствовал их. Но он не придает особого значения техническим достижениям, больше психологии. Я считаю этот путь неправильным. Но все равно у него есть тайна, которую не

знаю даже я. Процент раскрываемости у Мартена равен ста. Это пугает.

Сабину удивляло, что такой эгоцентрик, как Вессели, на все лады расхваливал своего ученика Снейдера. Но в одном Вессели ошибался.

– У Снейдера не может быть стопроцентной раскрываемости, иначе мы бы не разбирали на его занятиях нераскрытые убийства.

– Дитя мое. – Вессели улыбнулся. – Я предполагаю, что Мартен давно уже раскрыл их, но преступники не были осуждены по всевозможным бюрократическим причинам. Мартен просто хочет проверить, насколько умны его студенты. Поверьте мне, он знает ответ!

Сабина немного оторопела. Что-то внутри ее протестовало против этого утверждения.

– При всем уважении, я другого мнения.

– Вы ошибаетесь! – заявил Вессели, не дав ей объясниться.

Как он может такое утверждать?

– Снейдер, возможно, не замечает взаимосвязи в двух делах.

Вессели махнул рукой:

– Чепуха!

Она наклонилась вперед.

– В обоих случаях преступник оставил фиктивные следы. Возможно, несмотря на различные способы совершения убийств, это был один и тот же человек. Возможно, основной целью были не сами жертвы, а козлы отпущения, которым...

– Это же ерунда! Никто не станет совершать убийство только для того, чтобы возложить вину на другого?

– Еще как станет! На богатого берлинского врача и клиента психиа... – Она осеклась. Проклятье!

Вессели ухмыльнулся.

– А, «Многоножка» и «Ваттовое море».

Лучше бы Сабина откусила себе язык.

– Похоже, Мартен не очень впечатлен вашей теорией. Вы поэтому хотели попасть в архив, чтобы отыскать еще один похожий случай? – спросил Вессели. Его зрачок потемнел. – Я видел, что вы взяли дело каннибала. Ну как, нашли что-нибудь, Кларис Старлинг?^[10]

У Сабины по спине пробежала дрожь. Теперь она точно знала, что Вессели не хотел затащить ее в постель. Ее злость на саму себя

превратилась в скепсис. Зачем ему нужна эта информация?

18

Подвал Брайншмидта напоминал мастерскую Герхарда. Брайншмидт свалил здесь много мусора, потому что Ингрид этот хлам точно не принадлежал. Из большинства барахла Герхард легко мог бы спаять свои произведения искусства.

Мелани захватила с собой из машины фонарик, а в подвале нашла старые перчатки, которые надела, чтобы не оставлять отпечатков пальцев – на случай, если сотрудники экспертно-криминалистической службы будут изучать подвал.

Она протиснулась мимо старых мониторов, телевизоров и видеопроекторов к самой дальней стене подвала. За матрасом и стеллажами, уставленными коробками с электроприборами и запчастями, она обнаружила только канализационные трубы и бетон. Никакого входа в потайное подвальное помещение. Ни за шкафами, ни под половиками. Правда, на одной полке под наждачной бумагой она нашла пистолет и задалась вопросом, зачем электротехнику понадобилось оружие, но никакой татуировочной машины. Это было бы слишком круто.

Выбившись из сил, она села на какой-то сундук, сняла перчатки и вытерла пот со лба. Ее руки пахли резиной и металлом, наверняка она только что измазала себе лоб. Было уже девять вечера, и за узкими подвальными окнами наступила кромешная тьма. Луч фонарика осветил корпус старого компьютера. Долгое время Мелани сидела с отсутствующим взглядом и смотрела в никуда. Если Брайншмидт застанет ее в своем доме, у нее не только отберут это дело, но и отстранят от должности. Но хуже всего, если она потеряет доверие Клары.

«Пора уходить!»

Она уже хотела подняться, но тут ее взгляд сфокусировался, и она заметила наклейку на компьютере.

«Ядерная энергия? Нет, спасибо!»

Она осветила корпус с другой стороны.

«Спасите тюленей!» Ниже наклейка с Бобом Марли. Это был зеленый компьютер Ингрид! Мелани чуть было не рассмеялась. Она помнила эту вещь. Они с Ингрид сидели на кухне, бродили по Интернету, и Ингрид показала ей свой аккаунт на одном сайте знакомств. Тогда Мелани находила еще забавным все те сумасшедшие вещи, которые незнакомые мужчины писали подруге. Но затем в жизни Ингрид появился Брайншмидт, и ее словно подменили. Она не послушала совета Мелани не торопиться, и вскоре Брайншмидт сумел подчинить ее себе. Ингрид велела говорить по телефону, что ее нет дома, а когда Мелани в последний раз навестила подругу, та захлопнула дверь у нее перед носом. На этом их тридцатилетняя дружба резко оборвалась, как киноплёнка.

Мелани опустилась на колени и с любопытством рассматривала последнюю памятную вещь, оставшуюся от Ингрид. Головки шурупов в корпусе были поцарапаны и изношены, словно компьютер часто разбирали и снова собирали. Когда Мелани осторожно подвинула его к себе ладонями, чтобы не оставлять отпечатков пальцев, одна стенка со стуком отвалилась. Мелани посветила внутрь корпуса фонариком.

Так как Герхард любил мастерить и «прокачивать» ее компьютер, она знала, как он выглядит изнутри. Обычно большая часть системного блока была пустой. Но только не здесь! В корпусе находились кабель, металлическая пластина и прочие штуки, которые она никогда не видела ни в одном компьютере.

Как-то раз Герхард вытащил из озера Нойзидлер недалеко от кемпинга микроволновую печь и сварил из нее фигуру, которую назвал Телепузик. Механизмы в компьютере Ингрид напоминали внутренности той микроволновки.

Мелани быстро достала из кармана телефон, осветила фонариком конструкцию и другой рукой сделала несколько фотографий. Снимки получились не самые удачные, но техник сможет разобраться. Лучшее фото Мелани отправила по почте Герхарду. Когда письмо ушло, она позвонила мужу.

Ее колени уже болели от неудобной позы. По лбу стекал пот.

«Ну же, подойди к телефону!»

Наконец Герхард ответил:

– Черт возьми, где тебя носит?

– Я в подвале Кларинового дома.

– Почему ты разговариваешь шепотом?

Она не ответила.

– О нет, только не говори, что проникла туда без разрешения.

– Я отправила тебе фото по мейлу.

– Ты одна в доме?

– Да.

– О господи! – воскликнул он. – Тебя на минуту нельзя оставить... О'кей, я только что получил фотографию.

– Что ты думаешь?

– Подожди...

Через несколько секунд он снова был на линии.

– Похоже на магнетрон микроволновой печи. Что ты там вообще делаешь?

– Эти детали находятся внутри компьютера Ингрид. – Мысли путались у нее в голове. – Возможно ли, что компьютер генерирует микроволны, когда его включают в сеть и загружают?

Герхард фыркнул.

– Я что, Альберт Эйнштейн? Не могу так просто сказать. Нужно поближе рассмотреть эту штуку.

– Это невозможно, – прошептала она. – Я могу только попытаться сделать более качественные фотографии.

– Забудь, это ничего не даст. Нужно загрузить компьютер.

Мелани опасалась включать прибор в розетку и нажимать на кнопки.

– Что ты там, собственно говоря, делаешь? Ты что, вломилась в дом? – Герхард звучал уже не просто обеспокоенно, а взволнованно. – Немедленно выбирайся оттуда!

– Я должна сначала изучить компьютер.

– Что, если придет Брайншмидт и застанет тебя там?

– У меня больше не будет такой возможности.

– Тогда возьми компьютер с собой, – предложил Герхард.

– Ты с ума сошел? – вырвалось у нее.

– Ты зашла так далеко, теперь уже все равно.

– Возможно, ты, как журналист, и можешь позволить себе подобную выходку, а у меня нет ордера на обыск.

– В таком случае я бы сказал, что из нас двоих ты сумасшедшая, – ответил он. – Сколько у тебя осталось времени?

– Брайншмидт с Кларой ночуют сегодня у его матери, но, конечно, он может вернуться в любой момент, если что-то забыл.

– Тогда тебе нужно немедленно убираться из дома. Но возьми компьютер с собой!

– Нет.

– Если он заметит, что ты была в подвале, а в системном блоке окажутся улики против него, Брайншмидт избавится от компьютера.

Вполне возможно. А Брайншмидт обязательно заметит! Потому что Мелани не могла запереть террасную дверь снаружи. Она стала кусать ногти.

– Я могу внимательно изучить компьютер только дома, – сказал Герхард.

– Помолчи секунду, мне нужно подумать, – перебила его Мелани. Вообще-то она надеялась найти следы исчезновения Клары, вместо этого в голове у нее сейчас мелькали самые дикие мысли о смерти Ингрид. Но как бы Мелани ни очаровывала верховного прокурора и судью Хиршмана, у нее нет шансов получить ордер на обыск этого дома. Но чтобы выяснить больше о причинах смерти Ингрид, она должна забрать компьютер. Герхард прав! Даже если она рискует тем, что обнаруженные улики нельзя будет использовать ни в одном судебном процессе. В худшем случае это будет означать, что обвиняемого оправдают.

– Ну что? – торопил Герхард.

Мелани услышала по телефону, как залаяла Шейла.

– Я должна придерживаться законов.

– Непостижимо! Подумай, ты уже проникла в чужой дом.

– Но даже если мы найдем какие-то доказательства, то не сможем ими воспользоваться, потому что они ничего не будут значить в суде.

– Этот запрет использования незаконно полученных улик действует только в Германии, но не у нас, – напомнил он ей.

– Да, но любой адвокат обвинит меня в том, что я произвела дома какие-то махинации с компьютером, потому что Ингрид была моей лучшей подругой. Верховный прокурор отберет у меня это дело. И не только. Я подвергнусь дисциплинарному наказанию, на меня могут завести уголовное дело и даже уволить. – Она замолчала. – Что мне делать?

– Ты должна решить, что для тебя важнее, – прозвучал лаконичный комментарий Герхарда. – Ты хочешь это выяснить или нет?

Шейла снова залаяла.

– Я пойду на это. – Она завершила разговор, сунула телефон в карман и натянула перчатки.

Вторые врата Ада

«Я задыхаюсь, мои легкие горят от боли. Хотя дождь тонкими иголками впивается мне в лицо, а холодный ветер продувает насквозь, по спине у меня течет пот. Температура воздуха не выше нуля. Мое дыхание замерзает, а колени слабеют уже после второго шага. Она тяжелее, чем я думал.

Ее тело постоянно соскальзывает с моих узких плеч, и мне приходится ее снова поднимать. Ее тазовая кость врезается мне в затылок. По крайней мере, она не сопротивляется. Если начнет, в кармане у меня есть хлороформ.

Ветер колышет камыши по обе стороны причала. В лужах поднимаются волны. Чайка кружит в поисках укрытия. Она мой единственный свидетель. Наконец я вижу, где кончается деревянный причал. Доски стали скользкими от дождя. Я хватаюсь за перила, чтобы перевести дух, потом иду дальше.

Лишь на несколько секунд сквозь затянутое небо пробивается солнечный луч. Косой светящийся столб опускается вниз и теряется на горизонте. Я уже чувствую запах моря.

Вперед!

Наконец причал заканчивается. Я насквозь промок, вода заливает мне глаза, затекает в рот, я ощущаю вкус соленой воды, и мне кажется, что на плечах у меня двойной груз. В захолустной хижине не горит ни один огонек.

«Ноев ковчег»! Какое характерное название для ресторана в этом богом забытом месте. Здесь все словно вымерло. Единственный признак жизни – это стальной трос, который бьется о флагшток.

Я спускаюсь по лестнице и тут же погружаюсь в песок. Впереди меня ждет самый тяжелый отрезок. Я оставляю все позади – причал,

ресторан – и иду в сторону горизонта. Снова сквозь тучи пробивается одинокий луч и указывает мне путь, словно сам Бог направляет меня в этот поход.

Если бы ветер не так сильно свистел в ушах, я бы уже услышал шум моря. Скоро я вижу первые вспышки на горизонте. Через час прилив достигнет своего пика. У меня остается не так много времени. Вскоре солнце полностью скроется за горизонтом.

Еще несколько сотен метров. Мои ботинки все глубже уходят в ил. Катарина своим весом вдавливают меня в песок. Это становится бессмысленным. Ил, налипающий мне на лодыжки, мешает идти.

Наконец я опускаю ее с плеч, подхватываю под мышки, иду дальше спиной перед и волоку ее за собой. Сейчас я смотрю назад. Передо мной только «Ноев ковчег» и причал, которые с каждым шагом удаляются от меня. Прибрежной полосы я уже не вижу. Мир вокруг стал слишком темным.

Неожиданно я погружаюсь в воду. Первые волны омывают мои ботинки. Меня обдает ледяным холодом, но я уже добрался до цели и оглядываюсь по сторонам. Всего в нескольких метрах из песка торчит деревянная свая. Она кажется достаточно прочной.

Словно догадавшись, что сейчас произойдет, она раскрывает губы и бормочет что-то невнятное. Она шевелит пальцами. Но я почти у цели, и вторая доза не понадобится. Она полностью приходит в себя, уже сидя в иле – у сваи, со связанными за спиной руками.

Я беру вторую веревку с пояса и крепко обвязываю ее тело. Затем показываю ей свой складной нож с деревянной ручкой. Охотники разрезают им сало. Я тоже. Она все понимает и начинает кричать. Я разрезаю ее блузку и бюстгальтер и стягиваю с нее брюки. Трусы оставляю. Она бы не хотела, чтобы я бросил ее там полностью обнаженной.

Когда она осознает, где находится, кто я и что она привязана к столбу на краю света, где криков никто не услышит, ее вытянутые ноги уже лежат в углублениях, которые я вырыл голыми руками. Ее белая плоть исчезает в иле, и скоро все выглядит так, словно на веревках подвешена только отрезанная верхняя часть туловища. Крупный песок с осколками ракушек до крови стирает мне ладони, но

этого никто не заметит. Я позаботился, чтобы за это заплатился другой... Почему вы так странно смотрите?

– Каково это – возложить вину за убийство на другого? Что это за чувство?

– Возложить вину? Это гораздо больше. Будь у него возможность, он бы сделал все точно так же. Я просто освободил его от этого груза и устроил все в его вкусе. С таким же успехом он мог бы сделать это сам.

– Как вы узнали о его психологической травме?

– В его медицинской карте полно протоколов его ночных кошмаров. В них он собственноручно толкает свою мать в силосорезку в тот дождливый день. Вертящиеся ножи отрезают ей пальцы, руки, ноги и разрывают ее на куски.

– Но он убил ее не намеренно, это был несчастный случай.

– А он это тоже знает?

– Вероятно, нет. Что вы испытывали, когда убивали эту молодую девушку аналогичным образом?

– Я приставляю нож, разрезаю ее, и на секунду чувствую себя им. Дождь смывает кровь с ее тела. Соль очищает раны. Морская вода омывает тело, которое все больше и больше распадается на куски.

– Почему именно эта молодая девушка?

– Она оказалась поблизости.

– Потому что она похожа на его мать?

– Возможно.

– Откуда вы знали эту девушку?

– Как я сказал, она оказалась поблизости.

– В действительности, вы несколько недель наблюдали за Каспареком, получили доступ к протоколам его психотерапевтических сеансов, изучали его и, возможно, даже разговаривали с его психиатром. Вы тогда наткнулись на Катарину?

– Это было неизбежно. Она работала в ресторане.

– Но Каспарек никогда не совершил бы этого убийства.

– Вы так уверены? Оно освободило бы его от кошмаров.

– Разве это не задача его лечащих врачей?

– Конечно.

– Но вы не врач.

– По крайней мере, не инженер человеческих душ.

– Почему вы чувствовали призвание совершить это преступление?

– Потому что врачи со своей психологической ерундой никогда не смогли бы ему помочь. Просто их методы недостаточно радикальны. Только он сам мог помочь себе, полностью избавившись от чувства вины. Для этого ему было необходимо пережить ситуацию во второй раз. С другим, реальным человеком.

– Чтобы перенести свое чувство вины на кого-то другого и больше не винить себя в смерти матери?

– Вы все поняли.

– Но ничего не вышло. Каспарека не подозревают в убийстве. Вместо него здесь сидите вы.

– Вам из БКА просто повезло».

III. Среда, 4 сентября

*Удовольствие
ослабляет дух,
Трудности
воспитывают его и
укрепляют.*

*Франческо
Петрарка*

19

В семь утра Мелани в меховых тапочках, голубом халате и с чашкой горячего какао в руке вошла в свой домашний кабинет.

Герхард уже сидел за ее письменным столом. На полу свернулась Шейла, рядом стоял компьютер Ингрид без корпуса и тихо гудел.

– Доброе утро, дорогой. – Мелани поцеловала Герхарда. – Ты давно на ногах?

– С пяти, не мог спать, – проворчал он. – Я подключил к компьютеру монитор и клавиатуру.

– Вижу, но мы же хотели просто взглянуть на техническую начинку?

– Да, но раз уж мы начали...

– Типичный журналист. Я надеюсь, ты не оставил отпечатков пальцев на аппарате.

– А если и оставил? – Он пожал плечами. – Моих отпечатков наверняка нет ни в одной базе данных. Меня никто не раскроет.

Мелани застонала.

– Кстати, как ты смогла незаметно попасть в дом? – спросил он.

Мелани рассказала.

– А когда ты убегала с компьютером под мышкой, то оставила террасную дверь открытой?

– Нет. – Она указала на ключ, который лежал на столе. – На полке рядом с входной дверью висели два запасных ключа. Я закрыла дверь на террасу и заперла дом снаружи.

– Это тебе впаяют срок.

– Лучше расскажи, что ты обнаружил.

– В корпусе установлены и заземлены трансформатор, магнетрон, диоды и конденсатор. Как только я включаю вот здесь трансформатор... – он нагнулся и воткнул кабель в розетку, – приборы начинают получать питание от компьютера.

В тот же момент Шейла вскочила, прижала уши и отошла на несколько шагов назад.

Герхард вытащил кабель.

– Эта штука действительно генерирует микроволны. Каждый раз, когда компьютер загружается, они свободно распространяются в помещении.

– Разве все это не должно сверкать и искриться, как если бы Рождество и Новый год наступили одновременно?

– В таком пластмассовом корпусе – нет.

– А жесткий диск?

– Вообще-то должен полететь, но чувствительные части компьютера защищены металлизированной фольгой. – Он постучал по стенке бронзового цвета. – Она работает по принципу клетки Фарадея^[11]. Благодаря этому высокочастотное излучение распространяется только вперед.

– И в результате?

Он пожал плечами.

– Две целых сорок пять сотых гигагерца излучения. Я не врач, но это точно небезопасно для того, кто сидит перед таким компьютером. Я задаюсь вопросом, какой сумасшедший установил это.

– Например, тот, кто владеет магазином электротоваров, – ответила Мелани. Вдруг ей в голову пришла другая мысль. – А микроволны мешают радиосети.

– Еще как! Микроволны прикончат радиомодем, как грузовик виноградную улитку.

– А какой у них приблизительно радиус действия?

– Несколько сотен метров, а что?

Мелани задумалась.

– За год до исчезновения Клары соседи начали жаловаться, что их связь стала плохо функционировать. После того как девочка пропала, Интернет снова заработал.

Герхард повернулся на стуле.

– Я не понимаю взаимосвязи. Какое отношение этот компьютер имеет к похищению девочки?

– Никакого. Но за неделю до исчезновения Клары умерла ее мать. А она работала на этом компьютере из дома как бухгалтер.

Теперь задумался Герхард.

– Возможно, это никакое не совпадение, и смерть Ингрид и похищение Клары действительно связаны.

Включилась экранная заставка – фотография Ингрид с дочерью, как они нос к носу лакомятся мороженым в вафельном рожке.

Герхард наморщил лоб.

– Ты говоришь, это компьютер Ингрид... но Клара тоже им пользовалась.

– С чего ты взял?

Герхард тряхнул мышкой, чтобы снять заставку.

– На компьютере установлены две учетные записи: одна для Ингрид, другая для Клары.

– Возможно, она просто играла на нем в компьютерные игры. В ее возрасте...

– Это ты так думаешь, – возразил он. – Клара активно пользовалась Фейсбуком и даже переписывалась по электронной почте с некоторыми школьными подружками.

– Ты все это увидел?

– Угу! – буркнул он. – Удивительно для тогда еще десятилетней девочки, верно?

Мелани отставила чашку с какао и подвинула себе стул.

– Покажи-ка!

Герхард хлопнул ей по пальцам, когда она потянулась за мышкой.

– Я думал, нас интересует только железо?

– Хватит! Можешь показать мне последние посты Клары в Фейсбуке перед ее похищением?

– Я уже пытался, – признался он. – Но буферный накопитель пуст. Нужно подключить компьютер к нашему Интернету и надеяться, что записи все еще на сервере.

– Разве это не оставит следов? – спросила Мелани. – Я на тот случай, если уголовная полиция возьмется изучать системный блок.

– Конечно, но по окончании я бы все равно стер временные файлы и записи в журнале событий.

Мелани вздохнула. Все это звучало так сложно.

– У меня есть для тебя кое-что поинтереснее. – Герхард кликнул мышкой по иконке электронного письма. – Вот о чем она общалась с подругами.

Мелани пробежала глазами темы сообщений. Речь шла о музыкальных группах, школьных рюкзаках «Монстр Хай», аудиокнигах, детективах, Джастине Бибере, некоторых учителях и одноклассниках и ее приемном отце. Больше всего Мелани хотелось открыть мейл с темой «Твой отец», но что-то внутри ее противилось этому.

За свою карьеру прокурора ей часто приходилось вторгаться в частную жизнь людей без их на то согласия, но сейчас все было по-другому. Она знала Клару с рождения и два последних дня изо всех сил старалась завоевать ее доверие. И вот перед ней детские эмоции и мысли в цифровой форме. Они были для Мелани табу, которое она не хотела нарушать.

Шейла удивленно подняла голову, словно почувствовала, что Мелани выстояла во внутренней борьбе с самой собой. Она должна была победить свое любопытство. Наверняка существовала другая возможность – вместе с Klarой.

– Что с тобой?

– Выключи компьютер. Я должна найти другой способ, как подсунуть экспертно-криминалистической службе этот системный блок в качестве улики.

– Что так вдруг?

– Сейчас речь идет уже не только о смерти Ингрид, но и о похищении Клары. Компьютер мог бы вывести нас на новое направление в расследовании.

– Как хочешь.

– Но прежде чем ты выключишь его, я хочу взглянуть на список электронных адресов.

Герхард открыл файл. В нем было всего восемь адресов: Мария, Ясмин, Надин, Сибилла, Денис, Кармен, Петра, Ханна... Все имена

звучали безобидно и походили на школьных подруг.

– Хорошо, спасибо тебе за помощь, – пробормотала Мелани. – Я должна... – Тут она замерла. Прежде чем Герхард успел закрыть окно, она кое-что заметила. – Ты знаешь, что означает этот флажок?

– Это мастер правил.

– Он работает так же, как в «Аутлуке»?

– Примерно.

– Я могу взглянуть на это правило?

– Конечно. – Герхард открыл окно. Потом кликнул еще на одно. – Правило гласит, что мейлы от данного отправителя не должны загружаться на этом компьютере.

– michelle17@gmx.at, – прочитала вслух Мелани. – Десятилетняя девочка, которая интересуется «Монстр Хай», может установить такое правило?

Герхард скривил лицо, что, видимо, должно было означать «вряд ли».

– А куда уходят сообщения от этой Мишель?

– Они остаются на почтовом сервере, – ответил он.

– Ты видишь, когда было создано это правило?

Герхард кликнул несколько раз мышкой.

– Четвертого августа прошлого года.

– В почтовом ящике есть более старые сообщения от этой Мишель?

– Ты вдруг стала любопытнее меня, – упрекнул ее Герхард, но отсортировал папку с входящими по именам. – Нет.

Мелани принялась кусать ноготь.

– Прекрати! – Герхард ударил ее по пальцам.

Она бросила на него предостерегающий взгляд.

– Нам все-таки необходим доступ в Интернет. У тебя получится? Я хотела бы посмотреть, не лежат ли на почтовом сервере сообщения от этой Мишель.

– Чем она тебя так заинтриговала?

– Правило было создано за три недели до похищения Клары.

– Понимаю, – буркнул он. – Дело начинает принимать интересный оборот.

Мелани наблюдала, как Герхард настраивал на компьютере их собственную сеть. Потом ввел их пароль и установил интернет-

соединение.

– Если хочешь, можем сразу посмотреть и посты в Фейсбуке, – предложил он.

– Эта Мишель интересует меня больше.

Он открыл сайт веб-почты Телекома, ввел адрес Клары, но в следующий момент разочарованно откинулся назад.

– Я надеялся, что ее пароль сохранен, но нет. – Он беспомощно посмотрел на Мелани. – Ты тоже вряд ли знаешь?

– Попробуй *Феликс*.

Герхард ввел имя.

– Ошибка!

Они безуспешно перепробовали *Monsterhigh*, *Justinbieber* и прочие темы, пока им наконец не повезло с детективной серией *ТККГ*, и они успешно вошли в веб-интерфейс почты. Герхард кликал на папки с входящими, черновиками и отправленными сообщениями, но его лицо все больше вытягивалось.

– На сервере лежит много чего, но ни одного сообщения от *michelle17@gmx.at* туда не приходило.

– Или же его удалили. – Мелани откинулась назад и сложила руки на затылке.

Наверняка Рудольф Брайншмидт не знал, что Клара использовала компьютер своей матери. И после смерти Ингрид он отнес системный блок в подвал и поставил его к прочему барахлу. Полицейские, ведущие расследование, конечно же не нашли этот компьютер при обыске Клариной комнаты год назад, и поэтому никто до сих пор не наткнулся ни на электронный почтовый ящик Клары, ни на ее посты в Фейсбуке.

Мелани уставилась на монитор. Какая паршивая ситуация!

Снова включилась экранная заставка, и опять на нее смотрели улыбающиеся Ингрид и Клара с испачканными мороженым носами.

Она должна найти способ убедить суд признать этот компьютер в качестве улики, чтобы прояснить один вопрос: кто такая эта Мишель?

– Сегодня мы рассмотрим технику допроса, – начал Снейдер свое занятие в восемь часов утра. – У кого из вас уже есть опыт участия в семинарах по риторике или НЛП?^[12]

Гомез и Шёнфельд подняли руки. Сабина вела себя тихо. Она выросла в Баварии на ферме бабушки с коровами и курами, и там боевая риторика была не нужна.

– О'кей, забудьте эту чушь, – продолжил Снейдер. – Мы должны исходить из того, что люди, которых мы допрашиваем, могут владеть навыками НЛП. Поэтому...

В этот момент открылась дверь и в аудиторию вошла Майкснер. Она быстро юркнула на свое место и раскрыла ноутбук.

– Ой-ой, – прошептала Тина, сидевшая рядом с Сабиной.

Снейдер медленно подошел к Майкснер.

– Вы считаете, что вам не обязательно посещать эти занятия? Потому что, как и большинство в этом здании, думаете, будто уже относитесь к элите?

– Я...

– Майкснер, что вы знаете о технике допроса?

– Сейчас будет допрос, потому что я минуту разговаривала за дверью по телефону? – ответила она.

Снейдер выругался по-голландски.

– Отвечайте на мой вопрос!

– Допрос нужно проводить ночью, потому что тогда допрашиваемый чувствует себя более уязвимым. Не должно быть перерывов на обед или ужин, чтобы он понял, насколько серьезно его положение.

Снейдер бесстрастно смотрел на нее.

Майкснер запнулась.

– Если мы у себя в участке берем кого-то в оборот, то складываем на столе толстые папки с его фамилией, даже если внутри одни чистые листы, чтобы создалось впечатление, что мы уже многое о нем выяснили. Иногда кладем орудие преступления на стол таким образом, что допрашиваемому приходится повернуть голову, чтобы его увидеть. Мы наблюдаем за ним, потеет ли он и как часто смотрит на орудие преступления. Всегда упоминаем о себе во множественном числе. «Мы знаем, что вы это совершили... Мы знаем, что вы там были».

– Я знаю, – сказал Снейдер скучающим голосом. – В свое время мы с Вессели придумали этот метод. В большинстве случаев он работает, но дает осечку с изощренными преступниками. Поэтому мы начали действовать более дифференцированно. Приведу пример...

Он отступил от нее и пошел через аудиторию.

– Майкснер, представьте: я врач, вы приходите ко мне, я измеряю давление, и прибор показывает сто шестьдесят. Я говорю вам это, и в тот же момент давление поднимается до ста восьмидесяти. Почему? Потому что вы испугались инсульта. Если же я скажу, что давление в норме и вам нечего опасаться, оно тут же понизится до ста сорока.

– Будь вы моим врачом, у меня бы давление еще дома подскочило до двухсот десяти, – пробормотала Майкснер.

Хотя Сабина терпеть не могла эту расфуфыренную бестию, она не удержалась и улыбнулась. Тина фыркнула и быстро зажала рот рукой.

Даже у Снейдера дрогнули уголки губ.

– Как мы можем использовать эти знания при допросе? Мы должны возбудить или успокоить незаурядно умного преступника? Майкснер, продолжайте.

– Возбудить, – ответила она. – Тогда он наделает ошибок.

Снейдер нацепил свою типичную любезно-презрительную улыбочку, которая напугала бы любого ребенка.

– Неправильно! Если он разволнуется, то уровень адреналина в крови повысится. Он будет начеку и постарается не допустить ни одной ошибки. Похоже, вы в своем участке еще ни разу не имели дела с действительно умным преступником.

Майкснер обиженно надула губы.

– И наоборот, если мы скажем ему, что против него у нас ничего нет и это обычная рутинная беседа, он решит, что в безопасности. Будет чувствовать свое превосходство и потеряет бдительность.

Снейдер сел на стул рядом с кафедрой докладчика.

– Перейдем к следующему пункту. – Он откинулся назад и сцепил руки на затылке. – Я утверждаю, что у меня в гараже живет дракон. Как вы собираетесь уличить меня и доказать, что я лгу?

– Все знают, что у вас нет водительских прав, а значит, нет машины и гаража, – заявил Шёнфельд.

– Ладно, умник, – сказал Снейдер. – Скажем, в моем подвале живет дракон. Начинайте, дамы и господа! – Он хлопнул в ладоши.

– Мы придем с ордером на обыск и потребуем показать нам дракона, – раздраженно сказал Гомез, потому что никто не знал, что все это означает.

Снейдер щелкнул языком.

– Я забыл сказать, что это дракон-невидимка.

– Сотрудники экспертно-криминалистической службы посыплют пол порошком, чтобы мы смогли увидеть его следы, – вмешался Шёнфельд.

Снейдер покачал головой:

– К сожалению, он парит в воздухе.

Теперь Сабина догадалась, в чем смысл этой игры.

– Мы можем увидеть его с помощью тепловизионной камеры, – предложила Майкснер.

Снейдер оставался невозмутимым.

– Он не излучает тепло.

– Мы распылим на него краску, – выкрикнула Тина.

– Она не пристанет к нему.

– Мы набросим на него сеть.

– Он не материален.

Последовало еще несколько предложений, которые Снейдер отклонил, затем идеи иссякли.

– Откуда вы вообще знаете, что в вашем подвале живет дракон, если не видите и не осязаете его? – в итоге спросила Сабина.

Снейдер убрал руки из-за головы и внимательно посмотрел на Сабину:

– Он говорит со мной.

– Какими же голосовыми связками, если он нематериален?

– Я его слышу.

– Эти разговоры можно записать на пленку? – спросила Сабина.

Снейдер с улыбкой поднялся.

– Вы заметили, что произошло?

– Немез изменила тактику, – буркнул Шёнфельд.

– Правильно! – воскликнул Снейдер. – Теперь мне вдруг пришлось доказывать свое утверждение. Это и есть квинтэссенция: ваша техника допроса была неудачна, пока Немез не спросила, откуда я это знаю. Нужно изменить тактику и заставить допрашиваемого что-то доказывать.

Видимо, по некоторым лицам Снейдер заметил, что это послание дошло не до всех.

– Коллега Вессели – и я признаю это безо всякой зависти – усовершенствовал данный метод. Во время допроса он утверждает противоположное тому, что хочет слышать преступник. Я приведу пример.

Он непринужденно уселся на кафедру.

– Вы приходите в большой автосалон, где продаются марки «Форд» и «Хонда». Вы склоняетесь к «хонде», но, как только вы говорите об этом дилеру, тот начинает расписывать вам преимущества «хонды». Однако вам хотелось бы знать, что дилер на самом деле думает о «хонде». Что будете делать?

Снейдер оглядел растерянные лица.

– Но это же так просто! Вы скажете, что вас интересует «форд», потому что у вас был плохой опыт с «хондой». Как отреагирует дилер?

Снейдер заговорил самодовольным тоном автодилера:

– Вы абсолютно правы, у японских машин слишком дорогие запчасти. Топливный насос не такой надежный, коробка передач, клиновое ремни, бла-бла-бла... – Он махнул рукой. – То есть вы утверждаете обратное тому, что хотели бы выяснить, чтобы разболтать собеседника. Коллега Вессели называет это «Полярный диссонанс».

Вдруг у Сабины появилось ощущение дежавю. Лекционный зал на секунду исчез, а она снова оказалась в гостиной Вессели – свечи, негромкая музыка, в носу запах креветок. Эту уловку Вессели использовал вчера вечером и с ней. Расхваливал Снейдера на все лады... «Мартен гениален, он никогда не ошибается, и его процент раскрываемости недостижим». Ха! На самом деле он думает обратное. И она на это повелась, стала возражать и выдала, чего Снейдеру еще не хватает, чтобы раскрыть преступления.

Сейчас она по-настоящему почувствовала, что ее использовали. Но, по крайней мере, теперь Сабина знала, почему уловка Вессели сработала. И тем больше сердилась, что клюнула на это. Но почему, черт возьми, его интересует, что Снейдер разбирает с ними на занятиях? Ему должно быть все равно. Спортивный интерес? Конкуренция? Или мужчины тоже испытывают желание уязвить друг друга?

– Немез, вам скучно? – спросил Снейдер.

Она подняла глаза.

– Нет, все отлично.

Снейдер посмотрел на часы.

– Хорошо, у нас еще час. Этого достаточно, чтобы дать подсказку тем из вас, кто ищет правду: правда ужасна!

Снейдер взял пульт управления, затемнил помещение и включил проектор.

– Конечно, я мог бы показать вам сейчас что-нибудь безобидное, но я получаю свой гонорар не за это. На следующих снимках вы увидите, как быстро зерна отделяются от плевел.

Снейдер стоял спиной к экрану и смотрел на их лица.

– Я покажу вам, на что способны некоторые сексуальные маньяки. Они не знают границ, для них не существует табу. Это самая ужасная форма преступления, какая только встречалась... над новорожденными младенцами. Увидевшие это поймут, что значит погрузиться во мрак. – Он вывел на экран первый слайд.

Сабина тут же зажмурила глаза. Она услышала, как Гомез начал давиться от рвотного позыва, а Майкснер нервно и часто дышать. Это был не мрак – это был настоящий ад.

– Мля, вот это дерьмо! – выругалась Тина рядом с ней.

Снейдер молчал, и Сабина взглянула на него. Он наблюдал за ними. В следующий момент Майкснер уже гипервентилировала.

Снейдер быстро вытащил бумажный пакет из ящика стола и подал ей.

– Дышите в него!

Майкснер помотала головой.

– Давайте! – приказал он. – Вы вдыхаете слишком много кислорода. Если не начнете сейчас дышать собственным воздухом, то потеряете сознание.

Майкснер вскочила с места.

– Сядьте и дышите в пакет!

– Вы просто больной! – воскликнула Майкснер и побежала к двери.

– Это не я больной, – тихо сказал Снейдер себе под нос. – Это то, с чем вам придется иметь дело следующие тридцать лет. И преступления будут еще более жестокими, поверьте мне.

Сабина наклонилась над унитазом в женском туалете, и ее вырвало завтраком. Она продержалась целый час, но больше не могла.

Затем она обрызгала лицо холодной водой и долго пялилась в зеркало, пока вода стекала с подбородка. На лице не осталось уже ни следов рвоты, ни слюны, ни желудочной кислоты – но в ее усталых глазах было что-то другое, взгляд полный страха и боли. Она видела горе и страдание. Перед глазами стояли картинки, от которых ей хотелось бы избавиться навсегда. Она чувствовала себя постаревшей на много лет, совсем не той женщиной, какой была час назад. Снейдер взял их всех за руку и отвел во мрак.

Тут она услышала за спиной шорох. В зеркале Сабина увидела, как Майкснер в дальнем углу туалета зажгла сигарету. Затем прошла вперед. Руки у нее дрожали.

– Снейдер скотина!

– Я знаю, – ответила Сабина.

– Не только из-за этих картинок или того, как он с нами обращается, я имею в виду в общем... Он скотина!

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – ответила Сабина. *«Но он чертовски хороший профайлер»*, – вертелось у нее на языке. Однако в этот момент ей нисколько не хотелось защищать Снейдера.

Сабина вытерла лицо и обернулась.

– Он мог сделать еще хуже. Дать нам прослушать аудиофайл или показать видео. Когда ты слышишь, как беспомощный ребенок плачет и умоляет о пощаде... – Она сглотнула.

– Я бы нарушила любой проклятый закон в этой стране, чтобы освободить хоть одного из этих детей, – с яростью произнесла Майкснер.

Сабина считала так же.

– Может, именно это и было целью Снейдера.

– Возможно... но тогда у него извращенные методы. Ты действительно расследовала вместе с ним уголовное дело в прошлом году? – спросила Майкснер.

– Да.

– Вы спасли жизнь женщине.

Сабина кивнула.

– Но не всем.

– Я слышала, твоя мама тогда погибла. – Майкснер заговорила тише. – Мне очень жаль; тебе ее наверняка не хватает.

Сабина ничего не ответила. Для коллег в академии было проще простого раскопать детали ее прошлого. Но она не хотела снова вспоминать все те события.

– Понимаю, ты не хочешь говорить об этом, – наконец сказала Майкснер. – У тебя красивый медальон в виде сердечка.

– Спасибо. – Сабина инстинктивно коснулась цепочки на шее. Это было единственное украшение, которое она носила. – Подарок отца.

– Ты вообще откуда?

– Из Мюнхена.

– *Jo mei, des hört ma, Hühnerkacke*^[13], — сымитировала Майкснер баварский акцент. – Я имею в виду, откуда родом?

Сабина рассказала, что они со старшей сестрой выросли на ферме бабушки, затем какое-то время жили в Кельне, но после развода родителей вернулись в Мюнхен. Впервые с приезда в Висбаден она разговаривала с Майкснер, как с нормальной, здравомыслящей женщиной.

– Замужем, дети есть? – спросила Майкснер.

Сабина помотала головой и подумала об Эрике.

– А ты?

– У меня годовалая дочь.

Сабина тут же подумала о фотографиях, которые Снейдер только что показывал им.

– Вот черт! – вырвалось у нее. Сейчас она поняла, что именно имела в виду Майкснер, когда говорила о Снейдере.

Майкснер достала из заднего кармана джинсов чехол для паспорта и показала Сабине фото сладкой белокурой девочки в розовой вязаной шапочке.

– И ты все равно здесь? – спросила Сабина.

– Моя мама присматривает за малышкой. Я вижу ее только по выходным, но мне надоела однообразная работа в Земельном управлении уголовной полиции, академия была моим шансом – такой выпадает не каждому. Я хотела стать профайлером, и очень хорошим профайлером.

– А отец девочки?

Майкснер поджала губы, словно размышляя, стоит ли рассказывать об этом.

– Ты его знаешь, – наконец призналась она.

– Шёнфельд? – вырвалось у Сабины.

Майкснер кивнула.

– Мы вместе со старшей школы. Нашей общей мечтой была работа в БКА.

«Шёнфельд, – эхом отзывалось в голове у Сабины. – Еще и это».

– Но дочка полностью на мне. Для него на первом месте карьера. Он эгоист и никогда не хотел брать на себя ответственность.

Тут открылась дверь. Тина просунула голову внутрь и нагло улыбнулась:

– Помешала сплетничать?

Никто не ответил.

Тогда Тина вошла.

– Снейдер настоящий говнюк, верно?

21

Мелани сидела в кабинете для допросов БКА на Йозеф-Холаубек-Плац недалеко от Дунайского канала. Напротив нее сидели Клара в зеленой полосатой жилетке с капюшоном и плюшевый пес Феликс, который смотрел в окно своими желтыми глазами-пуговицами.

Мелани постаралась создать знакомую атмосферу. На стене висели прошлогодние постеры с ее любимыми музыкальными группами, на полу было расстелено покрывало с детскими книгами. Стаканчики с какао стояли на столе, а Шейла, свернувшись, лежала в ногах Клары. Это был первый настоящий допрос Клары, поэтому Хаузер тоже присутствовал и были включены потолочные микрофоны. Правда, Клара ничего не знала о микрофонах, как и о том, что их разговор снимается на видеокамеру.

Мелани договорилась с Хаузером, что они не станут упоминать мужчину в красной маске. Возможно, еще слишком рано, и Клара тут же уйдет в себя и заблокирует все дальнейшие вопросы. Девочка должна первая заговорить об этом с Мелани. Также они пока не хотели

расспрашивать ее о матери и приемном отце. Поэтому ограничились общими вопросами о школе, друзьях Клары, ее хобби и интересах.

Мелани откинулась на спинку стула и села поудобнее. До сих пор беседа протекала хорошо, но она решила сменить тему:

– А какие пять вещей ты бы взяла с собой на необитаемый остров?

Клара выпятила нижнюю губу и задумчиво посмотрела в потолок.

– Мой Gameboy, поэтический альбом, мой MP3-плеер с аудиокнигами, сто банок кошачьего корма и Шейлу.

Услышав свое имя, собака наострила уши и заурчала.

Мелани с улыбкой посмотрела на Хаузера, но тот и бровью не повел. Для него эта беседа была просто потерей времени.

Он хотел бы сразу расспросить девочку о мужчине в красной маске. Но Мелани считала иначе.

– Почему поэтический альбом? – спросила она.

– Все мои друзья там что-то для меня написали.

– С фотографиями?

Клара кивнула.

– Тебе их, наверное, очень не хватало?

Клара снова кивнула, но ее взгляд тут же потускнел и омрачился, словно от темных мыслей.

«Проклятье, – выругалась про себя Мелани. – Не те слова!»

– Чьи записи нравятся тебе больше всего? – быстро спросила она.

Лицо Клары снова прояснилось.

– Марии, Ясмин и Надин.

«Ты знаешь Мишель?» – вертелось у Мелани на языке, но она отогнала от себя эту мысль. Если она сейчас спросит об этом Клару, а коллеги из экспертно-криминалистической службы позже наткнутся на это имя при проверке компьютера, ей придется объясняться. А она была еще не готова – хотя Герхард собрал компьютер, тот еще лежал в багажнике ее машины.

– Это твои лучшие подруги?

– Да.

– Вы регулярно общаетесь?

Клара кивнула.

– А как именно? Разговариваете по телефону, пишете письма или посылаете друг другу эсэмэски? – Она слышала, как Хаузер тихо

застонал рядом с ней и демонстративно посмотрел на наручные часы.

Мелани тоже взглянула на часы у входной двери. Еще пять минут, затем Клара час будет общаться с психотерапевтом, а потом пообедает в столовой для посетителей. Пока что они не узнали от Клары ничего феноменального, но Мелани была на правильном пути. «Еще пять минут! Постарайся!»

– Мы иногда болтаем по телефону, но папе это не очень нравится. Он хочет, чтобы я делала уроки.

– Ты делаешь их в своей комнате?

Она кивнула.

– А иногда у мамы в рабочем кабинете?

Клара помедлила, потом опять кивнула.

– Ты звонила оттуда Марии, Ясмин или Надин? – Она продолжила заговорщическим тоном: – Знаешь, в твоём возрасте я тоже тайком разговаривала по телефону. Мы организовали девчачий клуб, и нас было не разлить водой. – Правда, вместо детских детективов ТККГ тогда были «Пять друзей» и «Три вопросительных знака».

Клара улыбнулась. Потом немного подумала и прошептала:

– Мне можно было пользоваться маминым компьютером.

– Серьезно? – Мелани наклонилась к столу. – Но ты ведь даже не умеешь с ним обращаться, – подтрунила она.

– Конечно, умею.

– А твои подруги нет.

– И они умеют! – возразила Клара. – У нас тоже есть клуб, клуб «Монстр Хай».

– Правда? И вы общались по скайпу?

Клара наморщила лоб.

– Нет, по электронной почте. – Потом она вдруг посерьезнела. – Только папе не говорите.

Мелани приложила два пальца к сердцу.

– Клянусь честью.

При слове «компьютер» и «электронная почта» Хаузер впервые прислушался, но пытался срыть свой интерес.

– Вы играли вместе в компьютерные онлайн-игры?

– Нет, но мы дружим в Фейсбуке.

Хаузер насторожился.

– Вы иногда обмениваетесь веселыми сообщениями?

– Угу.

– О'кей. – Мелани посмотрела на часы. – В следующий раз мы опять поговорим о вашем девчачьем клубе. А сейчас тебе пора на следующую беседу.

– Но у меня еще... – запротестовал Хаузер.

Мелани бросила на него короткий, но строгий взгляд; затем посмотрела на Клару:

– Пора, мадам. Поднимайся! Если хочешь, Шейла пойдет с тобой. А в конце вас обеих ждет обед.

Мелани осталась сидеть с Хаузером в кабинете для допроса, а сотрудница полиции повела Клару к психотерапевту.

– Девочке всего одиннадцать. Компьютер, Фейсбук, мейлы – нужно было сразу же расспросить!

– Эй, помедленнее с молодняком, – ответила Мелани с иронией. В конце концов, Хаузер был почти на десять лет старше ее. – В настоящий момент у нас достаточно аргументов, чтобы получить ордер на обыск дома Клары. – Она подумала о пистолете в подвале Брайншмидта и попыталась задать следующий вопрос как бы между прочим: – Кстати, у Брайншмидта есть разрешение на оружие?

– Нет, мы уже проверяли в прошлом году. А что?

– Могло бы помочь нам попасть к нему в дом. – Затем пододвинула к себе с середины стола установку для телефонной конференции, набрала номер суда и попросила соединить с судьей Хиршманом. Когда он снял трубку, Мелани включила громкую связь.

– Добрый день, господин судья, это Мелани Дитц, мы на громкой связи. Рядом со мной коллега Хаузер из БКА.

– Полагаю, речь пойдет о деле Клары? – спросил Хиршман.

– Вы правы. В ходе допроса девочки выяснилось, что до похищения она активно пользовалась Фейсбуком и электронной почтой.

– Вы об этом знали, господин Хаузер?

– Год назад, когда мы расследовали похищение, нам не было об этом известно.

– Все хорошо, но что это нам даст сейчас? – Хиршман словно разговаривал сам с собой. – Срок хранения пользовательских данных,

предписанный законом для интернет-провайдеров и операторов телефонной связи, уже истек. Мы не получим никакой информации.

– Нам не мешало бы найти компьютер, с которого Клара выходила в Фейсбук, и соответствующий жесткий диск, – предложила Мелани. – Тогда у нас появятся первые зацепки.

– Год назад дом семьи Брайншмидт уже обыскивали, – отметил судья. – Хаузер, что показал обыск?

Мелани взглянула на коллегу.

– Мы нашли тогда в доме только один компьютер, он принадлежал Рудольфу Брайншмидту и был чист.

«О господи, какой идиот!» Мелани заскрежетала зубами. Больше всего ей сейчас хотелось вышвырнуть Хаузера из комнаты.

– На этом дело для меня закрыто, – сказал Хиршман. – Повторный обыск ничего не даст. Может, вам лучше перепроверить показания девочки, возможно, Клара немного преувеличивает, чтобы привлечь к себе внимание.

Мелани хотелось закричать и сунуть под нос судье Хиршману фотографии спины Клары. Девочке с такими ранами не нужно привлекать к себе внимание. Она просто хочет снова вести нормальную жизнь. Но ответ Мелани прозвучал спокойно.

– Не обязательно иметь компьютер, чтобы выходить в Интернет, – начала она, стараясь избегать слова «предположительно», на которое у судьи Хиршмана была аллергия. – Для этого достаточно смартфона, плейстейшен или другой игровой приставки.

– Хаузер, вы это проверяли?

Мелани бросила на него предостерегающий взгляд.

– Телефон проверяли, а игровые приставки нет, – признался он.

Мелани сделала глубокий вдох и выдох.

Хиршман немного подумал.

– Я должен посмотреть результаты предыдущего обыска и затем сообщу вам, считаю ли повторный обыск оправданным.

Мелани закусила губу.

– Разрешите напомнить вам, что время поджимает, так как существует вероятность, что улики могут исчезнуть.

– Разрешаю, фрау Дитц, но это ни в коем случае не повлияет на мое решение.

– Мы можем рассчитывать на постановление суда?

– Я вам сообщу, – повторил Хиршман, на этот раз явно раздраженно.

– Когда? – не отступала Мелани.

– О боже! – воскликнул Хиршман. – Через час!

В динамике щелкнуло. Мелани откинулась назад и почувствовала, что ее спина вспотела. Ладони были холодными.

– Поздравляю, – пробурчал Хаузер. – Вы все-таки настояли на своем и, возможно, получите ордер на обыск, чтобы вставить Брайншмидту.

Замечание Хаузера было не только неуважительным, по его взгляду она поняла, что он считает ее упрямство непрофессиональным. Для него Брайншмидт был неинтересной и не внушающей подозрение второстепенной фигурой.

– Будьте готовы, – сказала ему Мелани. – Если мы получим ордер, я хочу, чтобы вы незамедлительно перевернули весь дом, с чердака до подвала.

– Хорошо. – Хаузер собрал бумаги, поднялся и вышел из комнаты.

Мелани проверила время. У нее был еще час, чтобы вернуть компьютер в подвал Брайншмидта.

22

В первой половине дня в расписании стояла «Техника задержания преступника и обеспечения личной безопасности», место проведения – зал для занятий джиу-джитсу. На практике все выглядело так, что большую часть времени Сабина лежала на полу, а восьмидесятикилограммовый коллега сидел на ней верхом. У нее болели все кости, и при этом тренер обещал, что настоящие занятия начнутся только через пару недель. Потому что для него в жизни существовало только четыре вещи: сила, выносливость, скорость и координация.

По окончании занятия Сабина, в спортивном костюме и с бейджем на груди, прошла через вертящуюся дверь к главному входу. Пока она ждала у поста вахтера своей очереди, мимо нее прошагала невысокая мускулистая азиатка с челкой. Она быстро просеменила в

своих биркенштоках^[14] через турникет и, миновав сканер и сотрудников службы безопасности, направилась к лифтам. Она была на полголовы ниже Сабины, а это кое-что значит! Возможно, японка. На вид около сорока лет. Сабина заметила, что у женщины не было на груди гостевого бейджа. Она лишь чуть поклонилась Фальконе и сейчас стояла перед лифтами и рылась в своей наплечной сумке. В следующий момент вошла в кабину лифта и исчезла.

– Снова вы? – вырвалось у Фальконе. – Открыть вам бассейн?

Вообще-то он вовсе не был таким злым и грубым, каким хотел казаться. Сабина подмигнула ему.

– Как мне найти бюро Мартена Снейдера?

– Вы знаете, почему Бога зовут Богом? – спросил ее Фальконе.

Она помотала головой.

– Потому что имя Мартен С. Снейдер было уже занято. – Фальконе захихикал.

Сабина из вежливости рассмеялась.

– Смешно... Не могли бы вы объяснить мне, как к нему пройти?

Бюро Снейдера находилось на том же этаже, что и кабинет президента Хесса, даже рядом, только в противоположном конце коридора. Окна шефа выходили на лес и учебный полигон, окна Снейдера смотрели на город.

Сабина постучала в дверь. В то утро Снейдер был в мерзком настроении, но прежде чем поиски информации сведут ее с ума, она должна с ним поговорить.

Она постучала еще раз. Никакой реакции. Тогда она нажала на ручку. Дверь открылась, и она нерешительно вошла.

– Господин Снейдер? Я...

– Если я не сказал «Войдите», значит, не хочу, чтобы меня беспокоили.

– Извините. – Сабина попятилась, одновременно оглядываясь. Ламели жалюзи были почти полностью опущены. Она рассчитывала на тяжелый запах ванильного чая, но в кабинете пахло свежестью и ароматическим маслом. Окно было откинута, и жалюзи дребезжали на ветру. В центре стояла массажная кровать, на которой лежал Снейдер. Голый, на животе, с одним только полотенцем на бедрах. Его длинные белые ноги свисали с края кушетки.

Сабина отступила назад.

– Что вы там делаете? – вырвалось у нее.

В этот момент из соседней комнаты вышла маленькая азиатка, которую Сабина видела до этого в вестибюле. Заметив Сабину, она едва заметно поклонилась.

– Шиаци^[15], – ответила она и потерла себе руки.

Снейдер с упреком посмотрел на японку.

– Это мое бюро, здесь я задаю вопросы.

– Да, да... – Она закатила глаза и бросила Сабине многозначительный взгляд.

– Акико, я знаю, что вы думаете! – предостерег ее Снейдер.

– Да, да, великий Мартен Снейдер всегда знает, что думают другие.

Сабина не смогла сдержать улыбку.

– Разве шиаци обычно занимаются не на полу и не в одежде?

– На!^[16], – ответила Акико. – Но Мартен Снейдер предпочитает обнаженным и на кушетке. – Она подняла плечи. – Мне нелегко.

Оба помещения, соединяемые небольшой дверью, напоминали миниатюрные апартаменты: с чайной секцией, рабочим местом с компьютером, стенным шкафом и библиотекой. Правда, никаких комнатных растений. Сабина знала причину. Снейдер утверждал, что они лишают его воздуха, а ему необходим кислород, чтобы думать. Сабина украдкой заглянула в соседнюю комнату. Она не удивилась бы, окажись там джакузи и инфракрасная сауна. Но вместо этого на полу возвышались горы документов, которые грозили в любой момент развалиться.

– Этот беспорядок... после того вторжения в ваше бюро? – спросила она.

– Откуда вы знаете?

– От Бессели.

Акико просунула руку Снейдеру под живот, а другой надавила на позвоночник.

– А! – Снейдер поморщился.

– Вы большой сильный мужчина, вы выдержите, – сказала Акико и продолжила.

– Вы меня убить хотите? Если будете так давить, я добьюсь судебного постановления и отправлю вас в сизо.

– Как пожелаете! А сейчас не двигайтесь! – Акико прощупывала дальше. – По-прежнему толстый кишечник, – вздохнула она. – Это душевные проблемы. Вы слишком много переживаете.

– Да, из-за вас и ваших методов, – отозвался Снейдер.

Акико улыбнулась с мудрым видом.

– Каждый день выделяйте полчаса на ваши проблемы и ложитесь в это время вздремнуть.

– Да, Конфуций, но при таком количестве проблем мне ежедневно нужно спать по тридцать часов.

Акико закатила глаза.

– Вы такой же, как все. В первой половине жизни тратите здоровье, чтобы заработать деньги, а во второй половине тратите деньги, чтобы вернуть здоровье.

– А вы неплохо на этом зарабатываете. – Снейдер покосился на Сабину. – Вы наконец скажете, чего хотите?

– Я напряжена, и мне тоже нужен массаж, – вырвалось у Сабины.

Акико, хихикая, покачала головой.

– Послушайте! Больше никогда не пытайтесь шутить в моем присутствии! – Снейдер угрожающе поднял палец, но Акико опустила его руку вниз.

– Войдите уж наконец и закройте за собой дверь.

– Спасибо. – Сабина закрыла дверь и подошла к окну, чтобы не смотреть на Снейдера. На стене висели фотографии голландской королевской семьи. Некоторые были даже с посвящением. Она раздвинула ламели и взглянула на внутренний двор – Эрик рассказывал, что летом здесь иногда организуют вечеринки с грилем. Из своего бюро Снейдер мог отлично за всем наблюдать. Чуть дальше начинался Висбаден. Наконец Сабина посерьезнела.

– Три из нераскрытых дел могут быть связаны.

– Три? – перебил он ее.

– «Многоножка», убийство на Ваттовом море и случай каннибализма два года назад в Айфеле.

– Вы провели собственное расследование, – снова перебил Снейдер.

– А что остается, если вы не воспринимаете меня всерьез?

– Немез, видимо, я недостаточно ясно выразился! Вы здесь, в первую очередь, для того, чтобы учиться, и должны отказаться от

самостоятельных действий. Я приложил все возможные усилия, чтобы вы попали на этот курс.

– Я знаю, даже без вступительного экзамена – это еще один момент, который хотела бы с вами обсудить. Но сейчас есть кое-что поважнее. Я знаю, что Эрик тоже работал над всеми тремя делами. Возможно, он нашел связь между убийствами и *поэтому* в него стреляли.

Снейдер выругался по-голландски.

– Вы не должны проводить самостоятельных расследований по текущим делам, иначе с вами случится то же самое, что и с ним!

Она взглянула на Снейдера.

– Что вы имеете в виду?

– Эрик Дорфер работал со мной над делом «Многоножка». Мы реконструировали ход событий и сделали двойственные выводы. Вскоре он вышел на след, который решил проверить самостоятельно. Эрик не информировал меня о своих шагах и не обсуждал со мной план действий. Нет никаких сведений, где он бывал в последнее время или с кем разговаривал.

– Мне он тоже ничего не рассказывал, – выдавила Сабина.

– Еще бы, – буркнул Снейдер. – В итоге в него стреляли, его кабинет перевернули, мобильный, ноутбук, диктофон и личные записи пропали. Но самое грустное, что БКА потеряло хорошего специалиста. Поэтому я предупредил, чтобы вы говорили со мной об этом только с глазу на глаз.

– Я это и делаю!

– Нет! – возразил он. – Вы проводите собственное расследование. А я, черт возьми, не хочу, чтобы кто-нибудь еще, считающий себя слишком умным, угодил в ту же ловушку, что и Дорфер. Он, как и вы, игнорировал статьи закона и запросы прокуратуры. Хотел быстрее продвинуться с расследованием, часто используя незаконные средства.

– Но вы тоже так поступаете! – воскликнула Сабина, вспомнив их совместное дело.

– Да, но с ма-а-аленькой разницей: я знаю, что делаю, потому что у меня на пятнадцать лет больше опыта, чем у вас обоих вместе.

– Лежите спокойно! – приказала Акико.

– А-а-а-а.

– Хотите услышать мою теорию?

– Нет, – прохрипел Снейдер, – но боюсь, вы все равно мне ее расскажете.

Акико перестала массажировать, когда Снейдер сел. Он схватил белый халат, который висел на спинке стула, и накинул его. Затем требовательно взглянул на японку, и та исчезла в соседней комнате, закрыв за собой дверь.

Снейдер выставил три пальца.

– Сформулируйте...

– Да, я знаю – в трех простых предложениях. – Сабина села на стул рядом с письменным столом Снейдера. На нем лежали телефон, связка ключей, служебный пропуск и отдельно ключ с брелоком, на котором значилось: «Частный архив».

– Вы знакомы с делом о каннибализме? – спросила Сабина.

– Его вел Бессели, но я знаю факты.

– Хорошо. Все три убийства – «Многоножка», на Ваттовом море и случай каннибализма – случились с промежутком в год. Если за ними стоит серийный убийца, то он всегда использует один и тот же метод.

– Неверно! Каждый раз это были различные методы: выбор жертвы, подготовка убийства, место преступления и способ расправы, – исправил ее Снейдер.

– Но во всех случаях были сымитированы следы, чтобы возложить вину на другого, – возразила Сабина. – Кроме того, он выбирал козлов отпущения по одной и той же схеме – изучая их на протяжении недель или даже месяцев.

– О чем вы говорите, черт возьми? Ваша теория не выдерживает критики. Это определенно разные способы совершения преступлений. И если в мире действительно существует убийца, который постоянно меняет свой модус операнди, то нам его никогда не поймать.

– Поэтому его метод такой изощренный, – добавила Сабина.

– И зачем ему это делать?

– Не знаю.

Снейдер посмотрел на Сабину сверху вниз. Надавил большим пальцем на точку-татуировку на тыльной стороне кисти другой руки, словно хотел массажем предотвратить надвигающуюся кластерную боль. Его голос стал тише, но тон категоричнее.

– Немез, модус операнди – это характерный «почерк» преступника, который может слегка измениться, потому что со

временем преступник становится опытнее, но почерк не может измениться настолько!

– А если все-таки это возможно?

– В этом случае мы имеем дело с уникальным, почти пугающе таинственным киллером.

– Вы сами сказали, что чем активнее преступник пытается скрыть свои следы, тем больше подсказок оставляет. Просто мы их не видим, потому что он такой умный. Вот это и есть его метод!

– Предположим. Но что общего между тремя убийствами?

– Он пишет фиктивное письмо от лица берлинского гинеколога на имя осужденного преступника, сидящего в тюрьме в Вайтерштадте. Год спустя: он достает медицинскую карту пациента психиатрической больницы в Санкт-Петер-Ординге и воссоздает его самый страшный кошмар. Еще через год: он выбирает кельнского бухгалтера со склонностью к каннибализму, который ищет контакта с гомосексуалистом, и убивает последнего.

– О господи, Немез! – воскликнул Снейдер. – Вы же не думаете всерьез, что кто-то почти наполовину съест человека, чтобы обвинить в этом кого-то другого? Это же сумасшествие!

– Возможно, он и есть сумасшедший.

– И кроме того... – Снейдер распрямил спину, так что захрустели позвонки. – И кроме того, из заключения судебно-медицинской экспертизы ясно, что это должны быть разные преступники, судя по тому, как они обращались со скальпелем, складным ножом и ножом для хлеба. Приложенная сила, угол разреза, манера. Это факты и доказательства! – Он ударил кулаком по ладони.

– Возможно, это не так. Доктор Лауренц Белл алкоголик, – возразила Сабина.

– Даже пьяный в стельку он все равно в сто раз лучший судмедэксперт, чем вам суждено когда-либо стать! – По выражению лица Снейдера она поняла, что зашла слишком далеко. – То, что вы более инициативны, чем другие студенты на моем курсе, еще не означает, что вы лучше и замечаете вещи, которые другие проглядели. – Он поднялся. – Мне ужасно жаль, что Эрик Дорфер лежит в больнице с пулей в голове, но вы не можете этого изменить, гоняясь за мистическим всемогущим преступником, который существует лишь в вашей фантазии.

Снейдер открыл дверь в соседнюю комнату и махнул Акико.

– Пеппи Длинный Чулок уходит, а мы продолжим, – сказал он решительным тоном.

Прежде чем он повернулся к Сабине, она быстро схватила ключ от архива и, поднимаясь, спрятала его в кармане спортивных штанов. Снейдер догадается? Плевать! Он должен бы уже знать, что в ее груди бьется сердце бойца, которое не может противостоять вызову.

– О'кей, – тихо сказала она. – Тогда я пойду.

23

Жестяной звук полуденного колокола близлежащей церкви отозвался на краю леса в Нойвальдегг. Мелани дождалась последнего удара. Она припарковала машину в переулке и несколько минут наблюдала за улицей, но не заметила ни одной проезжающей машины. Клара наверняка уже завершила сеанс терапии и вместе с Шейлой сидит в столовой БКА, пока ее приемный отец продает в своем магазине электротовары. Мелани заранее убедилась, что магазин не закрывается на обеденный перерыв. Момент для ее операции был самый подходящий.

Она вышла из машины, натянула рабочие перчатки, вытащила системный блок из багажника и под мышкой понесла к дому Брайншмидтов. Открыла садовую калитку, прошла к входу и отперла дверь. На всякий случай – вдруг позвонит сосед, почтальон или свидетели Иеговы – она закрыла за собой дверь на замок. Потом отнесла компьютер в подвал и поставила посреди прочего электрического хлама. При этом ориентировалась на контуры в слое пыли, которые указывали, где компьютер проторчал целый год.

Она распрямилась и потянула позвоночник. По спине у нее бежал пот. Какое сумасшествие! В подвале пахло моторным маслом и резиной от автомобильных покрышек. Было темно, потому что через узкое окошко в помещение проникало мало света, но глаза Мелани уже привыкли к темноте. Ее взгляд снова упал на рукоятку пистолета, которая торчала из-под стопки наждачной бумаги в стеллаже. На этот раз она внимательно изучила оружие, не прикасаясь к нему перчатками. Пистолет «вальтер» маленького калибра. В рукоятке даже

торчал магазин. Она понюхала ствол, но оружие пахло лишь маслом и металлом.

Она хотела уже повернуться и пойти наверх, как зазвонил ее телефон. Господи, она могла хотя бы перевести его в беззвучный режим. Мелани быстро стянула перчатки и ответила на звонок. Это был Хаузер.

– Ну что? – невольно прошептала она, хотя была в подвале одна.

– У нас еще нет ордера на обыск, но сотрудник из службы по изготовлению дубликатов ключей уже здесь. Мы готовы. За Брайншмидтом пока наблюдают мои люди. До недавнего времени он был в своем магазине, но в настоящий момент едет домой.

Домой? У Мелани сердце ушло в пятки. Она бросилась вверх по лестнице.

– Нам его задержать, пока мы не получим ордер? Он может попытаться уничтожить улики.

– Нет, – тяжело дыша, ответила она. – Приезжайте сюда и начинайте обыск.

– В смысле, приезжайте сюда?

Проклятье!

– Я имею в виду, поезжайте к дому Брайншмидта. Я тоже туда подъеду.

– Без ордера?

– Мы можем предоставить его позже.

– А если мы его не получим?

– Мы его получим! – Мелани стояла в гостиной, когда услышала хруст колес. Она подбежала к окну и осторожно выглянула из-за шторы. Фургон Брайншмидта остановился перед домом.

Вот дерьмо!

– Поторопитесь! – сказала она и положила трубку.

Она заперла входную дверь? Да. Какие возможности у нее оставались? Мелани уставилась на террасную дверь на кухне. Солнце, светящее через москитную сетку, на секунду ослепило Мелани. Она могла бы сбежать наружу, но Брайншмидт самое позднее при домашнем обыске заметит, что щеколда не опущена. Уже послышался звук поворачиваемого в замке ключа.

Мелани бросилась обратно в подвал, закрыла за собой дверь и тихо стала спускаться по ступеням.

Что за проклятье!

Все еще ослепленная дневным светом, она вслепую, как крот, пробиралась по подвалу в дальний угол. И случайно задела носком отвертку, которая покатила по полу.

Не-ет!

Инструмент ударился о пустое ведро из-под краски, которое издало глухой звук. Мелани застыла на месте. Сейчас ей больше всего хотелось влечь самой себе пощечину. Она затаила дыхание и прислушалась.

Наверху открылась дверь в подвал.

– Эй, кто там? – донесся голос Брайншмидта.

Мелани слышала, как он включил свет, затем загорелись потолочные лампы. На цыпочках она пробежала по проходу в котельную, где находились газовый водонагреватель и сточные трубы. Рядом с санитарно-техническим оборудованием она заметила недостроенную сауну. Две боковые стенки уже стояли, как и скамьи и печь.

Она услышала, как Брайншмидт спускался по ступеням. Вероятно, сначала он пойдет к стеллажу, чтобы схватить оружие. Мелани в панике огляделась. Где ей лучше спрятаться? Под скамьей в сауне? Или за водонагревателем? Она выбрала последний, перешагнула через несколько канистр для масла и протиснулась между трубами и стеной. На плечо ей осыпалась штукатурка. Мелани медленно присела на корточки, пока не скрылась за водонагревателем, и втянула голову. Ее запыхавшееся дыхание казалось ей таким громким, что его гарантированно было слышно даже на улице.

Черт возьми, о чем она только думала? Какая неловкая ситуация, если Брайншмидт застучит ее сейчас на месте преступления, прячущуюся в котельной в его собственном доме. Именно ее, прокурора! Даже если он виновен – любой суд оправдает его, потому что все показания против него могут быть поставлены под сомнение. Но не только это. Мелани потеряет работу и не получит больше даже место секретарши у нотариуса.

Пока эти мысли крутились у нее в голове, она услышала, как Брайншмидт вошел в котельную. Он включил верхний свет, и Мелани опустила голову еще ниже между коленей. Долго она в таком положении не выдержит.

Сотовый! Она снова забыла перевести его в беззвучный режим. Хоть бы Хаузер больше не звонил.

Она слышала, как Брайншмидт прошелся по помещению и обернулся.

– Здесь кто-нибудь есть?

Какой идиотский вопрос! Мелани задержала дыхание. Она вспотела, как мартышка. И едва не вскрикнула, когда сверху донесся звук дверного звонка.

– Да пошли вы в задницу, – выругался Брайншмидт.

Затем, видимо, развернулся, сопровождаемый металлическим лязгом. Вероятно, положил оружие на подоконник. Выключил свет и пошел наверх.

Мелани с облегчением выпрямилась, оперлась спиной о стену и глубоко выдохнула. Спина болела. Мелани тут же вытащила сотовый и перевела его в беззвучный режим. Потом поднялась и выбралась из-за отопительного котла.

Снова раздался звонок, и Брайншмидт открыл входную дверь. Мелани, сгорая от любопытства, вышла из котельной, подкралась к лестнице и прислушалась.

– Добрый день, мы из Федерального ведомства по уголовным делам города Вены.

Голос Хаузера! У Мелани вырвался вздох облегчения.

– Мы хотели бы осмотреть ваш дом.

– Зачем? – спросил Брайншмидт. – И у вас есть ордер?

– Мы вам его пришлем.

– Я вам еще нужен? – спросил какой-то другой мужчина. Наверное, это был специалист из службы по изготовлению ключей.

– На всякий случай останьтесь здесь, – ответил Хаузер.

– Минуточку, вы не можете пройти просто так, без разрешения, – запротестовал Брайншмидт.

– Я же сказал вам, что мы предоставим ордер. – Голос Хаузера звучал уже раздраженно.

В этот момент сотовый Мелани завибрировал. Она вытащила телефон из кармана. Это пришло сообщение от судьи Хиршмана.

– Момент! – сказал Хаузер.

У Мелани появилось нехорошее чувство, что Хаузер получил ту же самую эсэмэску от Хиршмана.

Когда она открыла текстовое сообщение, перед глазами все закружилось.

Запрос на получение ордера на обыск отклонен!

Это еще что такое? Какого черта Хиршман отклонил запрос? Компьютер с электронными письмами Клары стоял всего в нескольких метрах от Мелани. Ей хотелось немедленно притащить сюда Хаузера и ткнуть его носом в системный блок.

– Я вынужден извиниться за наш визит, – проскрипел Хаузер. – Хорошего дня. Ребята, уходим.

Уж теперь-то Брайншмидт догадался, что против него что-то затевается. Если он умный, то задумается, зачем это к нему приходили следователи из БКА, и избавится от компьютера Ингрид. Но еще раз Мелани не удастся вынести компьютер из дома. Она услышала, как захлопнулась входная дверь. Ей хотелось кричать от ярости... и вдруг в голову пришла идея. Мысль была за гранью разумного, но другого выхода не оставалось.

Мелани бросилась обратно в котельную, надела перчатки и схватила с подоконника пистолет Брайншмидта. Она надеялась, что в магазине действительно есть патроны. Быстро оттянула курок – патрон со щелчком прыгнул в патронник. Затем она открыла окошко. Оно находилось на задней стороне дома и выходило на лес. Мелани выставила пистолет из окна, направила ствол в небо и нажала на спусковой крючок.

Гильза выскочила из пистолета и покатила по полу, но Мелани не услышала этого. Выстрел был таким оглушающим, что в ушах затрещало, как от пронзительного свистка. Она бросила пистолет на пол, зачихнула перчатки под стопу джутовых мешков и побежала к лестнице. В тот момент, когда дверь в подвал распахнулась, она сжалась в комок под ступенями. Брайншмидт тяжело спускался вниз по лестнице.

Хаузер, ну давай же!

Брайншмидт был почти внизу, когда в дверь снова позвонили и тут же с треском ее распахнули.

Брайншмидт снова побежал наверх, и Мелани, задержавшая дыхание, смогла наконец выдохнуть.

– Мы слышали выстрел из вашего подвала! – крикнул Хаузер.

Судя по голосам и потасовке, в дом ворвалось еще несколько мужчин.

– Черт побери, что здесь происходит? – закричал Брайншмидт.

– Где спуск в подвал?

Мелани слышала разговоры приглушенно, как через беруши, потому что в ушах у нее все еще шумело.

Несколько мужчин один за другим сбежали вниз по ступеням и тут же распределились по подвалу. Мелани прижалась к стене рядом со шкафом. Через несколько секунд она выглянула из-за лестницы и увидела, как Брайншмидт, Хаузер и еще один полицейский вошли в котельную.

Она воспользовалась этим моментом, вышла из-за лестницы и хотела подняться наверх. Когда она стояла на самой нижней ступени, то увидела краем глаза, что Хаузер выходит в коридор.

– Вот оружие... – Он замолчал.

Мелани уже повернулась и сделала вид, что только что спустилась вниз по лестнице. Быстро отряхнула пыль с плеч.

– Я была почти здесь, когда получила эсэмэску от Хиршмана, и вскоре после этого услышала выстрел, – объяснила она. – Тогда я поехала дальше и увидела, как вы побежали в дом.

– Что все это значит? – кричал Брайншмидт.

– А вы ведите себя тихо. – Хаузер ткнул его пальцем в грудь. – Покажите нам ваше разрешение на «вальтер».

Брайншмидт не двинулся с места.

– Из оружия недавно стреляли, – пробурчал один из людей Хаузера.

Из мастерской вышел еще один полицейский.

– Здесь полно всякого хлама.

– У нас есть подозреваемый, – распорядилась Мелани. – Мы забираем все, что походит на компьютер, ноутбук, сотовый телефон или игровую приставку.

С выражением паники на лице Брайншмидт развернулся и уставился на гору электроприборов, среди которых находился и компьютер Ингрид. Когда он осознал свою реакцию, то быстро опустил голову.

«Я тебя застукала!»

– Здесь свалено всякое старье из моего магазина, – сказал он.

– Возможно. – Мелани указала пальцем. – А этой горой мы займемся в первую очередь.

Брайншмидт подошел близко к Мелани и понизил голос.

– Подлая гадина, ты пытаешься на меня что-то повесить, – прошипел он, разглядывая известку на ее куртке.

– Я просто пытаюсь выяснить правду, – холодно ответила она.

Мелани направилась вверх по ступеням и не слушала, что кричал ей вслед Брайншмидт. Прежде чем покинуть дом и выйти наружу, она вернула похищенный ключ на место.

24

Фальконе непонимающе смотрел на нее.

– Где находится частный архив? – повторила Сабина.

– Частный архив? – Фальконе помотал головой. – Архив в подвале...

– Я имею в виду не общее хранилище документов, где можно отсканировать судебные дела, – ответила она, – а частные помещения для хранения.

Фальконе нахмурил брови. Его усы подрагивали. Сабине показалось, что его подбородок заострился еще сильнее.

– Привилегия частной камеры хранения есть лишь у немногих людей в этом здании, – ответил он, демонстративно рассматривая ее бейдж. – Но я боюсь, что у студентки нет туда доступа, не говоря уже о личном боксе.

– Мне нужно забрать там кое-что для Снейдера.

– Сомневаюсь. Он еще ни разу никого не впускал в свой архив. – Фальконе схватился за телефон.

– Не стоит его сейчас беспокоить. Акико делает ему массаж.

Фальконе убрал руку с телефонной трубки и пристально посмотрел на Сабину.

– Я дам вам один совет: в этом здании не любят людей, которые только приехали, еще совсем зеленые, но уже думают, будто могут повсюду шпионить.

– Ладно, ладно, – ответила она. – По крайней мере, избавлю себя от похода.

– То-то же, вы бы только заблудились там внизу и испачкали свои хорошенькие пальчики.

Там внизу!

– До свидания! – Сабина направилась к лифтам, вошла в кабину и поехала в подвал.

Проходы, освещенные неоновыми лампами, казались бесконечными. Здесь внизу можно блуждать сколь угодно долго. Лишь цветовые маркировки помогали найти обратную дорогу к выходу.

Проходя мимо IT-серверов, Сабина задалась вопросом, заметят ли следящие за мониторами многочисленных камер видеонаблюдения, что она блуждает здесь наобум. Большинство мужчин и женщин, которых она встретила, игнорировали ее. Лишь некоторые рассматривали ее бейдж. Она шагала как можно более целеустремленно и самоуверенно по коридорам, словно точно знала, куда направляется, и торопится, чтобы не опоздать на встречу.

Она то и дело ориентировалась по табличкам у лифтов, но ни один отдел даже отдаленно не походил на какие-нибудь частные боксы-хранилища. В конце концов она спустилась по пожарной лестнице на несколько этажей вниз. Там находился подземный гараж с сотнями парковочных мест. Пахло выхлопными газами. За последними колоннами и местами, на которых стояли почти исключительно дорогие БМВ и «мерседесы», начинался отдел, не отмеченный на табличках. Сабина открыла тяжелую противопожарную дверь, и датчик движения тут же автоматически активировал неоновую лампу.

В проходе пахло маслом и резиной. Краска частично отслаивалась, провода и трубы проходили прямо по стенам.

«Вы бы только заблудились там внизу и испачкали свои хорошенькие пальчики».

Возможно, она попала куда нужно. Сабина пошла по коридору и наткнулась на целый ряд дверей, за которыми, по всей видимости, находились небольшие боксы. На дверях на уровне глаз висели таблички.

WI-BK0017

WI-BK0018

WI-BK0019

Это были автомобильные номера. Вообще, насколько она знала, служебные машины БКА не имели собственных номеров, но, видимо, в некоторых случаях были исключения. То, что вахтер называл личным боксом, было не что иное, как помещение для хранения велосипедов и старых автопокрышек. Привилегия всех тех, кто имел машину.

Ключ Снейдера с брелоком «Частный архив» по размеру мог подойти к одному из замков. Но какой бокс принадлежал ему? Сабина взглянула на часы. На поиски она потратила уже слишком много времени. Через десять минут начнется следующий курс, а ей еще нужно выйти из здания БКА, добежать до академии и найти нужную аудиторию. Черт!

Пока она разглядывала десятки табличек с номерами на дверях, ей пришло в голову, что у Снейдера нет машины. Да и вообще в правильном ли месте она ищет? Хотя Снейдер имел водительские права и мог водить, он скрывал это ото всех. Особая форма личного принижения. Если он летел в командировку в другую федеративную землю, то получал там именно то, что хотел – личного шофера, – и мог преспокойно сидеть на заднем сиденье и играть на своем смартфоне. И вместе с тем Сабина была уверена, что Снейдер ни за что не отказался бы от привилегии иметь личную камеру хранения.

Она пробежала мимо дверей, пока не наткнулась на одну без номера. Сабина попробовала ключ. Он подошел. О'кей, для начала достаточно. Сейчас нужно убираться отсюда, чтобы вовремя успеть на занятие.

В этот момент дверь в подземный гараж открылась. Сабина услышала голоса двух женщин и приближающиеся шаги.

Наверняка доступ новичков сюда был более чем нежелателен, а добраться до коридора, не встретившись с женщинами, она не успеет. Сабина осторожно открыла дверь в архив Снейдера. Внутри было темно, воздух спертый. Она быстро проскользнула в бокс и тихо прикрыла за собой дверь. Они успели ее заметить?

– Ты тоже пойдешь на праздник?

– Я бы лучше осталась дома с детьми.

– Хесс снова будет хвастать своими успехами.

Сабина затаила дыхание и ждала, пока они пройдут мимо. Но женщины остановились прямо перед боксом Снейдера. Сабина не могла запереть камеру изнутри, потому что женщины услышали бы.

Но если хоть одна из них решит опереться на ручку, дверь откроется, и Сабине придется объясняться.

– Кстати... он тебе тоже подарил подписанный экземпляр своей книги?

– Конечно, но я еще не читала. Не уверена, хочу ли знать, что там написано.

Сердце Сабины забилося где-то в горле, когда она услышала, как одна из женщин зазвенела ключами. Вот дерьмо!

– Шестьдесят пять лет успеха – что же еще?

– Да ну, об этом сейчас уже не может быть и речи. Как ты управляешься с новым служебным телефоном?

Соседняя дверь открылась, и теперь Сабина могла слышать разговор еще лучше. Через щель на пол падала слабая полоска света. Видимо, перегородки между боксами были сделаны на скорую руку.

– Уже научилась звонить по нему. – Обе рассмеялись. – Их же планировали раздать только в следующем месяце.

Хесс и Снейдер тут же отреагировали. Новые приборы можно лучше прослушивать и отслеживать.

Сабина наострила уши.

– Все равно на неделю опоздали. Бедный парень. Что ты сделала со старой сим-картой?

– Валяется в архиве.

Дверь снова закрылась, и женщины стали удаляться. Остаток разговора потерялся в стуке каблуков. Потом захлопнулась тяжелая противопожарная дверь. За это время глаза Сабины уже успели привыкнуть к темноте. В слабом свете, который проникал через щель в двери, она разглядела очертания камеры. Стеллажи, на которых стояли картонные коробки с регистраторами, папками, коробочки с диафильмами и видеофильмами. Разгадка находилась в этих судебных делах, и Эрик наверняка обнаружил какую-то взаимосвязь.

Она подождала еще немного, затем выбралась наружу. Через несколько минут начнется следующий курс. Но теперь она знала, как пройти в подземный гараж к камерам хранения, и сегодня ночью еще раз наведается в этот бокс.

Солнце только что исчезло за крышами домов, когда Мелани вошла в служебное помещение в здании Ведомства по уголовным делам, где работали сотрудники специальной комиссии по делу Клары. Большой круглый стол в центре комнаты был завален стаканчиками из-под кофе и горами документов. Кто-то даже покурил. Дым все еще висел в воздухе, хотя окна были откинuty.

– ...Все данные по michelle17@gmx.at. Да, срочно! – услышала она Хаузера, прежде чем он положил трубку. Затем он посмотрел в сторону двери и указал на свободный стул.

Мелани осталась стоять.

– Кофе? – спросил Хаузер.

Мелани отказалась.

– Как идет расследование?

Хаузер провел ладонями по лицу, что, видимо, означало «Даже не знаю, с чего начать». Наконец начал рассказывать об участке леса на краю города.

– Мертвая девочка, которую нашли у источника Агнессы, пролежала в земле от семи до восьми месяцев. Мы пока не смогли ее идентифицировать. Предположительно, иностранка, которую незаконно привезли в страну. Сотрудники экспертно-криминалистической службы еще не смогли установить направление, откуда пришла Клара. Всю местность прочесали, проверили владельцев соседних участков – но никаких зацепок, никаких трупов... пока.

– Что показала недавняя проверка педофилов, которые попались в нашу ловушку в сети год назад?

– Ничего, – вздохнул Хаузер. – Все то же самое. Мы конфискуем жесткие диски, угрожаем уголовными делами и слышим в ответ, что они всего лишь взглянули в Интернете на несколько фотографий, что не повредило ни одному ребенку.

Мелани уже сто раз слышала это классическое оправдание. Но до этих парней не доходило, что своим интересом они лишь подстегивают рынок и каждым щелчком мыши поощряют тех, кто где-то в этом мире уже причинил зло ребенку.

– Никто из них не связан с Klarой, – продолжал Хаузер. – Им будет сделано предупреждение; этим займется другой отдел.

– Что-нибудь насчет типа в огненно-красной маске?

– Нет – и, если честно, я не верю девочке.

– А я верю, продолжайте работу. – Мелани оглядела остальных. – У ваших коллег уже было время для анализа и сравнения информации из баз данных?

Хаузер откинулся на стуле, сунул сигарету в рот и зажег ее.

– Вы ведь не против?

– Против.

Недовольно рыча, он потушил сигарету в пепельнице.

– Мы уже начали анализ баз данных. Точных цифр я сейчас не скажу, но в Австрии живут около двадцати пяти тысяч мужчин-педофилов.

– Давайте сократим радиус до Вены и Нижней Австрии.

– Уже сделали – и ограничились только ранее судимыми.

– А с учетом татуировок?

– Все равно слишком много. – Хаузер протянул Мелани листок из стопы бумаги.

Она пробежала глазами имена с адресами, базы данных выдавали около ста пятидесяти человек.

– Еще какие-нибудь другие зацепки?

– В конфискованном из дома Брайншмидта компьютере мы обнаружили следы.

– Какие? – «Наконец-то Хаузер перешел к делу».

– Системный блок в пластмассовом корпусе. Видимо, принадлежал матери Клары. Девочка им действительно пользовалась.

В принципе, Хаузер рассказал ей то, что они с Герхардом уже выяснили: у Клары был собственный пользовательский профиль, она переписывалась с одноклассницами, установила правило, чтобы электронные письма с адреса michelle17@gmx.at не загружались на компьютере, но от этого контакта не было ни одного сообщения ни на жестком диске, ни на почтовом сервере. Похоже, техники так же быстро, как и Мелани, взломали пароль ТККГ.

– Однако. – Мелани прикинулась несведущей. – Какому провайдеру принадлежит почтовый сервер?

– А1.

Телеком Австрия с почти семью миллионами абонентов сотовой и телефонной связи был самым крупным провайдером в стране.

– О’кей, я позабочусь, чтобы мы заполучили эти данные. Что-нибудь еще?

Может, микроволновая печка?

Хаузер помотал головой. Он ни словом не обмолвился о том, что в электросхему компьютера Ингрид был встроен магнетрон. Или он хотел скрыть от нее эту информацию, или же сам еще ничего не знал.

Мелани вышла из комнаты и набрала номер суда.

Судья Хиршман не дал вставить ей ни слова.

– Очень умно, что вы с коллегами из БКА вломились в дом Брайншмидта без ордера на обыск.

– Мы слышали выстрел. Неотложные обстоятельства – мы должны были действовать.

– Очень хитроумно, как бы вы это ни организовали. Между прочим, Брайншмидт уже подал жалобу на вас и БКА.

– Тогда желаю ему удачи, – сказала Мелани. – Он незаконно владеет оружием, и было много свидетелей, которые слышали выстрел в его доме. Я готовлю на него заявление.

– Вы поэтому звоните? – спросил он.

– Нет. – Она рассказала о следах, обнаруженных в компьютере Ингрид в ходе расследования.

– michelle17@gmx.at, – задумчиво повторил Хиршман. – Очень слабый след.

– Наш единственный!

– И теперь вам нужен ордер, чтобы получить резервные копии Телекома?

– Именно, – подтвердила Мелани. – Возможно, мы найдем электронную переписку между Кларой и Мишель.

– Не знаю, – пробурчал Хиршман. – Этот ордер может нарушить конфиденциальность данных третьих лиц, чьи права вы заденете.

– Ваша честь, речь идет о похищении ребенка, нанесении телесных повреждений и также двух изувеченных трупах, которые обнаружены в Венском Лесу, – напомнила ему Мелани.

– Да, да, хватит уже пытаться меня разжалобить, мы не в зале суда, – перебил он ее. – За какой период вы хотите получить резервные копии?

– Только за три недели до похищения Клары, – тут же ответила она. Потому что именно тогда было создано это злополучное правило.

Хиршман задумался.

– К тому же вы мне должны, потому что расстроили все планы с обыском дома, – язвительно добавила она.

– Ладно, я не против.

Ей все-таки удалось его смягчить.

Два часа спустя в офис специальной комиссии пришел мейл с тяжелым файлом PDF во вложении. Хаузер бросил на него быстрый взгляд и присвистнул. Тут же распечатал документ, передал Мелани первый листок, затем вытащил из принтера второй.

– Что вы сделали с Хиршманом, что он так быстро заставил Телеком сотрудничать с нами? – спросил Хаузер.

– Если знаешь, как к нему подойти, то он кроткий, как лев, – ответила Мелани.

К этому времени они с Хаузером были в бюро уже одни, потому что другие коллеги попрощались полчаса назад; а Хаузер, видимо, не решался пойти домой, пока Мелани сидела в офисе.

Она изучала распечатку. Это была переписка между Кларой и Мишель, состоявшаяся за три недели до исчезновения Клары. Наконец принтер умолк, и Мелани отсортировала сообщения на столе в хронологическом порядке.

Хаузер перегнулся через ее плечо и тоже рассматривал листы.

– Взгляните на темы писем. Похоже, нескольких мейлов не хватает.

– Вероятно, данные получены с разных резервных копий, а если сообщения на сервере с тех пор были удалены Кларой, то они отсутствуют.

– Зачем ей это делать?

– Я не знаю.

Хаузер ткнул в один листок.

– Кажется, это первое сообщение.

дорогая клара,

татуировка – это на всю жизнь, сама знаешь, и я понимаю твоих родителей, своих я смогла убедить так: сначала проколола себе уши, а потом сделала еще пирсинг в носу; а ты вообще где бы хотела монстра хай? оревуар, Мишель

*дорогая Мишель,
спасибо за фото, выглядит правда здорово – может, я тоже
сделаю пирсинг, но клянусь, татуировку с монстром хай хочу
обязательно – еще не знаю где, всего наилучшего, клара*

*дорогая Мишель,
фото твоей кошки супер, она такая милая – к сожалению, у нас
нет домашних животных, больше всего мне бы тоже хотелось иметь
мейнкуна или норвежскую лесную кошку, всего наилучшего, клара*

*дорогая клара,
я тоже считаю, что норвежская кошка – это круто, но еще раз
насчет твоей татуировки – возможно, через пару лет тебя уже не
будет интересовать монстр хай – где ты его вообще хочешь
сделать? оревуар, Мишель*

*дорогая Мишель,
даже если через три года мне будет столько же лет, как и тебе,
сумерки меня не интересуют – спасибо за совет, но это выглядит
глупо,
всего наилучшего, клара*

*дорогая клара,
спасибо за фотографии, но у тебя на плече не так много места,
поверь мне, там эмблема не поместится, лучше на попе, честно, *ха-
ха* оревуар, Мишель*

*дорогая Мишель.
на попе, с ума сошла? я наклеила стикер и сфотографировала
телефоном – выглядит не очень, сама посмотри,
всего наилучшего, клара*

Беседа еще какое-то время вращалась вокруг фотографий, пирсинга и мотивов для татуировок. Однако разговор не вязался с Кларой – в любом случае мейлы десятилетних девочек выглядят по-другому.

– Что вы об этом думаете?

Хаузер собрал листы.

– Я не верю, что Мишель четырнадцать лет.

– Фейковый аккаунт? – спросила Мелани.

– Может, за michelle17 скрывается взрослый, который через Фейсбук втирается в доверие к малолеткам и уговаривает их прислать свои фотографии.

– Возможно. – Мелани эта беседа тоже показалась довольно неестественной.

– Как вы думаете, зачем Клара установила в своей почтовой программе правило, чтобы никакие сообщения от Мишель не загружались на компьютере?

Мелани пожала плечами. Она могла лишь предполагать.

– Потому что хотела скрыть от матери, что обсуждает с кем-то подобные темы?

В этот момент на ноутбуке Хаузера засветился символ входящего сообщения.

– Вас это может заинтересовать, – сказал он. – Техники-криминалисты вместе с Телекомом смогли восстановить два файла из переписки. Взгляните.

Хаузер открыл первую фотографию. На переэкспонированном снимке виднелось голое плечо и голая спина девочки. Это без сомнения была Клара – что можно было узнать по нижней части лица.

– О, нет, – застонала Мелани, потому что сейчас стало понятно, что Клара отправляла по мейлу свои фотографии. – Похоже, она сфотографировала себя в зеркале в ванной комнате.

Второй снимок был нечетким, но на нем можно было лучше разглядеть лицо Клары, а также начинающиеся формироваться груди.

«О господи, девочка, зачем ты это сделала?»

Желудок у Мелани сжался.

– Мы должны больше узнать об этой Мишель.

– Сегодня я уже никого не застаю в Телекоме, – ответил Хаузер. – Но завтра утром мы выясним ее IP-адрес.

– Может, найдем парня, который уже много лет использует этот трюк, чтобы шпионить за малолетками. – Мелани подумала об обеих мертвых девочках в лесу, из задумчивости ее вывел следующий мейл

от Телекома, появившийся на экране. На этот раз во вложении находился небольшой файл в формате PDF.

Хаузер открыл документ.

– Посмотрите. Этот мейл отправлен раньше, чем все остальные, и, похоже, был первым.

дорогая Мишель,

меня зовут клара, я отправила тебе запрос на добавление в друзья в фейсбуке. У меня та же проблема, что и у тебя, я тоже хочу сделать тату, но моя мама не разрешает, я бы хотела логотип монстр хай. как ты уговорила своих родителей?

всего наилучшего, клара

Мелани уставилась на монитор. «Этого не может быть». По лицу Хаузера она догадалась, что он думал то же самое.

Это Клара первая связалась с Мишель, а не наоборот.

26

В начале одиннадцатого вечера Тина и Сабина вышли из фитнес-центра, который Фальконе открыл для них за пачку сигарилл. Сначала они разогрелись на боксерской груше, а потом на матах отработывали технику падений в джиу-джитсу. Тина оказалась отличной партнершей – ловкая, как ласка, с черным поясом по дзюдо, которая на родине сама тренировала начинающую группу спортивного клуба. В заключение они поплавали в бассейне и приняли душ.

Потом забрали свои спортивные сумки из шкафчика и покинули зал.

– Фальконе рассказал мне, что сегодня днем ты хотела забрать что-то из личного архива Снейдера, – сказала Тина, когда они шли по пустой столовой к своим комнатам.

– Да ну. – Сабина мотнула головой. – Он неправильно меня понял. Я просто спросила, не Снейдер ли запретил нам доступ к архиву.

– Ага. – Тина закинула сумку на плечо. – И как, это он?

– Да. Никакого доступа к текущим расследованиям, пока мы учимся в академии.

Тина покосилась на нее.

– Жаль, да?

Добравшись до жилых помещений, они попрощались. Тина пошла к своему коридору, Сабина сделала вид, будто направляется в свое крыло. Но как только Тина скрылась из вида, Сабина спрятала свою спортивную сумку в чулане между шваброй и ведрами и покинула здание. Она взглянула на свой телефон. Время 22:13.

В кроссовках и спортивном костюме она пробежала через территорию кампуса и пересекла улицу в направлении главного здания БКА. На Таерштрассе в это время уже не было ни одного человека. В окнах тоже горело всего несколько огней. Все равно Сабина не пошла через главный вход. Направься она к лифтам, вахтер, как бульдог, гарантированно выскочил бы из своей будки и привязался к ней. Поэтому она побежала к площадке для разворота в конце улицы. Большинство парковочных мест для посетителей были пустые.

– Спокойной ночи, – сказала она вооруженному охраннику перед шлагбаумом и показала ему свой служебный пропуск.

– Спокойной ночи. – Он быстро поднял на нее глаза, а потом снова перевел взгляд на дорогу.

Сабина добежала до съезда, ведущего в подземный гараж, и помчалась вниз по асфальтированному пандусу. Внизу она натянула на голову капюшон спортивной куртки и проскользнула в здание через противопожарную дверь рядом с рольворотами.

В этот час здесь тоже почти никого не было. Где-то замигал поворотник и взвизгнули шины. Из другого угла на весь гараж разнеслось тарахтение мотора.

Сабина торопливо шла вдоль колонн в конец парковочных ВИП-мест, отворачивая лицо от камер видеонаблюдения. Пока здесь внизу не случится никакого преступления, видеоматериал изучать не будут – но ей все равно не обязательно смотреть в камеру.

Она снова протиснулась через противопожарную дверь. Вспыхнул верхний свет, и Сабина поспешила к боксу Снейдера. Она хотела отпереть дверь, но ключ вошел в замок только на один миллиметр, а потом застрял.

Проклятье! Она попыталась еще раз, но безуспешно. Неужели Снейдер заменил замок? Она нажала на ручку в надежде, что дверь

может быть не заперта – не тут-то было! Ошеломленная, она уставилась на стикер BMW, приклеенный в левом верхнем углу.

«Официальный спонсор местной службы дорожных штрафов!»

В обед этого стикера на двери Снейдера не было. Сабина проверила соседние боксы и нашла еще одну дверь без автомобильного знака. Вот дура! Она пыталась открыть не ту камеру. На этот раз ключ подошел. Она скользнула внутрь и щелкнула выключателем. Зажглась потолочная лампа. Сабина быстро закрыла за собой дверь.

Помещение было заставлено шкафами и стеллажами, поднимавшимися до потолка. На столе лежал тяжелый дырокол. Понятие архив было безобидным и невыразительным. В данном случае речь шла о сжатой до размеров небольшой комнаты национальной библиотеке, которая была скрупулезно отсортирована. Фонд Снейдера состоял из сотен папок-регистраторов, заполненных до отказа – вытащить хотя бы один листок представлялось неразрешимой задачей.

После того как документы Эрика исчезли, а в бюро Снейдера и Вессели вломились, она могла только надеяться, что найдет здесь хоть что-нибудь. В принципе, ее интересовали личные комментарии Снейдера к делам, над которыми работал Эрик. Ориентироваться Сабина могла по указанным на папках годам. Она открыла десятки папок-регистраторов, смотрела пленки диафильмов на свет, читала надписи на видеокассетах и диктофонных записях, перебрала невероятное количество папок с фотографиями в прозрачных файлах.

Но не нашла ни чего-либо интересного по делу «Многоножка», ни какой-нибудь зацепки по убийству на Вагтовом море или случаю каннибализма. Правда, в одном ящике лежали диктофонные кассеты с подписанными наклейками. Даты и названия населенных пунктов ничего ей не говорили, но она наткнулась на Берлин, Санкт-Петербург и Кильбург в Айфеле. Она поспешно собрала эти кассеты и сунула в карман куртки. Где-нибудь она уж достанет прибор, чтобы прослушать записи.

Сабина уже хотела закончить поиски, когда наткнулась на неподписанную тонкую папку, в которой было лишь несколько листов в пластиковых файлах. Сверху лежал адресованный Мартену

Снейдеру мейл из госпиталя Святого Иосифа с единственной короткой строчкой: «Во вложении запрошенные вами файлы».

Она обнаружила несколько рентгеновских снимков. Достала их из папки и поднесла к свету. На первом снимке была изображена деформированная пуля, застрявшая в черепе, на других – ее увеличенное изображение. Согласно приложенному баллистическому отчету, выстрел был произведен из «вальтера» 45-го калибра. Тонкие царапины указывали на то, что стрелявший использовал глушитель. Сабина не боялась даже думать, сколько всего эта пуля натворила в голове Эрика.

В последнем файле лежала сим-карта. Из сотового Эрика? Не может быть! Снейдер сказал, что телефон Эрика украли, как и ноутбук. Сабина вытащила мобильник из кармана, достала свою сим-карту и заменила на другую, из файла. Подождала несколько секунд, пока телефон не нашел сеть. Связь была так себе, только две полоски. К счастью, ПИН-код был деактивирован. Сабина быстро поняла, что это сим-карта не из телефона Эрика, а из старого телефона Снейдера. Не повезло!

Она уже знала, что Снейдер распорядился, чтобы все сотрудники БКА получили новые служебные смартфоны, потому что с ними было проще отследить деятельность всех коллег – если вдруг в кого-то из сотрудников в здании снова будут стрелять. Очевидно, что он не сдал сим-карту своего старого телефона в архив. Раз уже Сабина была здесь, то она решила посмотреть, когда карта использовалась в последний раз и с кем он говорил по телефону. Она проверила меню, но эта информация была сохранена не на карте, а в старом мобильнике Снейдера. Вот облом! Она собиралась уже вынуть симку из своего телефона, как вдруг пришло сообщение.

Пропущенный звонок.

Сабина забыла обо всем, когда узнала на дисплее номер сотового Эрика. Он оставил сообщение на автоответчике, но Снейдер, очевидно, так и не получил его и не проверил голосовую почту. Сообщение от 26 августа, время 22:47. В ту ночь в Эрика стреляли.

У Сабины участилось сердцебиение, пока она смотрела на номер Эрика. Его сообщение, как современная бутылочная почта, совершило путешествие во времени и наконец добралось до места назначения.

Своим поспешным решением как можно быстрее заменить телефоны Снейдер обманул самого себя.

Сабина выбрала службу голосовой почты, чтобы прослушать сообщение. Оно включилось не сразу, но, когда Сабина услышала взволнованный голос Эрика, у нее по спине пробежала дрожь.

«Это Дорфер... (Было слышно щелканье клавиатуры и тихое гудение компьютера.) Взаимосвязи просто невероятные. Я раскрыл схему преступлений. (Скрипнул стул.) Кроме того, я теперь знаю, кто отец ребенка...»

Какая схема? Вероятно, тех самых преступлений, которые она тоже связала между собой?

И о каком ребенке говорил Эрик?

Об убитой в Санкт-Петер-Ординге дочери австрийского дипломата? Или о ребенке доктора Лауренца Белла, которого тот потерял?

Послышался звук открываемой двери. Сабина вздрогнула, когда последовал глухой хлопок. Кто-то упал на пол. Потом раздался стук. Вероятно, это сотовый шлепнулся на ковер. Затем связь прервалась. Но Сабина продолжала прижимать телефон к уху холодными негнущимися пальцами. Она только что пережила покушение на Эрика. Представила себе, как голова Эрика откинулась назад, как он, с пулей в затылке, осел на стуле и сполз на пол. Тело Сабины судорожно сжалось. Но она быстро отогнала от себя этот образ. Если бы она приехала в Висбаден на несколько дней раньше – или не разорвала с Эриком отношения. Тогда все бы было по-другому.

Сабина сделала глубокий вдох и выдох. «Ты должна вернуться в реальность!» Онемевшими пальцами сунула телефон в карман брюк. На сегодня она достаточно узнала – сейчас нужно решить следующую проблему: вернуть ключ в бюро Снейдера. Она нажала на дверную ручку, как вдруг услышала снаружи шаги.

У Сабины замерло сердце. Она застыла, продолжая держать ручку двери опущенной. Другой рукой медленно нащупала выключатель, задержала дыхание и выключила свет. К счастью, беззвучно. Шаги остановились перед дверью Снейдера. Сабина почувствовала, как кто-то снаружи схватился за ручку. Черт! Сабина осторожно выпустила ее и сделала шаг назад. Дверь открылась, и в бокс проник свет.

Она схватила тяжелый дырокол, прижалась за дверью к стене и затаила дыхание. Если неизвестный нападет, она будет защищаться.

На полу появилась тень незнакомца. Он нерешительно вошел внутрь бокса. Сабина увидела черные волосы и замахнулась дыроколом.

– Я так и знала, что ты что-то задумала, – услышала она голос Тины.

Третьи врата Ада

– Почему вы выбрали Эйфель? Почему именно этот пансион?

– Существует ли более приятное место для основательного ужина?

– Вы питались им на протяжении пяти дней?

– Все-таки должны были остаться какие-то следы.

– Для меня?

– Конечно.

– Ведь это и была ваша цель, верно?

– Я хотел облегчить вам работу.

– Вначале вам это удалось. Следы привели к Хельмуту Прёллю. Наверное, он организовал бы все так или примерно так.

– Нет, вы его плохо знаете. Он сделал бы все именно так.

– Почему вы так решили? Вы его изучали? Как других?

– У меня был целый год.

– Поэтому вы бронировали номер за одиннадцать месяцев?

– Я никогда не полагаюсь на случай.

– Очевидно, вы недостаточно внимательно наблюдали за Прёллем.

– Почему вы так считаете?

– Иначе он сидел бы сейчас здесь, а не вы!

– Вам просто повезло.

– К везению это не имеет никакого отношения. Вы не уделили Прёллю достаточного внимания. В отличие от других.

Вы чувствовали себя уверенно. Вам уже удалось уйти от ответственности два раза. Вы думали, что и на этот раз все получится, но вы кое-что упустили.

- Например?
- Как вам удалось затащить жертву в комнату?
- Вы же знаете. С помощью снотворного в баре.
- А потом поднялись с ним по лестнице? Видите ли... у Прёлля не могло быть столько сил, чтобы перенести его на третий этаж. Он коварным способом заманил бы жертву в комнату и уже там усыпил бы. Кроме того, у Прёлля не было достаточных медицинских знаний, чтобы выбрать правильную дозировку для седации^[17].
- Прёлль не стал бы этим заниматься, он бы...
- Именно!
- А, перестаньте так глупо улыбаться!
- Извините, но вы сами только что признали свою ошибку. Прёлль заманил бы жертву к себе в комнату, и они бы вместе поужинали.
- Мы так и сделали.
- Да... в принудительном порядке. А кто написал приглашение? «Стол накрыт, блюдо сидит напротив вас». Почерк не принадлежал ни Прёллю, ни жертве. Вы написали это, чтобы повести нас по ложному следу.
- И получилось же.
- Да, но лишь ненадолго.
- Зато вам понадобилось много времени, чтобы найти меня.
- То, что я вас вообще нашел, ваша заслуга! Раньше вы работали лучше, чище и добросовестнее. Но вы начинаете сдавать.
- И тем не менее... Я преподнес вам преступника, но ваши люди все заporоли.
- Вы говорите о Санкт-Петер-Ординге? Правильно, тогда вы подробно все выяснили, ни в чем не полагаясь на случай, и педантично все подготовили. Вы досконально изучили своего козла отпущения, инсценировали все так, чтобы преподнести нам его на блюдечке.
- Но его отпустили!
- Из-за формальных ошибок.
- А Берлин?
- Вы так старались. Выяснили его привычки и причину визита в Вайтерштадт. Но вас снова подвел почерк. Вы недостаточно точно скопировали подпись доктора Яна.
- Иначе гинеколог отправился бы в тюрьму.

- Да, именно, подозреваемый номер ноль.
- Не называйте меня так!
- А, вам не нравится.
- Называйте меня моим настоящим именем!
- Оно будет интересно, в крайнем случае, судье или адвокату. Для меня вы есть и останетесь «подозреваемым номер ноль».
- А как вас зовут?
- Это не должно вас интересовать. Вернемся к нашей теме. Почему именно гинеколог?
- Почему нет? Он живет неподалеку и владеет скальпелем.
- Да бросьте! Вы наблюдали за Белоком и натолкнулись на гинеколога... или все наоборот?
- Что вы имеете в виду?
- Вы меня поняли. Наоборот! Вы наблюдали за гинекологом и узнали о его визите к Белоку? Тогда-то и родился ваш план? Вы хотели упрятать гинеколога в тюрьму?
- Я не понимаю, куда вы клоните.
- Вы хотели упрятать Каспарека в тюрьму?
- Я хотел ему помочь.
- Вы хотели, чтобы мы посадили Хельмута Прёлля за убийство?
- Вас интересуют не жертвы – они второстепенны, – а определенные люди, которых вы хотите стереть с лица земли, верно?
- Вы сумасшедший!
- Почему вы так уверены?
- Иначе мы бы не вели этот разговор.

IV. Четверг, 5 сентября

*Сегодня люди
настолько
поверхностны, что
считают Фейсбук
достижением.*

Мартен С. Снейдер

27

Луч света карманного фонарика отражался от лоснящейся черной внутренней поверхности канализационной трубы. К краю прилипли собачьи фекалии. Мелани присела на корточки и нагнулась ниже, заглядывая в отверстие. Вокруг ее кружили навозные мухи. Запах стоял отвратительный.

– Видите? – Хаузер указал вниз. – Где-то на глубине десять метров.

Мелани подняла голову, чтобы глотнуть свежего воздуха. Она подняла взгляд к верхушкам деревьев. За ее спиной лаяли собаки-ищейки. Она мало что смогла разглядеть в канализационной трубе – но того немного оказалось ей достаточно. По крайней мере, в семь утра на голодный желудок.

На этот раз Хаузер сам проинформировал ее о еще одном найденном трупе, и она тут же приехала на место. Снова посреди леса, всего в двух километрах от того места, где была обнаружена Клара. Правда, в противоположном направлении от источника Агнессы.

На расстоянии десяти метров в воздух взлетали последние искры. Пахло раскаленной сталью. Техники-криминалисты вырезали отверстие в трубе, чтобы достать труп. Металл заскрипел, загнулся – и тут же засверкали вспышки фотокамер.

– Труп затолкали в канализационную трубу сверху? – спросила Мелани.

Хаузер помотал головой.

– Это не канализация, а дренажная труба для отвода дождевой воды. – Он указал вверх на пригорок. – Там наверху находится несколько бревенчатых хижин. Вероятно, труп оттащили туда с этого места, на котором мы сейчас находимся.

– Каким образом?

Хаузер заглянул в трубу.

– Возможно, с помощью телескопической штанги.

– И никто из владельцев близлежащих участков не заметил, что в трубе застрял труп?

– Видимо, нет.

Сотрудник экспертно-криминалистической службы спустился к ним с пригорка и показал Хаузеру на дисплее фотоаппарата, что они нашли.

Мелани не хотелось этого даже знать. Она отвела взгляд. Ей было достаточно комментариев коллег Хаузера.

– Куницы и лисы немного оставили от тела. Предположительно, снова ребенок. Девочка или мальчик, мы еще не знаем. В любом случае на этот раз без пленки.

– Возможно, ее смыло водой, – предположил Хаузер.

По лесу пробежал легкий ветерок. Мелани била дрожь.

Она все равно не могла оставаться здесь долго, потому что Шейла ждала ее в машине.

Хаузер взглянул на Мелани.

– Нас интересует спина трупа.

– Знаю, но я смогу что-либо сказать на этот счет, когда мы достанем останки... И их немного. – Парень пролистал несколько фотографий вперед. – Но вот здесь, чуть ниже затылка, виднеется едва заметный разрез.

– От скальпеля?

– Мы не знаем. Он мог появиться и во время перетаскивания трупа наверх. Если нет, то это уже номер три, – сказал Хаузер.

Мелани закрыла глаза.

– О господи, это что, никогда не закончится?

– А вместе с Кларой четыре, – продолжил Хаузер.

Татуировка на спине Клары соответствовала четвертой песне из «Ада» Данте. Всего было тридцать четыре мотива... и тридцать

четыре картинки. Сколько трупов они еще найдут?

Похоже, Хаузер угадал, о чем думала Мелани. Он положил руку ей на плечо.

– Вам лучше поехать в бюро. Работа здесь станет неприятной – мягко выражаясь.

– С превеликим удовольствием. – Она сглотнула. – Сколько вы еще здесь пробудете?

– Думаю, недолго, в восемь я буду в бюро. Меня ждет куча дел.

– Хорошо, тогда встретимся там и обсудим дальнейшие шаги. В любом случае пока не стоит информировать прессу об этой находке.

Он кивнул.

– Хаузер, мы должны найти этого говнюка.

Он скептически посмотрел в сторону леса.

– Я знаю.

28

Ровно в восемь утра Тина и Сабина сидели в лекционном зале вместе с Гомезом, Майкснер и Шёнфельдом. После того как Снейдер накануне напустился на Майкснер, никто больше не отваживался опаздывать. Но часы показывали уже десять минут девятого, утреннее солнце всю светило через ламели жалюзи – а Снейдера не было.

Майкснер повернулась к Сабине и Тине.

– Может, мы не в той аудитории?

Тина помотала головой:

– Я уже проверила учебный план.

– «Кто опоздает, тот вылетит!» – Гомез передразнил голландский акцент Снейдера.

В этот момент дверь распахнулась, и в помещение вошел Снейдер. Он не направился, как обычно, к своей кафедре, а сразу встал перед первым рядом. Он запыхался; никакого «Доброе утро» или извинения конечно же не последовало.

– Произошло небольшое изменение в плане. Я должен на несколько дней прервать свои семинары, – сразу перешел он к делу.

– О-о-о, – буркнул Гомез.

Снейдер проигнорировал его.

– С завтрашнего дня мои часы возьмет на себя коллега Вессели, а сегодня вместо этого вы будете...

Его перебил звонок мобильного.

Сабине показалось, что в зазвучавшей мелодии она узнала голландский национальный гимн.

Снейдер сбросил звонок и продолжил:

– В аудитории для практических занятий 5.1. вы вместе с коллегой будете сейчас расследовать инсценированное убийство. Ограждение места преступления, обеспечение доказательств...

– А, это же скуч...

– Шёнфельд! – прикрикнул на него Снейдер. – Это часть программы занятий. Но могу вас успокоить, это не обычное практическое занятие на месте преступления, с каким вы знакомы.

Сабина уже видела целые воссозданные квартиры, обставленные от и до, которые использовались для подобных учебных занятий. Помещения были сооружены как аудитории с трибунами, на которых сидели их преподаватели и профессионалы из следственно-оперативной группы и наблюдали за сценарием.

– Мои коллеги позаботятся о препятствующих факторах, – продолжил Снейдер. – Вам придется работать в стрессовой ситуации, столкнуться с нервными соседями и типами, которые захотят за вашей спиной избавиться от улики.

– Ну, в этом нет ничего нового, – пробормотала Тина.

Телефон Снейдера снова зазвонил, но он и на этот раз проигнорировал звонок.

– Ваши действия будут засняты на пленку, а затем последует видеоанализ... так что не опозорьте меня. В последующие дни я буду ни для кого не доступен. Мы увидимся ориентировочно в начале следующей недели.

Он уже собирался уйти, когда Майкснер задала вопрос:

– Не откроете нам, куда вы едете?

Снейдер застыл. Поколебался несколько секунд, но потом, видимо, решил не оставлять своих студентов в недоумении.

– Появилось новое дело.

Снова зазвонил его мобильный. На этот раз он раздраженно сказал:

– Я перезвоню, как только выеду! – Затем выключил телефон и снова обратился к своим студентам: – Все вы знаете это по вашим предыдущим работам. Если не раскрыть убийство в течение сорока восьми часов, то шансы когда-либо найти убийцу резко снижаются. Баварское управление уголовной полиции попросило нас о помощи. Мне нужно в Нюрнберг. Больше я вам ничего сказать не могу.

– Вы будете составлять портрет преступника? – спросила Тина и локтем толкнула Сабину в бок. – Это же возможность для...

– Нет! Мы увидимся на следующей неделе, – перебил ее Снейдер. Только он исчез за дверью, как в аудитории разгорелись жаркие споры о том, какое это может быть дело. В утренних новостях ни о каком убийстве не упоминали.

– Знаете, почему просветленного Будду назвали Буддой? – спросил остальных Гомез и тут же сам ответил: – Потому что имя Мартен С. Снейдер было уже занято.

Никто не смеялся, но Гомез не смутился и вдогонку рассказал еще одну шутку о Снейдере, которую Сабина уже не слушала. Выключая компьютер и складывая свои бумаги, она видела, как Снейдер пересек вертолетную площадку, покинул территорию кампуса и побежал к главному зданию БКА.

Они пошли в аудиторию для практических занятий, но коллегам нужно было еще десять минут, чтобы подготовить сценарий.

– Я пока схожу к себе в комнату, – шепнула Сабина Тине.

– На твоём месте я бы не стала этого делать. Хесс и так уже следит за тобой, потому что ты постоянно отсутствуешь.

– Я тут же вернусь, обещаю.

Сабина покинула кампус и вошла в главное здание. На этот раз Фальконе не было на посту вахтера. Она через стекло показала свой пропуск незнакомому мужчине и поднялась на лифте на самый верхний этаж, где находился офис Снейдера. Это был самый неподходящий момент для того, чтобы раздражать Снейдера своими размышлениями, но она не увидит его следующие четыре дня. Поэтому она должна поговорить с ним сейчас, даже рискуя тем, что он оторвет ей голову.

Сабина постучала в дверь Снейдера, и он тут же рявкнул:

– Войдите!

Она вошла. Снейдер стоял к ней спиной. Он только что уложил в чемодан две сумки для ноутбуков, большое количество кабелей и зарядных устройств, рубашки из стенного шкафа и наплечную кобуру с блестящим «глоком» с черной рифленой ручкой. Вероятно, он ждал кого-то другого, раз даже не обернулся.

– Алло? – раздался женский голос из телефона, лежащего на письменном столе Снейдера.

Снейдер стоял в нескольких метрах от стола; видимо, он набрал номер и затем включил громкую связь.

– Алло, коллега, это Снейдер, на расстоянии двухсот метров от вас по прямой.

Сабина посмотрела в окно. Внутренний двор был ограничен еще одной секцией здания Федерального ведомства уголовной полиции.

– Речь идет о деле «Человека-лошади», – сказал Снейдер, не глядя на телефон.

– К сожалению, я очень плохо вас слышу, – перебила его женщина.

– Когда будет готов предварительный протокол вскрытия? – закричал Снейдер.

Сабина тихо закрыла за собой дверь.

– В течение сорока восьми часов.

– Что вы можете сказать мне уже сейчас?

– Предположительно, плетка была пропитана рицином. Если это так, то убийство было совершено два дня назад, потому что яд начинает действовать спустя два дня.

Снейдер выругался.

– Тогда мы опоздали. Когда будет готов отчет судебной токсикологии?

– Тоже не ранее чем через сорок восемь часов.

– Когда меня заберет машина?

– Через пять минут.

– Спасибо.

– Что-нибудь еще?

– Спасибо! – прокричал Снейдер.

Женщина закончила разговор, и Снейдер застегнул молнию чемодана. Затем повернулся. На лбу у него выступил пот. Он выглядел бледным и утомленным.

– Вы? – вырвалось у него, когда он заметил Сабину. – Вы хотите навязать мне какой-то разговор?

Ей показалось, что его лицо побледнело еще сильнее.

– Могу я поговорить с вами о том, что выяснила? – спросила она как можно более жестким тоном.

Снейдер взглянул на свои Swatch.

– Вы можете говорить о чем угодно, но не более минуты.

– Я думаю, что за делом «Многоножка» стоит больше, чем просто убийство берлинской семьи или действия преступника-подражателя.

Снейдер глубоко вдохнул, но не перебил ее.

– Позвольте мне участвовать в расследовании по этому делу. Над чем Эрик работал в последнее время? Что он выяснил? Позвольте мне просмотреть его личные заметки.

– Кто сказал, что он вообще что-то выяснил?

«Он сам», – подумала Сабина и вспомнила голос Эрика по телефону. Но она не могла рассказать Снейдеру, что вломилась в его частный архив и с помощью старой сим-карты прослушала его прежнюю голосовую почту.

– Но даже если и так, – продолжил Снейдер, – я не имею права посвящать вас в детали. В сотрудника полиции стреляли. Это дело слишком опасно для еще не прошедшей обучение сотрудницы БКА. Кроме того, я предостерегал вас от самостоятельных действий.

– У меня...

Снейдер поднял руку.

– Избавьте меня от перечисления ваших способностей и профессионального опыта.

«Обаятелен, как всегда!» Теперь ей придется раскрыть свои карты.

– Эрик выявил какую-то схему. О каком отце и о каком ребенке он мог говорить?

Снейдер пронзил ее острым орлиным взглядом.

– Эрик рассказал вам об этом?

– Да, – солгала она. Видимо, он и Снейдеру это говорил еще до своего последнего звонка.

– Что он вам выдал?

– Ничего, – честно призналась она. – Кого или что он мог иметь в виду?

– Этого я и сам не знаю... Он упомянул об этом всего один раз и унес разгадку с собой в кому. – Челюсти Снейдера сжались. Она понятия не имела, какие мысли вертелись у него сейчас в голове, но в одном Сабина была уверена: Снейдер заметил, что она ему солгала.

– Эрик был увлекающимся человеком, – спокойно сказал он. – И если вы считаете, что все три случая как-то связаны, то просто одержимы бредовой идеей.

Это не бредовая идея, с горечью подумала она. Некоторые сходства все-таки имелись: во всех трех случаях судебным медиком был доктор Лауренц Белл, и именно он лечил ранение головы Эрика и постоянно вводил его в состояние седации.

Кроме того, Вессели очень интересовало, какие дела разбирал Снейдер со своими студентами, и в одном из случаев именно он составлял портрет подозреваемого.

– Но, возможно...

– Нет – сразу предвосхищая ваш следующий вопрос, – перебил ее Снейдер. – Это убийство, о котором только что стало известно, не вписывается в схему.

Сабина безэмоционально восприняла информацию, тем более она даже и не думала такое утверждать. Но ей показалось любопытным, что Снейдер так категорично это отрицал.

– Не вмешивайтесь в это. – Снейдер снял пиджак с вешалки и запихнул бумажник, телефон и связку ключей в карман куртки.

Она подумала о пуле в голове Эрика.

– Большинство коллег, помимо служебного оружия, носят еще «вальтер» на ноге. Вы и Конрад Вессели тоже?

– Зачем, Белочка? Мы не на войне. – Он взялся за ручку чемодана и направился к двери.

Краем глаза Сабина заметила, что он забыл на столе свою карточку БКА. Отступив в сторону, чтобы пропустить Снейдера, она незаметно взяла карточку со стола.

– Они вас...

– И вам тоже не следует затевать войну, иначе снова будете следить за порядком на перекрестках – как раньше.

Черт! Она опустила карточку в карман брюк.

– А теперь на выход! – приказал Снейдер.

Сабина вышла из бюро, и он запер дверь. Потом она смотрела, как он шел с чемоданом по коридору к лифту. Когда двери лифта закрылись за Снейдером, она вытащила его пропуск и разглядывала карту со встроенным чипом.

С ней у Сабины появился доступ к архиву БКА, где стоял компьютер, с помощью которого она могла воспользоваться системой обработки запросов. На этот раз она не зависела от корыстной помощи Вессели и не позволит принудить себя ни к какому ужину. Но одно ее настораживало. Почему Снейдер был так невнимателен и забыл свой пропуск?

Он отодвинул его в тот момент, когда она упомянула «вальтер». Пуля в голове Эрика была выпущена из «вальтера». Разумеется, Снейдер это знал. Он намеренно оставил свой пропуск, чтобы она могла его стащить?

29

После недолгого пребывания в бюро верховного прокурора во Дворце правосудия Верховного суда Мелани поехала в Ведомство по уголовным делам. В девять часов утра она вошла в офис специальной комиссии. Хаузер был уже там. Он разговаривал по телефону, по всей вероятности, с техником из Телекома, потому что беседа шла об IP-адресах. Все остальные коллеги, видимо, еще находились в Венском Лесу.

Мелани достала из сумки для компьютера «Дентастикс» и протянула Шейле. Собака схватила лакомство, отнесла в угол под стол и принялась грызть. После этого Мелани села рядом с Хаузером.

К тому времени он уже закончил разговор.

– Уже здесь? – Он зевнул и посмотрел на часы. – Черт, уже девять. Кофе?

– Нет, спасибо.

Он развернул на столе план Вены. На одном участке Венского Леса три точки были отмечены красным цветом, четвертая – синим.

– Экспертно-криминалистическая служба считает, что обнаруженные сегодня утром останки могут принадлежать девочке. Отсутствует ли кожа на спине, сказать невозможно, но следы разрез

указывают на то, что мог быть удален весь участок спины. Хорошая новость: мы имеем дело с тем же убийцей. – Он вздохнул. – А теперь к плохой...

Он показал на план.

– Здесь, здесь и здесь были обнаружены трупы. А вот место, где Клара выбежала из леса.

– Никакой системы я не вижу, – заметила Мелани.

– Именно. Мы говорим об участке леса, который, грубо говоря, чертовски большой. – Он снова свернул план. – Но между тем я кое-что выяснил про IP-адрес.

– Дайте я угадаю... За Мишель скрывается шестидесятилетний, жирный мужик с судимостью, который живет у своей матери и по воскресеньям раздает конфеты на детских площадках.

– Если бы, но мы еще не настолько продвинулись. – Хаузер откатился на стуле к своему ноутбуку и открыл документ.

– *Michelle 17@gmx.at* анонимный аккаунт, по которому мы не смогли больше ничего выяснить. Кто угодно мог создать этот мейл-адрес. Но посмотрите сюда! С помощью маршрутизатора мы отследили IP-адреса всех сообщений.

Мелани увидела нагромождение цифр и буквенных кодов. Время от времени встречался значок @.

– О'кей, дальше, – пробормотала она.

– Большинство мейлов от Мишель имеют разные IP-адреса в Вене и близлежащих окрестностях, за которыми, вероятно, скрываются интернет-кафе. Вначале Мишель была настолько умной, что никогда не отправляла сообщение из одного и того же места.

– Вы сказали «вначале». А что случилось потом?

– Спустя две недели Мишель утратила осторожность. Некоторые из последних сообщений отправлены с одного и того же IP-адреса.

– И куда он ведет?

– Мы этим занимаемся и пока ждем информации от Телекома.

– Но что, если это адрес интернет-кафе?

– Тогда нам не повезло.

– Кстати, ваш геккон еще жив? – вдруг спросила она.

Хаузер удивленно посмотрел на нее.

– Конечно, но у меня их два.

– Они размножаются?

– Это два самца, оба токи.

– И что это означает?

– Серо-голубого цвета с красными и синими пятнышками. Они вырастают до тридцати пяти сантиметров в длину.

– А чем вообще питается такая тварь?

– Кузнечиками и сверчками.

– Омерзительно.

Хаузер презрительно оглядел ее.

– Я делаю вам предложение... я больше не называю вашу собаку псиной, а вы не называете моих гекконов мерзкими тварями, согласны?

Мелани пожала ему руку.

– О'кей, по рукам. Как зовут обоих? Годзилла и Кинг-Конг?

– Том и Джерри, – сухо ответил он.

Она громко рассмеялась.

– Вы шутите?

– Нет, – ответил он, словно не понимая причины ее смеха, от которого у нее на глазах едва не выступили слезы.

В дверь постучали, и молодой парень просунул голову в комнату.

– Клара здесь.

– Спасибо, мы идем. – Мелани поднялась. – Хаузер, позвоните мне на мобильный через десять минут.

Хаузер удивленно посмотрел на нее:

– Ладно, но зачем?

Наверняка у него на языке вертелось множество вопросов, но Мелани лишь ответила:

– Говорить буду я, мышонок Джерри!

– Доброе утро, Клара, – сказала Мелани, когда они с Хаузером вошли в комнату.

Клара сидела на мягком покрывале – среди мягких игрушек, книжек серии «Монстр Хай» и детских детективов ТККГ – и от удивления подняла руки вверх, когда Шейла бросилась к ней. Они прижались друг к другу, словно сто лет были лучшими друзьями. Затем Шейла свернулась рядом с Кларой, положила голову ей на колени и балдела, пока Клара чесала ей за ухом.

«Шейла что угодно стерпит от Клары, – подумала Мелани, – она даже пожертвует своей жизнью, чтобы спасти девочку».

Хаузер остался стоять в углу, а Мелани придвинула к себе стул, села рядом с Klarой и наклонилась к ней. Разговор записывался на камеры и микрофоны, встроенные в потолок.

– Как у тебя дела?

– Я плохо сплю, но Феликс ночевал сегодня у меня в кровати.

– Мне очень жаль. А Феликс храпит?

Клара захихикала.

Они поболтали еще немного о том, что Клара ела на завтрак, как дела у Шейлы, чем Клара будет сегодня заниматься и когда сможет увидеть своих школьных подруг.

– Думаю, на следующей неделе мы устроим встречу с твоими друзьями, – сказала Мелани. Правда, те девочки стали на год взрослее. Время «Монстр Хай» давно прошло – развитие, которое Клара упустила.

Краем глаза Мелани заметила, как Хаузер сунул руку в карман пиджака и повернулся к ним спиной. В следующий момент зазвонил сотовый Мелани.

– Извини, пожалуйста. – Она ответила на звонок, отвернулась и понизила голос. – Мелани Дитц... Привет, Мишель, как хорошо, что ты позвонила, как дела?

Она немного повернула голову и краем глаза наблюдала за реакцией Клары. Но ничего не происходило. Одной рукой девочка гладила собаку, другой листала детскую книгу. Очевидно, по ее мнению, Мелани вела скучный деловой разговор.

– Слушай, Мишель, мне неудобно сейчас говорить, я как раз у одной любимой подруги. Я позвоню тебе сегодня вечером... Хорошо, созвонимся, пока. – Она убрала сотовый. – Извини, пожалуйста.

– Ничего.

– Это была дочь наших соседей. Ей четырнадцать, и она хотела узнать, когда Шейла вернется домой, потому что иногда берет ее на прогулку.

– Шейла ее любит?

– Конечно, Шейла любит всех детей – но тебя особенно. У тебя тоже есть подруга, которую зовут Мишель?

Клара помотала головой:

– В моем классе нет никого с таким именем. Оно странное, звучит...

– По-французски? – помогла ей Мелани.

– Угу. Она красивая?

– Да. – Мелани кивнула. – Для своего возраста вполне. У нее в носу пирсинг. Родители хотели ей запретить, но она все равно проколола. А твоя мама разрешила бы тебе пирсинг?

Клара пожала плечами.

– Мы никогда об этом не говорили. В моем классе у некоторых девочек по три сережки, а некоторые хотят сделать пирсинг в носу, когда станут старше, но я с ними не дружу. Они очень много о себе воображают.

Мелани покосилась на Хаузера. Его мрачный взгляд был красноречив. Казалось, он говорил «Я не верю ни одному ее слову!». Но Мелани верила девочке. Ее реакция не была наигранной.

Через десять минут они сделали перерыв. Клара осталась в комнате с Шейлой, а Мелани и Хаузер пошли в коридор размять ноги.

– Вы ей не верите, верно? – спросила Мелани.

– Клара лжет. Она написала те мейлы, а затем удалила их с сервера.

– Ей было тогда десять.

– Ну и что? Сегодня девятилетние бродят по Интернету и взламывают базы данных.

– Но не Клара.

– Почему вы ей верите, собственно говоря? – спросил Хаузер.

Они подошли к кофейному автомату в конце коридора.

– Если бы она солгала, то ее пульс ускорился бы, щеки покраснели, и она невольно начала бы потеть.

– Может, вы просто не заметили эту реакцию? – предположил Хаузер.

– Возможно, – согласилась Мелани. – Но Шейла бы заметила. Однако ее голова все это время спокойно лежала на коленях у девочки, и она даже ухом не повела.

Хаузер молчал. Против собачьих инстинктов ему нечего было возразить.

– Тогда кто же писал те мейлы?

– Я не знаю. Мать девочки была в тот момент уже мертва. Может, приемный отец?

Телефон Хаузера зазвонил. Он ответил, но завершил разговор спустя всего несколько секунд.

– Это из отдела криминалистической техники.

«Наконец-то обнаружили магнетрон в компьютере Ингрид?»

– Они установили последний узел IP-адреса, с которого Мишель под конец отправляла свои мейлы. Как и предполагалось, это не интернет-кафе, а широкополосный сервер Телекома.

Мелани ненавидела этот технический язык.

– И что это означает?

– Роутер находится в Нойвальдегге.

– Значит, адрес, с которого были отправлены эти мейлы, тоже должен находиться в Нойвальдегге, – сделала она вывод. – Возможно, даже недалеко от того места, где Клара была похищена.

«Или недалеко от ее родительского дома».

Мелани задумалась.

– А у нас есть хоть один штатный психолог?

– Хоть один? Да здесь их полно.

– Я имею в виду, по-настоящему хороший, который проводит сеансы гипноза в глубоком трансе?

– Да, но зачем?

– Брайншмидт дал согласие на терапию для Клары. Я предложу Кларе упражнение на расслабление. Затем мы снова ее допросим.

30

Утро прошло быстро. Они рассматривали психологические аспекты похищения в экстремальных условиях, и при этом даже использовали магазины с холостыми патронами. Тина чувствовала себя как рыба в воде. И с честью подтвердила свое звание «спортивный стрелок».

Во время обеда Сабина никак не могла выбросить из головы слова Снейдера. «И нет – это убийство, о котором только что стало известно, не вписывается в схему». Почему он это сказал? Она за рекордное время проглотила еду, проникла в архив с чип-картой Снейдера и

минут пять провела за компьютером с системой обработки запросов. Оттуда она скопировала на свою флешку все имеющиеся на данный момент данные по делу «Человека-лошади». Среди материалов находился видеофайл размером два гигабайта. Когда на флешке не осталось свободного места, Сабина вытащила ее из гнезда и улизнула из архива.

До следующего курса оставалось сорок минут, поэтому она отправилась к себе в комнату. Пока ноутбук загружался, сварила чашку кофе и открыла балконную дверь. Солнце было в зените и палило на территорию кампуса. За вертолетной площадкой был виден бассейн, где группа студентов тренировала погружение в воду с аквалангами.

Сабина села с кофе и ноутбуком на балконе и принялась изучать файлы с флешки. Материалов по делу было еще не так много. Прошлой ночью семидесятипятилетний мужчина упал в обморок в старой части Нюрнберга и скончался еще в карете скорой помощи в пешеходной зоне.

Сабина задавалась вопросом, по какой причине к такому происшествию подключили БКА и почему Снейдер уехал в такой спешке. Либо смерть оказалась необычной, либо умерший был знаменитостью. В документах она наткнулась на имя Хорст Эккер. Венец. В личном деле умершего значилось, что он был членом запрещенного конституционным судом Австрии движения «Стоп иностранцам». Хорст Эккер по уши завяз в коричневом политическом болоте Австрии. Что этот мужчина искал в Нюрнберге?

Врач скорой помощи обнаружил на теле Хорста Эккера ужасающие повреждения. Вся его спина была в ссадинах и кровоподтеках, предположительно, от ударов кожаной плеткой. Ранам, отчетливо видневшимся на снимках аутопсии, было не больше сорока восьми часов, и они даже не начали заживать. Предположительно, плетка была пропитана рицином, и во время ударов яд проник в кровь Хорста Эккера, что привело к его смерти два дня спустя. Однако это было еще не все. Одновременно в Интернете появилось снафф-видео, снятое, вероятно, кем-то из приверженцев садомазохизма где-то в подвале. По всей вероятности, на видео были пытки Хорста Эккера.

Австрийский политик, снафф-видео и нюрнбергские садомазохисты. Вот причины, почему к расследованию привлекли БКА. Больше в материалах ничего не было. Оставалось только то

видео в два гигабайта. Сабина кликнула по нему, но запись была такая темная, что в полуденном солнце на балконе она не смогла разглядеть деталей.

Сабина вернулась в комнату, задернула шторы и села с ноутбуком на кровать. Максимально увеличив яркость экрана, она снова включила видео. Изображение было сильно смазанным, и медиаплеер показывал, что фильм длится одиннадцать минут.

Уже по первым кадрам было понятно, что это необычное садо-мазо-видео. Подвальные своды со светильниками, напоминавшими старинные керосиновые лампы и свисавшими на цепях с потолка, были погружены в ржавый свет. Съемка велась через грязное стекло из соседней комнаты. Ручная камера постоянно дрожала, и оконный переплет то и дело перекрывал то одну, то другую деталь.

Где-то должно было быть и окно, выходящее на улицу, потому что время от времени помещение освещалось вспышками молнии. В эти моменты был отчетливо виден верстак, на котором животом вниз лежал пожилой худой, даже истощенный, мужчина, прикованный цепями за руки и ноги. Сабине показалось, что она слышит приглушенную классическую музыку, постоянно прерываемую шумом дождя и раскатами грома. По коже у нее побежали мурашки.

Камера приблизилась. На каменном полу виднелись тонкие полосы. Сабина не могла разглядеть, что это – кровь или масло. Затем камера качнулась вверх и на несколько секунд задержалась на наручниках. Запястья мужчины были уже стертые до ран, а тыльную сторону кисти украшал черный треугольник. Он выглядел как ожог, но при более внимательном рассмотрении принял форму капюшона, какой обычно носили члены Ку-клукс-клана.

Наконец на экране появилась высокая худая фигура с широкими плечами, при виде которой у Сабины волосы на затылке встали дыбом. Человек – сложно было понять, мужчина это или женщина, – был облачен в обтягивающий костюм из латекса и сапоги до колена на очень высоких каблуках, напоминающие лошадиные копыта. На них он поковылял к верстаку. Но особенно выделялась голова: на ней была черная лошадиная маска с широкими ноздрями и гривой, доходившей до поясницы.

Двухметровый человек в маске лошади волочил за собой плетку с множеством хвостов. Дойдя до верстака с прикованным к нему

политиком, он взмахнул ею и со всей силы ударил по спине мужчины. Тот с криком дернулся. Кожа порвалась уже после второго удара и потемнела, но ни это, ни крики жертвы не останавливали монстра. Особенно Сабину потряс тот факт, что оператор с ручной видеокамерой ни разу не дернулся во время удара, а уверенной рукой снимал происходящее. Спина Хорста Эккера все больше окрашивалась в грязно-оранжевый цвет.

Особенно яркая и продолжительная вспышка молнии осветила своды и позволила рассмотреть больше деталей. Сабина быстро нажала на паузу и увеличила картинку. В глубине помещения были кирпичные арки. В некоторых нишах стояли бочонки. Вероятно, это был винный погреб или старая заброшенная пивоварня, которая использовалась не по назначению, а для съемок снафф-видео. В Нюрнберге, наверное, десятки таких сводчатых подвалов.

Сабина снова нажала на «плей». Спустя несколько минут попыток из темноты появилась вторая фигура. Вероятно, она стояла там все это время, но в ярком свете вспышек Сабина принимала ее очертания за колонну. Теперь колонна пошевелилась, и Сабина увидела одноногое создание, которое на костылях приближалось к верстаку. Оно было почти на две головы ниже человека-лошади, но в кожаной сбруе и с торчащим резиновым пенисом размером с лошадиный фаллос, пристегнутым на уровне бедер. Лицо этого человека скрывала маска, но анатомические особенности тела выдавали женщину. Она приставила костыли к верстаку. Затем последовало жестокое изнасилование, которое продолжалось несколько минут. Но самым ужасным было не нечеткое изображение, а блаженные стоны мужчины, которые отчетливо слышались между музыкой, раскатами грома и стуком дождя.

Нетрудно было догадаться, что мужчина добровольно согласился на эти мучения. Он не просил о пощаде – и именно это раздражало Сабину больше всего. Как и почему он пришел на эту встречу?

Спустя одиннадцать минут видео наконец завершилось.

Сабина перевела дух. Голый мужчина, прикованный цепями, несомненно был Хорст Эккер. Но он наверняка не рассчитывал, что рицин с плетки будет стоить ему жизни два дня спустя. Было ли это преднамеренное убийство и знали ли трое участников – человек-лошадь, одноногая женщина и человек с камерой – о рицине или нет?

Если да, то Снейдер был прав, и это убийство не вписывалось в схему других дел, где убийца копировал пристрастия другого человека. Тогда этот след – тупик, и ее поход в архив ничего не принес. К тому же все еще оставалась проблема, как незаметно вернуть чип-карту в бюро Снейдера.

Когда в дверь постучали, Сабина подскочила с кровати. Захлопнула ноутбук и посмотрела на часы. Проклятье! Она совсем потеряла счет времени. Следующий курс начался пять минут назад. Она открыла дверь.

На пороге стояла Тина.

– Эй, ты где пропадаешь? У нас сейчас тактика ведения переговоров.

– До какого часа?

– Два часа, затем короткий перерыв, а потом едем на автобусе в Майнц... Почему у тебя в комнате так темно? Ты что, спала?

В отличие от Тины, которая знала наизусть весь план занятий, Сабина лишь мельком заглянула в него. В голове у нее вертелось слишком много других мыслей. Майнц! Неожиданно ее осенило.

– А мы едем не в Институт судебной медицины?

– Именно туда, – перебила ее Тина. – Нам разрешили поучаствовать в учебной абдукции. Вскрытие трупа, аутопсия и эксгумация. – Тина вытянула руки перед собой и скривила лицо, как зомби. Она действительно была одержима своей будущей работой.

Сабина поискала в расписании вечернее занятие. Лектора звали доктор Лауренц Белл.

31

Клара лежала на удобном диване в затемненной комнате, вытянув ноги под белым пледом. Рядом с девочкой сидела психотерапевт, которая работала в Венском БКА. Мелани с Хаузером стояли чуть поодаль и наблюдали.

Для Клары это было просто упражнение на расслабление, чтобы легче заснуть вечером. Врач называла это психодинамической регрессивной терапией и отказывалась от прибабасов типа ароматические палочки или медитативная музыка. Она просто

запустила метроном, который затикал, отсчитывая секунды и постепенно замедляясь.

...Тик-так... тик-так...

– Клара, расслабься... сделай глубокий вдох... – бормотала терапевт так же монотонно и медленно, как тикал метроном. – Твое сердцебиение успокаивается. Ты слышишь только этот ритм... твоё сердце начинает биться в такт. – Её голос звучал спокойно и усыпляюще. – Твои руки тяжелеют... твои ноги тяжелеют... твой лоб становится прохладным... ты ощущаешь, как ноги упираются в диван... энергия дрожью пробегает по твоему телу.

Хаузер взглянул на Мелани и закатил глаза, изображая, что сам вот-вот заснет. Она толкнула его локтем в бок.

– Когда ты делаешь вдох, чувствуешь, как вся комната концентрируется в твоём животе... – Пауза. – А когда выдыхаешь, все в комнате растягивается вместе с твоим дыханием.

Мелани подавила сладкий зевок. Прошло ещё пять минут, прежде чем терапевт вернула Клару в момент в прошлом, за неделю до её похищения.

На вопрос Мелани, может ли Клара во время гипноза снова пережить момент похищения, терапевт решительно помотала головой. Теоретически это возможно, но слишком рано. Подсознание Клары тут же блокируется и закрывается. После этого понадобится несколько месяцев, чтобы снова затронуть данную тему. Лучшим временным отрезком были последние недели до её исчезновения.

– Мы вернулись на год назад. Сейчас середина августа. Что ты делаешь целыми днями?

– Моя мама в больнице, папа часто в разъездах. Но в гости приходит бабушка, и я играю в саду, – сонным голосом отвечает Клара. Плюшевый пес выскальзывает у неё из руки, но она не замечает.

– Что ещё не так, как обычно? Появилось ли что-то необычное?

– Нет.

– Бывают ли ситуации, когда ты чувствуешь себя неудобно?

– Нет.

– Какие у тебя отношения с отцом?

– Сейчас, когда мамы нет, папа больше заботится обо мне.

– Ты любишь проводить с ним время?

– Да.

- Как изменилась твоя жизнь?
- Сейчас папа читает мне книжку перед сном.
- Тебе это нравится?
- Да, очень.

Хаузер бросил на Мелани взгляд, который словно говорил: «Видите!» Но что-то смущало Мелани во всей этой ситуации. Татуировки на плече, пирсинг в носу и создание правил для почтового ящика не вязались с девочкой, которая в обнимку с мягкой игрушкой лежала перед ней на диване, любила сказки на ночь и читала юношеские книги.

– Раньше я вместе с мамой чистила зубы в ванной, а теперь должна делать это одна.

Ванная! Мелани тут же дала понять психотерапевту, что здесь нужно расспросить поподробнее.

- Ты проводишь много времени в ванной?
- Я часто делаю себе разные прически и тайно пробовала краситься маминой тушью.

– Ты делаешь еще что-нибудь необычное в ванной, о чем никто не знает?

- Я нет, но...
- Да, продолжай.
- По вечерам на улице всегда стоит мужчина.
- Что он делает?
- Я думаю, он наблюдает за мной.
- Ты его видишь?

Клара замялась.

- Да...
- Как ты можешь его разглядеть, если в ванной горит свет?
- Один раз я... видела огонек.
- От зажигалки?

Она помотала головой:

– От камеры. Она светилась красным. Я погасила свет в ванной, и он стоял там у фонаря.

Хаузер сделал шаг вперед, но Мелани удержала его за руку.

Терапевт бросила Мелани неуверенный взгляд, но та дала знак продолжать.

– Он фотографирует тебя с улицы через окно? – спросила психотерапевт.

– Да... думаю, да.

– Как выглядит мужчина?

– Я не знаю.

– Ты бы смогла его опознать?

– Да... наверное, я не знаю. – Девочка заворочалась на диване.

Мелани вздрогнула, когда у Хаузера в кармане брюк завибрировал сотовый. Он бросил Мелани виноватый взгляд и покинул помещение. Через закрытую дверь было слышно, как Хаузер разговаривает в коридоре по телефону.

Клара становилась все беспокойнее. Терапевт сделала с ней дыхательное упражнение, пока девочка не стала снова дышать ровно и спокойно. Затем посмотрела на Мелани и указала на наручные часы. Мелани кивнула.

Напоследок психотерапевт сделала Кларе внушение, чтобы та хорошо спала, вернула ее в настоящее время и помогла медленно проснуться.

Клара открыла глаза и потерла лицо.

– Уже все закончилось? – зевнула она.

– Да, ты была молодчиной, – похвалила ее врач.

– Правда? Я ничего не помню.

– Сегодня ночью ты будешь отлично спать. Клара заулыбалась.

Но Мелани не была в этом так уверена.

– Я пропустил что-нибудь интересное? – спросил Хаузер, засовывая сотовый в карман.

– К сожалению, нет. – Мелани проводила его до столовой. – Кто-то фотографировал Клару, когда она голая стояла в ванной комнате, – резюмировала она. – И держу пари, тот же самый тип отсылал Мишель эти фото и письма от имени Клары с ее компьютера.

– Вы подозреваете приемного отца?

– По-другому я не могу это объяснить.

Хаузер задумчиво поморщился.

– Мне только что звонили из технической лаборатории. Я должен вам кое-что рассказать. – Его голос звучал подавленно, чего она еще ни разу за ним не замечала. – И боюсь, вам это не понравится.

– Я привыкла к плохим новостям.

– Эксперты-криминалисты изучили компьютер матери Клары.

У Мелани перехватило горло. Наконец-то.

– Да, и что?

– Внутри системного блока техники нашли переоборудованную микроволновую печь, которая испускала лучи, как только компьютер включали. Насколько я знаю, ваша подруга работала бухгалтером на дому и умерла достаточно внезапно при странных обстоятельствах. Я должен это выяснить. – Он сделал паузу. – Вы не выглядите удивленной.

Мелани проигнорировала это замечание.

– У меня есть врачебное заключение Ингрид, которое было сделано незадолго до ее смерти. Возможно, оно вам поможет.

– Вероятно. – Взгляд Хаузера стал холодным. Он понял, что она за его спиной проводила собственное расследование и вообще-то выполняла его работу. Сначала казалось, что он не собирался ничего говорить по этому поводу, но потом понизил голос: – Вы знаете, что мы не сможем использовать определенные доказательства и улики, если вы не будете придерживаться правил.

До их беседы о гекконах этот упрек прозвучал бы строже.

– Тем не менее я добиваюсь результатов, – ответила она. – Разве не это главное?

Он приподнял брови.

– Я уже узнал, как работает система. Излишняя мотивация ни к чему не приводит.

– Возможно, однажды я приду к тому же выводу, но, пока этого не случилось, буду всеми возможными способами расследовать преступления, которые меня особенно взволновали.

– О'кей, проехали, – лишь сказал он.

Так Мелани заручилась его поддержкой. А факты говорили, что Ингрид была коварно убита, да еще к тому же человеком, которого она знала. Сейчас БКА будет заниматься официальным расследованием – и она со страхом спрашивала себя, сколько всего Хаузер еще вытащит на свет.

Автобус забрал студентов ровно в 16:30 и отвез к Институту судебной медицины. Университетская клиника Майнца находилась всего в двадцати минутах езды от Висбадена и стояла в нескольких сотнях метров к югу от Рейна.

Доктор Лауренц Белл уже ожидал «новичков из академии», как он их называл, в зале, напоминающем бассейн. Голубая настенная плитка, серый кафель на полу. Из стен торчали краны со шлангами, а в центре помещения стояли два секционных стола из нержавеющей стали, на каждом из которых лежал труп. В изножье каждого стола Сабина увидела раковину со стоком для жидкостей. Между ними стоял столик на колесиках с весами для органов и почкообразными лотками.

Студенты собрались вокруг Белла. Тот оглядел всех глазами навыкате и начал без какого-либо вступления:

– Мы имеем дело с утопленником, которого затянуло под винт парама, и с девочкой, которая после аварии выбралась из машины на автобан и была сбита грузовиком. Ее череп полностью раздроблен.

Одни студенты поморщили нос и невольно отступили назад, другие протиснулись в первый ряд. Сабина держалась позади. Она уже знала, как выглядят утопленники.

– По вашим лицам я вижу, что некоторые еще не вполне знакомы с такой ситуацией. – Клокочущий голос Белла раздавался по залу. – Прежде всего, вы должны привыкнуть к запаху. Я дам вам один хороший совет, в первую очередь дамам: перед визитом в секционный зад никогда не пользуйтесь парфюмом, чтобы нейтрализовать трупный запах. Тем самым вы лишь испортите себе любимые духи, потому что скоро будете ассоциировать их с трупным запахом.

Сабина заметила, что Майкснер, Гомез и Шёнфельд держались вполне мужественно – о Тине и говорить нечего; для нее это было, наверное, главным событием дня. Но один коллега из другого потока выглядел бледным.

Белл заметил это, подошел ближе к студенту и по-дружески положил руку в резиновой перчатке ему на плечо, что походило на провокацию.

– Еще один совет, коллега! Никогда не выходите на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха, даже если вы на грани обморока. Потому что, когда вы войдете обратно через пару минут, весь процесс начнется сначала. Держитесь, и вы увидите, что максимум через десять минут

ваш нос привыкнет к сладковатому запаху разложения. – Белл закрыл глаза, сделал глубокий вдох и взялся за инструменты.

В следующие два часа Белл рассказывал им о нейрохирургии, анализе следов крови и искромсанных утопленниках. Когда Белл закончил вскрытие трупа, группа перешла в соседний зал, где руководитель судебно-медицинской экспертизы объяснял воздействие различных веществ на человеческое тело. Но Сабина осталась в секционном зале и дождалась, пока последний коллега покинет помещение.

Белл стянул перчатки и промывал инструменты в алюминиевой ванночке.

– Я так и думал, что вы останетесь, – сказал он, не поднимая глаз.

– У вас есть две минуты? – спросила Сабина.

– И даже больше... я знаю, чего вы хотите, – безэмоционально ответил он. – Ваш друг все еще под воздействием успокоительных.

– Спасибо, но я хотела поговорить с вами о кое-чем другом.

Он вытер руки.

– Вы не против? – спросил он и в тот же момент вытащил из нагрудного кармана фляжку. – Эти доклады нервируют.

– Конечно, – сказала Сабина, и Белл не стесняясь сделал глоток.

Затем убрал фляжку.

– Выкладывайте!

– Вы ведь были судебным медиком в деле «Многоножка», – заявила Сабина.

Белл кивнул, и на его лице появилось почти благоговейное выражение.

– Вы не представляете себе этот свинарник. БКА привезло сюда трупы в специальном фургоне. Это была беспорядочная груда из животных и людей. Одно лишь разделение всех частей и реконструкция, в каком порядке они были пришиты друг к другу, длились несколько дней. Лишь после этого можно было начинать вскрытие. – Белл злорадно улыбнулся. – Представляете, как старик Снейдер нас донимал? Этому говнюку хотелось бы получить заключение еще за два часа до убийства. Но чтобы суметь ответить на все его вопросы, мне нужно было бы самому совершить это

преступление. И что дала вся эта спешка? – Он вопросительно посмотрел на Сабину.

Она пожала плечами.

– Того типа до сих пор не схватили.

– Именно об этом я хочу с вами поговорить.

Белл снисходительно улыбнулся.

– Вы наверняка уже давно вычислили убийцу.

Она решила, что он над ней издевается.

– С чего вы взяли?

– Вы ведь на курсе Снейдера? Не хочу вас обижать, но студенты, которых президент Хесс определяет к Снейдеру, все умники, имеют коэффициент интеллекта сто тридцать и считают, что они особенные.

У Сабины пересохло во рту. Но возразить на это она ничего не могла, хотя и злилась, что он стриг всех под одну гребенку – ее, Майкснер, Гомеза и Шёнфельда.

– Хотя какая разница. – Белл махнул рукой. – Возможно, вы не такая. Что вы хотели узнать?

– Вы также готовили заключения по убийству на Ваттовом море и случаю каннибализма, – сказала Сабина.

Он ненадолго задумался.

– Девушка, которую ножом разрезали на части, и тип с телевидения, от которого осталась лишь половина? – Белл кивнул. – Помню... интересная работа.

– Возможно ли, что за этими тремя убийствами стоит один и тот же преступник?

Он помотал головой:

– Исключено!

– Он мог ведь изменять свой почерк точно так же, как оставлял места преступления в разных состояниях и...

Белл перебил ее порывистым движением руки.

– Вот этому вас учат в академии? – Он помотал головой. – Передо мной на столе лежали трупы с якобы неумелыми, робкими ножевыми ранениями, которые были симулированы физически сильными убийцами; левши, которые пытались нанести удар правой рукой; убийцы, которые приседали, чтобы изменить угол атаки. Один парень даже обрезал себе кожу с подушечек пальцев. Фантазия не знает границ.

– И как вы смогли его уличить?

– Он упустил, что есть еще и боковые отпечатки пальцев. Мы всегда снимаем отпечатки от одного края ногтя до другого. И поверьте мне: судебные медики видят такие попытки манипуляций каждый день, и мы замечаем, если следы были фальсифицированы. Потому что у нас есть возможность обратиться к тысячам других похожих случаев – чего преступник не может. Вот так просто.

– Но если в этих трех случаях...

Он громко застонал.

– Вы точно такая же, как и другие на курсе Снейдера... упрямая и невосприимчивая к советам. – Он снова приложился к фляжке и вытер рот рукой. – Вот что я скажу вам: убийца в деле «Многоножка» был определенно правой, потому что многочасовая работа левши выглядела бы иначе. Однако мужчина, который привязал молодую девушку к деревянной свае на Ваттовом море и изрезал ее складным ножом, был несомненно левшой. Кроме того, он не обладал той мелкой моторикой и анатомическими знаниями, как убийца в Берлине, – перечислял Белл. – А в случае каннибализма в Эйфеле дело вообще обстояло по-другому.

Изо рта Белла на Сабину пахло перегаром. Хотя он казался безнадежным алкоголиком, Снейдер снова был прав: Белл корифей своего дела; к тому же с отличной памятью. По крайней мере, что касается этих трех дел.

Сабина взяла свой рюкзак, пробормотала сдержанное «спасибо» и направилась к двери.

– Возможно, речь может идти о двух убийцах, – крикнул ей вслед Белл. – Но ни в коем случае об одном и том же.

Автобус высадил большинство студентов в начале пешеходной зоны. Сабина и Тина тоже вышли. Был уже десятый час вечера, и перед некоторыми кафе стояли тепловые пушки. Одни коллеги присели на ступенях фонтана и тут же засунули себе в рот сигарету, другие целенаправленно устремились в ирландский паб с караоке.

– Хочешь послушать, как Гомез и Шёнфельд, обнявшись, поют «Криминальное танго»? – спросила Тина.

Сабина помотала головой.

– Не представляю, что может быть лучше.

– Я тоже.

Они прошли мимо паба, который остался слева, и направились вниз по пешеходной зоне.

Тина толкнула Сабину локтем в бок.

– Посмотри. – Она кивнула на столик перед итальянским рестораном. – Вон сидит судья Ауэрсберг.

– Где?

– С желтым шарфом. Это ее доклад я слушала в университете.

– Я думала, она старше. – Сабина рассматривала женщину лет сорока пяти, с длинными каштановыми волосами. На ней были джинсы, обтягивающая футболка и палантин, она сидела с бокалом красного вина и разговаривала, похоже, с двумя подругами.

– Возможно, однажды я тоже стану судьей, – сказала Тина.

Они прошли дальше в узкий переулок, в котором почти все столики перед ресторанами были свободны. Пахло серой, и из фонтанов повсюду били горячие источники, что придавало этой части старого города особенную, мрачную атмосферу. Сабина остановилась перед Римскими воротами, остатками старинной римской городской стены в конце пешеходной зоны. Под одним из навесов они заметили уединенный ресторанчик, к которому направились и заказали у официанта два пива.

Сабина развалилась в плетеном кресле и рассматривала каменную лестницу, которая из-под полукруглой арки вела вверх к зубчатой стене и башенке с деревянной крышей.

– Прохладный вечер – вообще-то мы должны зубрить дома.

– Оставь эту ненужную болтовню для кого-нибудь другого, – предупредила ее Тина.

Сабина улыбнулась. Именно эту спонтанность и прямоту она и любила в подруге.

– Ты права, я припасу ее для гениев типа Шёнфельда.

– Отлично! У тебя есть идеи, над чем работает Снейдер?

Сабина пожала плечами.

– Ясно, но я порылась в Интернете, – продолжила Тина. – Он сказал, что должен ехать в Нюрнберг. Вчера там был зафиксирован только один смертельный случай. Какой-то старик скончался в машине скорой помощи в пешеходной зоне. Это ведь не может быть причиной?

Сабина немного подумала.

– Может, – наконец сказала она.

– Да? – переспросила Тина.

Вместо ответа, Сабина огляделась. Рядом с ними никого не было. Она вытащила из рюкзака ноутбук, поставила его на стол и показала Тине видео с пытками из подвала.

– Жесть, – единственный комментарий, который выдала Тина после того, как молча просмотрела весь фильм. – Откуда это у тебя?

– Не важно, – ответила Сабина. А потом рассказала Тине все, что знала об этом случае. А так как они пили уже по второму пиву, Сабина поведала ей также о своих поисках в архиве и в личном боксе Снейдера. – Но это убийство с человеком-лошадью не вписывается в схему, – закончила она.

– Кто сказал?

– Это же лежит на поверхности.

– Дерьмо лежит на поверхности, – ответила Тина и придвинулась ближе. – Если ты действительно права, то речь идет о том, что хитроумный киллер ежегодно так гениально планирует убийство, что подозрение падает на кого-то другого. *Capisci?*

– *Capisco!* – Сабина указала на ноутбук. – Но здесь все абсолютно иначе.

Тина изобразила голландский акцент Снейдера:

– Немез, используйте оба полушария головного мозга! – Потом продолжила уже обычным тоном: – Предположим, наш мистический убийца пропитал плетку рицином и тайно снял это видео. Когда политик умер, он выложил фильм в Интернет. Тип в костюме лошади и одноногая женщина подозреваются в убийстве – и, хоп! – получается, он совершил новое убийство с чужим модусом операнди и подсунул уголовной полиции подозреваемого. На этот раз даже с видео.

Сабина задумалась. Наконец сказала:

– Ты еще более сумасшедшая, чем я думала. Это меня пугает.

Тина улыбнулась.

– Нам нужно резюмировать ключевые данные.

– Хорошо. – Сабина открыла текстовый редактор на ноутбуке, и спустя несколько минут у них был список нераскрытых убийств.

ДЕЛО «МНОГОНОЖКА»

Город: Берлин

Место преступления: вилла
Время: сентябрь, четыре года назад
Жертва: семья из четырех человек
Оружие преступления: скальпель
Modus Operandi: подражание серийному убийце Белоку, находящемуся в заключении
Подозреваемый: берлинский гинеколог доктор Ян
Причина: потому что он контактировал с лейпцигским детским врачом Белоком в тюрьме

ДЕЛО «ВАТТОВОЕ МОРЕ»
Город: Санкт-Петербург
Место преступления: побережье
Время: сентябрь, три года назад
Жертва: австрийская студентка психологического факультета Катарина
Оружие преступления: складной нож
Modus Operandi: инсценируется травма пациента психиатрической клиники
Подозреваемый: Симон Каспарек, клиент психиатрической клиники
Причина: потому что инсценируемое убийство повторяет смерть его матери

ДЕЛО «КАННИБАЛ»
Город: Айфель
Место преступления: частный пансион
Время: август, два года назад
Жертва: телевизионный ведущий
Оружие преступления: электрический нож для хлеба
Modus Operandi: инсценируется ритуал гомоэротичной антропофагии
Подозреваемый: бухгалтер Хельмут Прёлль
Причина: потому что он контактировал с жертвой и представителями соответствующей социальной среды

ДЕЛО «ЧЕЛОВЕК-ЛОШАДЬ»

Город: Нюрнберг
Место преступления: погреб старой пивоварни
Время: сентябрь этого года
Жертва: бывший австрийский политик Хорст Эккер
Оружие преступления: плетка с ядом
Modus Operandi: для убийства используется фетишистский ритуал садомазохизма
Подозреваемый: двое в масках из среды садомазохистов
Причина: потому что их снимали во время всего произошедшего

– Схема аналогичная. Однако прошлой осенью у нас в хронологии пробел, – заметила Тина. – Что-то должно было тогда случиться, о чем мы пока ничего не знаем.

– Я только что разговаривала с доктором Беллом об этих убийствах. В первых трех он был судебным медиком. По его мнению, речь может идти как минимум о двух преступниках.

– Да что он знает! Ты видела его взгляд? А перегар почувствовала? – спросила Тина. – Этот тип уже несколько лет не просыхает.

– Он якобы один из самых профессиональных судмедэкспертов, – повторила Сабина слова Снейдера.

– Кто в это поверит! – Глаза Тины сверкали азартом. – У тебя с собой материалы по этим делам? – Похоже, так быстро сдаваться она не собиралась.

Сабина указала на рюкзак.

– Чего ты ждешь? Доставай! – Тина отодвинула ноутбук в сторону и разложила на столе бумаги, которые передала ей Сабина. – Я скажу тебе, чем мы сейчас займемся: мы составим диаграмму путь-время. Смотри и учись!

Когда они собрали все факты, даты и показания времени в хронологическом порядке, было почти одиннадцать. Владельцы пивной уже выключили тепловые пушки, и официант принес им счет.

Пока Сабина рассчитывалась, Тина с отчаянием смотрела на ноутбук и сравнивала занесенные данные.

– Есть одна нестыковка... – пробормотала Тина.

– Привет, леди, все еще гуляете в такой поздний час?

Сабина обернулась. За ними стояли Шёнфельд и Гомез.

Майкснер не было видно. Наверняка она долго не выдержала пения в караоке-баре.

Гomez навязчиво подходил ближе.

Тина тут же захлопнула ноутбук.

– Отвалите, это только для девочек.

– Тельма и Луиза^[18] хотят побыть одни, – пробурчал Шёнфельд.

– Вашей гениальности и юмора на сегодня с нас достаточно, – добавила Сабина.

– Понимаю. – Gomez коснулся ладонью лба в знак прощания. – До завтра. – И оба удалились.

Сложно поверить, что это будущая элита уголовной полиции.

– Какая нестыковка? – спросила Сабина, когда парни отошли подальше.

Тина не стала открывать ноутбук.

– Две даты пересекаются. В пятницу, двадцать четвертого сентября, три года назад, на берегу в Санкт-Петер-Ординге была убита студентка психологического факультета Катарина. Это произошло ровно в 18:52, когда прилив достиг высшей точки, – резюмировала она. – В тот же день около 19:00 по телефону была забронирована комната в частном пансионе Кильбурга в Айфеле за год вперед. В августе следующего года там был наполовину съеден тот самый телевизионный ведущий.

Сабина не понимала, что здесь не так.

– Ну и что? Один и тот же тип совершил убийство на побережье Северного моря и оттуда сразу же забронировал место своего следующего преступления.

– В том-то и дело, что нет! Очевидно, ты невнимательно изучила материалы по делу каннибала, – упрекнула ее Тина. – Потому что этот Эрик Дорфер кое-что выяснил.

– Что именно?

Тина внимательно посмотрела на нее:

– Откуда ты его вообще знаешь?

– Какая теперь разница?

– Нет, скажи!

– Мы раньше были вместе, – вздохнула Сабина.

– Мне очень жаль. – Тина выглядела подавленной. – Комната в Кильбурге была забронирована с предоплаченного телефона.

Звонившего не смогли локализовать, но твой друг выяснил через резервное хранилище пользовательских данных, что в момент звонка мобильник был подключен к вышке сотовой связи в Висбадене. Убийца не мог одновременно совершить преступление на Северном море и девять минут спустя забронировать комнату из Висбадена.

Сабина ненадолго задумалась.

– Вот дерьмо!

– Именно, – ответила Тина. – Твоя теория ни к черту, и Белл прав. Речь идет минимум о двух разных убийцах.

– И один из них сидит в Висбадене, – пробормотала Сабина.

Четвертые врата Ада

– *Опишите мне ваше ощущение, когда вы до смерти захлестали того мужчину.*

– *Я не захлестал его до смерти.*

– *Верно – его убил яд. Но вы об этом знали.*

– *Да, если бы в ту ночь я действительно захлестал его до смерти, он не смог бы подняться с верстака и заплатить одноногой женщине гонорар.*

– *Он заплатил за эту услугу лишь в конце?*

– *Конечно. От него зависит, какие дополнительные услуги он захочет получить и когда пожелает остановиться.*

– *Что это было за чувство – мучить его?*

– *Разве в этой ситуации можно говорить о мучениях? Это была услуга.*

– *Но не обычная, какую вы оказываете каждый день.*

– *Откуда вы знаете?*

– *Вы впервые облачились в этот костюм и примерили на себя эту чуждую вам роль, чтобы осуществить определенный сценарий.*

– *Зачем мне это делать?*

– *Зачем? Да бросьте! Чтобы повесить убийство на другого, как вы всегда делаете.*

– *После того как я расчленил, а затем снова сшил целую семью, разрезал на кусочки женщину в море и почти наполовину съел*

мужчину, вы на полном серьезе спрашиваете меня, что я испытывал, размахивая нелепой плеткой?

– Да, меня интересует это уже потому, что вы постоянно уклоняетесь от ответа. Так какое это было чувство?

– Определенная эйфория присутствовала.

– Та же самая эйфория, какую вы испытали, когда крики берлинской семьи наконец-то затихли и вы смогли свободно развернуться?

– Да, примерно такая.

– Я вам не верю.

– Как знаете.

– Не хотите знать, почему я вам не верю?

– Нет.

– Вы снова уходите от темы. Именно поэтому я скажу вам. Я смотрел видео. Мужчина в маске лошади работал сдержанно и держал ситуацию под контролем. Это не было, как в Берлине или Санкт-Петер-Ординге, когда вы теряли контроль и впадали в состояние аффекта.

– Как вы можете это оценить?

– Вы прекратили пытку, когда пришла одноногая женщина, чтобы завершить ритуал. Это не был ни аффект, ни транс, ни эйфория. Это была сдержанная точная работа. Работа за определенный гонорар.

– Значит, так и было.

– Человек в костюме вовсе не вы, я прав? Ну конечно, вы стояли с камерой. Вы просто снимали происходящее.

– Нет, я...

– Вы лжете. Вы просто пропитали плетку рицином и предоставили другим убить Хорста Эккера.

– Разве этот выродок не заслужил смерть?

– Об этом речь не идет. Вы использовали другого, чтобы тот по незнанию убил Эккера.

– Нет, это я был в лошадиной маске.

– Костюм был с подплечниками?

– Конечно, нет. Это же видно на видео.

– Тогда вы не могли нести Катарину по деревянному причалу к морю во время шторма.

– Почему?

– Вы говорили, что молодая женщина соскальзывала с узкого плеча и вам приходилось ее постоянно приподнимать. Подозреваемый номер ноль, что-то в вашем заявлении не сходится.

– Я уже сказал вам, не называйте меня так!

– Вы правша, верно?

– Да.

– Берлинскую семью вы расчленили и затем снова сшили правой рукой. Но в Санкт-Петер-Ординге вы сделали разрезы левой рукой.

– У меня было растяжение правого плеча.

– И все равно вы взяли на себя труд и несли Катарину несколько сотен метров по деревянному причалу, а затем тащили через Ваттовое море?

– Я должен был сделать это в тот день.

– Вы? Или кто-то другой?

– Простите?

– Вы меня правильно поняли. Вы совершили не все убийства.

– Конечно, все! У вас же есть мое признание.

– Но оно ложное! Или в этих делах замешан второй убийца, или вы работали с сообщником.

V. Пятница, 6 сентября

*Иногда мне
кажется, что
жизнь следователя
– это долгое
сладкое
самоубийство.*

Конрад Вессели

33

Уже в шесть утра Сабина сидела одна в столовой, пила крепкий кофе и наблюдала за тонкой серебряной полоской на горизонте. Она отвратительно спала: ей постоянно мерещился подвал, в котором пытали Хорста Эккера.

Это был всего лишь пятый день учебы в академии, а у нее в голове крутилось столько разных теорий, что череп готов был вот-вот треснуть. В конце концов для нее существовало только одно разумное решение: «Или ты сконцентрируешься на занятиях в академии и прекратишь свои расследования, прежде чем окончательно спятишь, или продолжишь, рискуя головой».

Но могла ли она остановиться? Все-таки она единственная слышала последнее сообщение Эрика, а Снейдер был недоступен по телефону. Но, прежде чем говорить с президентом Хессом, Вессели или доктором Беллом о случившемся, Сабина хотела узнать больше. К тому же ее не покидало ощущение, что она не должна разговаривать об этом ни с кем, кроме Снейдера.

«Только с глазу на глаз!» – сказал он ей, и, вероятно, на то были причины. Все-таки один из убийц был из Висбадена.

Она взглянула на учебный план, который висел рядом с ней на стене. Сегодня с восьми до десяти психолог снова будет рассказывать

об «опасностях рабочих будней». Сабина покинула столовую и просунула записку Тине под дверь.

«Не могу больше слушать доклады о коллегах, погибших на службе. Поеду в Вайтерштадт. К 10 вернусь».

Вайтерштадт находился примерно в сорока километрах к юго-востоку от Висбадена, не доезжая Дармштадта. Сабине потребовалось полчаса езды на машине, и около семи она добралась до исправительного учреждения.

Территория суперсовременной тюрьмы была окружена обширными полями. Утреннее солнце освещало одноэтажное вытянутое здание, в котором были даже спортивная площадка и бассейн для программы ресоциализации более тысячи заключенных. Однако в Вайтерштадте имелось также отделение с наивысшим уровнем безопасности для тридцати преступников мужского пола – и одного из них она хотела посетить.

Сабина свернула на машине к проходной и показала свое удостоверение. Рольворота открылись, и она въехала в узкий асфальтированный отсек. Когда ворота за ней опустились, открылись следующие, и она заехала на парковку, которая находилась под наблюдением множества камер. Сабина вышла из машины и направилась к входу в здание. У нее забрали служебное удостоверение и внесли ее в список посетителей. Лишь после этого спросили, чего она хочет.

– Я хотела бы допросить заключенного Йохана Белока.

Охранник нахмурил брови.

– В следующий раз предварительно позвоните в офис и договоритесь о встрече, коллега. Возможно, заключенный работает или лежит в медчасти.

– Вряд ли Белок моет сортир в это время.

Охранник оглядел ее.

– Вы комиссар-стажер уголовной полиции на первом семестре академии, – констатировал он. – Обычно коллеги по причинам безопасности приезжают по двое. Этот допрос вообще одобрен?

– У вас мое удостоверение, – спокойно ответила Сабина. Она уже слышала, что у сотрудников тюрьмы бывает легкая паранойя.

– Где второй коллега? И где ваш руководитель?

– Мой коллега задерживается. Это срочно, и я пока начну допрос Белока.

Сотрудник все еще преграждал ей путь.

– И я должен вам поверить?

Сабина сохраняла спокойствие.

– Он опасался, что вы это скажете. – Она вытащила из кармана второе удостоверение. – Как я уже сказала, мой коллега подъедет чуть позже.

Охранник взглянул на удостоверение.

– Мартен С. Снейдер. Ваш коллега? – Он удивленно улыбнулся. – О’кей, можете проходить. Передавайте привет старому говнюку. На его счету здесь как минимум десять типов. Все сидят в отделении строгого режима.

– Не похоже, чтобы вы были этому рады.

– Мне все равно, – ответил мужчина. – Я имел удовольствие пообщаться с ним только два раза.

Пока Сабину провожали к первому тамбуру, она услышала, как охранник проинформировал соответствующего сотрудника, который работал в блоке В.

– Снова допрос, на этот раз Белока. Подготовь его.

Тамбур находился под видеонаблюдением, имел плиточный пол и белые стерильные стены. Сабина сдала телефон, кошелек и ручку, все это заперли в ящичке сейфа. Через стальную дверь она прошла во второй тамбур.

– Пройдите через сканер.

Прибор не запищал. Наконец через вход для адвокатов и переводчиков она попала к помещениям для допроса. Комната номер три была свободна. Камера размером восемь квадратных метров была выложена серой плиткой и снабжена матовым зеркальным стеклом. Стол и два стула были прикручены к полу. Видимо, здесь случалось разное.

Сабина подождала несколько минут, пока в комнату не ввели Белока в наручниках. Впереди шел сотрудник в униформе, за ним следовал Белок, замыкающим был еще один вооруженный мужчина в штатском. Мужчины усадили Белока на стул, расстегнули наручники, но приковали одну руку к металлической трубке на стене.

Вооруженный в штатском без комментариев покинул помещение, сотрудник в униформе встал у Сабины за спиной.

– Должен вас поблагодарить, – сказал Белок, прежде чем Сабина успела открыть рот. – Я не часто вижу молодых симпатичных женщин. К тому же вы освободили меня от уборки коридоров медчасти этим утром. Но возможно, этот разговор всего лишь ухищрение, чтобы обыскать мою камеру. – Он взглянул на тюремщика. Тот не шелохнулся.

Всего лишь несколько дней назад Сабина видела фотографии жертв Белока, а теперь монстр собственной персоной сидел напротив. Белок выглядел лет на семьдесят, у него было помятое лицо, седые короткие волосы, небритый подбородок и фигура борца с бычьей шеей.

– Могу успокоить вас, я здесь не потому, что сотрудники хотят обыскать вашу камеру.

– Ваши коллеги не упускают ни одной возможности. – У него был мягкий саксонский акцент, который не вязался с его крепкой фигурой – и уж тем более с тем, что он сделал со своими жертвами.

«Кроме того, не могу представить себе, что тебя заводит вид молодой женщины», – мысленно добавила Сабина. Места преступлений Белока в восьмидесятых годах в Лейпциге напоминали конечный продукт убийцы из дела «Многоножка», только творения Белока состояли исключительно из детских тел.

– С чего вы решили, что сотрудники в Вайтерштадте мои коллеги? – спросила Сабина.

Белок улыбнулся.

– Иначе вы вряд ли попали бы ко мне. – Он разглядывал свои руки. Узловатые пальцы, ладони размером с тарелку – он легко мог бы спрятать в кулаке крысу. Необычно для бывшего детского врача.

– Хорошо, – сказала Сабина. – Тогда можем играть с открытыми картами.

Лицо Белока ничего не выражало.

– Почему я должен это делать?

– Потому что иначе вам придется драить коридоры.

– Предложите мне более приятное времяпрепровождение.

– Убийство «Многоножка» в Берлине.

– О господи. – Он вымученно улыбнулся. – Снейдер уже столько раз был здесь по этому поводу.

– У меня другая задача.

– Значит, вы знаете Снейдера... – Белок приподнял густые седые брови.

Сабине было все равно, пока он не знает, как ее зовут.

– Кто-то скопировал ваше творение и попытался возложить вину за это убийство на берлинского гинеколога.

– Это не ново, – перебил он ее.

– Но, возможно, убийца следил не за вами, чтобы узнать, кто навещает вас в тюрьме, а изучал берлинского врача доктора Яна, чтобы выяснить, что можно повесить на него.

Белок ненадолго задумался.

– А вот это что-то новенькое.

– Вполне возможно, что речь шла вовсе не о вас, а все время только о докторе Яне. – Сабина задела эго Белока и собиралась понизить его рейтинг. – Вы могли случайно вписаться в схему... оказаться просто средством для достижения цели.

У Белока заходили желваки.

– Хорошо, мы поговорим об этом, но только с глазу на глаз.

– Это невозможно, – ответила Сабина. Во время допроса по соображениям безопасности в помещении всегда находился второй полицейский. Белок мог бы ранить сам себя и потом утверждать, что Сабина его избивала.

– Я не хочу, чтобы нас слушал кто-то из сотрудников тюрьмы, – пробурчал он. – Если они расскажут, что я сотрудничаю с Федеральным ведомством уголовной полиции, мне здесь не поздоровится.

– Пока что вы не сотрудничаете.

– Зависит от того, какие еще теории имеются у вас в запасе.

Сабина кивнула охраннику, но тот не двинулся с места.

– Вы уверены?

– Да.

– Две минуты, не дольше. – Мужчина покинул комнату.

Дверь грохнула, и Сабина осталась наедине с Белоком. Она уставилась на зеркальное стекло.

– Они могут видеть нас, но не слышат, – объяснил Белок.

– Отлично, тогда мы можем говорить открыто. – Она наклонилась вперед. – Почему гинеколог вас навестил?

– Как почему? Он мой почитатель и хотел поздравить меня с творением всей моей жизни.

– Как вы думаете, почему он был единственный за все эти годы?

– Мало кто увидел смысл этих работ.

– И в чем же их смысл?

Белок улыбнулся.

– Спросите художника, который рисует картины кровью, сможет ли он объяснить свои мотивы. – Белок кивнул. – Ты или создан для того, чтобы понять произведение, или нет.

– И Мартен Снейдер понял?

– Мы создаем то, что видим. Да не отважится никто создать в искусстве то, что он не хотел бы видеть в жизни.

– Соединенных между собой мертвых детей?

Белок терпеливо изучал ее.

– Я уже вижу, что у вас со Снейдером ничего общего.

К счастью, это было так. Все-таки разум Снейдера большую часть времени находился в аду, где вступал в контакт с больными умами разыскиваемых серийных преступников.

– Очевидно, вы хорошо разбираетесь в людях, – польстила ему Сабина. – Вы познакомились с гинекологом. Кто мог бы оговорить его?

Белок внимательно на нее посмотрел.

– Если вы действительно считаете, что настоящий убийца не являлся почитателем моего лейпцигского творения, а использовал его, чтобы просто обвинить кого-то другого, нам стоит прекратить этот разговор. Потому что тогда вы абсолютно не поняли, что произошло.

– Можно еще один вопрос?

– Хорошо, но будете мне должны.

– Если это в моей власти.

– Просто маленький пустяк, – сказал Белок. – Что вы хотите знать?

– Что написал вам гинеколог и что ответили ему вы?

– Вы плохо подготовлены, – пожурил ее Белок. – Я ничего ему не ответил.

– А раньше вы ему писали?

– На протяжении всего моего заключения я не состоял в переписке ни с одним человеком.

– Что он написал вам?

– Слышали про тайну переписки? Кроме того, ваш вопрос вы уже задали.

Сабина прикусила губу.

– А теперь ваш должок, – пробурчал Белок. – Передайте от меня Снейдеру: «Пит ван Лун скоро выйдет».

Сабина была сбита с толку.

– Кто такой Пит?

В этот момент в помещение вошли мужчины.

– Закончили?

– Да, – ответил Белок.

Они отцепили его от трубки, надели наручники и повели из комнаты.

– Кто это? – повторила Сабина.

– Просто передайте это Снейдеру.

«Черт подери!» У нее осталось столько вопросов, но Белок просто ушел, не взглянув на нее и не произнеся больше ни слова. Когда покинула комнату для допросов и получила назад свои вещи, Сабина спросила у сотрудника, который сопровождал ее, существуют ли копии писем, адресованных заключенным.

– Конечно нет.

– Да ладно вам! Мы говорим о заключенном строгого режима.

– Что вам нужно? – вздохнул он.

– Фотокопию всех писем, которые получил Белок.

– О'кей, было только одно письмо; это можно устроить. Подождите пока у входа, я схожу в бюро и сделаю копию.

Сабина покинула тамбур и присела на пластиковый стул в зоне для посетителей рядом с постом вахтера. Слева от нее стояла искусственная пальма с блестящими листьями.

– Да, она еще здесь, – сказал вахтер и вышел с сотовым из своей кабины. Он прикрыл телефон рукой и обратился к Сабине: – Я разговаривал с Висбаденом. БКА не в курсе о вашем допросе, а Мартен Снейдер недоступен.

Сердце Сабины забило сильнее.

Мужчина протянул ей телефон.

– На линии следователь, который вел тогда это дело. Он хотел бы поговорить с вами.

Сабина даже не знала, как его зовут. С недобрим предчувствием она взяла трубку.

– Алло? Говорит Сабина Немез. Я...

– Я узнал, что какая-то ссыкуха из академии допрашивает моего заключенного? – пролаял низкий голос в трубку. – Это вы? В чем дело? Почему я ничего об этом не знаю?

– Теперь знаете, – ответила Сабина. – Успокойтесь.

– Вы в своем уме? Что вам нужно от Белока?

– Его убийства были скопированы четыре года назад в Берлине.

– Знаю! – вставил он.

– Предполагаемый подражатель посетил Белока в тюрьме и позже написал ему письмо.

– Что значит предполагаемый? Это был врач из Берлина! Он расчленил семью.

– Мы как раз разбираем это дело в академии.

– Опять двадцать пять! Снейдер, похоже, никогда не отвяжется. Передайте ему, что он упустил тогда убийцу. А те письма вас и других студентов не касаются. Поняли?

Письма?

– Да, я поняла. – Сабина завершила разговор и вернула вахтеру сотовый.

В следующий момент из бюро вышел сотрудник тюрьмы и протянул ей конверт.

– Вот копия письма.

– Спасибо, – ответила Сабина. – А теперь сделайте мне, пожалуйста, еще копии других писем.

Было только два письма, и, за исключением подписи доктора Яна, оба были напечатаны на машинке. Первое Белок действительно получил, второе было перехвачено сотрудниками исправительного учреждения и так и не выдано адресату. Первое письмо было датировано маем – за четыре месяца до бойни в Берлине.

Утреннее солнце нагрело асфальт на парковке. По дороге к своей машине Сабина прочитала первое из писем.

«Уважаемый доктор Белок,

я рад, что мы и дальше можем оставаться в контакте, хотя время не позволяет мне чаще посещать вас в Вайтерштадте. Я не могу оставлять свою практику без важной причины – вы сами знаете это по прежним временам, когда еще жили в Лейпциге.

Вы написали, что мои письма не вскрываются тюремным персоналом и не перехватываются и что вы затем сможете их все уничтожить.

Это письмо я запечатал восковой печатью, которую сложно подделать.

Если вы подтвердите мне целостность письма, я пришлю вам свое предложение.

С глубоким почтением, доктор Ян».

Сабина ничего не поняла из письма. Во-первых, Белок утверждал, что никогда ни с кем не переписывался, однако текст напоминал ответное письмо. Но ответ на что? И во-вторых, это была неправда, что никто, кроме Белока, не вскрывал письма. Администрация тюрьмы даже делала копии.

Она развернула второй листок, датированный июнем того же года.

«Уважаемый доктор Белок,

для меня большая честь называться вашим «учеником», хотя я считаю себя скорее коллегой, который пытается усовершенствовать ваше творение. Но вы правы. До сих пор я лишь выслал вам несколько фотографий, не больше и не меньше. Это может каждый.

Вы, конечно, правы и в следующем моменте: речь никогда не шла о том, чтобы продолжить вашу работу неуклюжим плагиатом, а о доведении ее до конца.

Посмотрим, способен ли я на это, хотя вы и не уверены. Признаться, причиняют боль ваши слова, что вы видите во мне только врача, не способного мыслить широко и нестандартно. Но я возвращаю вам этот мяч, потому что настоящий мастер порождает не учеников, а новых мастеров. Пусть это будет патовая ситуация!

Вы убедили меня внимательнее изучить ваше творение. Спасибо за фотографии, которые вдохновляют меня, и за ваше встречное предложение.

Это действительно привлекательное место с подходящими статистами.

Я буду держать вас в курсе.

С глубоким почтением, доктор Ян».

Сабина сложила листок и села в машину. Если во встречном предложении Белока речь шла о берлинской семье, это означало, что жертвы были выбраны уже за несколько месяцев до преступления... и выбраны Белоком. Это противоречило ее предположению, что убитая семья была лишь средством в достижении цели и что настоящей жертвой являлся гинеколог, несправедливо подпавший под подозрение.

Сабина еще не разобралась, кто и кем здесь манипулировал, – что вызывало следующий вопрос: где остальные письма, которые написал гинеколог? И где ответы, которые он получил?

Она завела мотор и выехала с парковки.

Она обязательно должна поговорить со Снейдером.

34

В десять часов утра над озером Нойзидлер парили лишь отдельные лоскуты тумана, медленно проплывая над поверхностью воды, как кораблики-призраки.

Мелани бродила по влажной траве и бросала палочки, которые Шейла радостно приносила обратно. Собака нисколько не уставала от постоянной беготни туда-сюда. Иногда, когда Мелани работала в Вене, Шейле не хватало активности, потому что она целый день проводила в бюро и переговорных комнатах. Тем сильнее она наслаждалась днями, как сегодня, когда Мелани работала дома, – и пока не было ни одного звонка от Хаузера и ни одного нового трупа в Венском Лесу.

Геральд рано утром уехал на гидроцикле в неопреновом костюме и с подводным металлоискателем, потому что хотел проверить ил в самых глубоких местах озера. В принципе, его хобби походило на работу: он ковырялся в грязи в поисках чего-нибудь дельного. Иногда Мелани выезжала вместе с ним на озеро, но сегодня ей нужно было работать.

Она присела на скамейку на берегу и окинула взглядом водную поверхность. Длинной в тридцать шесть километров, самое большое озеро в стране простиралось до самого горизонта и напоминало море. Но максимальная глубина достигала лишь двух с половиной метров. Герхард знал все участки, где стоило нырять в поисках металлолома, который он мог использовать для своей работы.

Шейла перепрыгнула через камыши, подошла к Мелани и встряхнулась, обрызгав Мелани с ног до головы.

– Плохая собака, – отругала ее Мелани и вытерла лицо. Потом вытащила ноутбук из сумки, подключила радиомодем и занялась непрочитанной почтой, накопившейся за прошедшие дни. Время от времени делала глоток какао из термоса. Свой сотовый она намеренно оставила дома, потому что хотела спокойно поработать хотя бы до полудня.

Но из этого ничего не вышло, так как спустя пятнадцать минут замигал значок скайпа. Звонил Хаузер. С нехорошим чувством она ответила на звонок.

– За вами голубое безоблачное небо, – удивленно произнес он. – Вы на пляже?

– Если бы, я работаю дома, – ответила она.

– Завидую. – Судя по дрожащему видеоизображению, Хаузер был у себя в бюро. В пепельнице дымилась сигарета.

Мелани представила, как бы это выглядело, позвони он ей по скайпу из дома – два уродливых геккона в красную крапинку бегали бы по его письменному столу или лазили бы по его голове.

– Почему вы смеетесь?

– Да так, не важно, – ответила она. – Есть какие-то новости?

– Экспертно-криминалистическая служба обнаружила на пластиковом корпусе компьютера Ингрид множество отпечатков пальцев. Клары, ее матери и приемного отца.

Сердце Мелани забилося сильнее. И моего мужа!

– Остальные мы не смогли определить. Но самое интересное: на магнетроне мы нашли один особенно четкий отпечаток пальца Рудольфа Брайншмидта. Остальное, к сожалению, смазано.

Брайншмидта! Интуиция не обманула ее, как только она впервые его увидела.

– Понимаю. Но одно меня озадачивает, – рассуждала она вслух. – Если он действительно произвел какие-то манипуляции с компьютером, почему не демонтировал те части после смерти Ингрид или вовсе не избавился от компьютера?

– Я это выясню, – сказал Хаузер. – В любом случае этого отпечатка должно быть достаточно, чтобы отправить его в следственный изолятор по подозрению в убийстве жены. Что вы думаете?

Мелани только об этом и мечтала, но оставалась реалистичной.

– Судье этого будет недостаточно. Сначала мы должны доказать связь между магнетроном и смертью Ингрид.

– Команда врачей-экспертов уже занимается этим.

– Хорошо. Изучите прошлое Брайншмидта. Насколько я знаю, он уже был женат и после смерти первой супруги получил кругленькую сумму. Проверьте этот момент и выясните, не добрался ли он до страховки Ингрид в связи с ее смертью. Потом доставьте его в комнату для допросов.

– Будет сделано.

– И, Хаузер... не надо с ним нежничать.

– Не беспокойтесь. – Сеанс связи завершился, и изображение Хаузера исчезло.

Она уничтожит Брайншмидта в суде, так что любой присяжный потребует для него минимум высшей меры.

Лай Шейлы вывел Мелани из задумчивости. Собака носилась по берегу взад-вперед. Издалека Мелани услышала тарахтение мотора гидроцикла: Герхард приближался к ним. На буксире он тащил большой вещевой мешок, который подпрыгивал на волнах. Мелани закрыла ноутбук и наблюдала, как Герхард пристал к причалу и с вещмешком за плечами, металлоискателем и ластами в руке направился к ней.

– Разве не чудесный день сегодня? – Он расстегнул молнию неопренового костюма и поцеловал Мелани.

Она поморщилась, хотя любила запах озера.

– От тебя пахнет рыбой.

– Называй меня животным, – прооручал он.

– Морской конек! – Она заулыбалась. – В следующий раз я поеду с тобой. Какой сегодня улов?

– Велосипедная рама, два колпака на колеса и термос. – Он потер мокрые волосы ладонями и наклонил голову набок, чтобы вытряхнуть воду из уха. – А у тебя?

– Вместо похищения ребенка мы теперь имеем дело еще и с убийством.

– Звучит скверно. Речь идет о матери Клары?

Она кивнула.

– Мне очень жаль. Если захочешь поговорить...

– Я знаю, спасибо.

– О'кей, пойду в душ, потом установлю новые москитные сетки и допишу реферат для пресс-конференции во вторник. После обеда я собираюсь прокатиться на велосипеде до яхтенной школы. Ты с Шейлой со мной?

– Конечно, – сказала она. – Свежий пирог на кухне, если хочешь.

Он поцеловал ее и зашагал с вещмешком к дому.

Мелани едва принялась за непрочитанные мейлы по ее другим делам, как снова высветился значок скайпа. Опять Хаузер! Мелани ответила.

– Просто скажите, что вы по мне скучаете.

Хаузер остался серьезным.

– Вы можете приехать в Вену?

– Сегодня и сейчас? Почему?

– Вы знаете адвоката, которого зовут доктор Михаэль Лазло? – спросил Хаузер.

Мелани чувствовала его напряжение.

– Лично нет, но я слышала о нем. Еще тот тип! Берется за безнадежные уголовные дела. Только не говорите, что Брайншмидт взял его себе в адвокаты.

– Нет, – возразил Хаузер. – Двое коллег как раз поехали за ним, чтобы привезти на допрос, и он еще ни о чем не догадывается.

– Тогда как это связано с доктором Лазло?

– Мы выяснили настоящие данные IP-адреса, с которого Мишель отправляла свои последние мейлы. Реальное имя пользователя доктор Лазло, а адрес – его вила в Нойваль-дегге.

– Хотите сказать, что Мишель – это именитый венский адвокат?

– Похоже на то.

Что за черт! В отличие от маленькой рыбешки типа Брайншмидта доктор Михаэль Лазло был акулой, пожирающей других на завтрак. Обвинить его в чем-то будет нелегко.

– Вы правы, мне стоит приехать в Вену. – Мелани завершила разговор, и Хаузер снова исчез с экрана.

Если доктор Лазло был как-то связан с похищением Клары, возникал вопрос, откуда он знал, где она будет находиться в день своего исчезновения. Он наблюдал за ней все три недели их электронной переписки? Выяснить это было задачей Хаузера. Ее ожидали совсем другие проблемы. Будет сложно получить от суда ордер на обыск виллы доктора Лазло.

«А теперь что скажешь о своем улове?» – саркастично подумала она.

35

Из-за поездки в Вайтерштадт Сабина на несколько минут опоздала на курс «Проверка документов и досмотр транспортного средства».

– Я предупреждала тебя, что твои прогулы приведут к последствиям, – шепнула Тина Сабине, но та проигнорировала ее.

– Тебе, видимо, непонятно, что это означает? – не отступала Тина. – Президент Хесс проверил твою посещаемость. Вполне вероятно, что тебе придется сдавать экзамены по пропущенному материалу.

Само собой разумеется. Такую возможность Хесс не упустит. Но визит в тюрьму того стоил. Оба письма доктора Яна помогли ей чуть глубже вникнуть в дело «Многоножка». Но она не могла поделиться своими размышлениями со Снейдером, потому что тот выключил свой телефон и исчез. Предположительно, он находился в Нюрнберге. У нее оставалась единственная подсказка, чтобы отыскать его след: видео с женщиной в маске лошади.

После занятий Сабина, Тина и Майкснер провели обеденный перерыв на улице. Они сидели на скамейках в тени козырька рядом с вертолетной площадкой. Из раскрытых окон бассейна позади них

доносился плеск воды. Там снова проходила тренировка по погружению с аквалангами.

Майкснер расстегнула верхнюю пуговицу блузки и вытянула длинные ноги на солнце.

– У вас есть какие-нибудь предположения, где Снейдер?

Тина и Сабина молчали.

– Даже слепой видит, что вы обе что-то знаете.

В конце концов Тина рассказала Майкснер о видео из нюрнбергского подвала, из-за чего Сабина одарила ее непонимающим взглядом.

Майкснер выпрямилась.

– Давай не ломайся и покажи видео! – Она заплела свои длинные светлые волосы в косу и посмотрела на Сабину поверх солнечных очков. – Мы ведь коллеги, или как?

Еще три дня назад Сабина ответила бы на этот вопрос отрицательно, но после их женского разговора в туалете она относилась к Майкснер намного лучше. Сабина достала флешку из своего рюкзака.

– Только смотри, чтобы никто не увидел.

– Конечно. – Майкснер открыла ноутбук и скопировала данные на жесткий диск. – Вот дерьмо, – сказала она, посмотрев половину. – Эти оба серьезно взяли за старого педика.

Сабине показалось, что Майкснер уже не раз видела такие видео.

– Оставь свои предрассудки, – сказала Тина. – Там на заднем плане играет классическая музыка; у этих педиков по крайней мере есть вкус.

– Я слышу. – Майкснер остановила видео и открыла другую программу. – В Земельном управлении уголовной полиции у нас есть пара инструментов, с помощью которых мы можем сделать изображение более ярким, четким и отфильтровать звук.

– И ты их, конечно, стащила, – сухо констатировала Тина.

– Как там говорил медведь Баллу? Бери то, что можешь достать, – ответила Майкснер и пропустила видео через несколько программ. Одновременно с этим вытащила из кармана джинсов наушники, вставила в уши и подключила кабель к ноутбуку. Вскоре одобрительно поджала губы. – Хорошее качество... Послушайте. – Она протянула Сабине наушники.

Программа удалила крики, раскаты грома и шум дождя, так что классическая музыка звучала отчетливо. Конечно, не как на CD из музыкального магазина, но мелодию можно было различить.

Сабина передала наушники Тине.

– Ты не знаешь, что это может быть?

Тина вставила наушники.

– Похоже на оперу, – выкрикнула она. – Но как-то не вяжется со всей этой садо-мазо-фигней.

– Тише! – шикнула на нее Майкснер. – К тому же музыка звучит так, словно она играет не в подвале, а доносится откуда-то сверху, из другого помещения. – Она наклонилась к Сабине. – Откуда у тебя этот фильм?

– Из архива.

– Ну разумеется. – Майкснер скривила лицо. – С твоими-то связями!

Сабина издали заметила, как Шёнфельд вышел из здания академии и направился к ним через вертолетную площадку.

– Враг на подходе.

Майкснер быстро свернула окно с видео, так что на экране осталась только фотография ее дочери. У маленького ангела были такие же светлые волосы и сияющие голубые глаза, как у матери.

– Я помешал? – Шёнфельд погладил Майкснер по плечам и поцеловал в затылок. – Смотрите порнофильмы в Интернете?

– Да, как раз для тебя скачали, – ответила Майкснер.

Тина вынула наушники.

– Эй, гений, – обратилась она к Шёнфельду и вытащила кабель из ноутбука. Тут же послышалась классическая музыка. – Знаешь, что это за произведение?

Шёнфельду потребовалось только пять секунд.

– Это «Летучий голландец» Вагнера. Чем вы тут вообще занимаетесь?

– «Летучий голландец», – прыснула Тина и прикрыла рот рукой.

Майкснер тоже заулыбалась.

– Мы пытаемся выяснить, где пропадает Снейдер, – ответила она, прежде чем другие успели что-нибудь сказать. – Больше тебе знать не нужно.

– У-у-у, как таинственно! Радуйтесь, что он уехал всего на пару дней.

Сабине не нравилось, что слухи о ее поисках так быстро распространяются. Скоро весь кампус будет знать, чем она занимается в свободное время.

Шёнфельд присел к ним за стол.

– Музыка доносится словно не из подвала, – сказала Тина.

– Я тоже заметила. – Майкснер прислонилась к плечу Шёнфельда. – Возможно, с театральной сцены или какого-то концертного зала. – Она повернула к нему голову. – Ты знаешь какие-нибудь концертные залы в Нюрнберге?

Шёнфельд пожал плечом.

– Ни одного. Вы обсуждаете убийство, из-за которого вызвали Снейдера?

Никто не ответил.

– По вашим лицам можно читать, как в публичной библиотеке, – заявил он. – Вы посмотрели видео с человеком-лошадью?

Они в ошеломлении уставились на него.

– Да ладно вам! – Шёнфельд поднял руки в знак защиты. – Оно было доступно в Интернете, но БКА заблокировала страницу несколько часов назад.

– Скажи хоть слово Гомезу, и ты мертвец! – предупредила его Майкснер.

– Ладно, ладно, Манипенни^[19].

Так как Шёнфельд знал, в какое дело они сунули нос, было уже все равно. Сабина достала из рюкзака свой ноутбук и установила интернет-соединение.

– Итак, в Нюрнберге есть Опера, Высшая музыкальная школа и музыкальный зал в Конгресс-холле, – перечислила Сабина спустя какое-то время. – К тому моменту, когда Снейдера вызвали по этому делу, яд находился в теле жертвы уже два дня. Поэтому мужчину отхлестали плеткой в понедельник или во вторник. Но ни в одном из этих залов в те дни не исполняли «Летучего голландца».

– Вы как Тик, Трик и Трак^[20] в погоне за убийцей, – съязвил Шёнфельд. – А дяди Дагоберта^[21] нет дома.

– Дело серьезное. – Майкснер что-то печатала в своем компьютере. – На видео отчетливо слышен шум дождя. Согласно

сводкам погоды, в Нюрнберге не было дождя ни в понедельник, ни во вторник. Но... в воскресенье вечером была гроза.

Сабина подхватила:

– В воскресенье нюрнбергский симфонический оркестр играл в Опере отрывки из «Золота Рейна», «Летучего голландца» и «Нюрнбергских мейстерзингеров».

– Значит, типа отхлестали в воскресенье вечером, он прожил с ядом в крови целых три с половиной дня и загнулся только в четверг утром, – резюмировала Тина. – Где находится Опера?

Сабина уже открыла карту в Гугле.

– У городской стены, которая окружает южную часть старого города, рядом с воротами Фрауэнтор.

– Район проституток. Наверняка там есть и старинная пивоварня с подвалом. – Майкснер толкнула своего друга локтем в бок. – Вот тебе и Тик, Трик и Трак! Мы только что определили место и время преступления.

– И что будете делать с этими знаниями?

– Ничего, – ответила Тина. – Снейдер давно и сам все выяснил.

В возбуждении они не заметили, как Гомез оказался позади них.

– Эй, ты зачем так подкрадываешься?! – крикнула Майкснер.

Гомез стоял, держа руки в карманах, и делал вид, что не слышал их разговора.

– Пойдемте, у нас сейчас «Действия в случае домашнего насилия и обыск квартир».

– А после ходим в паб? – предложил Шёнфельд.

– Конечно, – ответила Майкснер и взглянула на Сабину. – Ты с нами?

Это было первое предложение присоединиться к группе, и Сабина знала, что Майкснер пытается интегрировать ее. Впервые с момента приезда в Висбаден Сабина чувствовала себя комфортно в кругу своих коллег, но она помотала головой:

– Спасибо, но идите без меня. После занятий я хочу навестить Эрика в больнице.

«...А затем поехать в Нюрнберг».

– Мы допросили Брайншмидта, но ничего от него не добились.

Мелани стояла с Хаузером перед комнатой для допросов БКА. За зеркальным стеклом в ярко освещенной комнате с двумя стульями и микрофоном на столе сидел Брайншмидт.

– Что вы о нем выяснили? – спросила она.

– Вы были правы, он уже состоял в браке. Его первая жена умерла пять лет назад при странных обстоятельствах, как и мать Клары. Тогда он унаследовал квартиру и получил хорошую страховую выплату.

– А в прошлом году, когда умерла Ингрид?

– По завещанию Клара унаследовала треть дома, а две трети он. Но как приемный отец Клары он, конечно, является ее законным представителем. В земельном кадастре, правда, был указан еще открытый кредит, который пошел на перестройку верхнего этажа в доме, но он был покрыт страховкой Ингрид.

«Этот мерзавец здорово нажился на смерти Ингрид!»

– И еще кое-что, – добавил Хаузер. – Мы проверили его магазин электротоваров. Уже несколько лет бизнес идет так себе.

– Тогда у нас даже есть мотив, – размышляла Мелани. – А врачи что-нибудь нашли?

Хаузер помахал папкой.

– Вот предварительное заключение. Ингрид Брайншмидт, возможно, умерла от воздействия микроволнового излучения, и причина, возможно, в ее модифицированном компьютере. *Возможно!* – подчеркнул он. – Наверняка мы будем знать после эксгумации и нового вскрытия. На это могут уйти недели.

– Если судья вообще одобрит нам эксгумацию, – пробормотала Мелани.

Хаузер недовольно поморщился.

– По моему мнению, мы больше не можем удерживать Брайншмидта.

– Посмотрим... – Мелани взглянула на заключение и пробежала глазами врачебную тарабарщину из цифр, профессиональных выражений и латинских терминов. Так легко Брайншмидт от нее не уйдет. Она указала на три толстые папки, которые лежали рядом с монитором и микшерным пультом. – Это материалы по Брайншмидту?

– Это? – Хаузер ткнул в папки. – В одной папке материалы по делу Клары, в двух других просто руководства по технической

процедуре, как записывать допрос на пленку. А что?

Мелани проигнорировала вопрос.

– Будем действовать так, – решила она. – Вы сначала займитесь доктором Михаэлем Лазло, проанализируйте его жизнь и выясните, что он делал последние два года. В это время я поработаю с Брайншмидтом. – Она наблюдала через стекло, как взгляд Брайншмидта бродил по комнате и время от времени останавливался на пару секунд на зеркале. – Я сейчас разнесу его в пух и прах.

– Мы уже пытались, – сказал Хаузер.

– Но не этим. – Она взяла у Хаузера из руки папку с судебным заключением.

– Этого недостаточно, чтобы обвинить его в убийстве.

– Правильно, – согласилась Мелани, – но наш подозреваемый этого не знает.

Она взяла под мышку папку с материалами по делу Клары и два толстых руководства и вошла в комнату для допроса.

– О, какой высокий визит, – саркастически пробурчал Брайншмидт.

«Сейчас тебе будет не до смеха», – подумала Мелани, положила папки перед Брайншмидтом на стол и без комментариев села на свободный стул.

– Что это значит?

– Мы проверили твое прошлое. – Больше она ничего не сказала.

Брайншмидт покосился на стопу, но оставался спокойным.

– Ты не имеешь права отправлять меня в СИЗО.

– Это не предварительное заключение, а временное задержание, – ответила Мелани. – Спустя двадцать четыре часа ты будешь представлен судье, и вот тогда начнется предварительное заключение.

Брайншмидт сглотнул.

– Я хочу поговорить со своим адвокатом.

– Он уже едет сюда, – солгала Мелани. – Ты ничего не должен говорить. Рассматривай это как информативный разговор. – Она полистала документы. – Даже когда при твоем предварительном заключении судья будет каждый месяц проверять наличие причин для продления ареста. Я могу легко задержать тебя по трем причинам: опасность побега, опасность сокрытия следов и опасность рецидива.

– Какого рецидива? – выкрикнул он. – В чем меня обвиняют? Я ничего не сделал Кларе!

– Речь не о Кларе. – Мелани открыла папку и подтолкнула ее к нему. – Это врачебное заключение свидетельствует, что Ингрид умерла от последствий воздействия микроволнового излучения, которому она как минимум год подвергалась через свой модифицированный компьютер.

Брайншмидт быстро просмотрел бумаги. Она заметила, как он занервничал. В этой ситуации, раздираемый подскочившим адреналином и усиливающейся паникой, которую он пытался скрыть, у него в голове наверняка пронеслись десятки вопросов. «Что она действительно знает?» Его взгляд переместился к толстым папкам. Ему не хватало твердости и спокойствия, чтобы проверить ее утверждение и полистать врачебные записи, которые лежали перед ним на столе. Да Мелани и не дала бы ему времени сделать это.

– Как внутри системного блока, так и на магнетроне, диодах и конденсаторе мы нашли твои отпечатки пальцев, – тут же продолжила она.

Она открыла папку и протянула Брайншмидту копию единственного совпадающего отпечатка, который нашла экспертно-криминалистическая служба.

Брайншмидт поднял глаза.

– Без адвоката я не буду делать никаких комментариев.

– Ты не обязан. Как я уже сказала, этот разговор просто для информации.

– У тебя на руках нет никаких доказательств.

Мелани улыбнулась.

– Это больше, чем просто предположения. Ты попал в большие неприятности, мой друг. Отпечатков пальцев и медицинского заключения достаточно не только для ордера на арест, но и для обвинения в убийстве твоей жены и вынесения приговора.

– И зачем, скажи, пожалуйста, мне это было делать? – спросил он. – Я любил Ингрид – в отличие от тебя, потому что ты никогда не хотела верить, что она счастлива со мной. Ты просто боялась, что потеряешь единственную подругу.

– Да, я потеряла подругу, – спокойно ответила она. – В то же время благодаря страховке Ингрид ты смог выплатить оставшийся

кредит на перестройку дома и получил в наследство две трети дома и земельный участок.

– Без комментариев.

– Ты вырос, – цинично сказала она. – После первого брака ты получил только квартиру и страховую выплату.

– Ты и это хочешь на меня повесить? – У Брайншмидта засверкали глаза. – В чем еще ты хочешь меня обвинить? – выкрикнул он. – Что я застрелил Джона Кеннеди, взорвал башни-близнецы и несу ответственность за вымирание динозавров? Я теперь козел отпущения за все просто потому, что тебе так нравится?

Внешне Мелани оставалась абсолютно спокойной.

– Судья одобрил ходатайство об эксгумации твоей первой жены, – заявила она. – Сейчас как раз достают ее гроб, чтобы передать тело судебным медикам.

У Брайншмидта перехватило дыхание. Впервые она увидела панику в его глазах. Но все равно он не произнес ни одной необдуманной фразы.

Мелани использовала почти все свои тузы, и в настоящий момент ей в голову не приходило больше ни одного аргумента, чтобы загнать его в угол. Она взглянула на папку с материалами по делу о похищении Клары. Возможно, ей вовсе и не нужно блефовать.

– Ты знал, что на компьютере работала не только Ингрид, но и Клара? – спросила она.

Он нахмурился.

– Клара?

– Она регулярно пользовалась компьютером матери, чтобы переписываться с подругами. Но ни Ингрид, ни Клара тебе об этом не говорили, потому что ты бы ей не разрешил.

Он надменно засмеялся.

– Не надо рассказывать мне сказки. Клара не прикасалась к этому компьютеру!

Мелани достала листок из папки.

– Вот перечень всех электронных адресов с аккаунта Клары, которые мы определили на жестком диске. Кроме того, она иногда заходила на Фейсбук.

– Я запретил ей это! – закричал Брайншмидт.

– Очевидно, твой запрет не очень подействовал.

Брайншмидт уставился на распечатку. Он пробежал глазами мейлы, в которых речь шла о музыкальных группах, аудиокнигах, кроссовках и сумках «Монстр Хай».

– Взгляни на даты. Это не просто несколько дней или недель. Она регулярно пользовалась компьютером больше года.

– Нет, это неправда. – Голос Брайншмидта дрожал. В ужасе он листал бумаги.

Она наблюдала за его мимикой. Брайншмидт был настолько напряжен, что даже не замечал сверлящего взгляда Мелани. Он действительно любил Клару. Мелани по-настоящему задела его за живое. Она быстро вспомнила несколько деталей из судебного освидетельствования Ингрид.

– Организму Клары нанесен такой же вред, как и Ингрид, но, к счастью, не настолько глубокий, – продолжала она беречь рану. – Микроволновое излучение проникло в мышечную ткань Клары, а также в жировые и костные ткани. Подумай только, сколько времени она провела перед компьютером и как опасно это было для ее маленького детского организма. Ее генетический материал непоправимо поврежден.

У него на глазах выступили слезы.

– Нет!

– Да, – прошептала она. – Ты разрушил организм невинной десятилетней девочки!

– Я не знал, проклятье, что я только наде... – Он резко оборвал себя, когда понял, что сейчас сказал. Но было уже поздно.

Мелани подняла глаза на камеру под потолком.

Нюрнберг был переполнен туристами, они слонялись по центру, протискивались мимо столиков и скамеек перед ресторанами в узких переулках Старого города. Было половина девятого вечера, и в пешеходной зоне работали тепловые пушки.

Сабина добралась до Нюрнберга за два часа. По дороге в машине она прослушала на диктофоне кассеты, которые стащила из частного архива Снейдера. Записи напоминали протоколы интервью, но что-то в

них смущало Сабину. Атмосфера была пугающей, и голоса звучали как-то странно, неестественно и даже наигранно, и причина была не в качестве диктофона, который она одолжила у вахтера и который лежал теперь на пассажирском сиденье.

Она припарковала машину в подземном гараже недалеко от церкви Святого Лаврентия и направилась на юг, к воротам Фрауэнтор. Где-то там должно быть место преступления, которое совершил человек в маске лошади. Возможно, она даже наткнется на Снейдера – что ж, у нее, по крайней мере, есть для него полезная информация.

Ярко освещенное здание Оперы выделялось на темно-голубом ночном небе и, подобно церкви, мощно устремлялось ввысь. Фонари освещали площадь перед входом с арками. За окнами стояла темнота. Очевидно, в этот вечер представления не давали. На площади тоже ничего не было слышно, кроме невнятного говора толпы и шума близлежащей дороги. Над входным порталом висел баннер.

«Нюрнберг играет Вагнера.

„Золото Рейна“, „Летучий голландец“ и „Нюрнбергские мейстерзингеры“ в исполнении Нюрнбергского симфонического оркестра».

Вероятно, отмечали круглую дату со дня рождения Вагнера, потому что на рекламных стендах была представлена многонедельная программа с произведениями Вагнера в Нюрнберге и Байройте.

Сабина пересекла площадь и направилась к станции метро. Но под городским асфальтом она не нашла ничего, кроме обычных эскалаторов, магазинчиков, перронов и общественных туалетов. Она снова вернулась на поверхность через другой выход. Становилось прохладно. Сабина обошла вокруг здания Оперы, которая примечательным образом стояла на площади Рихарда Вагнера. Где может находиться этот подвал? Неужели прямо под театром? Это было маловероятно. Она заглянула во все соседние переулочки, где располагались или старые фахверковые дома, или здания с аркадами и арочными окнами. Она задавалась вопросом, не лучше бы ей готовиться к завтрашним занятиям, но электронное послание Эрика, на которое она наткнулась, заставляло ее продолжать поиски правды.

Когда несколько часов назад она сидела у его больничной кровати и разговаривала с ним – не зная, понимает ли он хоть слово, – она поклялась ему, что сделает все, чтобы найти подонка, который выстрелил ему в голову.

В узком переулке рядом с Оперой стояла крошечная тьма. Уличные фонари не работали. Сабина хотела уже идти дальше, когда услышала скрип металлической вывески. Она зашла в переулок. Над деревянными воротами раскачивалась железная пластина с гербом и надписью: «С 1750 года». За решетчатым окном находилась табличка: «Пивоварня закрыта». Судя по внешнему виду, наверняка уже с 1850 года.

Сабина нажала на ручку. Дверь подалась. В нос ударил спертый воздух. Она пошарила рукой по стене с внутренней стороны в поисках выключателя, но не нашла. В темноте без фонарика будет сложно.

Неожиданно она застыла и затаила дыхание. Из подвала здания доносилась тихая музыка. Сердце у Сабины забило быстрее. «Я схожу с ума!» Это была тема «Летучего голландца». Она достала сотовый, осветила пол и последовала за лучом. Музыка становилась все громче. Постепенно глаза привыкли к темноте. Сабина расстегнула куртку, положила ладонь на пистолет у пояса. О «ЗИГ-Зауэре» она подумала, но мощный карманный фонарик пригодился бы сейчас больше.

В конце коридора под ногами захрустели осколки стекла, и Сабина резко остановилась. Перед ней оказалась дверь с расколотым стеклом, которая вела в темный внутренний двор с мусорными контейнерами. Слева в стене находился арочный проем. За ним винтовая лестница уходила вниз, в черную пропасть, откуда доносилась музыка.

Сабина посветила вниз по лестнице и оперлась рукой о стену. Она почувствовала, как штукатурка осыпается со стены под подушечками ее пальцев. Вынув пистолет из кобуры, Сабина начала медленно спускаться. С каждым шагом музыка звучала все громче. Автоматически всплыли воспоминания о видео, и ей даже почудились гедонические крики пожилого мужчины.

Скоро в воздухе появился запах забродивших дрожжей. Она дошла до конца лестницы и попала в большой подвал.

Здесь внизу музыка звучала еще громче. Отчетливо слышались мощные тромбоны и сумасшедшее пиликанье оркестровых скрипок. Сабина дошла до двери с оконным переплетом и засаленным стеклом, через которое она могла заглянуть в соседнее помещение. Между колоннами мерцал красноваторжавый свет. Она быстро спрятала телефон в карман. Сводчатый потолок был выложен из красного кирпича. В некоторых нишах лежали бочонки. Именно здесь было снято то самое видео. С потолка, как металлические прутья, свисали цепи. На них крепились старинные лампы.

Сабина открыла дверь, сделала несколько шагов до первой колонны, прижалась к бетонной поверхности, попыталась дышать ровно и огляделась в поисках источника света: луч словно от видеопроектора пересекал помещение, отражался от стены и окрашивал подвал в темный оранжевый тон.

Оглушенная громкой музыкой и ослепленная ярким светом, она бы даже не заметила, подкрадись к ней кто-нибудь сзади или сбоку. Это было сумасшествием – спустаться сюда одной. Чему ее научила профессия? Всегда обеспечивать себе надежный тыл! Даже Снейдер предостерегал ее от действий в одиночку.

Сабина снова вытащила сотовый из кармана куртки. Только две палочки. Она нажала на кнопку повторного вызова. Снейдер наверняка не ответит, но Сабина хотела оставить ему по крайней мере сообщение, где она находится. После она как можно быстрее исчезнет из этой дыры и позвонит в нюрнбергскую уголовную полицию.

Пока устанавливалось соединение, она сделала шаг назад и прижалась к колонне. Неожиданно в нос ударил запах кожи. Сабина подняла глаза. Перед ней стояла двухметровая фигура с длинными черными волосами.

Она подавила крик, попятилась и выхватила пистолет. На секунду повернула голову в сторону. Под лучом света у стены на корточках сидел второй человек. На коленях у него светился экран сотового.

Сабина повернула голову обратно. Кожаная фигура перед ней не двигалась. Тут раздалась знакомая мелодия звонка. Голландский национальный гимн.

– Снейдер? – инстинктивно крикнула она.

– Белочка? – прохрипел голос. – Что вы здесь делаете? Я вас чуть было не застрелил.

Сабина опустила пистолет и подошла к человеку, сидящему на корточках. Он включил карманный фонарик и осветил ее.

– Убрать оружие! – приказал Снейдер и положил фонарик рядом с собой на пол.

В луче света она увидела, как он сунул служебный пистолет в наплечную кобуру. Снейдер, в костюмных брюках и расстегнутой рубашке, сидел со скрещенными ногами на каменном полу. Его кожа блестела. Он был весь в поту.

– Вы одна?

– Да. – Она обернулась и рассмотрела кожаный костюм, который висел на гвозде на бетонной колонне и до смерти напугал ее.

Снейдер со стоном поднялся и на затекших ногах поковылял к столу, на котором стоял CD-плеер. В том месте, где он сидел, остались лежать с десятков окурков. Он него пахло травой. Снейдер остановил музыку. В тот же миг наступила тишина. Лишь видеофильм с пытками по-прежнему проецировался на стену. Заключительная сцена, за которой тут же следовали первые кадры. Бесконечно повторяющееся видео, которое Снейдер смотрел неизвестно сколько времени.

Снейдер прихромал к свету. Выглядел он ужасно. Его крючковатый нос заострился еще сильнее, глаза ввалились, зрачки были расширены. Он производил впечатление бешеного кролика.

– Вы под наркотиками?

Снейдер не ответил, вместо этого вытер слюну с уголков рта.

– Сколько вы уже здесь? – поинтересовалась Сабина.

– Какой сегодня день?

Он спрашивал совершенно серьезно.

– Пятница, около половины десятого, – ответила она.

– Утра или вечера?

– Вечера.

Он пошатнулся.

– Полагаю, часов тридцать.

– Вы ничего не пили все это время?

Он не ответил. Неожиданно уставился на нее покрасневшими глазами.

– Что вы до этого спросили?

– Не под наркотиками ли вы.

– А как иначе я должен отключиться от внешнего мира? Мне как-то нужно стимулировать свое ассоциативное мышление.

– Но не марихуаной же!

Он вытащил диктофон из кармана и нажал на стоп. Очевидно, он записывал свои размышления – и тут до нее дошло. Кассеты, которые она слушала в машине, были не чем иным, как разговорами Снейдера с самим собой. Это и был его метод! Он отправлялся на место преступления, реконструировал убийство как можно более детально, выкуривал пару косяков и самоотверженно вживался в образ преступника... и потом интервьюировал своего фиктивного собеседника, подозреваемого номер ноль.

Это объясняло странные измененные голоса на кассетах. И его ужасное физическое и душевное состояние, как только он пускался в погоню за преступником. Но, очевидно, этот метод работал, если принять во внимание его процент раскрываемости.

– Это нюрнбергская уголовная полиция раскрыла вам место преступления?

– Я была бы плохим комиссаром-стажером, если бы сама не нашла этот подвал. Сначала я выведу вас отсюда. Вам необходимы душ, свежая одежда, и вы должны что-нибудь выпить. А затем нужно натянуть оградительную ленту.

– У меня все отлично. – Он пошатнулся и оперся о стену. – Почему вы здесь?

– Разве это не ждет до?..

– Нет, не ждет. Выкладывайте!

Сабина объяснила ему, что они с Тиной сравнили убийства «Многоножка», «Ваттовое море» и «Каннибал» и пришли к выводу, что дело «Человек-лошадь» тоже вписывается в схему, но что за убийствами стоят как минимум двое преступников.

– Или оба убийцы фальсифицировали следы в одинаковой манере, или же кооперировались друг с другом, – заключила она.

На этот раз Снейдер не перебивал. Он верил ей или просто был слишком слаб, чтобы прервать ее?

Он с трудом поднял диктофон.

– Я только что беседовал с подозреваемым номер ноль.

– Я знаю, – ответила она. Лгать не было смысла. – Я была в вашем архиве и прослушала некоторые из ваших аудиозаписей.

– Я так и подумал, когда не смог найти свой ключ от архива. – Он слабо улыбнулся. – Во всяком случае, я пришел к тому же выводу, что и вы. Если убийства связаны между собой и существует некий единый шаблон, то мы имеем дело как минимум с двумя преступниками. И тогда я руку готов дать на отсечение, что этот случай тоже вписывается в схему.

Отсечение! Какой удачный намек.

– Как вы додумались? – спросила она.

Он взглянул на диктофон.

– Я просто усовершенствовал метод допроса Вессели. Время от времени я спускаюсь в Ад.

Сабина огляделась.

– Подлинное место преступления, кожаный костюм, видео и музыка. Я боюсь, что это еще не все.

– Так и есть. – Он кивнул. – Я называю это методом визионерского видения. Иногда я чрезмерно идентифицирую себя с человеком, которого ищу. Тогда я слишком связан с его душой и узнаю вещи, которые не должен видеть ни один человек.

– Вам стоит быть осторожнее, чтобы не оказаться в психиатрической клинике, – серьезно сказала она.

– Вы совершенно правы. Это искусство – испытывать не жалость к жертвам, а удовольствие от преступления... понять, почему оно возбуждает убийцу. Нужно проникнуть в мозг преступника и научиться любить зло.

Неделю назад она бы еще ответила: «Это ваша работа». Сейчас она сказала: «Это наша работа».

– Я уже в прошлом году заметил, что вы обладаете способностью к реконструкции. Вы не можете остановиться, пока не поймете. Но не переусердствуйте – иначе с вами случится то же самое, что и со мной. – Он похлопал ее по плечу. – Вы раздражены. В чем дело?

– Можно я буду откровенной?

– Я похож на того, кого интересует нечестный ответ?

– Вы вдруг заговорили так открыто и не в своей привычной мерзкой манере.

Снейдер улыбнулся.

– Существует только одно, что я чертовски хорошо умею: быть правым! Но сейчас вы дали первую полезную подсказку: это как

минимум два преступника!

– Вас не взбесило, что я рылась в вашем архиве и помешала вам здесь?

Он скривил рот.

– Вы знаете мое мнение. Для раскрытия убийства все средства хороши.

Возможно, наркотики стали причиной непривычной любезности Снейдера.

Он взял Сабину под руку.

– Только без излишней доверительности, – предупредил он и стал подниматься рядом с ней по винтовой лестнице. – Если перейдете на мою сторону, у вас будут трудности. У меня не очень много друзей в БКА.

– Благодаря вам у меня их уже нет.

Он рассмеялся.

– Добро пожаловать в клуб.

Выйдя на улицу, Снейдер прислонился к стене дома под вывеской пивоварни и сунул себе в рот косяк. В это время Сабина вызвала скорую помощь.

Она убрала телефон в карман и спросила:

– Вам обязательно это курить сейчас, перед приездом врача?

– А когда же еще?

– Можно спросить у вас кое-что личное?

– Нет, я не пойду с вами на свидание.

– Жаль, – вздохнула она. – А я надеялась на настоящее randevu.

Снейдер улыбнулся. Если он способен шутить, значит, с ним все не так плохо.

– Что вы хотели узнать?

– Как вы думаете, почему Эрик не говорил с вами о своих поисках?

– Если честно – я не знаю.

Они помолчали. Через несколько минут в узкий переулок въехала машина скорой помощи. Санитары помогли Снейдеру забраться в заднюю часть салона и сесть на кушетку.

– Ему нужны какие-либо стимуляторы?

– Точно нет, – ответила Сабина, которая осталась стоять перед машиной. – У него просто сильное обезвоживание.

Врач скорой помощи поставил Снейдеру капельницу, потом проверил его медицинскую страховку и присел на край кушетки.

– Меня зовут доктор Фишер. Вы состоите в родственной связи с голландским футболистом Уэсли Снейдером?

Снейдер открыл один глаз и взглянул на бейдж врача. «О боже», – подумала Сабина. Она знала этот уничтожающий взгляд.

– Я имею такое же отношение к Уэсли Снейдеру, как вы к пастилкам «Фишерменс френдс» или Серебряный Сёрфер^[22] к столовому серебру моей бабушки.

– Спасибо, думаю, я понял, – перебил его врач и склонился над ним.

Снейдер чувствовал себя неудобно.

– Вы хотите на мне жениться?

Врач тут же отшатнулся, потом выбрался из кузова и, проходя мимо Сабины, бросил ей многозначительный взгляд.

Снейдер опять сделался таким, как прежде. Обидно. Дела у него шли не настолько плохо, чтобы отказываться от удовольствия оскорблять других.

– Он хочет вам помочь, а вы издеваетесь над ним, – напустилась она на Снейдера.

– Да, мать Тереза.

– Обаятельны, как всегда, – прошипела она.

– Знать меня – значит любить меня, – задумчиво произнес он.

– Да, эту фразу я знаю.

– Чего вы хотите? Я ко всем людям отношусь одинаково.

– Верно, – ответила Сабина. – С одинаковым презрением.

– Я ненавижу врачей.

– А кого вы не ненавидите? – возразила она. – У вас одни предрассудки!

Снейдер застонал.

– Вторую часть жизни мудрец занимается тем, что избавляется от предрассудков и ошибочных взглядов, которые приобрел в первой, – заключил он.

– Тогда у вас еще первая половина жизни, – с упреком произнесла Сабина.

Доктор Фишер взглянул на нее.

– К тому же он никакой не мудрец.

Сабина громко рассмеялась.

– Ха, смешно! – крикнул Снейдер. – Хотите пока сделать что-нибудь полезное? Сходите в подвал, выключите видеопроектор и заберите мои вещи. Затем проинформируйте экспертно-криминалистическую службу.

– Косяки тоже убрать? – спросила она.

– Не обязательно.

– Было бы разумно позвонить криминалистам до того, как вы загадили место преступления.

Снейдер покачал головой:

– Глупости, Белочка! Я должен побыть на месте преступления один, до того как заявятся коллеги в бахилах и разрушат всю атмосферу. А теперь идите!

– Слушаюсь! – Сабина направилась в подвал.

Только что Снейдер показал человеческое лицо, но, оказавшись на больничной кушетке и нуждаясь в помощи других, снова принялся хамить направо и налево. Вероятно, это были превентивные удары, которые он раздавал, прежде чем кто-либо успевал его обидеть.

Сабина позвонила в нюрнбергскую уголовную полицию и сообщила, где находится место преступления. Потом с фонариком Снейдера нашла видеопроектор, выключила аппарат, закрыла ноутбук и намотала на катушку длинный кабель, через который он был подключен к сети. Закончив, еще раз осмотрела с лампой пол в поисках вещей Снейдера. Какое-то сумасшествие! Это было против всех правил, которые Сабина когда-либо учила. Она нашла пиджак Снейдера, его телефон и несколько кассет для диктофона. На грязном каменном полу лежал листок бумаги. На нем угольным карандашом было написано одно-единственное слово. Должно быть, Снейдер накорябал что-то в самогипнозе. Когда она внимательнее рассмотрела написанное, по коже у нее побежали мурашки. Она сама лишь недавно думала об этом слове, но не увидела никакой связи.

Сабина собрала все в охапку и побежала наверх. Снейдер вел словесную перепалку с врачом.

– В вашем состоянии вам не следует носить оружие.

– Я не знал, что вы еще и эксперт-криминалист.

– Извините. – Сабина прервала дуэль, забралась в машину и сунула листок Снейдеру под нос. – Что это означает?

Он медленно прочитал слово:
– Капюшон...

38

У Мелани болели ноги, и она ощущала жжение в глазах. Было около десяти вечера, к тому же пятница – самое время ехать домой. Переступая с ноги на ногу, она ждала лифт в Федеральном ведомстве по уголовным делам. Если она сейчас снимет туфли на каблуках, то уже не сможет их надеть. Тогда придется идти к машине босиком.

Час назад она отправила Герхарду эсэмэску, чтобы он начинал ужинать без нее. Но Мелани слишком хорошо его знала, чтобы быть уверенной – он все равно станет ее ждать.

Наконец раздался звуковой сигнал лифта, и она вошла в кабину. Перед тем как двери снова закрылись, к ней успел протиснуться Хаузер. Его галстук был ослаблен, рукава рубашки закатаны, а лицо выглядело измученным.

– Поздновато, – заметила Мелани.

– Вы не даете мне расслабиться, – ответил он с усталой улыбкой. – Неплохо вы подставили Брайншмидта на допросе. – В голосе слышалось уважение. – Вы изучали руководство БКА по техникам допроса?

Она помотала головой:

– Женский инстинкт.

– Тоже неплохо. Некоторым нашим коллегам это не мешает.

– Напомните, чтобы я предложила вашему шефу пройти обучение.

Почему Хаузер стал вдруг таким милым? Все дело в результатах, которых они сегодня достигли? Однако она должна была признать, что Хаузер был не так уж плох, как она думала в начале расследования. Двери лифта открылись на первом этаже, и они прошли через вестибюль к выходу.

– Между прочим, Брайншмидт сломался на следующем допросе.

– Он еще угрожал адвокатом?

– Было уже не нужно. Он признался в убийстве матери Клары.

Через вертящуюся дверь они вышли на улицу. Снаружи было прохладно, и в воздухе стояла вонь от мусоросжигательной установки.

Машины и автобусы пронеслись мимо них по площади Йозефа Холаубека. От трамвайных контактных проводов летели искры.

Мелани уставилась в ночь. Фары ослепляли ее, а в душе разливалась пустота. Если бы она не посвящала карьере столько свободного времени, а вместо этого поддерживала контакт с Ингрид, возможно, та была бы сейчас жива, а Клара не лишилась бы матери. Но зато у них имелось признание Брайншмидта. Слабое и одновременно горькое утешение.

– Я знаю, что вы сейчас переживаете, – сказал Хаузер. – Мне очень жаль.

– Спасибо. – Она заметила, как ветер холодит ее заплаканные щеки.

Хаузер смущенно посмотрел себе под ноги.

– Все-таки мы хорошая команда. Между прочим, мы проверили доктора Лазло. Один коллега еще занимается этим. Обсудим результаты завтра... или сейчас есть настроение? – Он взглянул на наручные часы. – Приглашаю вас в кофейню на чашку крем-какао.

– Спасибо, звучит заманчиво. – Мелани подняла воротник пальто. – Но мне еще час ехать до дому, и я мечтаю поскорее добраться до постели. Кроме того, вам нужно кормить ваших гекконов кузнечиками.

– Они очень неприхотливые. – Хаузер достал из кармана ключ от машины и повертел его на пальце.

Хаузер был прав. Несмотря на их различные подходы, они были хорошей командой, но кое-что ее озадачивало.

– Почему Брайншмидт просто не избавился от компьютера?

– Мы задали ему тот же вопрос, – сказал он. – После смерти Ингрид он немедленно спрятал системный блок в подвале. Хотел демонтировать магнетрон и выбросить на свалку, но после похищения Клары абсолютно забыл о нем – по крайней мере, Брайншмидт так утверждает. Но я считаю, он просто слишком самонадеян.

– Повезло нам, – пробормотала Мелани. Если бы Брайншмидт уничтожил все следы, то смерть Ингрид навсегда осталась бы необъяснимой загадкой. – После того как представим в суде доказательства его виновности в смерти Ингрид, подадим ходатайство на эксгумацию тела его первой жены. Возможно, ему придется ответить и за второе убийство.

– Думаете, он и тогда использовал магнетрон?

– Вполне возможно. И так как в прошлый раз легко отделался, решил от него не избавляться, – вслух рассуждала Мелани. «Может, он хотел воспользоваться устройством и в третий раз», – пришло на ум.

Она уже знала, что ее ждет бессонная ночь, полная сомнений и угрызений совести. Все-таки завтра она подготовит обвинительное заключение против Брайншмидта и тем самым разрушит не только его жизнь, но и жизнь Клары. Малышка, которая в настоящий момент находилась у матери Брайншмидта, попадет в детский приют для жертв насилия, и Мелани никак не могла это предотвратить.

Хаузер сунул себе в рот сигарету.

– В любом случае Брайншмидт никак не связан с похищением Клары или ее татуировками.

– Я знаю. – Мелани задумалась. – Это был другой.

– Мне кажется, он любит девочку, как родную дочь.

Это ей было особенно тяжело признать. Когда она вспоминала, как сильно Брайншмидт и Клара обрадовались встрече, как Клара бросилась ему в объятия и в каком ужасе был Брайншмидт, когда узнал, что Клара тоже пользовалась компьютером, напрашивался только один разумный вывод: он любил Клару! И видимо, она его тоже. Но все равно он убийца, возможно даже совершивший два преступления.

– Но это вызывает новые вопросы, – сказала она. – Кто создал правило для электронного почтового ящика на компьютере? И кто установил контакт с Мишель?

– Так как в доме жили только три человека, то рассматриваться могут только они, – ответил Хаузер. – Клара, ее мать или Рудольф Брайншмидт.

– Клара отпадает, она никогда раньше не слышала о Мишель, – начала перечислять Мелани. – Рудольф Брайншмидт тоже, так как он даже не знал, что Клара пользовалась компьютером. И мать Клары тоже исключается, так как она умерла, когда переписка с Мишель еще велась.

– Тогда это был кто-то четвертый, извне, – заключил Хаузер и крутанул ключ на пальце. – Что, впрочем, маловероятно.

– Но это единственное логичное объяснение, – начала было Мелани. Затем решила, что на сегодня достаточно. Она слишком

устала. – До завтра. – Мелани направилась к своей машине, одолеваемая нехорошим предчувствием.

«Человек, которого мы ищем, не только произвел манипуляции с компьютером Клары, но и фотографировал девочку по вечерам через окно ванной комнаты».

39

Сабина сложила листок, на котором Снейдер во время своего визионерского видения в подвале накорябал слово «капюшон».

– У Хорста Эккера на тыльной стороне левой ладони было родимое пятно в форме капюшона, – вспомнила она. – Но на фотографиях вскрытия никаких следов не видно.

Карета скорой помощи по-прежнему стояла с открытой дверью перед старой пивоварней. Снейдер вытянулся на кушетке.

– Видите ли, марихуана иногда выкристаллизовывает и увеличивает до гигантских размеров какую-нибудь крошечную деталь, которую обычно не замечаешь.

– Хорошо, и что же это означает, наркотический гений?

– Это было не родимое пятно, а штамп. – Со стоном он вытащил иглу из вены и зажал место вкола большим пальцем. Очевидно, Снейдер считал, что получил уже достаточно инфузионного раствора.

Доктор Фишер бросил на него неодобрительный взгляд.

– Вам следует...

– Да, я знаю, спасибо, – не дослушал его Снейдер. – В Нюрнберге есть какая-нибудь дискотека или ночной клуб, где при входе гостям ставят на тыльную сторону ладони черный штамп в виде капюшона?

Врач пожал плечами.

Один из санитаров просунул в машину голову.

– В центре есть пешеходный мост Хенкерштег^[23], который ведет через реку. На другом берегу стоит «Дом палача».

– Капюшон палача! – воскликнула Сабина.

– Но это старый музей нюрнбергской истории права, – вмешался врач. – Они не ставят никаких штампов.

– А рядом ночной клуб, – сказал санитар.

– В какой стороне? – спросил Снейдер.

Санитар описал ему путь через Старый город. После этого Снейдер вел долгий телефонный разговор с нюрнбергской уголовной полицией.

– О'кей, – сказал он, закончив разговор. – Коллеги приедут через несколько минут на патрульной машине и заберут мои вещи. – Он взглянул на наручные часы и на слабых ногах выбрался из машины скорой помощи. Было уже половина одиннадцатого. – Сейчас я нанесу визит в этот сарай палача.

– Вы никуда не пойдете, – запротестовал врач. – Вы упадете в обморок. Послушайте профессионала, который уже двадцать лет делает свою работу.

– Можно и двадцать лет делать что-то неправильно, – пробормотал Снейдер и надел пиджак.

– Вернитесь в машину!

– У вас есть оружие? – спросил Снейдер.

– Конечно нет.

– Видите, а у меня есть. Так что у вас плохие карты, если захотите меня остановить.

Врач протянул ему стаканчик.

– У вас низкий уровень сахара. Выпейте, по крайней мере, это.

– Что это?

– Мышьяк! Я хочу вас отравить! – Доктор Фишер закатил глаза. – Это глюкоза.

Снейдер залпом выпил содержимое стаканчика, скривился и направился прочь.

Сабина последовала за ним.

– Не пытайтесь меня переубедить.

– Переубедить вас? – Сабина засмеялась. – Что еще рассказал сотрудник полиции по телефону?

– Коллеги уже обыскали огороженные выгоны для лошадей в радиусе десяти километров и все соответствующие бары фетишистов, а также проверили все больницы в окрестностях на предмет пропажи рицина, но пока никаких следов по этому убийству.

– Полиция нашла одноногую женщину?

– Поиски продолжаются.

– Вы должны хотя бы дождаться коллег из уголовной полиции, – посоветовала ему Сабина.

– Нет времени, я не могу празднично сидеть здесь, пока следы растворяются в воздухе. – Он целеустремленно пересек улицу и побежал по тротуару. – А вам лучше поехать назад в Висбаден. Если кто-нибудь из коллег увидит, что вы принимаете участие в актуальном расследовании, вас вышвырнут из академии.

– Не пушчу же я вас одного в тот бар, да еще в таком состоянии! – запротестовала Сабина. – Вы в любой момент можете упасть.

– У меня все отлично, – возразил он.

– Я вижу. – Она шла рядом и надеялась, что его не заденет случайно какой-нибудь прохожий и не собьет с ног.

– Поезжайте домой! – приказал Снейдер. – Я серьезно, это не игра, Белочка.

– Я провожу вас до клуба и подожду снаружи. Кроме того, мой автомобиль стоит в подземном гараже недалеко от того места. После я могу отвезти вас в больницу.

– Вы упрямая, как...

– ...Снейдер!

Клуб «У палача» находился на берегу реки Пегниц рядом с мостом Хенкерштег, недалеко от пешеходной зоны. Клуб можно было узнать лишь по красной неоновой рекламе в форме капюшона палача. Из-за черных стекол доносились глухие басы.

В этой части города на улицах никого не было. Вода в реке медленно, как черная блестящая лава, текла под мостом, отражая лунный свет.

Снейдер открыл железную дверь в ангар. Тут же наружу вырвались громкая музыка и сигаретный дым. Грубый тип, примерно одного со Снейдером роста, но в два раза шире, преградил им путь.

– Малышка может войти, ты нет.

Снейдер без каких-либо эмоций на мертвенно-бледном лице оглядел парня.

– Ты сегодня уже наакался, старик.

Снейдер расстегнул пиджак и полез было во внутренний карман, но Сабина остановила его движение. Он или искал служебный значок,

или хотел сразу выхватить оружие. Ни то ни другое не дало бы здесь результатов.

– Он со мной, – сказала Сабина.

– Твой сутенер?

– Мой друг. Он всегда очень щедрый.

– О'кей, заходите. – Шкаф сделал шаг в сторону.

– Друг? – презрительно шепнул ей Снейдер.

– Папик было бы лучше?

Снейдер заплатил в гардеробе шестьдесят евро, и они получили по талону на бесплатный напиток и по штампу на тыльной стороне ладони.

– Будете должны мне тридцать евро, – перекрикивая музыку, заявил Снейдер.

– Да, любимый, – ответила она, но он сделал вид, будто не услышал.

Через занавес они прошли к бару. Помещение пронизывал мигающий оранжевый и темно-фиолетовый свет. Под потолочным сводом висела люстра с электрическими свечами, на стенах эротические картины в неоновых красках. Старая каменная кладка, но психоделический интерьер. Внутри пахло табаком и травой – что наверняка нравилось Снейдеру.

На танцполе еще никого не было, но у барной стойки уже собралось несколько клиентов с напитками. Правда, они напоминали не столько гостей, сколько сутенеров.

Когда Сабина последовала за Снейдером к бару, диджей включил песню группы U2.

– Что вы хотите выпить? – спросил Снейдер.

Сабина покосилась на доску с напитками.

– *Adios Amigo*.

Снейдер удивленно приподнял бровь.

Она улыбнулась.

– Я могу пить что хочу, я не на службе.

Снейдер передал барменше оба талона на напиток.

– Два *Adios Amigo*.

Женщина пошла к холодильнику и достала несколько бутылок, чтобы смешать напитки.

Сабина быстро перегнулась через стойку, потом начала двигать бедрами под музыку U2.

– Рад, что вы так хорошо развлекаетесь, – проворчал Снейдер.

Сабина танцевала рядом со Снейдером, опасно прижимаясь к нему телом.

– Женщина на полголовы ниже меня, – сказала она, когда их щеки соприкоснулись. – К тому же она хромает.

– Я заметил, – ответил Снейдер. Затем приблизился к Сабине. – Возможно, у нее протез.

– Мне тоже так кажется. Что будем делать?

Снейдер залпом осушил свой бокал и поморщился.

– Продолжайте танцевать и наблюдайте, – прохрипел он. – Но следите, чтобы никто не заметил ваше оружие. У вас наручники тоже с собой?

Она помотала головой:

– Только кабельные стяжки.

– Этого достаточно.

Сабина тоже сделала глоток бурды, но решила, что заведение может оставить этот бесплатный напиток себе.

Через полчаса бар наполнился. Две трети гостей были мужчины с пухлыми кошельками. Остальная часть – расфуфыренные высокие женщины лет тридцати или чуть старше, однако Сабина не была уверена, что за тем или иным густым макияжем не скрывается трансвестит.

– Становится интересно, – сказал Снейдер. – Только что заявили пять трансов.

Между тем уже звучала песня *Dereche Mode*.

– Почему вы так уверены?

– У женщин не такие выдающиеся кадыки.

Барные стулья перед стойкой заполнялись, и Сабина и Снейдер должны были защищать свои места. Она заметила, что Снейдер все сильнее бледнел. Наверное, сейчас ему больше всего хотелось воткнуть в ладони акупунктурные иглы против головной боли и покрутить их.

– Вам нехорошо?

– Я ненавижу толпы. К тому же могу работать, только если вокруг не слишком много людей, которые лишают меня кислорода.

– Мне застрелить нескольких?

– Нет, идите в туалет! – крикнул Снейдер ей в ухо. – Позвоните в нюрнбергскую полицию. Пусть пришлют сюда две машины.

В джинсах и куртке Сабина выглядела немного потерянной, протискиваясь между причудливыми посетителями бара. В туалете она, к счастью, была одна и могла спокойно позвонить.

Когда она вернулась, Снейдер спросил:

– Все в порядке?

Сабина кивнула.

В тот же момент к ним через стойку наклонилась барменша:

– Что-нибудь еще желаете?

Снейдер подался вперед.

– Да, я хочу, чтобы вы отрахали меня резиновым пенисом в задницу!

Женщина внимательно посмотрела на Снейдера, потом ее взгляд на долю секунды переместился на высокого широкоплечего мужчину с угловатым лицом, который сидел через два места от Сабины у бара.

Парень оглядел Сабину, потом Снейдера, отошел от стойки и направился к туалетам.

Снейдер тут же соскользнул с табурета и протиснулся мимо Сабины.

– Это он, – шепнул он ей.

Друг за другом они прокладывали себе дорогу к туалетам. Внезапно музыка оборвалась посередине припева. Вместо этого из колонок раздался пронзительный звук, который совсем не сочетался с предыдущей музыкой. словно по сигналу, предупреждающему о полицейской облаве, все гости вдруг ринулись в сторону выхода.

Сабина проталкивалась между парнями и напоминала себе лосося, который плывет против течения. Наконец она добралась до туалетов. Снейдер как раз вышел из одной из кабин и кивнул на темный коридор в направлении заднего выхода.

Сабина вытащила пистолет и первой вышла через дверь на улицу.

– Подождите! – шикнул Снейдер, но она была уже во внутреннем дворе.

Мигающая лампочка освещала небольшую булыжную площадку. Под козырьком стояли мусорные контейнеры.

Мужчина из бара балансировал на одном мусорном контейнере и собирался забраться на стену, чтобы сбежать по крыше.

– Стоять! – выкрикнул Снейдер и выстрелил в воздух.

Мужчина на секунду замер, но уже в следующий момент приготовился прыгать. Однако тут подоспел Снейдер и выбил у него из-под ног мусорный контейнер. Мужчина пошатнулся, повалился на мусорные контейнеры и затем со всей силы ударился лицом о булыжную площадку.

Снейдер набросился на него и заломил одну руку за спину.

– Поднимайтесь! Вы арестованы по подозрению в убийстве. Встаньте лицом к стене, ноги шире, руки вытяните перед собой!

Снейдер сунул пистолет в кобуру и обыскал карманы мужчины.

– Я ничего не сделал! – кричал здоровенный парень. – К тому же выбил себе зуб из-за этого педика.

Из уголка рта у него действительно текла кровь.

– Все это вы расскажете завтра судье. – Снейдер отцепил пару наручников с пояса.

В это время Сабина стояла с пистолетом наготове рядом с подозреваемым и целилась ему в грудь. Снейдер уже защелкнул один наручник на запястье мужчины, когда Сабина краем глаза заметила тень позади себя. Маленькая барменша неуклюже ковыляла к ней с поднятой рукой. В мерцающем свете блеснуло лезвие ножа. В тот же момент Сабина поняла, что острие неминуемо заденет ее, но Снейдер схватил девушку за плечо и оттолкнул в сторону.

Лезвие вошло Снейдеру в бок между ребрами. Он жадно глотнул воздух и опустился на колени. Теперь женщина стояла перед Сабиной. Можно было стрелять, но у нее тряслись руки. Сабина не могла просто так застрелить эту невооруженную женщину с протезом.

– Давай, нажимай, шлюха! – крикнула ей женщина.

Сабина бросилась к барменше, заломила руку за спину и силой уложила ее на землю. Женщина сопротивлялась как сумасшедшая, но Сабина вытащила кабельную стяжку из кармана и связала женщине руки за спиной.

Потом повернулась к Снейдеру. Тот, покачиваясь, стоял на коленях, в боку торчал нож. Дрожащими руками он нащупал рукоятку. По пальцам текла кровь.

Здоровенный парень с наручником на одном запястье присел на корточки рядом со Снейдером и вытащил у него из кобуры пистолет.

– Белоч... – прохрипел Снейдер.

Парень вскинул пистолет и нацелился на Сабину.

В ту же секунду она выстрелила ему два раза в грудь. Он упал на спину на землю, сделав ответный выстрел из пистолета. Пуля ушла в ночное небо.

В этот момент перед клубом раздались сирены нескольких полицейских автомобилей.

VI. Суббота, 7 сентября

*Жизнь – это
постоянный урок о
взаимосвязи
причины и
следствия.*

*Ральф Уолдо
Эмерсон*

40

Как Мелани и опасалась, она провела бессонную ночь. То и дело просыпалась от кошмаров, связанных с Кларой. В них девочка жила в детском приюте, где ее дразнили другие дети постарше – они срывали с нее ночную рубашку, чтобы рассмотреть демонические татуировки на спине.

В шесть утра Мелани наконец поднялась и села с чашкой горячего какао за свой письменный стол. Пока туман еще висел над камышами, она начала составлять обвинительный акт против Рудольфа Брайншмидта из-за убийства его жены. Затем поехала в Ведомство по уголовным делам города Вены, где уже час допрашивали доктора Михаэля Лазло. Хаузер встретил ее у входа и проводил к комнате для допросов.

За стеклянной стеной сидел высокий мужчина в спортивных штанах, лаковых туфлях, белой рубашке Tom Tailor с закатанными рукавами.

– Что мы о нем узнали? – спросила Мелани.

– Я могу лишь сказать, чего мы не узнали. – Хаузер хлопнул ладонью по папке, в которой, очевидно, были собраны данные по Лазло. – У него, конечно, нет судимости, он не связан с татуировщиками и не замечен под своим настоящим именем ни в Фейсбуке, ни в Твиттере, ни в каких-либо блогах или форумах. Он

живет один на своей вилле, по выходным играет с коллегами в гольф, никогда не уезжает в отпуск больше чем на неделю – летом на озеро Вёртер, зимой в Китцбю-эль, – регулярно принимает участие в конференциях адвокатов и имеет алиби в день исчезновения Клары.

– Где он был?

– На мероприятии Венской адвокатской палаты.

– Проверьте это.

– Уже занимаемся.

Мелани вошла в комнату для допросов, в которой вчера уже разговаривала с Брайншмидтом. На этот раз будет не так просто уличить подозреваемого.

Она закрыла за собой дверь, и Лазло на крутящемся стуле развернулся к ней. На столе перед ним стояла чашка черного кофе, который наверняка уже был ледяным. На вид Мелани дала бы Лазло чуть больше пятидесяти. С короткими седыми колючими волосами и угловатым лицом с острым носом, он выглядел как ушлый опасный пес. На подбородке серой тенью лежала щетина.

– Сейчас суббота, десять часов утра, и вы удерживаете меня здесь безо всякой причины. Это бессовестное издевательство. – Его гнусавый голос звучал надменно.

Мелани вспомнила, что уже видела его фотографию на каком-то флаере, он был выступающим на конгрессе.

– Поверьте мне, господин доктор, прокуратура ничего не делает без причины. Вы-то как адвокат должны это знать.

– Я-то как адвокат знаю, как работает система. – Лазло оперся локтями о стол. Его волосатые руки были крепкие и мускулистые. Он снял очки в модной черной оправе и повертел их в пальцах. – Я хочу поговорить со своим адвокатом... немедленно!

– Дайте номер телефона, мы позвоним ему. Кроме того, я нахожу забавным, что именно вы требуете себе адвоката, хотя сами более двадцати лет успешно работаете защитником. Я всерьез задаюсь вопросом, кто здесь над кем издевается.

– Я больше ничего не скажу и хочу, чтобы при разговоре присутствовал независимый свидетель.

Мелани кивнула на потолок.

– Этот разговор записывается на видео- и аудиопленку. Так что не переживайте. Мы предоставим вашему адвокату записи. – Она не

стала садиться, а прогуливалась по комнате и смотрела на Лазло сверху вниз, обдумывая свои следующие слова.

– Как долго вы уже выдаете себя в Интернете за Мишель?

Лазло оставался спокойным.

– Разве запрещено использовать различные аватары?

Мелани приподняла одну бровь.

– Даже различные аватары? За кого еще вы себя выдавали? Может, за семилетнюю Эмилию, которая хочет нарисовать ногти, или пятнадцатилетнюю Корнелию, которая хочет сделать пирсинг, хотя родители против?

– Я не обязан отвечать на ваши вопросы.

Мелани склонилась над столом.

– С ордером мы можем конфисковать ваши компьютеры.

– Ну попробуйте, – невозмутимо ответил Лазло. – Но там хранятся данные моих клиентов, что значительно осложнит ваши усилия.

В дверь постучали, и в комнату вошел сотрудник в штатском. Он подошел к Мелани и прошептал ей на ухо: «Я должен передать вам от Хаузера, что мы проверили его алиби. Он принимал участие в конференции только в первой половине дня. Мы не смогли найти никого, кто подтвердил бы его присутствие после обеда».

– Спасибо.

Мужчина покинул комнату.

Лазло помахал рукой.

– Что это за психологические игры?

Мелани отчетливо видела, как его мускулистое тело напряглось под рубашкой.

– Тот же вопрос я могу задать вам, – парировала она. – Мы проверили ваше алиби в тот день, когда Клару похитили с детской площадки. Никто не может подтвердить, что вы принимали участие в конференции во второй половине дня.

Лазло скривился в саркастической гримасе.

– Мой адвокат посоветовал бы мне отказаться от дачи показаний.

– Господи, вы солгали! И мы записали эту ложь на видео!

– Обвиняемый может лгать, если не вредит тем самым невиновному.

– Речь идет о похищении, незаконном лишении свободы и истязании ребенка! Где вы были двадцать пятого августа прошлого года?

Он улыбнулся.

– Я не нуждаюсь в алиби. Это вам нужны доказательства!

– Где вы были? – повторила Мелани.

– Я имею право молчать в ответ на все обвинения, могу подать заявление на сбор доказательств в мою пользу и вправе в любой момент привлечь защитника, – перечислил Лазло.

– Как вы объясняете, что Клара вплоть до дня похищения контактировала с IP-адресом в вашем доме?

– Я вообще ничего не должен объяснять. Это вы прокурор... Вы должны выяснить причину.

Мерзавец оказался крепким орешком.

– Значит, хотите по-жесткому, – заключила Мелани. – Тогда мы возьмем у вас мазок в ротовой полости для сравнения с материалом, который нашли у Клары под ногтями.

– Я могу отказаться от мазка.

– Только временно. Сейчас для этого достаточно и анализа крови.

Лазло улыбнулся.

– Для этого требуется решение суда, а я уверен, что ни один судья не даст вам на это разрешения.

Ее мутило от надменной улыбки Лазло. Он предусмотрительно даже не притронулся к стаканчику с кофе. Что творилось в голове у этого паршивца? Он действительно был невиновен и наслаждался ложными обвинениями, потому что собирался извлечь для себя пользу из этого допроса в СМИ? Или он был виновен, но знал, что на него не смогут ничего повесить? Или он просто блефовал, охваченный паникой, потому что они так близко подобрались к правде? На его бесстрашном лице она не могла найти ни одного намека на настоящие эмоции – и это заставляло ее чувствовать себя немного беспомощной.

Мелани поняла, что пришло время ретироваться – не во всей военной кампании, а только в этой битве.

– Отпустите меня, коллега, – добродушно сказал он, когда она направилась к двери. – Иначе я стану первым черным пятном на вашей белоснежной биографии.

Ему не следовало этого говорить. Мелани развернулась.

– Никогда больше не называйте меня коллегой, потому что мы находимся по разные стороны закона.

Лазло вопросительно посмотрел на нее.

Она понизила голос:

– Вы преследовали Клару в Интернете. Вы похитили девочку, целый год татуировали ее на своей вилле, пока ей случайно не удалось сбежать.

– Чепуха!

– И я докажу, что вы убили трех девочек и закопали их в лесу в пластиковых пакетах – и, возможно, не только их.

На этот раз Лазло промолчал. Мелани смотрела на него еще некоторое время, потом без комментариев покинула помещение.

41

В десять часов утра Сабина в своей машине направлялась к востоку от Висбадена. Вскоре началась сельская местность. За окном мелькали поля, виноградники и деревенские гостиницы.

Солнце переползло через гребень горы. Сабина надела солнечные очки и свернула на следующем повороте. Где-то в этой местности жил Снейдер. Навигатор увел ее с трассы и направил по проселочной дороге вдоль небольшого ручья, пока она не добралась до поляны, окруженной лесистыми холмами. Навстречу ей мчалась карета скорой помощи. Когда машина проехала мимо, Сабина увидела, что в конце тупика стоит старая заброшенная мельница.

Сабина взяла с пассажирского сиденья конверт, который она этим утром получила лично от президента Хесса, и вышла из машины. Мельница напомнила ей о баварских крестьянских подворьях. Красная гонтовая крыша со слуховыми окнами, каминная труба с жестяным петушком, оконные ставни, под которыми висели ящики для цветов, и плющ, цепляющийся за деревянную решетку на стене. У входа на участок стояла огромная бочка, на которой висела табличка:

«Мартен С. Снейдер – посетители нежелательны!»

Как это на него похоже!

Ручей, вдоль которого ехала Сабина, протекал через здание. Несколько десятилетий назад в этом доме наверняка еще мололи муку. Теперь здесь жил самый большой мизантроп, какого Сабина знала.

Снейдера сегодня выписали из больницы, и скорая помощь только что привезла его из Нюрнберга. На террасе из натурального камня под козырьком с низко висящей водосточной трубой стояли стол и плетеные кресла. В одном из них сидел Снейдер и жмурился от утреннего солнца. На Снейдере был черный костюм и свежая рубашка, под которой Сабина заметила перебинтованную грудь. В уголке рта торчала самокрутка, которая подозрительно пахла травкой. Наверняка он был накачан болеутоляющими средствами. К тому же, несмотря на ранения, он выглядел лучше, чем когда-либо. Осознание, что он поймал убийцу, придавало ему несказанную энергию. Но этот положительный результат никогда не длился долго.

– Доброе утро, – сказала Сабина.

– Опять хотите навязать мне разговор? – пробурчал он, не поворачивая голову.

Она проигнорировала комментарий.

– Я не знала, что вы живете так далеко от Висбадена. Спрашиваю себя, как вы добираетесь до бюро без машины.

Снейдер кивнул на живую изгородь:

– На служебном автомобиле.

За мельницей находилась маленькая теплица, от которой отражалось солнце. Видимо, здесь Снейдер выращивал то, что курил. К бочке с дождевой водой стоял прислоненный велосипед.

– На этом вы разве что до дороги доберетесь.

– Оттуда меня забирают. Так как я не каждый день бываю в своем бюро или в академии, это возможно. Обычно я работаю здесь. – Снейдер потушил косяк и посмотрел на Сабину. – Почему вы не на занятиях? Если продолжите пропускать уроки, Хесс будет экзаменовывать вас по материалу.

– Это уже не понадобится.

В это субботнее утро в учебном плане стояла «Компьютерная и интернет-преступность», но на нее это больше не распространялось. Без комментариев она протянула конверт.

– Он все-таки это сделал, – выругался Снейдер, не открывая конверта. – Недостаток таланта он восполняет переизбытком

характера. Значит, этот упрямый пес вышвырнул вас из академии.

Она кивнула, хотя более подходящим словом было бы «уволил». Ее служба была немедленно прекращена.

– У меня есть время до утра понедельника, чтобы освободить комнату в кампусе. Потом я еще получу зарплату за неделю.

У Снейдера заходили желваки.

– Если наступит момент, когда Хесс поймет свою собственную некомпетентность, это будет первым и единственным озарением за всю его жизнь. Садитесь.

– Спасибо, я приехала, чтобы попрощаться.

– Садитесь! – повторил он. – Обещаю вам, я приложу все усилия, чтобы вам разрешили остаться в академии.

Сабина осталась стоять.

– Это бессмысленно. Хесс будет ждать следующей возможности, чтобы вышвырнуть меня, а до того времени превратит мою жизнь в ад.

В этот момент они заметили длинную толстую собаку с короткими лапами, которая через поле мчалась к мельнице. Ее уши развевались на ветру. Сабина не знала, что это за порода – только то, что собака была белая с пятнами горчичного цвета.

– Уберите от меня пса! – закричал Снейдер, но собака уже была на террасе и запрыгнула Снейдеру на колени.

Это был бассет – в ошейнике, но со свалявшейся шерстью. Он положил передние лапы Снейдеру на плечи и принялся лизать его в щеку.

– Фу, вниз! – приказал Снейдер, но бассет не послушался.

– Мне застрелить собаку? – спросила Сабина.

– Вы бы сделали это для меня? – Снейдер пытался заставить пса спрыгнуть на землю, но бассет удобно расположился у него на коленях и свернулся клубком, хотя задняя часть свисала.

– Я понятия не имею, чья это шавка, но пес приходит сюда уже семь лет.

– И вы его кормите, – предположила Сабина.

– Да, иногда он даже ночует в доме.

– Мне кажется, вы относитесь к собаке лучше, чем к людям, которые вас окружают.

– По крайней мере, он внимательно меня слушает.

– Что сказали врачи? – спросила Сабина.

– Насчет собаки?

Сабина закатила глаза.

– Это просто рваная рана, ее зашили пятью стежками. Легкое не задето.

– Это была моя ошибка, мне очень жаль, – пробормотала она.

– Я скажу вам кое-что! – Снейдер посмотрел на нее. – Только тот, кто не работает, не делает ошибок. Не думайте больше об этом. Раны затягиваются. Главное – мы убрали тех двоих на видео из этого бизнеса. – Он кивнул на входную дверь. – Вы не могли бы насыпать в миску собачьего корма из вон того пакета?

Сабина сделала, как просил Снейдер, но бассет проигнорировал еду. Вместо этого он потерся мордой о рубашку Снейдера, словно не видел его уже несколько недель и ужасно соскучился.

Снейдер положил руку на голову пса.

– По дороге из больницы я разговаривал по телефону с Хессом и пытался убедить его, что вы не принимали участия во вчерашнем инциденте.

– Бесплезно – нюрнбергская уголовная полиция исследовала мое оружие и внесла показания в протокол.

– Можно было бы уничтожить ваши свидетельские показания, – тогда официально вы никогда не участвовали в перестрелке. Я хотел взять все случившееся на себя, но Хесс уже знал, что вы были в Нюрнберге. Этот твердолобый ублюдок только и ждал удобного момента, чтобы проучить меня.

Сабина понимала: никто и не вспомнит, что они задержали двух убийц. В действительности речь шла только о том, что ее ночные расследования вышли из-под контроля, был ранен сотрудник БКА и студентка-стажер стреляла в подозреваемого, который лежал сейчас в реанимации.

– Хесс уже много лет ждал этого момента. Больше всего ему хотелось бы избавиться и от меня. Не переживайте, в первую очередь я позабочусь о вашем восстановлении в академии, чтобы вы смогли закончить обучение.

– Спасибо, что вы хотя бы попытались дать мне такую возможность. – Сабина не привыкла видеть Снейдера раскаивающимся. К тому же она сама была виновата в том, что

вылетела из академии. Однако кое-что ее насторожило. – Что значит – в первую очередь?

– А, ничего. – Он почесал собаку за ухом, на что та ответила довольным урчанием.

– Нет уж выкладывайте! – не отступалась Сабина.

– Ах... – Он пожал плечами, но тут же скривился от боли. – Хесс попытается привлечь меня к дисциплинарной ответственности за то, что я допустил ваше вмешательство в полицейское расследование.

– Мне очень жаль.

– Ну и пусть! Это уже не первый раз, когда у Хесса в руках оказывается средство давления на меня.

– А если это станет последним ударом?

– Тогда я вернусь на родину, – вздохнул он. – В Европол в Гаагу.

– Вам не будет жаль покинуть БКА?

– БКА, как пепельница, – чем больше людей в нем собирается, тем грязнее оно становится.

– Что произошло между вами и Хессом?

– Не заботьтесь об этом, Белочка.

– Почему вы не боретесь за ваше место, как он?

Он моргнул, глядя на солнце.

– Конечно, я мог бы сопротивляться Хессу, но предпочитаю смотреть, как он обезумеет из-за меня.

– Похоже на мудрое высказывание Акико^[24].

– Возможно, это она и есть.

Сабина положила ключ от архива Снейдера и его удостоверение БКА на стол. Потом вытащила из кармана сим-карту от его прежнего телефона.

– В старой голосовой почте вы найдете сообщение от Эрика Дорфера, сделанное перед тем, как в него выстрелили.

Снейдер удивленно взглянул на нее.

– Что он говорит?

– К сожалению, ничего нового. – Она по памяти процитировала слова Эрика. – Там слышен выстрел. Нужно, чтобы техники-криминалисты проанализировали запись.

– И вы говорите мне об этом только сейчас?

– Вы же сами запретили мне самостоятельное расследование, – напомнила она.

– Да, но все равно – вы... стали бы хорошим следователем.

– Возможно, но решение Хесса оправданно. Между тем он уже в курсе, что я получила доступ в тюрьму строгого режима в Вайтерштадте и разговаривала с Белоком.

– Я знаю, бывший следователь по этому делу звонил мне. Законченный идиот! – Снейдер покачал головой. – Вы знаете мое мнение. Для раскрытия убийства все средства хороши. Мое благословение у вас было.

Сабина решила, что ослышалась.

– Вот так вдруг? Два дня назад вы еще предостерегали меня от самостоятельных действий.

Снейдер шумно выдохнул.

– Это был ваш совет, если вы забыли! Я должна была вернуться в реальность и не гоняться за призраками, – добавила она. – Так что не говорите теперь, что были довольным моим вмешательством.

Он понизил голос:

– Вы возненавидите меня за то, что я вам сейчас скажу.

Сабина посмотрела на него прищуренными глазами и уже знала, что не хочет слышать того, что последует.

– Я прошу у вас за это прощения, но я должен был раскрыть ваш потенциал.

– Что?

Снейдер выпрямился, держа собаку на коленях.

– Я предостерегал вас от собственных инициатив, потому что знал: только так я смогу мотивировать вас на креативные действия и наивысшие результаты.

Сабина была в шоке.

– Вы?... – задохнулась она.

– Эрик Дорфер вышел на что-то крупное, но не посвятил меня в детали, а потом в него стреляли. Я знал, что существует только одна возможность выяснить взаимосвязи. Поэтому поставил на вас.

– Значит, вы все время знали, что эти дела связаны, и поэтому мы разбирали их на занятиях?

– Я подозревал это, – исправил он ее.

– Черт подери! – воскликнула Сабина так громко, что бассет испуганно поднял голову.

– Да, признаюсь, я бессердечная свинья.

– Вы бессердечная, бесстыжая свинья! Манипулятор! – выкрикнула она.

– Да ради бога. Человек без плохих привычек вряд ли является личностью.

– Тогда из вас личность просто бьет ключом. Все равно вы не имеете права играть со мной в такие игры!

– В конечном счете мне было важно найти убийцу и схватить того, кто стрелял в Эрика – не важно каким способом.

– И я стала одним из ваших средств.

– Вам около тридцати, вы рискованная, любопытная, упрямая и к тому же подруга Эрика – мне нужно было просто нажать на правильные кнопки.

Сабина не могла в это поверить. Она приехала сюда, чтобы извиниться перед Снейдером и попроситься, а теперь ей хотелось задушить его.

– Черт возьми, зачем нужно было прибегать к такому средству? Вы просто могли бы организовать нам, студентам, доступ к онлайн-архиву.

– Это было невозможно. Уже много лет действует строгое распоряжение Хесса – все студенты находятся на низшем доверительном уровне, но я знал, что вы найдете способ.

– Но почему вы не играли в открытую?

– Я вас умоляю! – Снейдер изменил голос и залепетал: – «Фрау Немез, я хотел бы попросить вас помочь мне в сборе информации и расследовании, вот все имеющиеся материалы. Пожалуйста, выясните, как данные убийства связаны между собой». – Он помотал головой. – Я достаточно хорошо вас знаю, чтобы понимать: это не сработало бы. Вы упрямая и настойчивая. Я должен был спровоцировать вас, чтобы вы начали активно действовать. Тогда вы показываете результаты, о которых другие могут только мечтать.

– Но почему именно я? Потому, что я подруга Эрика?

– Это оказалось просто на руку, так сказать, вспомогательный эффект.

«Вспомогательный эффект?»

– Тогда что было причиной? – напустилась она на Снейдера. – Но, пожалуйста, в трех кратких четких предложениях! – Она подняла три пальца.

– Мне хватит и двух: когда в прошлом году мы гонялись за убийцей, я заметил, что вы, как никто другой, умеете поставить себя на место преступника. У вас дар, талант.

– Которым вы злоупотребили! И поэтому через четыре дня после покушения на Эрика решили устроить меня в академию без вступительных экзаменов! – возмутилась она.

– Нет. В ту же ночь.

Если бы на коленях у Снейдера не спал верный бассет, а сам Снейдер не был бы ранен, она бы ему врезала.

– Великолепно! – Сабина вскинула руки. – Значит, вот настоящая причина, почему вы меня сюда вызвали. Не потому, что я талантливая или мечтала попасть в команду БКА. Нет! Потому, что вы хотели использовать меня.

– Нет, потому, что я нуждался в вас.

– Теперь мне ясно, почему вы так хотите, чтобы я осталась в академии. Вас мучают угрызения совести!

Теперь голос повысил Снейдер.

– Вы знаете, что я никогда бы не признал этого, но вы правы. Да, я нуждался в вас – и да, мне жаль! Потому что вы одна из лучших, кого я знаю. Ради бога, что мне было делать? В сотрудника федеральной полиции стреляли. Он был моим коллегой и вашим другом. Вы осуждаете меня только потому, что я хотел раскрыть это дело?

Сабина показала на него пальцем.

– Нет, но я осуждаю вас, потому что вы не посвятили меня.

– Иначе ничего не вышло бы, и вы знаете это не хуже меня. Когда я говорю своим студентам: «Вход строго запрещен», вы первая и единственная, кто немедленно направляется туда.

«Умник вонючий!» Но при всей злости, которая в этот момент закипала в Сабине, она должна была согласиться с ним.

Они немного помолчали. Наконец Снейдер вытащил из кармана рубашки косяк.

– Не против, если я закурю?

– Мне все равно, даже если вы загоритесь!

Он сунул в рот сигарету.

– Больше никогда мне не лгите!

– Обещаю.

Она опустила в плетеное кресло.

– Вы, по крайней мере, продолжите заниматься этим делом и попытаетесь найти того, кто покушался на Эрика?

– Я? – спросил Снейдер. – А с вами что? Выходите из игры?

– А что со мной? Я должна покинуть академию, – удивленно ответила она.

– Но лишь в понедельник утром, сказали вы. А сегодня суббота. У нас еще два дня.

Он сказал «у нас».

– Что вы предлагаете? – спросила она.

– Что вы предлагаете? – спросил он в ответ. – Вы были в Вайтерштадте. Это того стоило? Что вам удалось выяснить в тюрьме?

Сабине понадобилась минута, чтобы собраться с мыслями, затем она рассказала о Белоке.

– Он утверждал, что не состоял ни с кем в переписке. Но существуют два письма, которые тогдашний главный подозреваемый, берлинский гинеколог доктор Ян, написал Белоку.

– Я читал их, – сказал Снейдер.

– Тогда вы тоже знаете, что писем должно быть больше чем два. Кроме того, это ответы на письма, которые получил доктор Ян. Если не от Белока, тогда от кого?

– Но Ян не был убийцей, – напомнил Снейдер. – Его оправдали за недостатком улик.

– Однако кто-то хотел, чтобы мы поверили, что преступление совершил Ян. Где могут быть другие письма?

Снейдер подумал.

– Судья Ауэрсберг председательствовала тогда на слушаниях по делу Яна. Она живет в Висбадене. Если кто и знает, то она. – Он спихнул бассета с коленей и поднялся.

Пес поднял преданный взгляд и наблюдал, как Снейдер сунул сим-карту в карман брюк, а затем спрятал удостоверение и ключ в ящик комода в прихожей.

– Как нам с ней связаться? – спросила Сабина.

Снейдер запер входную дверь.

– Мы навестим ее на вилле.

– Вот так просто?

– У меня в Висбадене не много друзей, но Ауэрсберг входит в их число.

- Это вы от меня скрыли.
 - Не хотел заниматься саморекламой. – Снейдер взял телефон и набрал номер. – Я предупрежу ее о нашем визите.
 - Прямо сейчас? – прошептала Сабина.
 - Если не сейчас, то когда? Составьте мне компанию! Полагаю, в академии вас все равно уже не хватятся.
 - Вы прямо само обаяние!
- Ожидая ответа от Ауэрсберг, Снейдер спрятал ключ от дома в днище одной из керосиновых ламп, висящих у входа. Заметив удивленный взгляд Сабины, он похлопал по кобуре пистолета.
- Если разболтаете этот секрет, – прошептал он, – мне придется вас убить.

42

Хаузер дожидался Мелани перед комнатой для допросов. Очевидно, он слушал их разговор с доктором Лазло по громкой связи, потому что стоял, недовольно поджав губы.

- Было не очень умно сообщать Лазло, в чем мы собираемся его обвинить, и одновременно признать, что у нас против него ничего нет.

- Я считаю иначе, – парировала Мелани. – Мы надавили на него, и, если моя тактика сработает, он сейчас будет нервничать и начнет постоянно задавать себе одни и те же вопросы. *«Я обо всем подумал? Все учел? Или забыл уничтожить какую-нибудь улику?»* Одновременно пустит в ход все средства, чтобы вернуться домой.

- Это в любом случае.

- Но мы должны удерживать его здесь как минимум двадцать четыре часа. До завтрашнего утра он не должен покинуть здание. Это наш единственный шанс.

- Как вы себе это представляете?

- Придумайте что-нибудь. До завтрашнего утра я хочу получить ордер на обыск его дома и не позволить ему переформатировать жесткий диск компьютеров, облить их бензином и поджечь или уничтожить прочие улики. Один-единственный ДНК-след Клары у него в доме или машине может уничтожить его.

– А если у него есть сообщник, который уничтожит улики вместо него?

– Тогда не позволяйте ему звонить по телефону и постарайтесь, чтобы СМИ ничего не узнали о наших подозрениях. – Мелани открыла папку и пролистала дело Лазло, пока не наткнулась на его фотографию – в пальто и с портфелем на улице. – Я одолжу ее на один день.

– Ради бога.

Мелани вынула фотографию из прозрачного файла и долго рассматривала ее, прежде чем спрятать в кармане блейзера. Пока было непонятно, кто подсунул доктору Михаэлю Лазло сообщения и фотографии Клары, чтобы, возможно, мотивировать его на похищение девочки.

– Ах да, пока вы были у Лазло, мне позвонили из отдела криминалистической техники, – сказал Хаузер. – Наши люди проверили жесткий диск компьютера Ингрид на вирусы.

– И как? Был доступ извне?

Хаузер кивнул.

– Поисковая программа наших техников обнаружила хитроумную программу, которую очень сложно локализовать и с помощью которой можно шпионить за чужими компьютерами и даже управлять ими.

– Кто мог запустить такой вирус на компьютер Ингрид?

– Вообще-то существует только одна возможность. – Хаузер выглядел подавленным. – Немецкое БКА в Висбадене разработало этот так называемый федеральный троян. У кого-то из них должен быть доступ именно к этой программе.

43

На Нероберг шел горный трамвайчик. Уже в половине десятого перед кассой собралась группа людей. Сабина проехала через парковку и стала искать автомобильную дорогу, ведущую на гору.

– Там впереди нужно ехать направо, – сказал Снейдер.

«Поверните налево», – потребовал навигатор.

– Это что, Клаус Кински? – спросил Снейдер.

– Нет, только его голос, – ответила Сабина. – Я нахожу, что у него успокаивающая манера.

– Возможно, – буркнул Снейдер, – но он не прав. Там впереди направо.

Сабина последовала указаниям Снейдера, на что навигатор запротестовал гнусавым голосом. Снейдер снял прибор с крепления и сунул в бардачок, где он приглушенно продолжал говорить. Через десять минут они доехали до асфальтированной подъездной дорожки, которая вела к земельному участку в самом лесу. «Капелленвег, 3». Почтовый ящик прятался в кустарниках. За ними гравийная дорожка вела к одноэтажной вилле с эркерами, арками и изогнутой входной лестницей.

– Выглядит как маленький дворец.

– Ауэрсберг получила его в наследство, старинное фамильное владение.

– Как Вессели.

– Только не упоминайте его.

– У них конфликт?

– Скажем так: Ауэрсберг помимо юриспруденции изучала еще психологию и не даст так легко себя обмануть. Они с Вессели часто ругались на служебной почве. Она судья, он следователь-криминалист.

– Как и вы.

– Да, но я умею отделять профессиональное от личного. – Снейдер прижал руку к раненому боку и с кряхтением выбрался из машины. – Я и Ауэрсберг познакомились...

– Ауэрсберг и я, – исправила она его.

Снейдер шумно выдохнул.

– Мы познакомились на одном семинаре и с тех пор дружим, уже более десяти лет. Тогда она еще жила во Франкфурте, но после смерти дочери переехала в Висбаден. Мы много говорим на личные темы. Она знает обо мне кое-что такое, чего не знает больше никто.

– Что вас не интересуют женщины, ваше второе имя Сомерсет, вы прячете ключ от дома в лампе, в действительности имеете водительские права и любите собак?

– Примерно так, Белочка.

Они зашагали по гравийной дорожке к дому. Он располагался в тени, лужайка была еще влажной от утренней росы, и где-то в лесу кричала сова. Сабина посмотрела сквозь ветви деревьев и заметила чуть дальше в лесу одинокую бревенчатую хижину, которая

напоминала избушку Бабы-яги и, видимо, служила временным пристанищем леснику.

– Какая она?

– Ауэрсберг? – Снейдер скривил рот. – Она многое пережила и похожа на ежа, вывернутого наизнанку, который терзает себя собственными иголками. Все равно... вам она понравится. – Он позвонил в дверь.

– Как она потеряла дочь?

– Это был... – Снейдер осекся.

Элегантная стройная женщина, на вид лет сорока пяти, которую Сабина уже видела в пешеходной зоне в Висбадене, открыла дверь. На Ауэрсберг был тонкий свитер с V-образным вырезом, юбка с запахом и сандалии на ремешках. В этой удобной одежде, с длинными каштановыми волосами и с деревянными украшениями на шее, она походила не на судью, а на хозяйку магазина эко-продуктов.

Она обняла Снейдера и поцеловала его в щеку, отчего тот вздрогнул.

– Что случилось?

– Я объясню позже.

Ауэрсберг подала Сабине руку.

– Входите, я заварила чай.

Женщина пошла первой, Снейдер и Сабина последовали за ней в гостиную. Сабина заметила рубиновое кольцо в массивной оправе на руке Ауэрсберг, которое не подходило к ее непринужденному стилю, но говорило о достатке.

Внутри здание совсем не напоминало замок. Благодаря множеству окон, видимо установленных дополнительно, лестнице с большим мансардным окном и стильной оранжерее, дом выглядел светлым и дружелюбным, хотя и стоял в лесу. На стенах висели разноцветные акварели. Мебель была расставлена так удачно, что комнаты по-настоящему дышали. Сабина не особо разбиралась во внутреннем декоре, но здесь она чувствовала себя уютно: возможно, дело было в какой-нибудь философии фэн-шуй или просто в талантливой руке судьи.

– Присаживайтесь.

Сабина села на диванчик, Снейдер в широкое кресло. Пока Ауэрсберг разливала по чашкам чай, у Сабины появилась возможность

лучше рассмотреть женщину. У нее были веснушки и длинные ловкие пальцы. Только ее взгляд раздражал Сабину. Что-то было не так с ее зрачками: ее глаза напоминали глаза хаски.

Пока Ауэрсберг ходила на кухню за молоком и сахаром, Снейдер наклонился к Сабине.

– Редкий цвет глаз, – прошептал он.

Наконец Ауэрсберг села в кресло.

– Значит, вы учитесь в академии, – сказала она. – Какое направление?

Сабина кивнула.

– Криминалистический анализ. – Не было смысла упоминать, что Хесс уволил ее сегодня утром.

Ауэрсберг взглянула на Снейдера.

– Значит, она на вашем курсе?

– Она талантливая и неплохо успевает.

Неплохо – это был самый высший комплимент, которого можно было ожидать от Снейдера в присутствии других.

Ауэрсберг повернулась к Сабине. Теперь призрачный небесно-голубой цвет глаз был отчетливо виден: казалось, ты смотришь в стеклянные глаза мертвеца.

– Вам несказанно повезло, что вы не попали к Вессели. У Мартена вы в хороших руках.

Сабина удивилась, что судья сама завела об этом разговор.

– Я уже познакомилась с Вессели, он не такой уж плохой, – ответила она. «Какая ложь!»

– На занятиях, возможно, но, когда вам приходится работать с ним, это впечатление быстро меняется.

Не может быть, что он хуже Снейдера, подумала Сабина. Это все равно что выбирать между чумой и холерой.

– Я вижу на вашем лице множество вопросов, – сказала Ауэрсберг. – Хочу объяснить вам. Раньше Вессели был, бесспорно, хорошим профайлером. Но сейчас в его голове столько технологических знаний, что для собственных мыслей уже не осталось места. Если его мозг и рождает полезные идеи, то они как вспышки, которые уходят в молниеотвод. – Ауэрсберг подалась вперед. – Я часто сталкивалась с ним в суде, и, по моему мнению, он потерял чутье уже много лет назад.

Сабина посмотрела на Снейдера, ища поддержки.

– Бессели превратился в ожесточенного теоретика, – заявил Снейдер.

Ауэрсберг грустно улыбнулась.

– При этом я могу понять его горе из-за смерти жены, потому что сама потеряла шестилетнюю дочь.

– Мне очень жаль. – Взгляд Сабины инстинктивно переместился на комод, где стояла фотография в рамке. На снимке была изображена курносая девочка в голубых купальных плавках, с веснушками и непослушными каштановыми волосами, в руках она держала мяч для игры в воде.

– Но, возможно, в конце мы все станем такими, как Бессели, – заметила Ауэрсберг с горькой улыбкой.

– А как он лишился глаза? – спросила Сабина.

– Это давняя история, – объяснил Снейдер. – Во время допроса в восьмидесятых годах одному террористу сломали руку, а Бессели получил пулю сначала в колено, потом в глаз.

Ауэрсберг закинула ногу на ногу.

– Он отказался от стеклянного глазного протеза. Повязка, видимо, должна запугивать или производить впечатление мученика. – Она показала воображаемые кавычки в воздухе, и деревянные браслеты на руках со стуком ударились друг о друга. – Сестра Бессели была террористкой в РАФ^[25], вы это знали? Вероятно, поэтому он так ожесточенно работает, подсознательно хочет искупить вину своей сестры.

Беседа стала развиваться в направлении, от которого Сабина чувствовала себя неловко, потому что узнавала слишком много об одном из своих преподавателей. «Бывшем преподавателе», – поправила она себя. Обычно Снейдер в своей хамской манере оборвал бы подобный разговор, потому что он никак не помогал в решении их проблемы, но, на удивление, Снейдер не останавливал Ауэрсберг. Она вообще была первым человеком на памяти Сабины, с кем Снейдер не держал себя высокомерно и не обращался как с идиотом.

Видимо, Ауэрсберг заметила ее смущение и сменила тему.

– Чем я могу вам помочь?

– Нам важно, чтобы ты вспомнила детали дела «Многоножка», – сказал Снейдер.

– Расследование возобновили?

– Официально нет, – ответил Снейдер. – Но мы с коллегой, возможно, вот-вот докажем взаимосвязь между несколькими нераскрытыми убийствами.

С коллегой! Еще один комплимент из уст Снейдера.

– Это не терпит до того, как я буду в суде и?..

– В сотрудника полиции, занимавшегося расследованием, стреляли; он сейчас в коме. Меня тоже ранил один подозреваемый, и мне грозит дисциплинарное наказание, а мою коллегу вышвырнули из академии. Если мы хотим во всем разобраться, нам нужно поднатужиться – у нас осталось всего два дня.

Ауэрсберг сложила руки в замок перед губами.

– Понимаю. О чем именно идет речь?

– О письмах, которые доктор Ян посылал Белоку.

– Письма из тюрьмы... – Она задумалась. – Насколько я помню, Ян отправил Белоку два письма. Одно Белок действительно получил, второе было перехвачено сотрудниками тюрьмы. Обычное явление, что Белоку пытались оборвать контакт с внешним миром. Не очень легально, но все-таки мужчина убил в восьмидесятых годах в Лейпциге несколько детей, а многие охранники в Вайтерштадте отцы семейств.

– Почему Ян ему вообще писал и на что ссылаются эти ответы? – поинтересовалась Сабина.

– В определенном смысле они были коллегами. Белок детский врач, а Ян гинеколог. Белок определенно болен, Ян с большой вероятностью тоже. Он восхищается Белоком и очарован его поступками, поэтому однажды навещает его в Вайтерштадте. Но Ян не убийца. Однако кто-то пытался повесить на него убийства «Многоножки».

– И отправил Яну письма от имени Белока, – закончила Сабина. – Но зачем?

– Либо чтобы мотивировать его на это преступление в Берлине, либо чтобы подсунуть его уголовной полиции в качестве подозреваемого.

– Но кто-то должен был прочесть те письма Яна, чтобы суметь ответить на них соответствующим образом, – предположила Сабина. –

И этот кто-то должен был или иметь связи на почте, или работать в тюрьме.

– Мы проверяли, но никого не нашли, – вмешался Снейдер.

– Почему Яна отпустили?

– Ян чуть было не отправился за решетку, – объяснила Ауэрсберг. – Но в последний момент его оправдали из-за нехватки доказательств. Суд выяснил, что прокуратура поручила сделать судмедэкспертизу таким образом, чтобы представить дело не в пользу гинеколога и быстрее вынести обвинительный приговор. Кроме того, в доме Яна нашли несколько писем с ничего не говорящим содержанием, которые он получил из тюрьмы Вайтерштадт. Они даже не были подписаны рукой Белока.

– Это в очередной раз говорит о том, что кто-то пытался его подставить. – Голова Сабины была готова в любой момент задымиться. – Если резюмировать, можно сказать, что настоящий убийца хотел либо вдохновить нашего доктора Яна на преступление, но в итоге совершил его сам. Либо просто хотел сделать Яна козлом отпущения для полиции.

– Или что Ян – хотя я считаю это маловероятным – убил сам, – добавила Ауэрсберг. – Запутанное дело, в котором возможны все варианты.

– Нам стоит поговорить с доктором Яном, потому что, похоже, он один может разрешить загадку остальных писем.

Ауэрсберг с сожалением покачала головой:

– С тех пор как его оправдали, он отказывается от любых встреч и ни с кем не общается. Чтобы допросить Яна, прокурору необходим судебный ордер на арест – а его вы так легко не получите.

У Сабины заходили желваки. Она не узнала ничего нового.

Тут зажужжал телефон Снейдера. Он получил эсэмэску, прочел сообщение и убрал телефон в карман.

– Эрик пришел в себя. Ломан как раз у него.

Сердце Сабины подпрыгнуло.

Снейдер хотел сказать что-то еще, но телефон опять загудел. На этот раз звонок. Он ответил, с минуту молча слушал и наконец сказал:

– Подожди секунду. Рядом со мной сидит молодая женщина, которую это тоже очень интересует. Я передам ей трубку. – Он протянул телефон Сабине.

– Немез, – представилась она.

– Алло, это доктор Белл. Я только хотел сказать, что вашему другу стало лучше. Мы смогли объяснить ему, в каком состоянии он находится. Он все еще под воздействием успокоительных и не может ни писать, ни читать, но понимает вопросы и может, по крайней мере, кивать или мотать головой.

– К нему можно?

– Ваши коллеги уже здесь и допрашивают его.

– Я могу его хотя бы увидеть?

– Пожалуйста.

Она окончила разговор и вернула Снейдеру телефон.

Тот отложил его в сторону.

– Хорошие новости для разнообразия.

Сабина беспокойно заерзала на диване.

– Ну же, поезжайте, – сказал ей Снейдер.

– А вы?

– Я еще пару минут побуду здесь, потом возьму такси и догоню вас.

44

Снейдер проводил Сабину взглядом, когда она покинула виллу и захлопнула за собой входную дверь. Даже если полицейские ничего не добились от Эрика, Сабина сумеет увидеть и понять нужную подсказку, которая прольет свет на это покушение. Снейдер не сомневался. Все-таки она была самой настойчивой, упрямой и одновременно талантливой студенткой, которую он когда-либо обучал – пусть и так недолго. Отпустить такую женщину! За это он мог просто свернуть шею Дитриху Хессу. Но как у луны, у каждого человека есть темная сторона, которую тот никому не показывает, – особенно это касалось Хесса.

– О чем ты размышляешь? – спросила Ауэрсберг.

Снейдер сделал глоток чая.

– Не думаешь, что ты слишком далеко зашла с критикой Вессели? – наконец спросил он, когда услышал, как Сабина завела

свою машину перед домом. – Все-таки он был одним из твоих преподавателей.

– И это говоришь именно ты, мистер Грубый Намек! – Ауэрсберг единственная, кто мог позволить себе подобное замечание. – Малышка это переживет, – добавила она. – К тому же эта девочка не производит впечатления человека, который позволит навязать себе чужое мнение... Она тебе нравится?

Опять эта тема. Похоже, она никак не могла поверить, что его не привлекают женщины. Или не могла смириться, что между ними двумя не пробежала искра.

– Ты же знаешь, что я...

– Да, знаю, и что? Она тебе нравится?

– Я нахожу ее милой.

– Милой? – переспросила она. – У тебя кто-то есть?

– Это тебя не касается.

– Значит, нет.

И это так быстро не изменится. Во-первых, в его доме все еще висели фотографии партнера, который умер от СПИДа, а во-вторых, он презирал большинство педерастов. Звучит парадоксально, но у него всегда было собственное отношение к данной теме. Хотя он и сам принадлежал к этому клубу, но не обязательно следовал правилам. Некоторые соратники настолько действовали ему на нервы, что в его узкий круг – и он был действительно узким – входило всего несколько гомосексуалистов. И никто из них не кичился своей ориентацией и не чувствовал себя особенным только потому, что был голубым! Если клика хотела лояльности, тогда и сама должна проявлять ее по отношению к другим.

Вопрос Ауэрсберг вывел его из задумчивости.

– Что сказали по телефону? – Она кивнула на его мобильник.

Снейдер объяснил ей.

– Думаешь, умно посылать молодую студентку в больницу? Все-таки ее сегодня уволили, а ты позволяешь ей шпионить дальше.

– Если кто и найдет след, то только она.

– Настолько талантливая?

– У нее есть качество, которое многие из наших коллег со временем утратили. Она любопытная. Разве ты не заметила? У нее даже глаза имеют форму вопросительных знаков.

Ауэрсберг улыбнулась.

– Похоже, ты очень в ней уверен.

– Так и есть, но не говори ей, а то она зазнается. То, что ее вышвырнули из академии, я улажу.

Она покачала головой:

– Мартен, подобными действиями ты рубишь сук, на котором сидишь.

– Это мой единственный шанс, потому что Хесс и так хочет меня на нем вздернуть.

– Как это типично для Мартена, – вздохнула она. – Тот, кто мягкий внутри, должен быть жестким снаружи – как черепаха.

– И это говоришь ты. У тебя кто-то появился? – Он прочел ответ в ее глазах. – Вот видишь.

– Причина моего одиночества, в любом случае, не язвительность мизантропа! – защищалась она.

– Ой, вот это было ниже пояса.

– И я еще добавлю. Нет более одинокого человека, чем тот, который любит только себя.

– Одиночество – это выбор многих великих умов, – парировал он.

– Мартен, – вздохнула она. – Я же тебе добра желаю.

– Знаю, к тому же беседа с тобой всегда бодрит.

– Но ты приехал сюда не из-за этого, – напомнила она ему. – Значит, вы подозреваете связь между покушением на вашего коллегу, убийствами «Многоножка» и другими делами?

– Да, например, «Вагтовое море» или недавнее убийство в Нюрнберге. – Снейдер вкратце ввел ее в курс дела и объяснил теорию Сабины, что работали как минимум двое преступников и совершали убийства таким образом, чтобы подозрение всегда падало на кого-то другого. – Возможно, мы наткнулись на крупную рыбу, – закончил свой рассказ Снейдер.

– Мы? – скептически спросила она. – Если ты морочишь своей коллеге голову, то неудивительно, если она...

– Ты меня знаешь! Я так не работаю, – возразил он. – Хотя я ее и спровоцировал, но только для того, чтобы она начала самостоятельные поиски. Она пришла к похожему выводу, что и я. Кроме того, она наткнулась еще на одно нераскрытое дело, которое, возможно, вписывается в общую схему.

– Убийство в Эйфеле может быть просто совпадением, – встала Ауэрсберг. Она наклонилась вперед и налила чая в чашку Снейдера. – Зеленый дарджилинг... очищает голову и стимулирует нервную систему. – Она поставила чайник на стол и озабоченно всплеснула руками. – Лучше, чем то, что ты куришь.

Ауэрсберг не понимала его любви ни к дальневосточной философии, ни к травке, которую он выращивал. У Снейдера пересохло во рту – как всегда случалось, когда его тело реагировало быстрее, чем мозг. «Что-то здесь не так!» Погруженный в мысли, он взялся за чашку.

В тот же момент Ауэрсберг взяла его за руку.

– Мартен, ты должен следить за здоровьем...

– В чем дело? Ты записалась в самаритяне? – Такой озабоченной он ее еще не видел. Кроме того, Ауэрсберг никогда не прикасалась к нему, за исключением приветственного объятия или полувоздушного поцелуя. Он быстро отдернул руку и тут почувствовал колющую боль.

Снейдер повернул ладонь. Чуть ниже запястья на коже краснела тонкая царапина. Он оглядел руки Ауэрсберг. Из оправы ее рубинового кольца торчал крохотный шип.

– Извини. – Ее улыбка сбивала с толку.

В голове у Снейдера судорожно завертелись мысли. Внезапно он понял, что было не так.

– Я ни одним словом не упомянул, что Сабина наткнулась на дело каннибала в Эйфеле, – пробормотал он.

Ауэрсберг грустно улыбнулась.

– Как глупо с моей стороны. Я сразу поняла, что совершила ошибку.

Наблюдая за Ауэрсберг, которая невозмутимо откинулась на спинку кресла, Снейдер прижался губами к запястью, высосал кровь и сплюнул на ковер.

– Не старайся, – сказала Ауэрсберг. – Он уже в твоей крови.

Ноги Снейдера отяжелели. «Вот дерьмо!» Нужно выбраться отсюда. Он хотел подняться, но ему не хватало воздуха. На тыльной стороне ладони выступил пот. Он услышал, как чашка покатила по столу. Существовало лишь несколько ядов, которые действовали так быстро. Позади Ауэрсберг он отчетливо видел штору на приоткрытом окне, которая колыхалась на ветру, словно в замедленной съемке.

Комната вяло кружилась, как карусель на последнем издыхании. Затем комната опрокинулась вперед, словно корабль в шторм.

Внутри у Снейдера все сжалось.

Он выругался по-голландски и попытался вытащить пистолет из наплечной кобуры. Всего один выстрел! Возможно, кто-нибудь услышит. Пальцы обхватили рукоятку, но Ауэрсберг уже стояла перед ним – она склонилась и ткнула большим пальцем в его перевязанные ребра.

Он закричал, но крик казался таким далеким. Снейдер чувствовал только боль.

– Почему?.. – выдавил он.

Голос Ауэрсберг звучал приглушенно, словно она говорила через подушку.

«Ты слишком много выяснил!»

45

Мелани шла через здание БКА к лифтам.

Хаузер сопровождал ее и вызвал для нее кабину.

– Что вы сейчас собираетесь делать?

– Я поговорю с главным прокурором, потом навещу Клару в кризисном центре для детей. Это минимум, что я могу для нее сделать.

– Надеюсь, малышка чувствует себя достаточно хорошо, несмотря на обстоятельства.

– Посмотрим. Я хочу забрать Клару из приюта и провести с ней вторую половину дня.

Глаза Хаузера округлились.

– И где?

– У меня дома на озере. – В этот момент она поняла, насколько абсурдно это звучит.

Хаузер отреагировал соответствующим образом. Он понизил голос:

– Вы хотите забрать к себе домой главную свидетельницу обвинения?

– Господи боже мой, она же не собирается у меня жить. Я просто хочу, чтобы она на время отвлеклась от тяжелых мыслей.

– Я не понимаю... – Хаузер уставился на нее. – Хорошо, вначале у нас были небольшие проблемы, но в последние дни мы отлично сработались – и сейчас вы выкидываете такой номер!

– Номер? Кларе необходимы теплота и симпатия, ей нужно немного отвлечься и забыть о проблемах. Моя собака прошла специальное обучение и умеет обращаться именно с такими детьми.

– А мне кажется, это вам станет лучше, когда вы пару часов будете видеть девочку довольной.

– И что вас смущает?

Он пристально посмотрел на нее.

– Вас мучит чувство вины, потому что вы доказали причастность приемного отца Клары к убийству! О'кей, ладно! Это я могу понять. Но теперь вы хотите все исправить тем, что один день будете заботиться о девочке. И считаете, потом все снова станет хорошо?

– Это начало, – оправдывалась она. – Клара совсем одна. Родители ее родного отца живут в Германии. Мать Рудольфа Брайншмидта не хочет брать к себе девочку, а патронатную семью так быстро не найти, – перечисляла она. – Поэтому органы опеки решили отправить Клару сначала в детский кризисный центр. Я просто хочу помочь девочке.

Мелани с огромным удовольствием вообще взяла бы девочку к себе на воспитание, но Хаузеру она об этом пока говорить не будет. Она обдумает все хорошенько, когда дело будет закрыто.

– Несколько дней назад я предупредил вас не принимать все близко к сердцу, а теперь вы уже не можете дать задний ход.

– Да, я и не хочу. Кто-то должен аккуратно сообщить девочке, что ее приемный отец убил ее мать, прежде чем она узнает об этом другими путями в приюте. Кроме того, кто-то должен объяснить ей, что у нее на спине и что ужасную картину можно удалить лазером. Хотите взять это на себя?

Двери лифта открылись. Кабина была полупустой, но Мелани не вошла. Они с Хаузером не произнесли ни слова, пока двери не закрылись и кабина не уехала.

– Ох, – вздохнул Хаузер. – Если в ходе процесса выяснится, что Клара была у вас дома, для защитников Михаэля Лазло – а тот гарантированно наймет лучших адвокатов – это станет настоящей находкой.

– Я должна расставить приоритеты, а это дело мне важно.

– И вы пойдете на такой риск? – воскликнул Хаузер. – Вы в своем уме? Адвокаты Лазло разгромят ваше обвинение в пух и прах, сожрут вас целиком, а косточки выплюнут в сточную канаву на виду у работающих телекамер.

– Не в том случае, если я докажу его причастность к похищению и истязанию девочки.

Хаузер потянул за узел галстука, словно ему не хватало воздуха.

– Лазло сделает все возможное, чтобы убедить суд, что вы промыли мозги свидетельнице у себя дома. К тому же он будет требовать вашего отстранения от процесса.

– В действительности вас волнует только то, что ваши оперативно-разыскные мероприятия, возможно, окажутся напрасными?

– Проклятье, нет!

– Хорошо, тогда поймите вы наконец: я не могу по-другому. Я должна позаботиться о девочке.

Он смиренно покачал головой.

– Как хотите, тогда заботьтесь о малышке – но пообещайте мне одно! – Он снова нажал на кнопку и вызвал лифт. – Если Лазло, этот мерзкий сукин сын, действительно стоит за всем этим, раздавите его, как гнилой помидор!

Двери открылись, Мелани вошла в кабину.

– Не беспокойтесь, он от меня не уйдет.

Двери кабины снова закрылись.

Хотелось надеяться, что Хаузер не заметил сомнения в ее голосе.

Доктор Белл провел Сабину через отделение реанимации, оба входа в которое были перетянуты оградительной лентой. «Только для персонала». Перед палатой Эрика все еще стояли два сотрудника БКА. Они узнали Сабину и не стали спрашивать, кто она такая.

– Держитесь спокойно и ничего не говорите, – шепнул ей доктор Белл, прежде чем приоткрыл дверь и впустил ее внутрь.

Сабина вошла в палату. В тот же момент разговор замолк. Мужчина в темном костюме уставился на нее. Это был Ломан, руководитель службы внутренней безопасности. Перед мониторами стояла врач в белом халате. С другой стороны рядом с кроватью Эрика сидела женщина в водолазке, видимо, ведущая допрос. Сабина предположила, что она тоже из БКА, вероятно, психолог-криминалист.

Квадратная челюсть Ломана пришла в движение.

– Вы кто?

Сабина показала ему свое удостоверение.

– Я подруга Эрика.

Мужчина мельком взглянул на карточку с логотипом академии, и ему все стало ясно.

В следующий момент Сабина видела только Эрика. По его взгляду она поняла, что он ее узнал. Эрик хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова. Он был уже без повязки. Левая сторона головы была побрита, и на коже виднелся длинный черный шов. При мысли, что в его голове застряла пуля, Сабине стало плохо от жалости. Ей хотелось прогнать всех из палаты, обнять Эрика, положить его голову себе на плечо и просто держать так, не говоря ни слова. «Теперь я здесь. Все снова будет как прежде». Но когда Сабина хотела подойти ближе к кровати, Ломан остановил ее резким жестом.

Она застыла и посмотрела на Эрика. Неожиданно его взгляд изменился. Она заметила: ему было неприятно, что она видит его таким. Слабым, раненым, потеряннным, в идиотской голубой рубашке и подключенным к аппаратам. «Ах, Эрик, все это не важно!»

Вероятно, он считал, что она приехала в Висбаден только потому, что узнала о покушении и захотела его навестить. А ведь ей нужно было столько всего ему рассказать.

– Момент. – Ломан пересек комнату, взял Сабину за локоть и осторожно вытолкнул из палаты. Прежде чем дверь закрылась, она бросила Эрику ободряющий взгляд и подняла большой палец вверх, показывая, что он должен держаться. Но Эрик не ответил на ее жест.

– Вы учитесь в академии? – спросил Ломан, прежде чем дверь захлопнулась. Одновременно неодобрительно посмотрел на обоих охранников. Доктор Белл уже исчез. – Какое направление?

– Криминалистический анализ у Снейдера.

– А, все ясно. – Он провел ладонью по лицу и посмотрел на Сабину усталыми глазами. – Я недавно разговаривал со Снейдером по телефону.

– Я знаю. Он приедет через несколько минут.

Мужчина кивнул.

– Тогда вы, вероятно, знаете, почему мы здесь и о чем идет речь. Вы не можете просто так вваливаться в палату во время допроса свидетеля.

Сабина старалась сохранять спокойствие. Очевидно, до него еще не дошли слухи, что президент Хесс вышвырнул ее.

– Я знаю, что Эрик напал на какой-то важный след. Последнее сообщение, которое он оставил, звучало так: «Взаимосвязи просто невероятные. Я раскрыл схему преступлений. Кроме того, я теперь знаю, кто отец ребенка», – повторила она по памяти. – Вы должны спросить его об этом!

– Откуда у вас эта информация?

– Он оставил сообщение Снейдеру и мне, – солгала она, так как не могла признаться, что вломилась в частный архив Снейдера.

– Что-нибудь еще?

– Нет, это все. Что вы уже смогли выяснить?

– Видимо, вам не все известно, – устало сказал он. – Пуля все еще находится в речевом центре Эрика, и, вероятно, останется там надолго. Он не может ни говорить, ни читать, ни писать.

– Знаю, – перебила она его.

– Но чего вы не знаете и что мы только что выяснили: Эрик не помнит, что случилось в тот вечер.

– Как... не помнит?

– У него ретроградная амнезия. Он хочет нам что-то сообщить, но не знает, что именно из-за пробелов в его памяти... – Его перебило пицание машины за закрытой дверью.

– Возможно, со временем, через пару дней, месяцев, воспоминания вернуться, а может, и нет. – Ломан вытащил визитку из портмоне и протянул Сабине. – Позвоните, если вспомните что-нибудь еще, даже если это не связано с выстрелом.

– Хорошо. – Она взглянула на карточку. Ломан был главным комиссаром уголовного полиции.

Дверь открылась, и обе женщины вышли в коридор.

– Продолжение допроса возбудит пациента еще сильнее, – сказала врач. – Давление и частота сердечных сокращений слишком высокие. Сейчас ему необходим абсолютный покой.

– Великолепно! – пробурчал Ломан. Это прозвучало так, словно он хотел обвинить Сабину в том, что они не смогли ничего добиться от Эрика.

Но она так быстро не сдастся. Какую схему раскрыл Эрик? Белока она уже допросила, до доктора Яна ей не добраться. Нужно поговорить с Хельмутом Прёллем, которого кто-то хотел обвинить в каннибализме, или с Симоном Каспареком, на которого хотели повесить убийство студентки на Ваттовом море. Ответ был или в Эйфеле, или в Санкт-Петер-Ординге.

47

Клара прижимала Феликса к груди и смотрела в окно.

– Ты хорошо знала мою маму?

Мелани покосилась на пассажирское сиденье. Клара впервые обратилась к ней на «ты».

Внедорожник Мелани съехал с шоссе и завернул на дорожку, ведущую к участкам на озере Нойзидлер. Клара заморгала от слепящего солнца.

– Хочешь надеть солнечные очки? – спросила Мелани. – Посмотри в бардачке.

Клара достала очки и нацепила их на Феликса.

Мелани улыбнулась.

– Выглядит круто.

– Крутой пес, – захихикала Клара.

– Да, я хорошо знала твою маму. Я ее очень любила. Мы были лучшими подругами.

– Как вы познакомились? Через Интернет?

Мелани рассмеялась.

– Нет, в школе. До девятнадцати лет мы ходили в одну школу. Потом учились в университетах, и в итоге твоя мама стала работать бухгалтером. Но все равно мы были неразлучны и виделись как минимум раз в неделю.

– У тебя такая же болезнь, как у нее?
– Нет, солнышко. – Мелани потянулась к Кларе и пожала ее руку. – Мне очень жаль, что твоя мама умерла.
– Мне тоже... Папа объяснил мне причину. Ты знаешь, почему у него нет на меня времени?
– Полиция должна с ним кое-что обсудить.
– А мне пока нужно оставаться в приюте?
– Да. – Мелани сжала губы, она ненавидела себя за эту ложь. – Как тебе там живется?
– Ничего, у меня своя комната... вместе с другой девочкой.
– Вы ладите?
– Ну так. – Клара пожала плечами, потом повернулась к Мелани. – Представляешь, она не знает «Монстра Хай».
Мелани улыбнулась:
– Невероятно.
Вдруг девочка стала серьезной.
– Я навсегда останусь в приюте, да?
У Мелани ускорило сердцебиение.
– С чего ты это взяла?
– Мне разрешили взять из дома все свои вещи и даже выдали учебники. Другие девочки тоже там навсегда. – Клара помолчала. – Папа отправится в тюрьму, да?
Нельзя недооценивать детей.
– Только если он сделал что-то плохое.
– Он как-то связан с маминой смертью?
Больше никакой лжи!
– Да. – Мелани сжала ладонь Клары. – Мне так жаль. Клара молчала.
– Тебе хотелось бы жить у бабушки?
– Нет, в приюте нормально... Я думаю, бабушка меня не очень любит. К тому же она не моя настоящая бабушка.
Мелани снова сжала Кларину руку.
– Конечно, она тебя любит. Просто у нее мало времени. Клара оставилась в даль.
– Кем ты вообще работаешь?
– Я сажаю преступников в тюрьму.
– Таких, как папа?

– Да.

На секунду взгляд Клары стал грустным. Ее глаза словно говорили: «А, поэтому ты со мной».

– Но я хочу заботиться о тебе, потому что знала тебя еще младенцем. – Мелани быстро перевела разговор на другую тему.

– Ты и мужчину в огненно-красной маске посадишь в тюрьму?

– Обязательно. Ты его боишься?

Какой глупый вопрос!

Клара крепче прижала к себе плюшевого пса.

– Не нужно, – сказала Мелани. – Мы его поймали. Он больше не сможет тебе ничего сделать. Комиссар полиции Хаузер охраняет его.

– Это мужчина с гекконами?

Мелани не смогла сдержать смех.

– Он рассказал тебе о них?

– Показал мне фотографии.

– Серьезно? Мерзкие звери, правда?

– Я так не считаю. Их зовут Том и Джерри.

«Происходят настоящие чудеса, – подумала Мелани. – Хаузер и правда находит подход к детям».

– Что будет с тем мужчиной?

– Он отправится в тюрьму.

– Навсегда?

– Навсегда. – Мелани запустила руку в боковой карман блейзера, вытащила фотографию доктора Лазло и показала Кларе. Интуиция подсказывала Мелани, что Клара сейчас закричит, но девочка лишь с любопытством разглядывала снимок. – Ты уже видела этого человека?

Клара помотала головой.

– А на улице перед твоим домом? По вечерам через окно в ванной комнате? – осторожно допытывалась Мелани.

– Нет.

Мелани забрала фотографию и сунула в карман.

Когда они доехали до участка, Клара резко выпрямилась на своем сиденье.

– Это же Шейла!

Герхард стоял рядом с мастерской и махал рукой. Он спустил Шейлу с поводка, отдал команду, и собака бросилась к внедорожнику. Не успела машина остановиться, как Клара отстегнула ремень

безопасности, открыла дверь и выскочила на лужайку. Побежала к Шейле, и собака радостно напрыгнула на девочку, так что они упали и покатались по траве. Клара заходилась от смеха.

Герхард подошел к Мелани и притянул ее к себе.

– Ну разве они не милые? – Он указал на Шейлу, которая пыталась облизать Кларе лицо.

Они выглядели почти как настоящая семья.

Мелани стояла на кухне и наблюдала через окно, как Шейла забежала в дом через дверцу для собак, а Клара полезла за ней на четвереньках. Когда Клара и Шейла помчались на кухню, Герхард поймал девочку в коридоре и высоко поднял в воздух.

– Мадам, показать тебе дом?

– А Шейле можно со мной?

– Конечно.

Они все вместе исчезли. Пока Герхард водил девочку по дому, Мелани приготовила какао и проверила свой телефон. Спустя какое-то время Клара, запыхавшись, пришла на кухню и села на скамью. Театральным движением руки она, как взрослая, вытерла пот со лба.

– Уже полвторого. Ты проголодалась? – спросила Мелани. Клара была тощая как жердь и могла позволить себе есть до отвала. – Хочешь тост с ветчиной и сыром или лучше спагетти с томатным соусом?

Клара замялась.

– А можно мне, пожалуйста... яичницу?

Тон Клары причинил Мелани душевную боль. Слова девочки прозвучали так грустно и одновременно благодарно, как будто еще ни одно желание в ее жизни не исполнилось.

– Конечно, золотко. Я могу сделать и две, и три яичницы. С картошкой фри?

Глаза Клары засияли.

Пока Мелани у себя в кабинете разговаривала по телефону с судьей Хиршманом, чтобы получить ордер на обыск виллы доктора Лазло в Нойвальдегге, она наблюдала через окно, как Герхард показывал девочке участок.

Разумеется, Хиршман извивался как уж на сковородке, но Мелани не отступала.

– Вы знаете, что у нас с Хаузером хорошее чутье, и мы это не раз доказали. Кроме того, за вами должок из-за сорванного обыска дома Брайншмидта.

– Этот долг я уже закрыл, когда распорядился предоставить данные Телекома!

– Разве что наполовину, – поднажала она.

– Вы настойчивая.

– Это моя работа. – Мелани посмотрела в окно. Клара, зажав нос пальцами, ненадолго вошла в мастерскую Герхарда, но через несколько секунд уже выскочила обратно. Очевидно, произведения искусства Герхарда ее не впечатлили. И в самом деле, средневековая железная дева выглядела пугающе. Шейла послушно семенила за Кларой. – Хотелось бы сделать все завтра.

– В воскресенье? – удивился Хиршман.

– Для нас не существует выходных. – Мелани вытянула шею и увидела, как Герхард и девочка вошли в сарай рядом с мастерской и выкатили наружу три велосипеда. Клара помогла опустить седло на одном велосипеде и накачать колеса. Наверняка Клара с радостью прокатится с Герхардом, Шейлой и Мелани по берегу до яхтенной школы, чтобы съесть в яхтенном клубе мороженое. Ей только нужно закончить этот разговор.

Хиршман застонал.

– Я должен обсудить это с коллегами, сообщу вам завтра.

– Спасибо. – Мелани положила трубку. В тот же момент зазвонил мобильный. На экране отобразился номер Хаузера.

– Да?

– Я помешал? – спросил он.

– Вы никогда не мешаете, – ответила она и сама удивилась, насколько дружелюбно прозвучало это предложение. – Клара уже у меня, – рассказала она, наблюдая, как девочка подняла насос и заставляла Шейлу через него прыгать. – Кажется, ей здесь нравится. Похоже, в будущем она станет дрессировщицей собак.

– Или ветеринаром, – предположил Хаузер.

– Она вам это рассказала?

– Да.

Неудивительно, подумала Мелани, если она даже уродливых гекконов находит милыми.

– Кстати я показала Кларе фотографию Лазло. Она никогда его не видела.

– Я так и думал, – ответил Хаузер. – Наверное, он всегда появлялся только в красной маске или стоял позади нее, когда... ну, вы знаете.

Татуировал ей спину!

– Да – если это вообще он ее похитил, – задумалась Мелани. – Возможно, завтра мы узнаем больше, если получим ордер на обыск его дома.

– Надеюсь, нам повезет, – вздохнул Хаузер. – Но у меня, для разнообразия, есть хорошая новость.

Мелани расслабленно откинулась на спинку стула.

– Техники-криминалисты обнаружили в системном блоке Ингрид Брайншмидт источник федерального трояна, с помощью которого следили за домашним компьютером и считывали пароли для Фейсбука, Твиттера и электронного ящика.

За неделю до того, как началась пресловутая переписка с Мишель, Клара получила несколько рисунков Ули Штайна^[26]. В одном из файлов и находился вирус.

Мелани взглянула на свои книжные стеллажи. На стене, над комнатными растениями в горшках, висел календарь Ули Штайна с шутками о собаках, кошках и мышах.

«Я тебе не мышка на одну ночь.

Тогда на две?»

– Откуда пришли файлы? – спросила она.

– С электронного адреса Heiko99@gmx.de. Вероятно, тоже фейк.

– Из Германии? – Мелани невольно подумала о немецком БКА, которое разработало этот троян.

Сейчас все это безумие с отслеживанием IP-адресов начнется сначала.

Над Санкт-Петер-Ордингом пронзительно кричали чайки. Здесь, далеко на севере, на границе с Данией, было значительно холоднее.

Влажный ветер продувал пешеходную зону, которая вела к морю, и нес с собой запах соленой воды и рыбы. Но у этой местности имелось и преимущество: воздух был свежее, и солнце здесь садилось значительно позже. Люди казались спокойнее и расслабленнее, и еще по вечерам слышалось обязательное «Moin, moin»^[27].

Без четверти восемь солнце овальным огненным шаром висело между облаками. Небо было окрашено в темно-синий цвет, переходящий на горизонте в кроваво-красную полосу. Сабина стояла на деревянном причале и смотрела вверх дюн на море.

Она преодолела путь от Висбадена до Гамбурга за семь часов. На последних метрах, уже перед самой парковкой психиатрической клиники стрелка топливного датчика нервно задергалась в самом нижнем регистре. Этой ночью Сабине придется искать или заправочную станцию, или ночлег. Или и то, и другое – на деньги, заработанные за неделю в академии.

По дороге она сделала несколько телефонных звонков. Сначала Тине, которая отправила для нее онлайн-запрос в центральный реестр прописанных лиц. Хельмут Прёлль в последнее время жил в Кельне, но полгода назад покончил с собой. Так что след в деле каннибала пропал. Затем Сабина разговаривала с директором психиатрической клиники в Санкт-Петер-Ординге, которой объяснила, кто она, предупредила о своем визите и попросила разрешения побеседовать с Симоном Каспареком. В конце позвонила Снейдеру, но у того включилась голосовая почта, и Сабина оставила сообщение, что находится на пути в Санкт-Петер-Ординг. О причине он мог сам догадаться. В остальное время долгой поездки она слушала только голос Швайгхёфера и указания освобожденного из бардачка Клауса Кински, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей.

Сабина застегнула молнию куртки до самого подбородка. Сунула руки в карманы и пошла по причалу к морю. Ей встретилось всего несколько человек – они тоже завершали свои прогулки и возвращались в отели, чтобы смыть там песок и соль с кожи.

Симон Каспарек шагал рядом с ней. Ему разрешили выйти на час. Официальный диагноз в его медицинской карте звучал «*параноидальная шизофрения*». Всего несколько дней назад они разбирали его дело в академии, и вот он стоит напротив нее. Из материалов Снейдера она знала, что Каспарек страдает пограничным

расстройством личности и синдромом Аспергера. Надзиратели ни на секунду не спускали с него глаз, поэтому в нескольких метрах за ними шел крепкий мужчина в белых льняных брюках и бежевой куртке, который, вероятно, держал наготове шприц с успокоительным. Если бы Сабина не показала в дирекции свое удостоверение БКА и не объяснила, что расследует несколько убийств, вероятно, ей бы не удалось даже приблизиться к Каспареку.

– Я знаю, что вас обвиняли в убийстве официантки в Ваттовом море, – начала она разговор, протянула ему удостоверение и наблюдала за реакцией.

Каспарек взял карточку левой рукой, без интереса посмотрел на нее и вернул Сабине.

– Я разговариваю с вами только потому, что ради этого мне разрешили покинуть комнату.

Сабина огляделась.

– Действительно, здесь красиво.

– Мне здесь нравится, – ответил он, но у Сабины не возникло ощущения, что он наслаждается этой прогулкой к морю.

– Я знаю, что вы этого не делали, – сказала Сабина.

– Откуда? – Голос Каспарека был монотонным и тихим. Он немного гнусавил и педантично выделял ударение в каждом слове, словно придавал особое значение правильному произношению. Однако избегал смотреть Сабине в глаза. Его взгляд был постоянно направлен на пол перед собой. Он даже не поднимал глаза, чтобы не столкнуться с другими прохожими, которые торопились домой.

– Следователи, которые хотели быстро закрыть дело, добились от вас признания под давлением и без ордера на обыск перерыли вашу комнату, – перечислила она причины, которые Мартен Снейдер сообщил им в академии.

То, что президент Хесс лично руководил расследованием, она не упомянула.

– Кто-то досконально изучил вашу историю, убил женщину и хотел возложить вину на вас.

Каспарека это не впечатлило. На нем были кроссовки, голубые спортивные штаны и темно-синяя ветровка с капюшоном, которая трепетала на ветру.

– Чего вы от меня хотите?

– Я хочу поймать настоящего убийцу.

– У вас не получится, – монотонно ответил он. За исключением странного застывшего взгляда, у него не было никакой мимики, и Сабина могла только гадать, что происходит в его голове.

– Почему вы так считаете? – спросила она, но Каспарек не ответил. – Какие отношения у вас были с Катариной?

– Отношения? Никаких. Я один.

Сабина чуть было не рассмеялась.

– Я имею в виду, как вы познакомились с Катариной?

– Она работала официанткой в ресторане при клинике.

– Вы знали, что она племянница австрийского дипломата?

– Меня это не интересует.

– Вы часто с ней разговаривали?

– Я нет, но она постоянно контактировала со мной.

Сабина наострила уши.

– Правда? Как? И о чем она говорила?

– Она писала мне письма и звонила по ночам. Она искажала голос, но я знал, что это она.

– Можно взглянуть на письма?

– Все сожжены.

Тем временем они оказались уже одни на волнорезе. С обеих сторон деревянного причала плескалась вода, будоражимая ветром. Сабина обернулась к надзирателю, который шел метрах в пяти за ними.

– Речь шла о вашей матери?

Впервые Каспарек взглянул на нее. Он достал руку из кармана и сделал какое-то неуклюжее движение, словно хотел отогнать воспоминание.

– Я не хочу об этом говорить.

– Но Катарина работала во время каникул официанткой и няней в Санкт-Петер-Ординге, – продолжала Сабина. – Зачем ей вас беспокоить?..

– Она изучала эту психологическую чушь, – перебил ее Каспарек. – Каким-то образом достала мою медицинскую карту и стала надоедать мне письмами. Она писала, что знает, что смерть матери на моей совести и что она была бы жива, если бы я не переехал ее комбайном. – Каспарек распалялся все сильнее. – Когда мы к кому-

то приближаемся и вот так докучаем, нас сразу называют психами-сталкерами и грозят судом, но она могла себе такое позволить.

Если Каспарек говорил правду, то все чертовски смахивало на то, что студентка во время каникул проводила над ним собственный полевой эксперимент. То, что она не случайно подрабатывала в ресторане психлечебницы, было Сабине и так ясно.

– И потом накачивают нас антидепрессантами, – пробурчал Каспарек. – Знаете, как это на некоторых влияет?

Сабина помотала головой.

– Проходит какое-то время, прежде чем тебе прописывают медикаменты. Ты просто влачишь жалкое существование. Но таблетки не сразу избавляют от депрессии, вначале они просто делают тебя достаточно активным, чтобы хватило сил и решительности для самоубийства. Здесь постоянно кто-то умирает.

– Вам ведь нравится здесь на море. – Сабина попыталась сменить тему. – Зачем вам лишать себя жизни?

– Я виноват в смерти своей матери. Это из-за меня она побежала в поле, а я ее не заметил. Она споткнулась и упала под силосорезку. Мне постоянно снится, как я переезжаю ее тело и убиваю. Все время. Только я обрел покой, как эта глупая овца снова разбередила все раны.

– Но вы не убивали эту молодую женщину! – запротестовала Сабина. – Кто-то хотел повесить на вас это убийство.

– Вы это уже говорили. – Его взгляд был лишен каких-либо эмоций. – Мне кажется, вы еще более сумасшедшая, чем я.

– Кто-то наблюдал за вами, изучал вашу психическую травму, совершил убийство так, как, возможно, совершили бы его вы, и хотел обвинить вас в итоге.

Он пожал плечами.

– Зачем кому-то это делать?

Сабина думала, что ослышалась. Она приехала сюда, чтобы помочь Каспареку и вместе с ним выяснить, кто хотел его подставить. Но его это не интересовало.

– Зачем кому-то это делать? – повторил он устало.

– Убийца хотел заставить нас поверить, что, убив официантку, вы пытались избавиться от чувства вины за смерть матери. Что таким образом вы хотели заменить воспоминания, сосредоточив их на другом человеке.

– Чушь, – заявил Каспарек. – Я убил ее, чтобы наконец прекратить этот психологический террор.

– Нет, – возразила Сабина. – Вы не должны в это верить. Кто-то другой убил Катарину и хотел возложить вину на вас. Кто мог это быть? Подумайте. Вместе мы сможем найти убийцу!

Они дошли до края волнореза. До них донеслась отвратительная вонь гниющих водорослей, ракушек и сильного разложения. Каспарек указал на волны за плотно спрессованным песком, над которыми исчезали последние оранжевые лучи солнца.

– Сейчас отлив, – пробормотал он, – не как тогда.

– Тогда?

– Был прилив, и шел дождь. Сильный ветер поднимал песок и швырял на волнорез и причал.

– Вы говорите о дне убийства?

Он уставился на горизонт.

– Моя дверь была открыта. Я мог свободно передвигаться по санаторию. Кто-то из врачей оставил в коридоре связку ключей и бумажный пакет из-под ланча. Внутри лежало сало и складной ножик. Одним из ключей я открыл медицинский шкаф. В аптечке взял бутылку хлороформа. Катарина как раз закончила смену и шла по набережной домой. Все складывалось отлично.

Несмотря на влажный воздух, во рту у Сабины пересохло. Каспарек взглянул на нее.

– Вы никогда не найдете убийцу, потому что это сделал я, но меня оправдали. – Он указал на море. – Вот там, у той сваи, я заставил ее кричать.

Сабина стояла рядом со своей машиной на заправке и смотрела невидящим взглядом на датчик бензоколонки, а сильный ветер гнал мелкий песок с дюн по асфальту. На сорока пяти литрах она вытащила заправочный пистолет. Потом еще долго смотрела на цифры.

– С вами все в порядке?

Сабина обернулась. Рядом стояла пожилая женщина, которая придерживала руками шляпу.

– Да, спасибо.

Сабина завинтила крышку на бензобаке, прошла в здание заправки и купила еще бутылку минеральной воды, йогуртовый

напиток и два шоколадных круассана. Затем села в машину.

Последние слова Каспарека не шли у нее из головы.

«Я заставил ее кричать!»

Что, если он вовсе не сумасшедший, а просто говорит правду?

Что, если не только он, но и берлинский гинеколог и голубой бухгалтер действительно совершили те убийства? Все-таки парочка извращенцев в Нюрнберге убила австрийского политика. Сабину затошнило. Неужели все ее поиски были напрасны?

Нет, должна быть какая-то связь, и Эрик ее обнаружил. Снейдер и она уже выяснили, что работали как минимум двое преступников. Но что, если за этим все-таки стоит один человек, который манипулирует другими, направляет их шаги и толкает на убийства? Это как если дать алкоголику в завязке тирамису с ромом, чтобы он сорвался. Вследствие манипуляций все дела носили его почерк. Она вспомнила слова Снейдера.

«Если в мире действительно существует убийца, который постоянно меняет свой модус операнди, то нам его никогда не поймать... В этом случае мы имеем дело с уникальным, почти пугающе таинственным киллером».

Ее пальцы внезапно похолодели, как будто вся кровь отлила из конечностей. И тут ее осенило, словно ей на спину вылили ведро ледяной воды: то, что уголовная полиция, Снейдер и она все это время считали инсценированными, подстроенными уликами, чтобы обвинить в убийствах кого-то другого, на самом деле были настоящие следы, оставленные преступниками. Доктор Ян в Берлине и Каспарек в Санкт-Петер-Ординге – убийцы, которые все еще разгуливали на свободе.

Однако за ними стоял кто-то намного страшнее – кукловод, манипулировавший ими и назначивший жертвы. Но какой у него был мотив?

Сабина была слишком возбуждена, чтобы сомкнуть глаза этой ночью. Она завела машину и решила ехать назад в Висбаден. У нее был еще один день, и чем быстрее она встретится со Снейдером, тем лучше.

VII. Воскресенье, 8 сентября

*Хуже правды
на свете может
быть только одно
– не знать правду.*

*Ева-Мария
Ауэрсберг*

49

Проехав половину пути, Сабина сделала остановку на автостоянке и попыталась часок вздремнуть в машине. Она была усталой, но все еще взбудораженной. В таком состоянии она и добралась до Висбадена в пять утра.

Курьеры на мопедах уже развозили газеты, а некоторые «жаворонки» выгуливали своих собак на поводке. Но большая часть города по-прежнему пребывала в глубоком сне. Воскресенье было ее последним днем в кампусе, в понедельник утром нужно будет освободить комнату. Сабина поехала не в академию, а напрямик к Снейдеру домой.

Она затормозила на лесной дорожке, и фары ее автомобиля вырвали мельницу из утренних сумерек. Сабина немного подождала, но не заметила в здании никакого движения. Она вышла из машины и направилась на террасу. Время поджимало, и она не могла считаться со Снейдером. Было половина шестого утра, на горизонте уже появилась светлая полоска – Сабина нажала большим пальцем на кнопку дверного звонка... и удерживала дольше, чем нужно. Плевать! Она позвонила еще раз.

Ни единого шороха.

Сабина подождала немного, потом набрала номер сотового Снейдера. Из дома не доносилось ни звука. Только ручей журчал, да какая-то птичка чирикала в лесу.

Черт, где его носит?

Сабина посмотрела на теплицу. Велосипед по-прежнему стоял там. Она оставила сообщение на голосовой почте, чтобы Снейдер срочно позвонил ей. Потом составила два плетеных кресла вместе, взяла со скамьи плед и завернулась в него. Она подождет Снейдера здесь. Пока Сабина устраивалась в креслах и прислушивалась к лесным шорохам, она заметила, как влага утренних сумерек проникает сквозь плед и одежду до самых костей. Наконец у нее закрылись глаза.

Услышав какой-то шорох, Сабина до смерти перепугалась. Она действительно заснула. Над лесистыми холмами висел туман, лужайки сверкали в утренней росе. Сквозь ветви деревьев уже пробивалось солнце. Было полдевятого. Сабина повернула голову на шаркающий звук и в следующий момент подскочила от неожиданности, когда на колени ей запрыгнула собака. Небольшой откормленный бассет с короткими лапами преданно смотрел на нее.

– Какой ты тяжелый, – закричала она, когда пес повертелся у нее на коленях, потом улегся на плед и сунул морду ей под руку.

– Где твой хозяин? – спросила она, но пес только удовлетворенно хрюкнул.

Сабина сладко зевнула и рассеянно почесала бассета за ушами. Видимо, ее усталость была заразительна, потому пес тоже раскрыл пасть.

– Фу, закрой рот! – приказала Сабина.

Бассет послушался и снова зарылся мордой ей под руку. Она погладила его и нащупала его ошейник. На кожаном ремешке было что-то написано. «Винсент». Сабина невольно рассмеялась. Бассета действительно звали Винсент, как Ван Гога, нидерландского художника. Совпадение? Вряд ли. Очевидно, Снейдер купил ошейник этой «шавке», как он назвал пса.

– Скучаешь по своему другу Мартену? – прошептала она. – Наверняка... Он тоже одиночка, как и ты.

Словно поняв ее, собака поднялась, ткнулась мордочкой Сабине в шею и принялась лизать ее лицо.

– Прекрати немедленно, это мерзко!

Но пес не останавливался.

– Ты наверняка голодный, – пробормотала она. – Пойдем, у меня есть идея.

Она подтолкнула бассета с коленей на землю и размотала плед. На ватных ногах направилась к входной двери, Винсент поковылял за ней на своих коротких лапах. Сабина открыла керосиновую лампу, которая висела на стенном крючке рядом с дверью, и ощупала дно. Ключ по-прежнему лежал там. Услышав знакомое брэнчание, Винсент радостно завилял хвостом.

– Если разболтаешь этот секрет, мне придется тебя убить! – Сабина изобразила голландский акцент Снейдера и вставила ключ в замочную скважину. – Старый ворчун Снейдер наверняка припрятал дома пару банок корма для тебя.

Снейдер лишь предупредил, чтобы она никому не говорила его секрет – но он не запрещал ей пользоваться ключом. Она открыла дверь. И в тот же момент услышала, как в доме запищала сигнализация. На коробке, прикрепленной к стене, мигала красная лампочка. Под ней находился дисплей.

29... 28... 27... отсчитывал секунды звуковой сигнал.

– Твою мать! – вырвалось у нее.

Пес наострил уши. Меньше чем через полминуты затрещит сигнализация. Наверняка установка соединена с БКА, сюда примчится патрульная машина, и ее арестуют. Тогда к увольнению из академии добавится еще и попытка взлома. В панике Сабина уставилась на дисплей. Кодовое число было семизначным. Сабина установила это по количеству пустых полей. Ниже находилась цифровая клавиатура для ввода. Сколько существовало возможных комбинаций? В любом случае слишком много, чтобы успеть за двадцать секунд.

Сабина взглянула на пса, который доверчиво стоял рядом с ней и ждал, что она отключит пищущую коробку.

– Я понятия не имею, – призналась она. – Может, ты?

...21... 20... 19...

Она посмотрела на клавиатуру. Это была не обычная клавиатура, а как на старых сотовых телефонах, где на клавишах с цифрами находились и буквы. Винсент хрипло гавкнул, что походило на «Давай уже, нажимай!».

...17... 16... 15...

Vincent! – пронеслось у нее в голове. Голландский художник! Имя состоит из семи букв.

Она поспешно принялась искать буквы на дисплее и наконец напечатала 8-4-6-2-3-6-8.

Отсчет продолжался. Черт, неужели она опечаталась? Сабина попробовала еще раз, но пищание не прекращалось.

...9... 8... 7...

Это было бы слишком просто. Я попаду в тюрьму, подумала она.

Пес снова залаял. Его уши вздрагивали.

Van Gogh!

Она ввела 8-2-6-4-6-4-4, и за две секунды до включения сигнализации ящик перестал пищать. Только теперь Сабина заметила, как вспотели ее ладони.

Как только пищание прекратилось, бассет – словно только того и ждал – целенаправленно поковылял в дом. Сабина сняла ботинки и последовала за ним. Собака точно знала, куда идти, и остановилась перед какой-то дверцей в кухне. Ну конечно – кладовая.

Действительно, среди многочисленных бутылок, макарон и приправ Сабина нашла и жестяные банки с собачьим кормом. Она достала с полки миску и выложила туда содержимое банки. Винсент жадно принялся есть.

– Хороший пес, ты это заслужил, – сказала она.

Пока бассет довольно чавкал, Сабина огляделась в доме. Стиль жизни Снейдера можно было назвать как интернациональным, так и деревенским, чего она от Мартена никак не ожидала. Он был таким деловым, сдержанным и рациональным человеком – но его дом ломился от цветочных горшков, статуэток Будды, африканских настенных масок, но также от деревенских комодов, ковров с бахромой и тележных колес, которые свисали с потолка. Этот мужчина загадывал все больше загадок.

Через дверной проем она заглянула в комнату, похожую на кабинет. Утреннее солнце проникало через окно, заставляя светиться чайные чашки на столе. Пошлый цветной мейсенский фарфор. В одной только этой комнате находилось три ноутбука, подключенных с помощью паутины кабелей к домашней сетевой установке, на стене висело несколько плоских экранов. Сабина осторожно толкнула дверь ногой. Она со скрипом открылась. На полу на подставке стояло множество серверов, за ними она заметила радиоустановку. Значит, эта деревенская берлога и была штаб-квартирой Снейдера. Среди

приборов лежали папки с логотипом БКА. Видимо, Снейдер, как и Вессели, пользовался курьерской службой БКА, когда работал дома.

Сабина не хотела долго торчать в доме и вышла на террасу. К тому же она не могла весь день потратить на бесполезное ожидание. Спрашивать Тину о Снейдере не имело смысла, потому что тот наверняка не появится в академии в воскресенье.

Она достала из кармана визитку главного комиссара уголовной полиции Ломана, с которым познакомилась в больнице. Тот подошел к телефону после второго гудка, и голос его звучал довольно бодро. Но и он не знал, куда запропастился Снейдер.

– Он появился вчера в больнице?

– Нет, – прорычал Ломан. Сабина услышала эхо, словно Ломан стоял в зале.

– Странно, он обязательно хотел поговорить с Эриком.

– Но не поговорил.

– Эрика по-прежнему охраняют?

– Нет, он лежит на блюдечке с голубой каемочкой, – пробурчал Ломан.

– Спасибо. – Сабина положила трубку. Затем позвонила доктору Беллу, который только что вернулся после ночной смены, о чем хмуро сообщил ей, но он тоже не знал, где может находиться Снейдер.

– Как дела у Эрика? – быстро спросила она, прежде чем Белл успел закончить разговор.

– К сожалению, новости плохие. Действительно хотите их услышать?

У Сабины на мгновение замерло сердце.

– Конечно.

– Пуля вызвала у него гемипарез – это односторонний паралич, – объяснил он.

– Вы можете его прооперировать?

– Операция еще больше разрушит ткани и ухудшит его состояние.

К тому же мозг снова начинает отекать и грозит зажать мозговой ствол. Если возникнет угроза остановки дыхания и сердца, нам снова придется ввести его в искусственную кому.

«Нет, пожалуйста, нет!» Сабину затошнило. Однако почему-то у нее было чувство, что Белл говорит неправду. Но как она могла доказать обратное? В конце концов, он специалист.

– Извините меня, – буркнул он. – Мне нужно вздремнуть пару часиков.

Затем Сабина позвонила в лабораторию криминалистической техники, чтобы узнать, не сдал ли Снейдер свою старую сим-карту и не просил ли провести анализ одного сообщения на голосовой почте. Но и там ничего не знали.

«Это же свихнуться можно!» Сабина уставилась на свой телефон. Сейчас было уже не важно. Она позвонила в справочную и попросила соединить с судьей Ауэрсберг.

– Черт возьми, кто это? – прохрипела Ауэрсберг сонным голосом.

Этот телефонный разговор будет не из приятных. Но Сабина не участвовала в конкурсе любимчиков.

– Сабина Немез, – представилась она. – Простите, что я беспокою вас так рано, но...

– Рано? – воскликнула судья. – Вы в своем уме? Сейчас... ах! – Сабина услышала, как будильник, дребезжа, упал на пол. – Я никогда не встаю раньше девяти.

Что же – было как раз девять часов.

– Как долго пробыл у вас вчера Мартен Снейдер? – перебила она судью. И тут же поняла, как идиотски прозвучал ее вопрос. – Мне нужно срочно с ним поговорить.

В трубке зашуршало. Вероятно, Ауэрсберг выбиралась из постели.

– Он пробыл вчера еще полчаса здесь, потом неожиданно подскочил и выбежал из дома, словно обнаружил новый след.

– Какой?

– Милая, я понятия не имею. Вы же его знаете.

– У вас есть какое-нибудь предположение?

– Вы из нас двоих следователь, не я.

– О чем вы говорили?

– О личном.

Сабина невольно подумала о последнем сообщении Эрика.

Кроме того, я теперь знаю, кто отец ребенка.

– О детях? – спросила она.

– Нет. – Голос Ауэрсберг звучал холодно.

– Снейдера кто-то забрал?

– Такси.

– Спасибо. – Сабина положила трубку.

После того как в двух службах такси ей отказались предоставить информацию о пассажирах и их поездках, Сабина сдалась. Снейдер опять бесследно исчез. Паршивец что-то выяснил и ничего ей не сказал. Всегда действует в одиночку! Возможно, он находился на месте какого-нибудь нераскрытого преступления, снова обезвоженный и накачанный наркотиками. Она должна найти его, прежде чем с ним случится то же, что и с Эриком.

Довольный Винсент неуклюже вышел из дома, улегся на половик и, поскуливая, уставился вдаль.

– Тебе его тоже не хватает? – предположила Сабина.

Она включила сигнализацию, заперла дом и спрятала ключ в лампе. Затем поехала в кампус.

Какое-то время Сабина сидела в машине на парковке перед академией, которая сегодня выглядела пустой и одинокой. У нее не было настроения паковать чемодан. С этим можно подождать до утра.

Когда она наконец выбралась из автомобиля, навстречу ей из академии вышел Вессели. В руке он держал дымящийся стаканчик с кофе и, прихрамывая, направился через территорию кампуса в сторону здания БКА.

– В такую рань уже на колесах? – крикнул он Сабине хриплым голосом. С повязкой на глазу и развевающимися на ветру волосами, он имел еще более отчаянный вид, чем обычно.

Сабина подошла к нему.

– Вы знаете, где мне найти Мартена Снейдера?

Вессели посмотрел на часы.

– В это время? – Он пожал плечами. – Вероятно, дома. Речь идет о вашем увольнении? Тут Снейдер вам не поможет.

– Нет, вообще-то...

– Я думал, вы продержитесь дольше чем какие-то жалкие пять дней. Вы поставили абсолютный рекорд.

Было ясно, что Вессели плевать на ее чувства.

– Старик лично распорядился о вашем увольнении. – Вессели посмотрел на верхний этаж здания напротив. – Вы уж сами должны с ним поговорить.

Сабина хотела прояснить недопонимание, но Вессели было уже не остановить.

– Я как раз к нему собираюсь.

– Сейчас?

Вессели прищурился.

– Для нас не существует воскресений. Хесс в актовом зале... пойдёте со мной, – предложил он.

По крайней мере, это был шанс спросить Хесса о местонахождении Снейдера. Сабина последовала за Вессели и вместе с ним вошла в зал для торжеств в здании БКА. Президент Хесс был окружен десятком спецназовцев и сотрудников внутренней службы безопасности. Среди них Сабина заметила и Ломана. Посередине стояла большая модель Рейн-Майн-Халле. Подойдя ближе, Сабина услышала, что обсуждались детали праздника по случаю шестидесятипятилетнего юбилея.

Вессели сделал глоток кофе, потом прочистил горло.

Хесс поднял глаза.

– А, хорошо, что вы пришли. Доступ СМИ будет... – Он замолк, когда увидел Сабину. – Извините меня, я на секунду, – сказал он остальным. Это прозвучало так, словно он хотел заявить: «Я должен быстренько избавиться от одной надоевшей проблемы».

Он направился к Сабине и кивком пригласил ее проследовать за ним. Когда они отошли на значительное расстояние от других, он понизил голос:

– Вы настойчивее и хитрее, чем я думал.

– Простите? – Сабина не понимала, что он имеет в виду. – У меня еще есть время до завтрашнего утра, чтобы освободить комнату.

– И поэтому вы быстро организовали подписание петиции, которая должна восстановить вас в академии, – заявил он.

– Что? – О чем это Хесс?

– Не притворяйтесь невинной! – накинулся он на нее. – Вам мало того, что вы сами вылетели из академии, вам нужно и коллег за собой увлечь.

Сабина уставилась на группу, ожидавшую Хесса. У него что, других забот нет, кроме какой-то петиции? Неужели Снейдер ее организовал? Нет, это не в его стиле.

Хесс постучал указательным пальцем ей по плечу.

– То, что Мартинелли, Майкснер и Гомез подписали петицию, мне понятно. От этих трех я могу так же легко отказаться, как и от вас. Но то, что вы подбили даже Шёнфельда рисковать своей карьерой ради вас, показывает ваш ничтожный характер.

– Ничтожный характер? – устало повторила она.

– Что вы внушили Шёнфельду, чтобы он угрожал бросить академию, если вас не восстановят?

Хесс действительно говорил о том самом Шёнфельде, который думал только о себе, не брал на себя ответственности за других и которому была важна лишь собственная карьера?

Наконец Сабине надоели постоянные унижения от Хесса. Она тоже понизила голос.

– Черт возьми, о чем вы вообще говорите?

– О чем я говорю? – Он вымученно улыбнулся. – О том, что вчера вечером на моем столе появилась бумага, которую подписали даже студенты других направлений. Всего пятьдесят человек.

Этому существовало только одно объяснение. Видимо, Тина затеяла подписание петиции в ее отсутствие. Тина могла хотя бы спросить, согласна ли Сабина – что, конечно, было не так.

– Вы не можете смириться с увольнением и даже не стыдитесь этого, – продолжал Хесс. – Вы не видите, когда проиграли и нужно сдаться? Уезжайте наконец в Мюнхен. Здесь не место для людей, которые не умеют подчиняться и постоянно плывут против течения.

К собственному удивлению, Сабина оставалась совершенно спокойной. Вероятно, все дело в том, что она спала всего три часа и в голове, по ощущениям, была какая-то вата.

– Не волнуйтесь, завтра утром я уеду из этого места, где одержать верх в личной вражде, похоже, важнее, чем раскрыть убийство.

– Ваши методы в стиле Дикого Запада не имеют никакого отношения к стандартной процедуре.

Было бессмысленно продолжать дискутировать с Хессом.

– Где Мартен Снейдер? – спросила она.

– Откуда мне знать? – фыркнул Хесс. – Да мне плевать! Я просто хочу, чтобы вы завтра исчезли. – Он снова ткнул указательным пальцем ей в плечо, и Сабине больше всего хотелось сломать ему палец.

– Мне нужно срочно поговорить с ним, – попыталась она в последний раз.

– Тогда ищите его! Вероятнее всего, он снова обкурился в каком-нибудь вонючем подвале и ждет карету скорой помощи.

Тины в ее комнате не оказалось. Поэтому Сабина сидела со стаканчиком кофе в столовой академии и ждала, что кто-нибудь из ее потока случайно пройдет мимо. Но никто не появлялся. Здание словно вымерло. Только кофе-автомат гудел, вентилятор шуршал да монотонно, описывая полукруг, поворачивались камеры.

Больше всего ей хотелось свернуть Тине шею из-за петиции. С чего это ей взбрело в голову начинать такую акцию и подстрекать всех студентов против Хесса, не сообщив ей заранее? Было же ясно, что они сидят на коротком суку. Кому это что принесет?

Сабина налила себе еще один стаканчик кофе из автомата и ушла в окно на спортивный зал и пустой бассейн. Если никто не может ей помочь, тогда придется самостоятельно искать Снейдера. Но для этого сначала нужно выяснить, на какой след вышел Снейдер, когда внезапно покинул виллу Ауэрсберг. У него родилась та же идея, что и у нее?

«Я заставил ее кричать!»

Кукловод, который, возможно, стоял за этими убийствами, не просто принуждал и шантажировал исполнителей, а ловко ими манипулировал.

Доктор Ян получал фальшивые письма из тюрьмы от имени Белока, которые провоцировали его помериться силами с Белоком и завершить его труд. Симона Каспарека убедили, что студентка психологического факультета проводит с ним полевой эксперимент и хочет свести с ума чувством вины за смерть матери. Хельмута Прёлля заманили в отель, где его ждал усыпленный телеведущий, который якобы хотел, чтобы его съел Прёлль. Наконец мужчине в костюме лошади и женщине с ножным протезом из нюрнбергского бара подсунули отравленную плетку.

Что было общего у этих дел? Кого-то всегда подталкивали к убийству. Но не только это. Убитые были выбраны не произвольно. Именно *эта* берлинская семья. Именно *эта* студентка психологического факультета и *этот* телевизионный ведущий. Так

было задумано! Человек, который стоял за этим, целый год манипулировал убийцей и готовил этот ловкий ход не для того, чтобы затем просто кого-то убить. Нет, мужчина на заднем плане всегда выбирал *определенную* жертву. Если это так, всех убитых должно что-то объединять. Но что?

В ответе на этот вопрос лежала разгадка. Возможно, Снейдеру стало что-то известно. Если она это выяснит, то узнает мотив человека, который дергает за ниточки в данной игре.

Сабина поднялась со стула и бросила стаканчик в мусорное ведро. Существовал только один путь: ей нужны были все материалы по жертвам. И она уже знала, как получить данные. Через курьерскую службу.

В доме Снейдера по-прежнему никого не было. Сабина вошла в гостиную, схватила трубку стационарного телефона и набрала номер архива БКА. После пятого гудка ответил мужчина.

– Говорит комиссар-стажер уголовной полиции Сабина Немез, – представилась она. – Я звоню из дома Мартена Снейдера...

– Да, я вижу его номер на дисплее.

– Хорошо. – Она старалась говорить уверенно и громко. – Мы как раз работаем над давнишними преступлениями и хотим, чтобы курьер принес нам несколько личных дел.

Мужчина молчал. Он не удивлялся такой просьбе в воскресенье. Очевидно, не было ничего необычного в том, что Снейдер и в выходные не давал никому расслабиться.

– Вы не можете забрать документы сами?

– Минуточку, я спрошу Снейдера. – Она зажала рукой трубку и крикнула что-то неразборчивое в соседнюю комнату. Подождала несколько секунд, потом снова приложила трубку к уху. – Хотите знать, что он сказал?

– Нет, спасибо, я могу себе представить, – ответил мужчина. – Какие вам нужны дела?

Сабина назвала ему фамилии убитых.

– О'кей, записал, я доставлю вам документы через три часа.

О боже! Сабина сжала зубы.

– А быстрее не получится? Мне все равно, но вы знаете Мартена Снейдера...

– Да, ясно. Знаете, почему Иисуса назвали Иисусом? Потому что имя Мартен С. Снейдер...

– Да, я догадываюсь.

– Хорошо, через час буду у вас.

50

Вилла доктора Михаэля Лазло представляла собой современное здание, имевшее большое сходство с тюрьмой строгого режима из стекла, бетона и стали. Дом стоял на краю Венского Леса, с тыльной стороны его окружали высокие ели, которые ветвями царапали окна.

Именно этот симбиоз природы и холодного дизайна заставил Мелани поежиться, когда она, затормозив перед участком, рассматривала дом из окна машины. Автомобили БКА уже стояли на улице, и сотрудники полиции оградили вход в дом с тротуара. Мелани показала полицейским удостоверение, и ее пропустили на участок. Хаузер и несколько коллег ждали под козырьком крыши у входной двери.

– Ну как? – крикнул он, когда она поднималась по лестнице.

Вместо ответа, Мелани помахала ордером на обыск дома, который судья Хиршман все-таки выдал около полудня.

Хаузер проверил документ, затем подал знак сотруднику из службы по изготовлению дубликатов ключей. Так как доктор Лазло, словно злобный гном Румпельштильцхен, все еще торчал в комнате для допросов и отказывался сообщать БКА код своей сигнализации, техник деактивировал систему и расверлил замок. Когда тяжелая стеклянная дверь открылась, взвыла сирена. Перепуганные птицы вспорхнули с крон деревьев.

Хаузер и Мелани одновременно зажали себе уши.

– Проклятье! – рявкнул мужчина из службы по изготовлению ключей и посмотрел на маленький ящик под козырьком крыши. – Тут еще вторая сигнализация.

Боль проникала Мелани прямо в мозг. Сирена была наверняка слышна в радиусе нескольких километров. Полицейские, стоявшие на улице, с любопытством подошли ближе и пялились на дом.

Техник прислонил лестницу к дому, взобрался наверх и ломом сорвал со стены электрический щиток. Его коллега бросил щиток в большую металлическую лейку с водой, которую тут же заполнил полиуретановой пеной. Пена заглушила сирену, и, когда масса через несколько секунд застыла, из лейки доносилось только тихое кваканье.

Мелани отняла руки от ушей и с упреком посмотрела на Хаузера. «Вот так, значит, работают ваши люди!»

– Я полагаю, сигнализация соединена напрямую с местным полицейским участком, – сказал техник и спустился по лестнице.

– Я, конечно, могу позвонить коллегам, но при сработавшей сигнализации они обязаны приехать, – сказал Хаузер. – Мои люди возьмут это на себя. – Он достал сотовый и стал набирать номер.

После разговора они вошли на виллу. Хаузер засунул конец галстука под рубашку и прошел первым, за ним последовали двое вооруженных коллег из уголовной полиции и три женщины из лаборатории, которые должны были искать в доме следы ДНК Клары. Мелани тоже получила латексные перчатки, натянула на туфли голубые бахилы и направилась за командой.

Стерильная вилла была незатейливо и строго обставлена, почти все комнаты выложены белым кафелем. Потолочные светильники и напольные лампы лаконичного дизайна излучали холодный неоновый свет. Стеклянные витрины, хромированные стулья, шкафы с алюминиевыми фронтами и большое количество зеркал – все это создавало холод, от которого Мелани бросило в дрожь. Здесь мог жить только одинокий и не способный на глубокие чувства человек.

Эксперты-криминалисты конфисковали компьютеры, ноутбуки и внешние жесткие диски. Также забрали из кабинета Лазло календари, записные книжки и папки. Пока Хаузер проверял верхний этаж, Мелани смотрела через кухонное окно на улицу. Как раз подъехала патрульная машина. Коллеги переговаривались и рассматривали ордер на обыск дома. Никто не ступал на земельный участок. Но претензий из-за повреждения имущества все равно не избежать. Поэтому им сейчас просто необходимо найти обвинительные доказательства на вилле – тогда уже никому дела не будет до сломанной сигнализации.

Мелани шла через гостиную мимо богатого бара и рассматривала огромные картины. Пугающие мотивы Дали и Пикассо украшали

стены, но эти цветные полотна почему-то казались инородными телами в серой арктической атмосфере, которая царила на вилле.

Хаузер спустился по лестнице.

– На первый взгляд ничего подозрительного, – пробормотал он. – К тому же лишь через пару дней станет ясно, нашли ли мы здесь следы ДНК Клары.

– Что-нибудь, указывающее на связь с татуировщиками? – спросила Мелани.

Хаузер помотал головой.

– В здании есть подвал?

Хаузер огляделся.

– Я не нашел входа, снаружи тоже никаких окон не видно.

– Обычно дверь в подвал находится под лестницей на второй этаж. – Мелани посмотрела на уходящую вверх хромированную лестницу. Под ней на стене висела двухметровая картина Пикассо.

Хаузер вытащил из файла тонкий шпатель и оттянул раму от стены.

– Поможете мне?

Вместе они сняли подрамник с крепления.

– Осторожно, – простонала Мелани. – Если мы повредим эту штуку, государству придется сильно раскошелиться.

Они прислонили картину к стене и увидели за ней дверь сейфа высотой метра полтора. Хаузер прижался ухом к дверце, постучал по металлу и попытался сместить задвижку.

– Двустенная, – буркнул он. – Минимум десять сантиметров толщины.

– Сможете открыть?

– Я? – Он с ухмылкой посмотрел на нее. – С такой же вероятностью, с какой вы добьетесь от доктора Лазло комбинацию цифр. Мы вскрыем дверь газовым резаком.

– Надеюсь, на этот раз техники проявят больше сноровки, – сказала Мелани. – Но прежде чем мы приведем кого-то с автогенном, нужно убрать Пикассо в безопасное место.

Час спустя дверь была открыта. В воздухе стоял едкий запах раскаленного железа. Когда клубы дыма рассеялись, Мелани увидела, что за дверью находился не сейф, а лестничный спуск.

Хаузер пошел первым. Он нашел выключатель и активировал неоновое освещение. Одна за другой на потолке вспыхивали трубчатые лампы и указывали путь в тумане, как сигнальные огни на рулежной дорожке в венском аэропорту.

Дыша через рот, Мелани последовала за Хаузером. На двухметровой глубине лестница заканчивалась помещением, в углах которого светились белые неоновые трубки. Пол был покрыт черной кафельной плиткой. Камера походила на выставочный зал современного музея. На стенах висели тяжелые хромированные картинные рамы размером полметра на метр со стеклом, не дающим бликов.

Мелани заметила, как Хаузер с отвращением поморщился, и тут же поняла, что это не картины.

Она хотела подойти ближе, но Хаузер удержал ее за руку.

– Вам лучше не смотреть.

Она все равно направилась к рамам. Под стеклом был натянут красный бархат. На нем булавками закреплена картина. Она выглядела как хрупкий папирус... нет, скорее как дубленая кожа с обтрепанными краями.

– Это... кожа?

Хаузер кивнул.

Комната напоминала зал ожидания в Аду. В семи рамах были выставлены ужасные мотивы, но еще около тридцати оставались пустыми. От этого вида у Мелани перехватило дыхание. Во рту пересохло, и она попыталась сглотнуть. До сих пор ей удавалось не думать об изображении на спине Клары. Но сейчас воспоминание о болоте с гневными душами вернулось к ней. Без сомнения, она видела перед собой копии предыдущих семи картин из «Ада» Данте.

На первой была изображена тощая фигура – вероятно, сам Данте, который в начале своего путешествия в потусторонний мир идет через сумрачный лес с жуткими зверями. На следующей картине кто-то спускается с неба и предлагает проводить его. Со своим провожатым Данте попадает по дымящейся реке в Преддверие Ада, где терзаемые души отчаянно цепляются за края лодки. Различные круги Ада, которые проходит Данте, являются отображением ужасов. Души страдают и терзаются всеми возможными способами, а многоголовый пес следит за тем, чтобы никто не ускользнул.

Детальные татуировки по-своему завораживали и не нуждались в объяснении. Неожиданно сцены на спине Клары, которые по содержанию отлично вписывались в этот ряд, приобрели ужасный смысл. Мелани стояла перед пустой восьмой рамой, которая была задумана для мотива на спине Клары.

– Приготовьтесь к тому, что помимо убитой румынской девочки и двух других находок нам предстоит найти еще четыре детских трупа... – Голос Мелани звучал хрипло.

Вообще-то за потайной дверью она рассчитывала увидеть камеру, где в грязи, прикованная цепью, томилась какая-нибудь девочка. Но ничего подобного они не обнаружили. А вместо этого оказались в выставочном зале с отвратительными человеческими экспонатами.

– Другие помещения есть? – спросила Мелани.

Хаузер помотал головой.

– Если какой-то кусок кожи совпадает с ДНК одного из трупов, мы сможем обвинить Лазло в убийстве.

– Думаете, он сам похищал детей, годами держал их где-то, татуировал, снимал кожу и закапывал трупы?

– В настоящий момент будем исходить из этого, – ответил Хаузер. – В любом случае я вызову бригаду с собаками-ищейками, чтобы перекопать сад за домом и обыскать прилегающий лес.

– Мне нужно на свежий воздух, – застонала Мелани и пробежала мимо Хаузера вверх по лестнице.

Мелани стояла, прислонившись к стене дома, и смотрела в лес. Из бара Лазло она прихватила бутылку бренди и сделала глоток. Хотя Мелани испытывала отвращение ко всему, что принадлежало этому мужчине и к чему он прикасался, без этого бренди ее бы стошнило. Тепло разливалось в желудке и вытесняло давящее чувство, которое ее мучило.

Она пыталась отогнать от себя страшные фантазии и не думать ни о чем, но у нее не получалось, и Мелани рисовала в своем воображении, какие вещи происходили в этом доме на протяжении последних лет. Стерильная атмосфера виллы, легко моющийся кафель, хромированное оборудование и темный лес поблизости, который с благодарностью принимал все, что Лазло волок в полиэтиленовых пакетах по влажной земле.

Мелани глубоко вздохнула и сделала еще один глоток.

– Мне отвезти вас домой? – спросил Хаузер, который неожиданно оказался рядом и снимал перчатки.

– Спасибо, уже все в порядке. – Она протянула ему бутылку. – Хотите?

– Нет, спасибо, я не пью.

– Обычно я тоже. – Она глотнула еще, потом заткнула бутылку пробкой, пока ей окончательно не стало плохо.

– Я получил сообщение из отдела криминалистической техники, – сказал Хаузер. – IP-адрес Heiko99@gmx.de, с которого вирус предположительно попал на компьютер Клары и подчинил его себе, определенно ведет к провайдеру Дойче Телеком.

Мелани захотелось тут же выпить, но она поставила бутылку на землю.

– Компания Дойче Телеком известна тем, что не предоставляет австрийским службам сведения о своих клиентах, – вздохнула она.

– Мы должны выяснить, кто этот Хайко, – сказал Хаузер.

– И мы должны выяснить, знал ли он, что за Мишель скрывается коллекционер татуированных детских тел. Если да, то откуда? И почему он выбрал именно Клару?

51

Сабина услышала хруст гравия под колесами и выглянула в окно из-за занавески. Перед домом Снейдера остановился белый автомобиль доставки. Из него вышел молодой мужчина в штатском со светлыми волосами и военной короткой стрижкой. Неся под мышкой толстую стопу папок, он торопливо прошел к входной двери в бывшую мельницу, словно ему нужно было успеть еще во много мест.

Сабина открыла дверь и вышла на террасу. Погода сходила с ума – то шел дождь, то светило солнце. В настоящий момент оно снова выглянуло, и терраса засверкала.

– Сабина Немез? – спросил парень.

– Да. – Она протянула руку, чтобы взять папки, но он не выдал ей документы.

Вместо этого бросил взгляд в дом и помахал сканером в другой руке.

– Мартен Снейдер должен расписаться в получении.

– Мартен С. Снейдер, – поправила она его.

– Да-да, я тороплюсь!

– Он сейчас... – Тонкими пальцами Сабина изобразила затяжку косяка и закатила глаза. – Не в настроении.

– Господи, все время одно и то же! – Он понизил голос. – Опять накачан, как ходячая аптека.

В этот момент из дома показался Винсент и оглядел визитера.

– Винсент, старик! – Голос парня тут же изменился. Он присел на корточки, отложил в сторону папки и почесал бассета за ухом. Потом сунул руку в нагрудный карман футболки-поло, достал собачью галету и протянул Винсенту. Бассет сначала потерся мордой о руку мужчины, а потом схватил зубами угощение. Видимо, это был отточенный ритуал.

Сабина вытащила из кармана удостоверение Снейдера, которое до этого лежало в ящике комода в прихожей. Парень зафиксировал данные и протянул сканер Сабине.

– Распишитесь здесь! Мне нужно идти.

Сабина поставила подпись на дисплее – еще один гвоздь в крышку гроба своей карьеры. Затем парень удалился, а она потащила папки в дом. Винсент последовал за ней, словно знал, что сейчас ее ждет работа.

Сабина нашла в кладовке Снейдера банку тунца, бутылку сока и упаковку булочек-полуфабрикатов, которые разогрела в духовке и с жадностью проглотила. С тех пор она уже около часа корпела над документами, которые разложила на паркете в гостиной. Сидя на подушке, она пыталась найти связи между жертвами.

В это время Винсент, урча, лежал на диване на клетчатом пледе, который, по всей видимости, принадлежал ему и указывал на его место. Время от времени он открывал один глаз и косился на Сабину.

– Ты действительно очень надежный сторожевой пес. – Винсент, похоже, воспринял это как комплимент, потому что возражать не стал.

Поразительно, сколько всего БКА знало об этих людях. Сабина сомневалась, что все сведения были собраны законным путем. Судья

отклонил бы многое – но, впрочем, эти люди были мертвы, а имеющаяся гора данных, возможно, поможет пролить свет на обстоятельства их убийства.

Но и после многочасовых поисков Сабина не пришла ни к какому результату: все четверо убитых были абсолютно разными, что касалось их возраста, социального статуса, происхождения, интересов, онлайн-покупок, путешествий и отпусков. Больше всего времени Сабина потратила на выписки с их кредитных карт за последние годы. То обстоятельство, что эти люди были убиты один за другим в пятилетний промежуток времени, нисколько не упрощало задачу. Было почти пугающим, насколько разными они были.

Связь – если она вообще существовала, в чем Сабина уже сомневалась, – должна быть в далеком прошлом. И тут, возможно, стоило обратить внимание на одну-единственную полупрозрачную зацепку. От каждой жертвы след вел в Австрию: убитая в Ваттовом море студентка психологического факультета и насмерть захлестанный в Нюрнберге политик были австрийскими гражданами. Сабина нашла также протоколы допросов сестры убитой в Берлине женщины и дяди погибшего в Эйфеле телеведущего, оба они жили в Вене.

Сабина включила свой ноутбук и с помощью радиомодема установила интернет-соединение. Она предприняла последнюю попытку и ввела полные имена и фамилии сестры и дяди, проживавших в Вене, а также имена и фамилии студентки психологического факультета и австрийского политика. Компьютер подумал несколько секунд, но не выдал ни одного результата.

Вот дерьмо!

Она молча сидела на полу, уставившись на монитор. Абсолютная потеря времени! Винсент негромко всхрипнул.

– Тебе можно позавидовать, – прошептала она. – Но ты, к сожалению, не можешь мне помочь...

Или все-таки можешь? Пароль для сигнализации Снейдера был не «Винсент», а «Ван Гог». Она быстро ввела новый запрос, но уже без имен всех жертв. На этот раз ноутбук действительно что-то нашел: ссылку на картинку, которую Сабина увеличила.

Это был карандашный набросок – торопливые штрихи, грубые тени. На скамьях в два ряда сидели восемь человек. Рисунок напоминал зарисовку из зала суда, сделанную для газеты. Под

картинкой стояло восемь фамилий – четыре из которых были знакомы Сабине по личным делам.

– Я схожу с ума!

Винсент с любопытством поднял морду, в то время как Сабина перешла по ссылке на интернет-страницу. Это оказался архив одной австрийской ежедневной газеты. Сабина пробежала глазами статью: десять лет назад суд присяжных в Вене рассматривал дело об убийстве семилетнего мальчика-сироты.

У Сабины волосы на затылке встали дыбом.

«Это Дорфер. Взаимосвязи просто невероятные. Я раскрыл схему преступлений. Кроме того, я теперь знаю, кто отец ребенка...»

У Сабины пересохло в горле. У каждой из четырех жертв был родственник, который десять лет назад выступал присяжным в одном и том же австрийском уголовном процессе. Данное судебное разбирательство и было связующим звеном! Эрик обнаружил этот общий знаменатель!

Она должна была выяснить все об этом процессе. Сколько бы Сабина ни искала в Интернете информацию об убийстве мальчика Беньямина, она постоянно натыкалась на одно и то же имя: Герхард Дитц. Этот Герхард Дитц был венским судебным репортером, который с самого начала следил за судебным разбирательством. Он же написал и большинство сообщений для газеты. Правда, в Интернете не было фотографии Дитца, только номер сотового и адрес агентства на озере недалеко от Вены.

Недолго думая, Сабина набрала этот номер с телефонным кодом Австрии. Видимо, Винсент заметил ее возбуждение, потому что наблюдал на ней, поскуливая, и мотал головой, словно хотел помочь.

Мужчина со спокойным и приятным голосом ответил на звонок:

– Герхард Дитц.

– Добрый день, господин Дитц, меня зовут Сабина Немез, – представилась она. – Я звоню из Висбадена.

– У вас баварский акцент, – заметил он.

– Я была комиссаром в мюнхенской полиции.

– Была?

– Сейчас я студентка академии БКА в Висбадене.

– Ваше имя мне знакомо. Вы пишете какую-то работу?

– Я расследую одно дело.

– Вы не против, если я запишу наш разговор на пленку?

– Нет.

– О'кей, секунду – продолжайте.

– У нас в Германии имеется целый ряд нераскрытых убийств.

Десять лет назад родственники жертв были присяжными в деле об убийстве семилетнего Беньямина.

– Как вы выяснили фамилии присяжных? – перебил он ее.

– Благодаря рисунку судебного художника.

– Господи... – Дитц страдальчески рассмеялся. – Подпись к рисунку все еще в Интернете? Это была ошибка. Картинку должны были удалить с сервера много лет назад.

– Счастливое совпадение, иначе я никогда не обнаружила бы эту связь. – Сабина сделала паузу.

– Продолжайте. Мне кажется, вам есть что рассказать.

– Убийства в Германии могут быть как-то связаны с этим процессом. Я должна знать, о чем там шла речь, и мне необходимы все материалы по этому делу.

– Обратитесь в Венский земельный суд, – посоветовал Дитц. – В рамках сотрудничества с БКА вам наверняка предоставят все документы.

Теперь страдальчески рассмеялась Сабина.

– Дело в том, что... – «Меня уволили из академии, директор БКА с удовольствием бы меня пристрелил, мой друг лежит в реанимации с пулей в голове, а мой преподаватель бесследно исчез». Конечно, она ничего из этого не сказала, иначе Дитц тут же оборвал бы разговор. – Время поджигает, и человеческие жизни могут быть в опасности.

– Понимаю. – Дитц размышлял. – Я мог бы предоставить вам собственные записи, но мне необходимы рекомендации, чтобы кто-то подтвердил вашу личность. Я должен быть уверен, что вы действительно та, за кого себя выдаете.

Плохая идея! Сабина вряд ли могла назвать директора Хесса, Конрада Вессели, доктора Белла, судью Ауэрсберг, комиссара Ломана или сотрудников тюрьмы строгого режима в Вайтерштадте. Они были рады, что не имели с ней больше дела. Единственный, кто мог дать ей эту рекомендацию, был Мартен Снейдер – а он находился бог знает где.

– В прошлом году я вместе с Венской уголовной полицией расследовала одно дело, – пробормотала она.

– Какое?

– Убийства «Штрувельпетер».

– А... – Голос Дитца просветлел. – Теперь я знаю, откуда мне известно ваше имя. Я писал о том деле, вы отлично сработали.

– Спасибо. – Сабина назвала ему фамилии венских коллег, которые помнила. Она могла бы дать Дитцу и фамилию президента Венской полиции, но из-за их со Снейдером эксцентричных выходов к нему за рекомендациями лучше не обращаться. Похоже, у нее был талант ссориться с начальством. – Поговорите с одним из них, – предложила она.

– Я знаю одного из этих полицейских, – сказал Дитц. – Я вам перезвоню. Не убирайте сотовый далеко. – Он положил трубку.

Сабина полчаса ждала звонка Дитца.

– Я проверил ваши показания, – лаконично сказал он. – Один сотрудник Венской полиции ручается за вас.

– Просто так? – удивилась она.

Дитца это позабавило.

– Я проиграл ему запись нашего разговора. Он узнал ваш голос. Вы и ваш коллега, этот Снейдер, задали тогда жару Венской уголовной полиции... Одобряю.

Какой странный комплимент!

– И какие наши дальнейшие действия?

– О'кей, я скажу, как мы поступим. Вы дадите мне адрес электронной почты, и я вышлю вам онлайн-формуляр, который вы отправите мне назад с электронной подписью. Тем самым вы соглашаетесь не передавать мои материалы немецкой прессе, а использовать их исключительно в целях расследования БКА. После я пришлю вам документы по делу Беньямина, но предупреждаю, вам придется перевернуть кипу материалов.

– Отлично.

– Но это еще не все! Если вы решите сообщить о результатах вашего расследования прессе, я также хочу получить эту информацию, но за два часа до того, как ее получит немецкая пресса. Согласны?

– Согласна.

– Хорошо, тогда я вышлю вам формуляр.

Спустя полчаса в почтовом ящике Сабины появился десяток мейлов. Дополнительно через облако она получила гигабайт отсканированных документов, интервью, видео, фотографий и газетных статей.

Просмотрев документы и получив общее представление, она решила не углубляться в историю судебного процесса, а сразу прочитать отчет журналиста о последнем дне заседания суда присяжных, когда с заключительной речью выступали прокурор и защитник.

Сабина устроилась с ноутбуком на диване, Винсент уютно свернулся в ее ногах. Разглядывая сопутствующие зарисовки, она погрузилась в протокол и оказалась в прошлом, на десять лет назад. Дитц сидел в третьем ряду. С этого места зал напоминал...

52

Паровой котел. Царила атмосфера базара. Герхард Дитц ослабил узел галстука. Большой зал Венского земельного суда был набит битком. Первые ряды зарезервировали для представителей СМИ и наблюдателей в процессе, за ними сидели любопытные зеваки. Некоторым не нашлось места, и они толпились у выходов или даже снаружи на каменных ступенях в надежде взглянуть на Томаса Вандера. Шел июль, и это был уголовный процесс года! Несмотря на высоченные мраморные колонны в стиле неоклассицизма, в помещении стояла невыносимая духота. Деревянные скамьи и паркетные полы скрипели, бумаги шуршали, и в воздухе висело непрекращающееся бормотание.

В этот четвертый день заседания процесс подходил к финалу. До обеда были представлены последние решающие экспертизы и заключения, и сейчас следовали заключительные речи. Прокурор Керер и защитник Воннегут были уже на месте. Председательствующая судья и два члена судебной коллегии вошли в зал с пятиминутным опозданием.

Судья молча села, сделала соответствующий жест и подождала, пока в зале воцарится тишина.

– Заключительная речь представителя государственного обвинения, прошу.

В тот же миг пальцы стенографистки взлетели над клавиатурой ноутбука. Хотя стояла мертвая тишина, Дитц плохо понимал, что говорили. Из-за гладких мраморных стен в этом огромном зале суда была неважная акустика с продолжительным эхом. Но сторона обвинения осознанно использовала эту гнетущую атмосферу, в которой присяжные были скорее готовы вынести обвинительный приговор, чем в светлом и современном помещении.

Прокурор Керер застегнул пиджак своего сшитого на заказ костюма и вышел вперед. Это был высокий мужчина лет сорока пяти, с прямой осанкой, резкими чертами лица и острым взглядом, в котором читались логика и компетентность. То, что он говорил, просто обязано соответствовать истине.

Он снял очки для чтения и указал на обвиняемого.

– Томас Вандер владеет большим и достаточно успешным садовым хозяйством с несколькими теплицами на юге Вены. Подсудимый может вызвать у кого-то жалость. То, как он сидит перед нами – молчаливый, одинокий, пятидесятилетний трудяга с сгорбленной спиной и узловатыми пальцами. Садовник, который всю жизнь выращивал цветы, составлял букеты в День святого Валентина и плел венки для похорон. Но сторона обвинения доказала, что этот мужчина жестоким образом убил семилетнего сироту Беньямина. Но не только это...

Керер вывел на экран картинку, которую Дитц уже видел. На фотографии были изображены тридцать воспитанников на ступенях детского дома «Солнышко». Но на этот раз одного ребенка перечеркнули двумя красными линиями. По залу прокатился шепот.

– Вы видите Беньямина на одном из последних снимков в приюте, в кругу его воспитателей и друзей. Счастливые, сияющие мальчики и девочки, которые нашли здесь новый дом. Иногда дети перелезали через забор и заходили на соседский участок. Хозяйство Томаса Вандера буквально располагало к тому, чтобы поиграть в прятки между теплицами. Так было и в тот день, семнадцатого мая, когда произошло следующее...

Керер сделал паузу, продолжая проецировать фото детей на стену. Как коварно, подумал Дитц. Красные линии усиливали

подсознательное впечатление, что какой-то части не хватает, что маленький идеальный мир детей был разорван надвое.

– Томас Вандер заманил маленького Беньямина к себе в дом. Садовника уже нередко подозревали в надругательствах над детьми и подростками, которые жили в приюте по соседству. Но до сих пор не удавалось доказать его причастность. В какой-то момент подсудимый стал слишком навязчивым, и Беньямин попытался убежать. Но Томас Вандер хотел его задержать. Он должен был его остановить! Нельзя было допустить, чтобы мальчик рассказал о его сексуальных домогательствах. О Томасе Вандере и так уже ходило слишком много слухов. На этот раз все могло закончиться тщательной проверкой, которая окончательно уничтожила бы репутацию садового хозяйства. Завязалась борьба, мальчик сопротивлялся, и в итоге обвиняемый проломил маленькому Беньямину череп тупым предметом.

Прокурор подошел к подсудимому и посмотрел ему в глаза, но тот спокойно выдержал взгляд.

– Маленький Беньямин падает навзничь на ковер в прихожей дома Томаса Вандера и погибает от полученной черепно-мозговой травмы. Томас Вандер не бежит за помощью, а бездеятельно смотрит, как умирает ребенок. Судмедэксперт говорит о пяти минутах. «Пять минут, дамы и господа!» Пять минут, за которые можно было вызвать скорую помощь. А что делает Томас Вандер?

Керер хватается за голову.

– Его мозг работает точно как часовой механизм. Он коварен, бесцеремонен, хладнокровен и хитроумным способом инсценирует самоубийство мальчика. Потому что существует только одна возможность скрыть это убийство – и Томас Вандер знает такой способ!

Прокурор отошел от скамьи подсудимых и прошагал через зал.

– Он тут же надевает рабочие перчатки, идет на улицу, камнем разбивает снаружи стеклянную террасную дверь на уровне глаз семилетнего ребенка, взламывает собственный оружейный шкаф, достает огнестрельное оружие и вставляет магазин. В это время мальчик уже мертв. – Керер делает паузу. – Даже посредственный судебный медик смог бы установить, что выстрел в голову был совершен после смерти, потому что видны следы от удара тупым предметом. Томас Вандер это знал.

После такого заявления прокурор остановился перед присяжными.

– Поэтому он приносит из кухни кувшин с соком из бузины. Вливает жидкость в мертвого Бенямина, вставляет ему в рот ствол оружия, зажимает пальцы мальчика вокруг рукоятки и спускового крючка, поворачивает ствол к небу и стреляет.

За прокурором Керером на стене сменилось проецируемое изображение. Некоторые присяжные закрыли глаза, другие отвернулись. Дитц уже видел эти снимки и надеялся, что прокурор откажется от них хотя бы во время заключительной речи.

Но Керер пустил в ход все, что у него было. Его голос стал тише.

– В результате выстрела в рот, усиленного гидродинамическим эффектом, треснула черепная кость. Давление разорвало затылочную часть головы. Мозг вышел наружу. Все следы предыдущего удара были уничтожены. Но этого недостаточно. Томас Вандер очень хитер. Он полностью уничтожает свою одежду, пуловер, брюки, даже носки и обувь, чтобы криминалисты не смогли найти ни следов крови, ни пороха от выстрела. Затем он избавляется от тупого предмета, которым ударил Бенямина в затылок, и обеспечивает себе алиби.

Снова отобразился предыдущий снимок на ступенях перед детским домом.

– Вы думаете, эти обвинения притянуты за волосы? Мы смогли представить вам следующие доказательства, которые уличают Томаса Вандера, несмотря на все его старания. Пункт первый: время смерти. Супружеская пара, живущая в соседнем доме, слышала выстрел ровно в 15:15. Но судебный медик, основываясь на показателях свертывания крови, установил, что Бенямин скончался в 15:10, – заявил Керер. – За пять минут до выстрела! Пять минут, которые потребовались Томасу Вандеру, чтобы инсценировать самоубийство Бенямина.

Керер дал присяжным время еще раз осмыслить эту информацию. Дитц был впечатлен, как часто и настойчиво прокурор повторял имя мальчика – до тех пор, пока не появлялось ощущение, что ты знал его лично.

– Пункт второй: алиби, – продолжил Керер. – Подсудимый утверждает, что в момент совершения убийства находился у своего брата. Тот на десять лет младше Вандера, безработный, из социальных низов. Дамы и господа, вы помните, как он запутался во время

перекрестного допроса и несколько раз противоречил самому себе. Поэтому мы вполне можем поставить под сомнение это сфабрикованное алиби.

Керер сделал еще одну риторическую паузу.

– Пункт третий: заключение судебного психиатра. Томас Вандер обладает точным, острым разумом и умением быстро реагировать. Поэтому он ни на секунду не терял самообладания, пока инсценировал самоубийство мальчика. Он все время держал ситуацию под контролем. И, наверное, самый важный вывод экспертов: он снова будет убивать.

Керер подождал несколько секунд.

– И наконец последний и основной пункт в представлении доказательств: компьютерная томография трупа. Я хочу напомнить вам объяснение судмедэксперта. С недавнего времени в судебной медицине введена компьютерная томография для анализа трупов, чтобы от судебных медиков не ускользнула ни одна деталь. Потому что, как только скальпелем вскрываются соответствующие части тела, выделяются газы, что нарушает первоначальную картину.

Керер развел руки в стороны. Теперь он чувствовал себя как рыба в воде. Похоже, он знал, что вышел на тропу победителя, как только смог представить в зале суда неопровержимые научные доказательства.

– Дамы и господа! С помощью компьютерной томографии можно увидеть части скелета или осколки пули, не вскрывая тела. Этот метод позволяет судебной медицине визуализировать без крови. А теперь давайте вернемся к трупу маленького Бенямина.

Картинка сменилась – теперь это был снимок половины лёгкого, который Дитц видел на вчерашнем заседании.

– Здесь вы можете наблюдать три белые маленькие точки на лёгком Бенямина. Череп мальчика был раздроблен, и, борясь за жизнь, ребенок вдохнул мелкие осколки собственного черепа, которые откололись из-за удара в затылок. Так что Бенямин еще жил несколько минут после удара по голове. А выстрел был сделан уже после наступления смерти.

Керер опустил руки.

– Дамы и господа, я заканчиваю. Томаса Вандера уже многократно подозревали в надругательстве над детьми. Но его ни разу не смогли

уличить. И вот похоть в конце концов привела к жестокому и расчетливому убийству.

Он театрально прошелся мимо присяжных.

– Это может повториться. Так же или намного ужаснее. Я настаиваю на признании подсудимого виновным и на высшей мере наказания: пожизненном заключении и помещении в больницу для душевнобольных преступников. Спасибо.

Фото на стене поблекло, проекционный экран стал белым. В зале суда царило молчание. Потом робко задвигались стулья, послышалось невнятное бормотание. Большинство взглядов было направлено на стоическое лицо Томаса Вандера.

Дитц не мог предположить, что сейчас происходило в голове садовника. Он действительно был убийцей? Если нет, что он чувствовал в данный момент? Дитц знал, что защитник Вандера тоже не новичок и голова у него на месте. Но все равно будет чертовски сложно вытащить Вандера из этого положения.

– Тишина, – потребовала судья. – Слово имеет защитник.

– Спасибо. – Воннегут поднялся. Ему было немного за шестьдесят, в отличие от прокурора он был одет в темные льняные брюки и коричневую жилетку. У него были седые волосы и седая бородка. Взгляд Воннегута говорил все. Речь шла о виновности или невинности его манданта, и он был готов сражаться.

Свою речь он начал с цитаты.

– Как вы знаете, перед законом все равны... но не перед судебными заседателями! Вы решаете судьбу человека. Она в ваших руках. И я надеюсь, что огульные и показательные доказательства, представленные стороной обвинения, не лишили вас способности мыслить критически. А теперь... – Воннегут снял очки и протер их салфеткой. – Позвольте мне, пожалуйста, исправить некоторые моменты.

Он прошелся по залу.

– Я представил вам доказательства, что в приюте «Солнышко» за последние годы было зафиксировано несколько случаев жестокости и сексуального насилия над детьми. Однако под подозрение попадали только... – Воннегут поднял руку, – медсестры и воспитатели. Трех из них отпустили, правда без каких-либо последствий. Это одна из темных глав венских органов опеки. Воспитанники приюта вовсе не

были такими счастливыми, как пытается убедить нас сторона обвинения. И трагическое самоубийство ребенка привело к тому, что прокуратура должна предъявить общественности козла отпущения. Есть подозреваемый, неуверенные свидетельские показания – и вот общественности уже презентуют убийцу, которого выставляют настоящим монстром. Дело быстро рассматривают. Торопятся закрыть и сдать в архив. Я работаю в защите более тридцати лет и могу заверить вас: это типичный подход, когда пытаются скрыть ошибки и несостоятельность госучреждений.

Воннегут надел очки.

– Хочу кратко напомнить вам факты по времени смерти: пожилую супружескую пару допросили спустя два дня после несчастного случая. Ей семьдесят четыре, ему восемьдесят один год. Вы, дамы и господа, намного моложе. А вы сможете точно сказать, когда именно слышали выстрел два дня назад – в 15:10 или в 15:15? Я не смогу. Мы выяснили, что в момент выстрела супружеская пара находилась в спальне, где нет ни радио, ни будильника, чтобы точно определить время – это мы тоже доказали. К тому же по показателям свертывания крови невозможно установить время смерти с точностью до минуты. Поэтому утверждения о несоответствии между моментом наступления смерти и выстрелом очень сомнительны.

У Дитца по коже побежали мурашки. Вот это сильно!

Воннегут подошел к присяжным и в своей скромной отеческой манере оперся о деревянную балюстраду.

– Давайте вернемся к алиби обвиняемого. Сторона обвинения попыталась дискредитировать единственного свидетеля. Младший брат Томаса Вандера не безработный. Он часто помогает своему брату в садовом хозяйстве. У него просто нет постоянной работы, потому что он страдает болезнью Паркинсона. Но ни уголовная полиция, ни прокуратура не приняли это во внимание и оказали давление на свидетеля во время перекрестного допроса, чтобы поставить под сомнение алиби подозреваемого. И снова налицо безнадежная склонность стороны обвинения к компиляции.

Воннегут сделал шаг назад, но остался стоять перед присяжными.

– Пункт третий: психиатрическое заключение. «Он снова будет убивать!» Дамы и господа... хорошенько обдумайте это предложение. «Он с-н-о-в-а будет убивать!» Еще даже не доказано, что он вообще

кого-то убил в своей жизни, а психиатр утверждает, что он снова это сделает. По сей день остается неясно, на основе чего было сделано такое заключение. Хочу напомнить вам о еще одном немаловажном противоречии. Если Томас Вандер действительно действовал точно и с холодным умом, постоянно держа ситуацию под контролем, тогда почему, спрашиваю я вас, дело вообще дошло до этого предполагаемого побега мальчика и мнимого убийства в состоянии аффекта?

Воннегут сунул руки в карманы и стал покачиваться на носках.

– Вернемся к следам. Когда кто-то пытается симитировать несчастный случай дома, то инсценирует следы так, как считает правильным. Но в этом случае типичных ошибок найти не смогли. Сторона обвинения даже доказала, что Томас Вандер, садовник с сутулой спиной и кривыми пальцами, блестяще справился с задачей. Я спрашиваю вас: откуда у садовника такие знания? Как садовник, к тому же находящийся в стрессе, за считанные секунды может догадаться, как идеально инсценировать место убийства, так что даже криминалисты уголовной полиции с многолетним опытом не могут найти ни одной ошибки?

Воннегут сделал глубокий вдох.

– Со вчерашнего дня мы знаем: пороховые следы – это остатки несгоревшего пороха из боевого патрона. Мельчайшие частицы можно обнаружить спустя несколько дней. Но ни на пальцах, ни на одежде подозреваемого ничего не было. Кстати, не нашли даже этот одиозный тупой предмет, о котором постоянно говорит сторона обвинения. До сегодняшнего дня он остается чистой фикцией. Следы пороха были обнаружены лишь на пальцах мертвого мальчика. Будь Томас Вандер волшебником или техником-криминалистом с обширными профессиональными знаниями и не находись он в стрессе и волнении, возможно, он смог бы такое устроить – но это не его случай.

Воннегут пожал плечами, а его голос приобрел отеческий тон.

– И что же предприняла сторона обвинения? Эксперты-криминалисты обыскали все мусорные контейнеры в радиусе километра от места происшествия, но не нашли никакой одежды со следами пороха. Следы пожара также отсутствуют. Это свидетельствует о том, что Томас Вандер не прятал и не уничтожал свою одежду. Но изучали ли следователи мусор в приюте?

Исследовали одежду персонала? Проверяли сам персонал на наличие следов пороха? Нет. И я назову вам причину: этот детский дом табу! Он финансируется из бюджета города Вены. Он – тема предвыборной борьбы. Директор приюта «Солнышко» к тому же брат министра внутренних дел.

По рядам зрителей прошел гул.

– Было ли это самоубийство или, возможно, коварное убийство, которое один из воспитателей инсценировал в доме Томаса Вандера? – Воннегут наклонил голову набок. – Один тот факт, что уголовная полиция не расследовала это, говорит о многом.

Судья бросила на Воннегута безэмоциональный взгляд.

– Перейдем к предпоследнему пункту: заключению судмедэксперта. Здесь я был действительно разочарован. Мы показали, что доктор Гарке, которого по необъяснимым причинам снова привлекают к работе в качестве судебного медика, за свою карьеру вынес уже много ошибочных заключений. Я не хочу к этому цепляться, потому что все мы знаем, в каком невероятном напряжении работают врачи. Я просто еще раз хотел бы указать на то, что наша контрэкспертиза была отклонена, и нам не удалось проверить, не стали ли мы в очередной раз свидетелями ошибочного медицинского заключения.

Воннегут снова принялся раскачиваться на носках.

– Последний пункт моей речи посвящен самому важному пункту обвинения. Во время компьютерной томографии на легком были обнаружены три белые маленькие точки. Якобы осколки черепной кости, которые мальчик вдохнул и которые должны доказать, что он умер от последствий удара по голове. Но при вскрытии этих осколков не нашли. Так что они остаются фантомами на черно-белом фото.

Воннегут провел рукой по воздуху.

– Мы помним, что в тот день дети обедали в 12:30. В меню стояли жареные колбаски из индейки со шпинатом и на десерт фруктовый салат. Но когда я спросил судебного медика, находятся ли в желудке мальчика остатки яблок или груш из фруктового салата, он не смог ответить мне на этот вопрос.

Воннегут наклонил голову и поджал губы.

– Дамы и господа! Этот новый метод, так расхваленный стороной обвинения, который однажды заменит вскрытие, не может даже

отличить яблок от груш. Тем сомнительнее утверждение, что белые точки на КТ-снимке – это мелкие осколки черепа, которые мальчик вдохнул в предсмертной агонии. Пока мы не сможем на все сто процентов доверять компьютерным снимкам, надеюсь, что обычное вскрытие будет проводиться и впредь.

Судья посмотрела на часы, и Воннегут с пониманием кивнул ей.

– Дамы и господа, я призываю вас не рисковать и не выносить обвинительный приговор мужчине, чья вина не доказана однозначно. Спасибо.

Воннегут сел на свое место.

Судья обратилась к обвиняемому:

– У вас есть возможность сказать последнее слово. Вы хотите что-то добавить к словам защитника?

Томас Вандер поднялся. Он повернулся к присяжным с таким видом, словно должен был продать букет цветов на похороны собственного сына.

– Я садовник, я выращиваю цветы и хочу делать людей счастливыми. Я никому не смог бы причинить зла, тем более ребенку.

Он сел, и после соответствующего объявления присяжные удалились для совещания.

Дитц не стал отвлекаться на шум отодвигаемых стульев и говор вокруг, а принялся записывать в блокноте. Статья шла хорошо, и страницы быстро заполнялись.

– Вы репортер? – неожиданно спросила ухоженная и привлекательная дама, которая до этого молча сидела рядом с ним.

Дитц поднял глаза. На журналистку не похожа. Скорее, зевака, которая получила место в третьем ряду.

– Каково ваше мнение? Это он сделал?

Дитц наклонил голову.

– Не важно, он это сделал или нет. Важно, чему поверят присяжные.

– И как вы считаете? Каким будет приговор?

– Сложно сказать. – Дитц отложил ручку в сторону. – Исследования показали, что присяжные очень рано определяются, часто уже во время вступительной речи, виновен подсудимый или нет. В таком случае они цепляются за доказательства, которые подтверждают их первые впечатления, и отклоняют контраргументы.

Дитц думал, что защитник воспользовался именно этим знанием. Воннегут хотя и не был блестящим юристом, зато отличным психологом, который играл на чувствах присяжных.

– Почему вас интересует это дело? – спросил он.

– Я мать Томаса Вандера.

Дитц долго смотрел на нее и заметил тревогу в ее глазах. Она взглянула на его блокнот, и неожиданно Дитцу стало стыдно, потому что он писал сенсационный репортаж, тогда как женщина рядом с ним боялась за свободу своего сына.

– И что вы думаете? – спросил Дитц. – Ваш сын убийца?

Она долго не отвечала.

– Надеюсь, что нет, – наконец сказала женщина.

Неожиданно открылась дверь, и наступила тишина. Дитц поднял глаза. Три члена судебной коллегии вошли в зал и заняли свои места на подиуме. В первый раз за этот день председательствующая судья ударила молотком.

– Уже через пятнадцать минут совещания присяжные – в соотношении пяти к трем – пришли к выводу.

Какое необычно быстрое решение! Все в зале застыли. Дитцу казалось, что каждый в зале суда задержал дыхание.

Судья коротко взглянула на прокурора и защитника.

– После короткого, но напряженного совещания суд присяжных объявляет подсудимого...

Пятые врата Ада

– Уже ребенком я ощущал в себе этот недобрый жар, огонь, который сжигал меня изнутри и каждую ночь заново убивал во мне все хорошее. Я знал, что злой еще до того, как впервые услышал понятие Зло.

– С чего все началось?

– С моей кошки. Мне всегда нравилось мучить животных. Видеть глаза кошки, которая знает, что она полностью в моей власти и только от меня зависит, переживет ли она следующие часы или нет. Любая, даже самая маленькая, тварь хочет жить. Наиболее завораживающий момент – это когда животное понимает, что

надежды больше нет. По его взгляду я вижу, что оно перестало бороться за жизнь и только ждет избавления. Мольба в его глазах для меня как хмель. Я наслаждаюсь им и научился его оттягивать.

– Каким образом?

– Самое большое удовлетворение я получаю, когда дарю зверьку надежду и позволяю ему воспрять в моих руках. По его взгляду я вижу – он благодарен мне за то, что мучения прекратились. Это момент, когда я уничтожаю вновь зародившееся желание жизни. Новое отчаяние во взгляде, такое мощное, неповторимое и полное непонимания – единственная причина для меня жить дальше.

– И по сей день?

– Я не знаю. Прошло столько времени с тех пор, как у меня в детстве было домашнее животное. Большинство рано умерли.

– Почему позже вы переключились на детей? Потому что они могут лучше и интенсивнее выразить свои эмоции?

– Я не понимаю, к чему вы клоните?

– Неужели? Звери могут скулить и кричать, но не плакать, умолять и просить сохранить им жизнь. Они не могут ползать на коленях по полу... к тому же на спине десятилетней девочки проще сделать татуировку.

– Это верно.

– Вы потому очарованы видением Данте, что все еще ощущаете в себе этот злой жар?

– Меня завораживает тонкая грань между жизнью и смертью.

– Почему именно татуировки?

– А почему нет? Скажите мне! Вы ведь психолог.

– Вероятно, вы хотите «зафиксировать» этот переход к смерти и сохранить его для будущих поколений.

– Не для будущих поколений.

– Себе на память? Вы поэтому законсервировали татуировки и поместили их в рамы? Чтобы зрительно сохранить момент мучения и вызывать его в памяти в любое время?

– Возможно, я об этом не думал.

– А еще вас возбуждала возможность объединить жертву и мучение, слить их воедино – для этого вы увековечивали процесс умирания на коже.

– Я не понимаю, куда вы клоните.

– Это же очевидно. Вы использовали татуировки, чтобы документировать процесс умирания и одновременно, с каждым прикосновением иглы, приближать момент смерти... пока вы не достигнете пика наслаждения.

– А он бы наступил?

– Вы скрупулезно, кусочек за кусочком, снимали кожу, обнажали смерть и переносили ее в свое творение... затем вставляли ее в рамки и помещали к остальным в свой музей ужаса.

– Прекратите! Эта работа – мистический творческий процесс, который нельзя понять или логически объяснить.

– О, еще как можно. Я даже могу вам объяснить, почему вы работали над каждым объектом один год.

– Я не хочу этого слышать.

– Вы будете слушать, подозреваемый номер ноль!

– Не называйте меня так!

– Вы хотели оттянуть процесс умирания. Дать своей жертве надежду на спасение. Кожа должна была всеми порами впитать смерть и, пропитанная болью, стать чистой и невинной. Со временем появлялась не просто картинка, а разрасталось целое изображение. Оно искривлялось, как и сама жизнь, которая день за днем коробилась и постепенно уходила.

– Почему вы вообще со мной разговариваете, если и так уже все знаете?

– Всего я не знаю.

– Что же вы хотите узнать?

– Где остальные четыре трупа?

– А кто сказал, что девочки мертвы?

VIII. Понедельник, 9 сентября

*Ребенок,
однажды
обжегшись,
тянется к огню.*

Оскар Уайльд

53

День начался с мороси. Сабина заварила в своей комнате чашку кофе, села перед ноутбуком и уставилась в окно. Темные облака висели так низко, словно в любой момент собирались опуститься на крышу академии.

Сабина спала всего несколько часов. Судебные записи Дитца не шли у нее из головы. Приютскому мальчику Бенъямину сегодня было бы семнадцать лет. Вдвое старше ее племянниц в Мюнхене. Приговор немедленно вступил в силу, сразу по окончании судебного заседания. Сабина находила интересным то, как решили присяжные. Был ли приговор правильным?

Пытаясь согреться, Сабина обхватила руками чашку и сделала глоток. Голова была ватная. По спине то и дело пробегала холодная дрожь – отчасти от прескверной погоды, отчасти оттого, что она почти всю ночь не спала, сидела в Интернете и в промежутках паковала чемодан.

Пятеро присяжных посчитали Томаса Вандера невиновным, и обвиняемого оправдали. Но у четырех из этих присяжных в кругу родных произошло убийство. Вопрос: где сейчас находится Томас Вандер?

У Сабины на руках была практически полная хронология дел за четыре года. Не могло быть совпадением, что убийства происходили с промежутком в год – или, выражаясь по-другому... за каждым из этих убийств стояло двенадцать месяцев интенсивной подготовки!

«Многоножка» в Берлине, убийство на Ваттовом море в Санкт-Петер-Ординге, случай каннибализма в Айфеле и «Человек-лошадь» в Нюрнберге. Только одно не вписывается в общую картину. В семье пятого присяжного убийства не произошло, и поэтому в хронологии год назад имелся пробел. Если Сабина не ошиблась со своей теорией, то это жуткое событие было давно просрочено и пятому присяжному или кому-то из его родственников грозила опасность.

Мужчина, о котором шла речь, жил в Вене, и его звали Рудольф Брайншмидт. Много лет назад умерла его первая жена, а в прошлом году и вторая – правда, естественной смертью. К тому же Брайншмидт был приемным отцом девочки, которая отсутствовала целый год, но снова объявилась несколько дней назад.

Сабина уставшими глазами смотрела на статью онлайн-издания австрийской ежедневной газеты. Супружеская пара пенсионеров нашла одиннадцатилетнюю Клару в лесу на краю Вены и отвезла в больницу. Какой-то сумасшедший держал ее у себя целый год и татуировал ей спину. Но девочка выжила. Или это была неудачная попытка убийства?

Сабина подскочила, когда в дверь постучали.

– Да? – крикнула она.

Уборщица просунула голову в комнату.

– Мне нужно убраться здесь, в одиннадцать часов приедет новый постоялец.

– Я знаю, – вздохнула Сабина. – Через десять минут меня не будет.

Уборщица закрыла дверь. Сабина взглянула на настенные часы. Начало седьмого утра. Наверняка она разбудит Герхарда Дитца, если сейчас позвонит. Но она не могла больше ждать. К тому же Дитц сказал, что она может связываться с ним в любое время – особенно если у нее появится эксклюзивная информация. А она у нее была! Сабина набрала его номер.

После пятого гудка он ответил:

– Алло?

– Это Сабина Немез, – сказала она. – Я вас разбудила?

– Я ожидал вашего звонка. У вас есть что-то для меня? – ответил он бодрым свежим голосом. Никаких общих фраз, никакой ненужной

болтовни. Сабина услышала щелчок. Наверное, он включил громкую связь и записывал их разговор.

– Я просмотрела документы, которые вы мне прислали. Пятеро присяжных на том заседании посчитали Томаса Вандера невиновным, – начала она и резюмировала все в нескольких коротких предложениях. Спустя две минуты Сабина уже объяснила свою теорию.

– Кто-то манипулирует серийным убийцей, чтобы угрожать присяжным, которые объявили Томаса Вандера невиновным, или чтобы отомстить им, – заключил он.

– Похоже на то. – Сабина задумалась. – У меня, к сожалению, мало времени. Мне необходима информация, где сейчас находится Томас Вандер, – но намного важнее мне кажется актуальное дело Клары, которое может быть связано с тем судебным процессом. Вы знаете, кто занимается расследованием?

– Дело Клары? – удивленно повторил Дитц. Сабине показалось, что он открыл дверь, чтобы выйти в другую комнату. – Этим делом занимается Ведомство по уголовным делам города Вены, – произнес он уже тише. – Пообщаться с сотрудниками на эту тему вы сможете только через официальный запрос из Висбадена. Но для вас это не должно быть проблемой.

«Это вы так думаете!»

– У меня нет столько времени, – ответила Сабина.

– Ну... – пробормотал Дитц. – Будет быстрее, если вы обратитесь напрямую в прокуратуру.

– Вы, случайно, не знаете, кто занимается этим делом? – Сабина схватила карандаш, чтобы записать имя.

– Прокурора, ведущего следствие по этому делу, зовут Мелани Дитц.

– Постойте... – Сабина запнулась. – Вы с ней родственники?

– Это моя жена.

– Тогда у вас, как у судебного репортера, отличные связи.

Он приглушенно рассмеялся.

– Легко говорить. На самом деле это создает неудобства, если хочешь писать объективно. Мелани и я не всегда одинаково смотрим на закон.

– Интересно.

– Скорее, волнительно. Моя жена наверняка заинтересуется вашей историей. Я передам Мелани номер вашего телефона – больше ничего не могу обещать.

– Спасибо, до свидания. – Она положила трубку.

В дверь снова постучали.

– Да! – крикнула Сабина. – Господи, да я уже ушла.

Когда она шла по коридору к лифтам, таща за собой чемодан на колесиках и спортивную сумку, открылась дверь другой комнаты. В проход вышла заспанная Тина, потирая глаза. На ней были пижамные штаны и короткий топ, открывавший пирсинг в пупке. Растрепанные волосы торчали в разные стороны, а глаза были такими узкими, как щель для монет в сигаретном автомате.

Тина зевнула.

– Ты вот так просто уходишь?

Сабина пожала плечами.

– А зачем поднимать шумиху? Твоя акция с подписями ничего не дала.

– Ты знаешь?

– Хесс думает, это моя идея.

– Вот дерьмо! – воскликнула Тина. Она неожиданно проснулась.

– Да, дерьмо, и он рассказал, что петицию подписали пятьдесят коллег.

– Шестьдесят семь, – поправила ее Тина.

– Почему так много?

– Последние два дня ты не появлялась на кампусе. В академии почти все говорят о том, что вы со Снейдером поймали двух убийц, ту самую парочку. Когда прошел слух, что за это тебя решили исключить, все неожиданно захотели за тебя вступить.

Сабина вздохнула.

– Надеюсь, у вас из-за этого не будет проблем.

– Не волнуйся. Иди сюда, дай я тебя обниму. – Тина заключила Сабину в объятия и погладила по спине. – Мы обязательно еще пересечемся.

«Да, в мюнхенской пешеходной зоне, где я буду выписывать штрафы за неправильную парковку».

– Выше голову, – сказала Тина.

– Прошу, разыщи Снейдера, я переживаю за него. Он не появлялся уже два дня.

– Хорошо. Если он придет сегодня на занятие, я передам ворчуну от тебя привет. – Тина погладила ее по волосам и скрылась у себя в комнате.

Дверь закрылась, и общежитие снова погрузилось в абсолютную тишину. Только камеры видеонаблюдения с тихим жужжанием поворачивались туда-сюда. Сабина вызвала лифт и затащила чемодан в кабину. Пока она спускалась на первый этаж, зазвонил сотовый. Австрийский номер.

– Сабина Немез, – ответила она.

– Это Мелани Дитц, – сказала женщина с приятным, но решительным голосом. – Мой муж считает, что ваша история может меня заинтересовать, но больше он мне ничего не рассказал.

– Понимаю. – Сабина задумалась, с чего ей лучше начать. – Я нахожусь сейчас в Висбадене. До недавнего времени работала на Федеральное ведомство уголовной полиции.

– Это немецкое БКА? Как интересно. – Дитц ненадолго замолчала. Возможно, взяла ручку и бумагу, чтобы записывать. На заднем плане раздался собачий лай. – Так о чем речь?

– О Кларе Брайншмидт.

На том конце провода воцарилось секундное молчание.

– Что вы знаете о Кларе?

Двери лифта открылись. Сабина взяла свой чемодан и вышла наружу. На горизонте уже появилась первая серебряная полоса. Шагая по территории кампуса под крапывающим дождем к своей машине, она рассказала, что десять лет назад Рудольф Брайншмидт был присяжным в судебном процессе в Вене. Она назвала фамилии других присяжных и сообщила, что с интервалом в год в семье каждого из них произошло убийство и что все выглядело так, словно кто-то подбивал различных серийных убийц совершить эти преступления.

– И кого вы подозреваете? Кто стоит за всем этим? – спросила Дитц.

Сабина запихнула чемодан в багажник, закинула спортивную сумку на плечо и направилась с ней через дорогу к зданию БКА.

– Я не знаю, – призналась она. – Но это должно быть как-то связано с Томасом Вандером... Правда, мне кажется маловероятным,

чтобы именно он хотел отомстить людям, которые оправдали его. Может, они что-то знали и их нужно было заставить замолчать? – предположила она. – Или кто-то пытается отомстить за смерть Беньямина?

Конечно, все дело было в мальчике! Эрик это уже выяснил: «Кроме того, я теперь знаю, кто отец ребенка». Но Беньямин был сиротой. Какую роль играло то, кто был его отец?

– Спустя столько лет? – задумалась Дитц. – Как я могу вам помочь?

– Я зашла в тупик в своем расследовании, поэтому мне нужно с вами поговорить.

– Хорошо, но сначала мне нужно проверить ваши данные и посоветоваться с коллегой, – ответила Дитц. – Это займет несколько минут, но могу сказать уже сейчас: ваш звонок как раз вовремя, потому что... – она замялась, – мы тоже предполагаем, что за похищением Клары стоит еще один человек, который дергает за определенные нити.

Возможно, Сабина найдет в Мелани Дитц союзницу, которая не будет считать ее предположения фантазией.

– Я могу связаться с вами официально через БКА в Висбадене? – спросила Дитц.

Сабина поднялась по лестнице к главному входу и прошла через вертящуюся дверь.

– Уже нет, сегодня утром меня уволили. Но вы всегда можете связаться со мной по этому номеру.

– Уволить вас? – Впервые голос прокурора звучал по-настоящему удивленно. – Вы можете приехать в Вену?

– В Вену? – Свои последние деньги она потратила на поездку в Санкт-Петер-Ординг, а кроме жалкой недельной зарплаты от академии она ничего не получит.

– Вы сможете оплатить авиабилет? – спросила Дитц. – Венская прокуратура возместит вам расходы.

– Я... – Сабина запнулась. – Будет сложно.

– О'кей, я об этом позабочусь. Скоро свяжусь с вами.

Сабина подошла к посту вахтера. Фальконе сидел в стеклянной будке. Наверняка он уже знал, зачем она здесь. Информация распространялась в этом здании со скоростью пули. Фальконе смотрел на нее без жалости, но хотя бы избавил ее от своих циничных комментариев.

Сабина поставила спортивную сумку на стойку. Коллеги из службы внутренней безопасности наблюдали, как Фальконе вытащил ее куртку БКА, «ЗИГ-Зауэр» в кобуре, боевые патроны и учебные магазины для тренировок, перцовый баллончик, наручники и телескопическую дубинку. Сабина просунула ему в стеклянную будку служебное удостоверение, бейдж, магнитную карту и заполненный формуляр, которым она отказывалась от всех претензий. Фальконе расписался в получении и без комментариев сунул формуляр и удостоверение в конверт для внутренней почты.

– Снейдер уже объявился? – спросила Сабина.

Фальконе помотал головой.

– А как состояние Эрика Дорфера?

– Критическое... насколько я слышал.

– Спасибо. – Она повернулась спиной к вахтеру, охранникам и камерам видеонаблюдения и направилась к выходу.

Когда она выходила через вертящуюся дверь наружу, у вахтера зазвонил телефон. Это последнее, что она услышит в БКА. Хотя Сабина проучилась в академии всего неделю, все уже казалось ей таким родным. Тем больнее ей было от того, что лопнула ее мечта об учебе здесь. Убийства так и остались нераскрытыми; о человеке, покушавшемся на Эрика, она тоже ничего не выяснила. Сейчас она вернется в Мюнхен, за тридевять земель отсюда, и уже не сможет ни в чем участвовать. К тому же она потеряла надежду, что Эрик станет таким, как прежде. Это невыносимо. Какие у нее теперь перспективы в жизни?

Она спустилась по ступеням и, стоя под дождем, застегнула молнию куртки. Погода была почти такой же отвратительной, как и несколько дней назад, когда Сабина только приехала в Висбаден. Несколько секунд она смотрела на здание академии на противоположной стороне дороги. Даже если это бессмысленно, она еще раз навестит Эрика в больнице, прежде чем ехать в Мюнхен к сестре. Единственное утешение – племянницы, которых она скоро

увидит. И нужно будет срочно отменить расторжение договора об аренде квартиры. А затем? Искать работу?

– Немез! – Через дверь до нее донесся глухой голос Фальконе.

Сабина обернулась.

Он знаком подозвал ее к себе.

– Зайдите к Дитриху Хессу! Он ждет вас у себя в бюро.

Сабина не думала, что так рано утром Хесс уже на работе. Впрочем, они с женой жили на вилле на территории БКА, окруженные лесом и площадками для паркура. Это было самое безопасное место в Висбадене и в двух шагах от работы Хесса.

И вот Сабина сидела в его бюро, дождевая вода капала с ее куртки на ковер.

– Мне только что позвонили из Австрии, – начал он без обиняков. – Из Венской прокуратуры, если быть точным. – Он постучал перьевой ручкой по столешнице. – Они просят о сотрудничестве, а именно – с одной из наших самых профессиональных сотрудниц. – Последние слова прозвучали как оскорбление из его уст.

Лишь теперь он взглянул на нее.

– Лично я считаю это прискорбной ошибкой, но, видимо, в Вене полагают, что вы можете помочь в расследовании какого-то дела о похищении.

Он отложил ручку в сторону.

– Но так как с сегодняшнего дня вы больше не работаете в БКА и являетесь гражданским лицом, я выделю вам опытного коллегу из БКА.

«Который будет присматривать за вами, командовать и при возможности обвинит вас в грубом нарушении процедуры», – мысленно закончила предложение Сабина.

В этот момент в дверь постучали. Хесс недовольно рывкнул «Войдите!», и его секретарша без комментариев положила на стол коричневый конверт внутренней почты. При этом чуть не опрокинула рамку с фотографией платиновой блондинки.

Сабина узнала подписанный конверт. Внутри находились ее удостоверение, карточка и извещение об увольнении. Похоже, Хесс хотел как можно скорее отправить ее личное дело в архив.

– Согласны? – буркнул Хесс.

– Нет, – ответила Сабина. Терять ей было нечего.

Хесс удивился.

– Вы возражаете?

Она наклонилась вперед.

– Как гражданское лицо я вам с сегодняшнего утра больше не подчиняюсь. Если я отправлюсь в Вену, то полечу одна. Я уже была там в прошлом году, знаю город и не нуждаюсь в сторожевом псе. И если я буду сотрудничать с Венской прокуратурой, то как сотрудница БКА. – Она указала на коричневый конверт. – Все в ваших руках.

– Вы хотите шантажировать меня и думаете, что таким образом вернете себе место в академии?

Сабина выдержала его взгляд.

– Речь идет о другом. Полет в Вену – мой единственный шанс раскрыть многоуровневое преступление, но объяснять сейчас нет времени. Кроме того, это единственная возможность выяснить, где находится Снейдер, возможно, раскрыть покушение на Эрика Дорфера и восстановить мою репутацию.

Она знала, что последний пункт особенно не понравится Хессу.

– Вы считаете, все это взаимосвязано? – На мгновение показалось, что Хесс забыл про свое высокомерие и увидел в ней коллегу. Но тут же снова нацепил свою надменную ухмылку.

– По крайней мере, после встречи в Вене я буду знать больше, – ответила она.

Хесс кивнул и взглянул на свой монитор. Сабина увидела, что пришел какой-то мейл, но не смогла прочитать тему письма.

– Ваши методы работы не облегчат вам жизнь в немецкой полиции. – Он выложил содержимое конверта на письменный стол. Потом протянул ей бейдж и служебное удостоверение. – Ваше увольнение временно отсрочено. Служебное оружие вы получите на ресепшен.

Он повернулся к компьютеру и открыл мейл. Вскоре послышалось жужжание лазерного принтера, который выплюнул листок бумаги.

Хесс указал на распечатку:

– Ваш посадочный билет. Вена вас только что зарегистрировала на рейс.

Тут зазвонил телефон Сабины.

– Извините. – Он увидела номер прокурора Дитц и ответила.
– Я говорила с вашим начальником. Вам нужно как можно скорее приехать сюда, – сказала Дитц. – Вы получили билет?

Сабина покосилась на посадочный.

– Да.

– Я пока договарюсь, чтобы вас встретили в аэропорту.

– Спасибо.

– Хорошего полета. – Женщина положила трубку.

Сабина убрала сотовый, взяла билет и проверила время вылета. К счастью, ее упакованный чемодан с ноутбуком и материалами по всем делам уже лежал в багажнике. Если она хотела вовремя добраться до аэропорта Франкфурта, нужно поторопиться. Сабина сложила билет и убрала в карман. Все было верно. Видимо, Хесс передал ее личные данные в Вену по запросу от прокуратуры.

– Я должна идти.

Хесс кивнул.

– Эту маленькую битву вы выиграли, но я дам вам совет: если вы будете успешны в Вене, академии зачтется это сотрудничество. Но если вы провалитесь, у меня появится еще одна причина вышвырнуть вас из академии – и после этого вы будете, в лучшем случае, регулировать дорожное движение под проливным дождем в какой-нибудь баварской деревне. – Он пристально посмотрел на нее. – Вы поняли?

– Да. – Сабина поднялась. – Но вместо того, чтобы раздавать советы, вам нужно как можно скорее разыскать Мартена Снейдера, потому что он расследует то же дело, что и я, и без вашей поддержки может закончить, как Эрик Дорфер... а это вам уже не зачтется.

В отличие от франкфуртского аэропорта, который напоминал огромного осьминога, протянувшего щупальца между пассажирскими трапами, эскалаторами, взлетными и посадочными полосами, аэропорт «Швехат» в Вене казался милым и уютным. И все равно путь от выхода до пункта выдачи багажа показался длиною в два километра. В общей сложности работало пять транспортерных лент, на которых по

залу петлял багаж с рейсов из Рима, Парижа, Дубая, Франкфурта и Гран-Канарии.

Наконец Сабина нашла свой чемодан и покатила его к выходу. За исключением служебного оружия и магазинов, которые она оставила в ячейке в аэропорту Франкфурта, у нее все было с собой.

Когда открылись автоматические двери в зал прилета, она оказалась перед толпой встречающих, стоящих за ограждением. Десятки людей махали или поднимали таблички с именами, дети кричали, собаки подпрыгивали от радости.

Наконец она нашла табличку со своей фамилией. Пятидесятилетний мужчина в сером костюме с галстуком никак не походил на шофера. Пиджак у него слегка оттопыривался – наверняка, служебное оружие. Он внимательно оглядывал проходящих мимо людей. Сабина подошла к нему и представилась.

– Добрый день. – Он протянул ей руку, свернул листок с ее фамилией и убрал в карман пиджака. – Хаузер, Федеральное ведомство по уголовным делам города Вены. Мой автомобиль стоит у выхода.

Выезд с территории аэропорта мимо многочисленных парковок и многоуровневых стоянок занял минут пять. Погода в Австрии была несколько лучше, чем в Висбадене и Франкфурте. Солнце пробивалось через облака, и Хаузер достал из бардачка солнечные очки. Он выехал на восточный автобан, но направился не в сторону съезда на Вену, а в противоположном направлении.

Хаузер взглянул на нее поверх очков.

– Я отвезу вас прямо к прокурору Дитц. Она живет в Нойзидль-ам-Зе. Через двадцать пять минут будем там.

Он перестроился в левую полосу и нажал на газ.

– Она выделила для вас целый день.

– Вы тоже будете с нами? – спросила Сабина.

– По крайней мере, первый час – зависит от того, поможет ли нам ваша информация. В любом случае Дитц собирает у себя дома специальную комиссию для нас.

– Вы уже сейчас хотите поговорить о деле? – Сабина прикрыла рукой рот и зевнула. – Извините...

– Нет, поберегите силы. Нас ждет напряженный день. Вы выглядите усталой. Хотите поспать?

– Да, спасибо, я почти не спала сегодня.

– Без проблем. – Хаузер выключил радио.

Сабина скатала куртку и прислонилась головой к боковому стеклу. В следующий момент у нее сами собой закрылись глаза.

Сабина проснулась, когда Хаузер заглушил мотор. Они припарковались рядом с внедорожником. Дом прокурора Дитц – с частным пляжем и деревянным причалом, на котором лежало водолазное снаряжение, – стоял прямо на берегу озера. Неподалеку на волнах покачивался гидроцикл. Местность к востоку от Вены была равнинной. Волны сверкали на солнце. Всего в нескольких сотнях метров виднелась пристань с яхтами.

Только Хаузер и Сабина сделали несколько шагов по участку, как из дома через дверцу для собак выскочил золотистый ретривер и бросился им навстречу. Он поприветствовал сначала следователя, который вздрогнул, потом обнюхал Сабину.

– Бойтесь собак? – спросила Сабина.

– Меня однажды укусил пес.

– На службе?

– В пятилетием возрасте.

Навстречу им вышла высокая женщина лет сорока, с длинными каштановыми волосами. Она была одета в кроссовки и темно-синий спортивный костюм с капюшоном.

– Мелани Дитц, – представилась она и протянула Сабине руку.

Когда Сабина прекратила гладить пса, тот прижался телом к ее ноге и принялся тыкаться в нее мордой.

– Да, молодец, мой хороший, – сказала Сабина и почесала его за ухом. – Еще совсем молодой?

– Три года, – ответила прокурор. – Ее зовут Шейла.

– Как кошачий корм?

– Именно.

– Она терапевтическая собака для детей с психологическими травмами, – добавил Хаузер.

Прокурор бросила на Хаузера удивленный взгляд, который Сабина не смогла правильно истолковать.

– Пойдемте в дом, – предложила Дитц и направилась первой.

– У вас в этом сарае стоит яхта? – спросила Сабина.

Женщина помотала головой:

– Это мастерская моего мужа. Он подойдет позже.
– Судебный репортер с мастерской? – размышляла Сабина.
Дитц засмеялась.

– Герхард разносторонний. Он достает со дна озера металлолом и потом переплавляет его в так называемые... – в воздухе показала кавычки, – произведения искусства. В настоящий момент он работает над ужасной скульптурой, которая напоминает средневековую Железную Деву. К счастью, я общаюсь с некоторыми галеристами и надеюсь, что они скоро найдут того, кто заинтересуется этой штукой, чтобы наконец-то избавиться от нее.

* * *

Мелани Дитц была прямолинейной женщиной и сразу понравилась Сабине. В гостиной Шейла свернулась у камина, а Сабина разложила материалы по серии убийств в хронологическом порядке на длинном журнальном столике. Рядом с ней поставили кофейник и стеклянный кувшин с соком лайма.

Хаузер сразу погрузился в документы, но Мелани Дитц их пока игнорировала. Она села в позе лотоса на диван, положила себе на колени подушку и посмотрела на Сабину.

– Значит, вам кажется, что процесс против Томаса Вандера десятилетней давности и есть ключ к нашей серии убийств, которая началась четыре года назад?

Сабина кивнула.

– Пока вы сидели в самолете, я просмотрела онлайн-материалы по этому судебному разбирательству.

– И что вы думаете? – спросила Сабина. – Это Вандер убил мальчика?

Мелани скривила рот.

– Доказательства против Вандера были внушительными. Вообще-то, все присяжные должны были счесть его виновным, но, с другой стороны... – Она наклонила голову набок. – Воннегут лучший защитник, которого сложно победить.

– Вы уже имели удовольствие?

Мелани кивнула.

– В начале моей карьеры он разделал меня в пух и прах в зале суда. Я многому у него научилась. Воннегут был известен тем, что выигрывал даже безнадежные дела. Но пять лет назад он покончил с собой. Ранним утром спрыгнул с моста под товарный поезд в Майдлинге^[28].

– Это ужасно... Мне очень жаль. Но тогда он не мог быть связан с актуальной серией убийств, – заключила Сабина.

– Как и тогдашний прокурор, – добавила Мелани. – Он умер семь лет назад от рака.

Сабина взглянула на Хаузера, который как раз изучал список присяжных, но одним ухом прислушивался к их разговору.

– У нас уже давно нет процессов с судом присяжных, – сказала Сабина. – По какому принципу в Австрии выбираются эти люди?

– Все относительно просто. – Мелани заправила длинные волосы за ухо. – Присяжные самые обычные люди из разных слоев населения без какого-либо опыта в правовой сфере. Они следят за процессом и решают, виновен или невиновен обвиняемый. Для этого не нужен единогласный результат, а простое большинство. – Она пристально посмотрела на Сабину, словно хотела понять ее мотив. – Почему вас интересуют эти убийства?

– Я хочу их раскрыть.

– Ну, конечно. – Мелани махнула рукой. – Существуют десятки нераскрытых убийств. – Она подвинулась ближе. – Почему именно эти?

Сабина рассказала об Эрике Дорфере, Мартене Снейдере, их совместной работе в Нюрнберге, а потом о своем увольнении и исчезновении Снейдера.

Мелани медленно кивала.

– Понимаю, вы просто не можете иначе; вы обязаны попытаться пролить свет на это дело. Хорошо, я постараюсь вам помочь. – Она встала и взяла документы, которые Хаузер уже просмотрел. – Что думаете?

Хаузер снял пиджак и закатал рукава рубашки.

– Дело стало настолько сложным, что одним нам уже не справиться. Мы должны официально сотрудничать с БКА в Висбадене.

– Будь это быстрый и небюрократический процесс, я бы с вами согласилась, – сказала Мелани. – Но у нас нет времени на всю эту

административную волокиту. В одного следователя стреляли, другой пропал, несколько убийц все еще на свободе, а мы даже не знаем мотива таинственного заказчика, который стоит за всем этим.

Следующие два часа они сидели, погрузившись в материалы. Мелани записывала что-то в ноутбуке, а Хаузер время от времени проверял на своем компьютере информацию в международных базах данных. В какой-то момент Сабина услышала, как подъехала машина, а через час почувствовала запах лазаньи, который тянулся по дому.

Когда в желудке у нее уже нестерпимо урчало, в гостиную вошел мужчина лет пятидесяти, в очках и с умным взглядом.

– Еда готова.

У мужчины были седые виски. Сабина узнала его голос, они общались по телефону. Герхард Дитц перешагнул через документы и протянул Сабине руку.

– Полагаю, вы и есть следователь из Германии.

– А вы журналист, – ответила Сабина.

– Да, и как продвигается дело?

– Все оказалось сложнее, чем ожидалось, – ответила Мелани.

Пока они ели лазанью, Хаузер прохаживался по берегу озера и разговаривал с кем-то по телефону. После обеда Герхард Дитц ушел с Шейлой на прогулку. Мелани и Сабина убрали посуду в посудомоечную машину, когда к ним на кухню вошел Хаузер.

Мелани бросила кухонное полотенце в раковину.

– Вы действительно не голодны?

– Нет, спасибо. – Он сел и положил телефон перед собой на стол. – У меня только что был интересный разговор с психологом. Сегодня во время сеанса терапии Клара впервые упомянула других девочек.

Мелани тут же выпрямилась.

– И что она сказала?

– К сожалению, нам пока мало что известно. Психолог считает, что работать нужно очень осторожно, – вздохнул Хаузер. – Итак, у нас есть два следа, которые мы можем проверить в настоящий момент. Во-первых, Томас Вандер – где он находится и как он связан с серией убийств? Во-вторых, доктор Михаэль Лазло – кто им манипулировал?

Мелани присела к нему.

– Я тоже так считаю. Что вы выяснили о Вандере?

– После оправдания десять лет назад он уехал в Германию и устроился на работу в садовом хозяйстве во Франкфурте. Там он убил еще троих детей и закопал их тела в своей оранжерее.

У Сабины внутри все сжалось. Значит, Вандер все-таки был виновен.

– После первого убийства того мальчика Беньямина в Вене, – продолжил Хаузер, – он, видимо, вошел во вкус.

– Мы должны выяснить, где он сейчас, – пробормотала Сабина. – Он знает ответы.

– Его схватили пять лет назад.

– Пять лет назад? – повторила Сабина. – Разве вы не говорили, что его защитник Воннегут покончил с собой пять лет назад?

Хаузер кивнул.

– Возможно, Воннегут узнал о следующих убийствах, которые совершил его бывший клиент, и поэтому наложил на себя руки. Как бы там ни было, Томас Вандер уже пять лет за решеткой, сидит в тюрьме строгого режима в Вайтерштадте.

– Там же, где и Белок.

– Верно, – подтвердил Хаузер, который уже ознакомился со всеми делами. – Откуда он не выходит. Поэтому никак не может стоять за этими убийствами. Что наталкивает меня на следующий вопрос: что связывает Вандера, присяжных и актуальную серию убийств?

Пока Мелани наливала Сабине кофе, а себе свежее какао, Хаузер скачал личное дело Вандера через Ведомство по уголовным делам города Вены. Сидя в гостиной, они изучили три убийства детей, которые садовник совершил в Германии. В их распоряжении оказались показания свидетелей и отчеты криминалистов и судмедэкспертов, но имена жертв во всех документах были вымараны по соображениям конфиденциальности. Удалось выяснить следующее: две жертвы были из полных семей, третий ребенок воспитывался матерью-одиночкой. Для получения прочих деталей нужно было обращаться в немецкие органы.

Спустя полчаса Сабина подперла голову руками. Глаза болели. Все это было бессмысленно; они зашли в тупик.

– Мы должны заняться вторым следом. Расскажите мне об этом докторе Лазло. Кто он?

– Звездный адвокат. – Мелани откинулась назад. – Тусуется в высшем обществе на гламурных вечеринках для венских джетсеттеров^[29] и частенько появляется на телевидении как ведущий новостей.

– Где он сейчас?

– После того как вчера во время обыска его дома мы обнаружили в подвале несколько кусков человеческой кожи с татуировками, которые свидетельствуют о похищении детей и убийствах, он арестован. Сегодня вечером судья по делам содержания под стражей отправит его в следственный изолятор.

– Какие признаки указывают на то, что им манипулировали, чтобы он похитил Клару?

Сейчас заговорил Хаузер:

– Вероятно, он и сам не знает, что им манипулировали. Некто, скрывающийся за определенным IP-адресом, с помощью федерального трояна завладел компьютером Клары и заманил доктора Лазло фейковыми мейлами и фотографиями обнаженной Клары.

Сабина в задумчивости теребила нижнюю губу.

– Федеральный троян? – повторила она. – Немецкое БКА разработало эту вирусную программу. Как этот некто узнал о пристрастии Лазло?

– Мы не знаем.

– О'кей, но у нас есть IP-адрес? Это же здорово, – заявила Сабина, но по выражению лица Хаузера поняла, что совсем не здорово.

– Это немецкий IP-адрес, и поэтому у нас связаны руки, – объяснила Мелани.

Сабина погрустнела. Теперь она поняла, почему Мелани Дитц сразу проявила готовность помочь и нажала на все рычаги, чтобы Сабина прилетела в Вену. Но в этом случае она тоже не могла помочь. Единственный человек, который знал бы, что делать, пропал два дня назад.

Зазвонивший сотовый Хаузера вывел ее из задумчивости. Разговор продлился всего несколько секунд, затем Хаузер сунул телефон в карман.

– Коллеги из отдела криминалистической техники наконец-то смогли отследить маршруты электронных писем с Heiko99@gmx.de, с которого вирус «троян» попал на компьютер Клары. А теперь

угадайте, куда ведет последний узел? К интернет-соединению в Висбадене!

У Сабины замерло сердце.

– В деле «Каннибал» – звонивший, который забронировал комнату в Эйфеле, тоже был подключен к вышке сотовой связи в Висбадене, – вспомнила она.

– Бинго. – Мелани посмотрела на нее. – Теперь нам нужна ваша помощь!

У Сабины пересохло во рту.

– Вы можете сделать мне копию дела Клары?

Хаузер поморщился.

– Конечно, – ответила Мелани.

– Хорошо, сегодня вечером я вернусь в Вену, – решила Сабина. Так как все следы вели в Германию, отсюда она мало что могла сделать. – Возможно, вы пока сможете установить географическое местоположение IP-адреса.

– Техники-криминалисты этим займутся, – сказала Мелани. – Я свяжусь с вами.

56

В двадцать часов Сабина приземлилась во Франкфурте. В полете она несколько раз прочитала материалы по делу Клары, но не продвинулась ни на шаг вперед. Как загипнотизированная, она смотрела на фотографию огненно-красной татуировки, которая занимала почти всю спину ребенка. Обнаженные люди, охваченные пламенем, кричат в дымящемся болоте; некоторые лица, искаженные мучениями, повернуты к зрителю. Картина напоминала жуткий образ Ада. И это на коже одиннадцатилетней девочки!

Забрав оружие из ячейки, Сабина направилась к выходу в зал прилета. Погода во Франкфурте была мерзкая. Когда Сабина под проливным дождем тащила чемодан к парковке, где стояла ее машина, зазвонил телефон. Она спряталась под крышу остановки для автобусов-шаттлов и ответила.

– Фрау Немез? Хорошо долетели? – Голос прокурора Мелани Дитц казался обеспокоенным.

Сабина вытерла дождевую воду с лица и прижала телефон к уху.

– С небольшим опозданием. Есть какие-то новости?

Связь была плохая, да еще мимо промчалась машина, которая окатила ее фонтаном.

– Через неофициальный контакт с Дойче Телеком мы выяснили географию... расположение IP-адреса...

– Это действительно в Висбадене? – крикнула Сабина.

– Капелленвег, 3.

Капелленвег! В голове у Сабины зазвенели тревожные звоночки.

– Вы уверены?

– Да, вы знаете этот адрес? – спросила Мелани.

В тот же момент у Сабины перед глазами сложилась картина: ужасная потеря... мать-одиночка... вилла в лесу.

– Вы еще там? – спросила Мелани.

– Да... я знаю этот адрес, – ответила Сабина. – Следующие полчаса я буду в машине, по дороге в Висбаден. Вы могли бы попытаться за это время кое-что для меня выяснить?

– Выкладывайте.

– Из документов с вымаранными фамилиями мы знаем лишь то, что третья жертва Вандера – это ребенок, которого воспитывала мать-одиночка. Вы можете выяснить у немецкого БКА фамилию этой женщины?

– Будет непросто, но мы... постараемся... – Мелани положила трубку.

Сабина схватила чемодан и побежала под дождем к своему автомобилю.

Федеральный трояк, с помощью которого манипулировали Михаэлем Лазло, чтобы похитить Клару, был отправлен с компьютера на вилле судьи Ауэрсберг.

По дороге в Висбаден Сабина позвонила в бюро Дитриха Хесса. Ей пришлось ждать пятнадцать минут, прежде чем он наконец ответил.

– Вы уже вернулись? – прогремел голос президента БКА из колонок устройства громкой связи. Он был разочарован, что не смог избавиться от нее на более долгий срок. – Вы звоните, чтобы сообщить мне о своем поражении?

Ему бы этого так хотелось!

– Наоборот, – ответила она. – Мне нужна ваша помощь.

– Зачем? – буркнул он.

Если она сейчас скажет, что хочет срочно допросить судью Ауэрсберг по подозрению в пособничестве убийству, Хесс объявит ее сумасшедшей, и она останется наедине со своими подозрениями.

Поэтому она рассказала ему все по порядку: что адвокат доктор Лазло похитил в Вене девочку и целый год татуировал ее спину ужасными мотивами. Хесс слушал, хотя и нетерпеливо, и Сабина рассказала, каким образом австрийская прокуратура выяснила в результате побега Клары, как доктора Лазло подтолкнули на это преступление.

– Данный компьютерный вирус был отправлен с IP-адреса в Висбадене, – закончила Сабина свой рассказ.

Дворники бешено работали, и Сабине пришлось еще включить печку, чтобы стекла не запотели.

– Хорошо, и что? – раздраженно спросил Хесс. – Венское БКА сделает нам официальный запрос, и мы выясним, кто за этим стоит. Вы поэтому мне звоните?

– Федеральный троян был отправлен из дома судьи Евы-Марии Ауэрсберг.

На другом конце провода наступило молчание.

– Повторите, – наконец сказал Хесс.

Сабина повторила, но, видимо, ему потребовалось еще несколько секунд, чтобы переварить эту информацию.

– Вы вообще понимаете, о ком говорите? Зачем ей это делать?

– Десять лет назад приемный отец похищенной Клары был присяжным на процессе против Томаса Вандера.

– Я... – Хесс задумался. – Я знаю это дело. Вандер убил в Вене ребенка, его оправдали, но он продолжил убивать в Германии. Насколько я знаю, сейчас он сидит в Вайтерштадте. Какое отношение это имеет к судье Ауэрсберг?

– Возможно, одной из его жертв была дочь Ауэрсберг, и теперь...

– Возможно? – воскликнул Хесс. – Что вы болтаете? Я знаю судью Ауэрсберг. Она воспользовалась методом искусственного оплодотворения и одна растила ребенка. Он умер в возрасте шести лет от менингита.

– Менингита? – повторила она.

– Правильно!

Сабина почувствовала себя одновременно беспомощной и глупой. Ей нужно было выяснить это самой, прежде чем надоедать Хессу по телефону. Теперь он сотрет ее в порошок.

– Я надеюсь, вы не опозорили нас в венских органах! – закричал он. – Господи, когда я думаю, что отправил вас одну за границу... Нужно было...

– Но IP-адрес...

– Забудьте про IP-адрес! – рявкнул он. – Неизвестно, из какого источника эта информация! То, что вы там выстраиваете, просто ваша выдумка.

Сабина как раз ехала по центру Висбадена. Мокрый от дождя асфальт сверкал как зеркало.

– У меня есть для вас плохая новость. – Его голос теперь звучал спокойно.

– Снейдер? – спросила она.

– Нет. Сегодня вечером скончался Эрик Дорфер.

– Что? Этого не может быть. – У нее оборвалось сердце.

– У него произошла остановка дыхания и работы сердца.

– Но доктор Белл хотел повторно ввести его в искусственную кому. Почему...

– Было слишком поздно. Врачи полчаса пытались его реанимировать, к сожалению, безуспешно. В настоящий момент проводят вскрытие.

Сабина вцепилась пальцами в руль. Казалось, что она проглотила разбитое стекло и сотни осколков впиваются изнутри в ее тело. Странно, но слез не было. Только боль в желудке и ужасный холод, сковавший ее руки.

– Немедленно приезжайте ко мне в бюро и сдайте удостоверение и служебное оружие, – приказал Хесс. – На этот раз вы окончательно уволены. Я поручу нашему международному отделу проверить дело Клары.

Сабина ничего не ответила. Она была не в состоянии ясно мыслить. Лишь знала, что Снейдер тоже умрет, потому что в последний раз она видела его у Ауэрсберг, прежде чем он якобы сел в такси и исчез.

– Вы меня поняли? – спросил Хесс.

– Я вас... плохо... слышу, – промямлила Сабина и поцарапала ногтем по микрофону у зеркала заднего вида.

– Прекратите заниматься ерундой. Я сказал, вы должны немедленно...

– Как? – переспросила Сабина и дала отбой.

Когда в следующий момент телефон зазвонил снова, она уже не ответила. На красном светофоре она остановилась. Ее подташнивало. Перед ней, за пеленой дождя, возвышалась гора Гайсберг, на которой стояло здание БКА. Направо дорога вела к больнице, где лежал труп Эрика, а налево к горе Нероберг, где жила судья Ауэрсберг. На дисплее мигал номер телефона Хесса. Куда ей лучше поехать?

Она еще не получила официального уведомления об увольнении... и все еще имела при себе оружие.

Звонки прекратились, на светофоре загорелся зеленый. Сабина проехала мимо Гайсберга и больницы и направилась к станции горного трамвайчика, откуда дорога вела на Нероберг, к вилле Ауэрсберг.

* * *

На горе царил глубокая ночь. Только луна освещала деревья, которые бросали тень на дом Ауэрсберг. Окна фасада выглядели как черное зеркало. Вилла казалась пустой. Идеально!

Но Сабина все равно выключила фары, преодолевая последние метры по дорожке. Она припарковалась за кустарниками, деактивировала освещение в салоне, вышла из машины и тихо закрыла дверь. Сейчас она решила отказаться от наплечной кобуры. Вместо этого достала из багажника полицейский пояс, сунула пистолет в кобуру и прицепила к поясу маленький фонарик, два запасных магазина и взяла набор отмычек.

Затем под дождем перебежала по гравийной дорожке к дому. Задыхаясь, остановилась у ступеней перед входной дверью. В подвальном окне загорелся свет, но тут же погас. Сабина закусил губу. Теперь от ее плана – проникнуть в виллу и осмотреться там – придется отказаться. Кто-то был дома. Но за молочным стеклом двери ничего не было видно.

Значит, это будет официальный визит. Сабине придется еще раз поговорить с этой женщиной. Но уже более настойчиво, возможно, придется даже надавить, чтобы выяснить, знает ли судья Томаса Вандера. Только Сабина поднесла палец к кнопке дверного звонка, как загудел ее сотовый.

– Господи! – вырвалось у нее. Неужели опять Хесс? Она посмотрела на дисплей. И с облегчением ответила.

– Я помешала? – спросила Мелани Дитц.

– Нет, – шепотом ответила Сабина и прижалась к колонне под козырьком крыши, чтобы на нее не капала дождевая вода.

– Хаузер воспользовался связями в немецкой уголовной полиции, и мы выяснили личность последней жертвы Томаса Вандера. Шестилетняя девочка, которую он целый месяц удерживал в подвале рядом со своим садовым хозяйством. Мать малышки зовут Ева-Мария Ауэрсберг.

Скользя спиной по стене, Сабина опустилась на ступени под козырьком крыши. Мокрые волосы липли к лицу.

– Я этого опасалась.

Вот тебе и менингит!

– Полагаю, Капелленвег, 3 – это адрес Ауэрсберг? – спросила Мелани.

– Я как раз здесь нахожусь.

– Только не предпринимайте ничего в одиночку! – предостерегла ее Мелани.

Сабина вспомнила одно из последних высказываний Снейдера. «Когда я говорю своим студентам: «Вход строго запрещен», вы первая и единственная, кто немедленно направляется туда».

– Вы должны еще кое-что для меня сделать, – прошептала Сабина. – Проинформируйте президента Дитриха Хесса обо всем, что вы выяснили. Но будьте настойчивы. Вы должны убедить его, что это правда. Просто Хесс утверждает, что дочь Ауэрсберг умерла от менингита.

– Я понимаю. Хорошо, я об этом позабочусь. А вы не предпринимайте необдуманных поступков!

Сабина закончила разговор. Этого она Мелани Дитц обещать не могла. Возможно, это Ауэрсберг стреляла в Эрика.

Сабина вытащила отмычки из кармана. Она не будет ждать приглашения от Ауэрсберг.

57

Задняя дверь оранжереи открылась намного проще, чем замок массивной входной двери. Сабина прикрыла за собой стеклянную дверь и прикрепила отмычки к поясу.

Взяв в рот фонарик, осветила пол: от ее ботинок на светлых плитках остались грязные следы. Но было уже все равно. Когда она разберется с Ауэрсберг, грязная оранжерея будет наименьшей проблемой.

Следуя за световым кругом от фонарика, она на цыпочках прошла в дом. Сверкнула молния и на несколько секунд озарила комнату. Затем последовал раскат грома. Акварели на стенах выглядели в темноте угрожающе. Как и открытый камин, рядом с которым висело несколько кочерёг. Через гостиную Сабина прошла в прихожую. Отсюда лестница вела на верхний этаж. Новая вспышка молнии осветила большое мансардное окно, по которому барабанил дождь, и выхватила из темноты предметы мебели, напоминавшие застывших существ. Сутулый диван, кривой напольный светильник и пузатый комод. Половик извивался по полу, как пятнистая рептилия.

Рядом с лестницей была открыта какая-то дверь; Сабина посветила фонариком и заметила ступени, ведущие в подвал.

Она прислушалась, но не услышала ничего, кроме шума дождя. Она решила сначала подняться наверх, найти спальню или кабинет и перерыть все ящики. Женщина, которая рассказывает, что ее дочь умерла от менингита, хотя ее на самом деле убили, что-то скрывает. Где-то в доме должны храниться воспоминания – дневник, письма, фотографии или газетная статья.

Когда Сабина поставила ногу на первую ступеньку, в подвале внезапно зажегся свет. Он частично падал на ступени и освещал половину прихожей. Снизу донеслись голоса. Ауэрсберг! Судья с кем-то разговаривала, но Сабина не могла понять, что отвечал ее собеседник. Она выключила фонарик и ступила на лестницу, ведущую в подвал.

– Расскажи мне, как он это выяснил! – Ауэрсберг сделала паузу. – Как он понял взаимосвязи?

Сабина, как можно тише, начала спускаться по ступеням.

– Если не хочешь кончить, как он, ты должен наконец раскрыть рот. Какие меры безопасности ты принял на случай своего исчезновения?

Молчание.

– Сколько знает твоя коллега?

– Достаточно.

Голландский акцент. Голос Снейдера! Сабине хотелось тут же броситься вниз и приставить пистолет ко лбу Ауэрсберг, но она не знала, что происходит внизу. Снейдер один с Ауэрсберг или в подвале находился кто-то еще?

– Но не только она, – продолжил Снейдер хриплым голосом. – Хесс, Бессели и Ломан тоже в курсе.

– Что ты говоришь! – со смехом ответила Ауэрсберг. – Во время твоего визита со студенткой все выглядело иначе. «Мне грозит дисциплинарное наказание, а мою коллегу вышвырнули из академии. Нам нужно поднатужиться», – передразнила она его акцент.

– Мы знаем, что ты стреляла в Эрика, что организовала убийства по делу «Многоножка», а также убийства в Санкт-Петер-Ординге, Эйфеле и Нюрнберге.

– Ты с ума сошел! Зачем мне это делать?

– Если ты невиновна, почему удерживаешь меня здесь?

– Хороший вопрос... – Ее голос смягчился. – Может, это я сумасшедшая. У тебя нет никаких доказательств! Единственное, в чем ты можешь меня обвинить, – это лишение свободы. Мой адвокат будет настаивать на невменяемости. «Ваша честь, это результат пережитой травмы, связанной с драматичной потерей ребенка. Вот три заключения, подтверждающие нестабильное состояние женщины». Мне даже тюрьма не грозит, разве что придется сложить с себя полномочия судьи.

– Да один этот разговор уже доказательство того, что ты замешана в деле.

– Ты ведь не думаешь всерьез, что выберешься отсюда живым? – Ауэрсберг сочувственно рассмеялась. – А если и выберешься... кому

скорее поверят? Полуживому следователю-наркоману, которого вот-вот отстранят от должности, или уважаемой судье?

– Полуживому следователю-наркоману, – проскрипел Снейдер.

– Мартен, ты переоцениваешь себя, но у тебя всегда была эта проблема.

У Сабины пересохло в горле. Нужно было что-то предпринять. Но что? Мысли скакали у нее в голове. Ауэрсберг была права. Даже если австрийская прокурорша сумеет убедить президента Хесса и тот пришлет сюда команду следователей, судью можно обвинить только в незаконном лишении свободы. Так как Снейдер уже был в ее доме, это нельзя назвать даже похищением.

Хотя Томас Ванд ер и убил ее дочь, после чего она отомстила родственникам присяжных, но какие имелись конкретные доказательства? То, что Ауэрсберг со своего домашнего компьютера заразила вирусом компьютер Клары, чтобы установить контакт с собирателем татуировок, было в лучшем случае косвенной уликой. Адвокат Ауэрсберг будет настаивать на невменяемости, и у судьи есть хорошие шансы избежать наказания.

Была только одна возможность уличить Ауэрсберг. Сумасшедший план, но ничего лучше Сабине в голову не пришло. И нужно было действовать быстро.

Сабина затаила дыхание и практически бесшумно вставила новый полный магазин в пистолет. Затем медленно стала спускаться в подвал. На нижней ступени свет был таким ярким, что в тени оставалась одна-единственная ниша с полками, на которых стояли консервные банки и бутылки. Сабина спряталась в этой нише и прижалась к задней стене, упершись пяткой в стеклянную бутылку. Потом набрала домашний номер Ауэрсберг, который сохранила в сотовом после недавнего разговора с судьей. Через несколько секунд в гостиной зазвенел телефон.

Ауэрсберг игнорировала звонки.

– Мы ходим по кругу. Еще раз... что ты предпринял на случай своего исчезновения?

– Почему тебе просто не убить меня и не выяснить все самой? – спросил Снейдер.

– Я еще никогда никого не убивала, – ответила судья.

– В случае с Эриком ты легко нажала на спусковой крючок.

– С кем еще ты обсуждал эти дела?

Снейдер молчал.

Сабина сбросила звонок, подождала еще минуту, на протяжении которой Снейдер продолжал упорно молчать, и набрала снова.

– Проклятье, – выругалась Ауэрсберг, когда опять раздался телефонный звонок. В следующий момент ее тень мелькнула мимо ниши, и Сабина увидела, как Ауэрсберг на высоких каблуках поднимается по ступеням. На ней были узкие джинсы и водолазка. Какая сильная женщина!

Но недостаточно сильная!

58

Снейдер проводил взглядом Ауэрсберг, пока та не исчезла на лестнице. Телефон продолжал звонить.

«Не волнуйся, моя дорогая, я жду тебя», – подумал Снейдер. Он доиграет с ней в эту игру до конца. Но хотя бы передохнет две минуты. Его запястья были привязаны кабельными стяжками к трубе батареи, и он сидел на корточках в позе распятого.

Снейдер закрыл глаза и попытался дыхательными упражнениями прогнать кластерную боль, которая грозила разорвать его череп. Он даже не мог помассировать болевую точку на тыльной стороне ладони, что облегчило бы боль.

Уже два дня он сидел на пустом ящике из-под вина. Задницу натерло ребром доски, и он несколько раз помочился в штаны. Снейдер не знал, что хуже: запах собственной высохшей мочи, который вызывал у него рвотные позывы, ноющие боли в руках, жажда или неистовая головная боль, которая, словно колонна пневматических молоточков, стучала в висках.

К тому же при каждом движении жгло рану между ребрами, которая, наверное, уже воспалилась и нуждалась в свежей повязке. Время от времени на лбу выступал пот. Вероятно, у него был жар. Но Ауэрсберг не позволяла ему принять прописанные антибиотики и не давала воды. Ее план был простым и понятным: она обращалась с ним, как с диким животным, и тем самым хотела полностью

деморализовать. До сих пор – нужно признать – у нее хорошо получалось. Еще максимум два часа, и он будет готов на все ради обезболивающего и глотка воды.

Как сильно он ошибся в Ауэрсберг! Иногда вся ситуация казалась ему ночным кошмаром в параллельном мире. И как он только за все годы не заметил никаких признаков? Ауэрсберг была сумасшедшей! Она изучала психологию, а как судья научилась сохранять покерное лицо и прятала за этой маской свои эмоции.

Как можно было догадаться о ее двойной жизни? Побольше чутья и беспристрастности – но удалось бы ему раскусить уважаемую судью, которая всегда была готова выслушать его проблемы? Снейдер понимал, что для этого он был слишком эгоцентричен. После смерти его партнера Ауэрсберг была единственным человеком, которому он доверял. Она была его «зоной комфорта», где он мог спрятаться, когда не катапультировался в другой мир с помощью травки.

Кто-то потряс его за плечо.

– Эй...

Он открыл глаза.

– Немез! – вырвалось у него. – Как...

Она приложила палец к его губам.

– Тише, – прошептала она.

Снейдер тут же проснулся. В голове у него завертелись десятки вопросов.

– Как вы сюда попали? Развяжите меня. Но будьте осторожны, чтобы Ауэрсберг...

– Помолчите и послушайте меня! – шикнула на него Сабина и зажала ему рот ладонью.

Когда она отняла руку, Снейдер жадно глотнул воздуха.

– У Ауэрсберг есть оружие?

Он пытался вспомнить.

– Нет.

– Это важно! – настаивала она. – Вы уверены?

Он кивнул.

– Как вы меня нашли?

– Это сейчас не важно.

Неожиданно за спиной раздался голос:

– Зачем напрягаться? Рыба сама идет в сеть.

Сабина обернулась. В дверном проеме стояла Ауэрсберг. В руке она держала острую чугунную кочергу. Судья медленно направила ее через комнату.

– Если уж вы затеяли спасательную операцию на свой страх и риск, то нужно было постараться не оставлять следов на полу.

– Немедленно развяжите меня! – крикнул Снейдер.

– Успокойтесь! У меня все под контролем. – Сабина вытащила из поясной кобуры пистолет и направила его на Ауэрсберг. – Не двигайтесь и отложите кочергу в сторону.

– Ну вы же не станете стрелять? – пробормотала Ауэрсберг.

– Помните, что я сделала с подозреваемым в Нюрнберге.

Ауэрсберг помедлила секунду, потом бросила кочергу на пол.

Громкое бряцанье по каменному полу болезненно отдалось в голове у Снейдера.

– А сейчас развяжите меня, прежде чем потеряете контроль над ситуацией! – выдавил он.

– Ни с места! – приказала Сабина и поискала на полках инструменты. Наконец нашла пассатижи.

Она попыталась перерезать кабельную стяжку, которой Снейдер за запястья был привязан к трубе, но ее дрожащая рука сорвалась.

– Осторожно, не отрежьте мне руку, – пробурчал Снейдер.

На секунду Сабина оказалась спиной к Ауэрсберг. Та тут же пришла в движение.

– Осторожно! – крикнул Снейдер.

Сабина развернулась с пистолетом.

– Стоять!

Ауэрсберг застыла. Убрала руки за спину и снова отошла к стене. Там она стояла не шевелясь, пока Сабина пыталась разрезать кабельные стяжки.

Снейдер с недоверием наблюдал за Ауэрсберг. Эта женщина так легко не сдастся. Она что-то замышляла. Снейдер заметил, как одной рукой она ощупывает стену за спиной.

– Немез, обернитесь! – закричал он. – Она что-то задумала...

В следующий момент свет погас.

Снейдер услышал, как Ауэрсберг начала двигаться. Но она побежала не вверх по лестнице, а к ним. Затем обе женщины столкнулись. Снейдер услышал звуки борьбы. Прогремел выстрел, и за

долю секунды Снейдер заметил в свете огневой вспышки, как Ауэрсберг ударила Сабину коленом в спину. Сабина закричала. Прозвучал второй выстрел. Снейдер инстинктивно втянул голову в плечи. В стробоскопическом свете он увидел, как Ауэрсберг держит руку Сабины с пистолетом. Сабина тяжело дышала. Последовал удар, и Сабина вскрикнула. Оба тела с грохотом повалились на стеллаж, и на пол посыпались инструменты. Жестяная банка с мерзким звуком покатила по бетону. Новая вспышка – и Снейдер увидел, как Сабина упала на пол. Ауэрсберг ни разу не вскрикнула. Видимо, ни одна пуля ее не задела. Вскоре зажегся свет. Ауэрсберг стояла рядом с выключателем у стены и вытирала рукой кровь с губ. В другой руке она держала пистолет.

– Вы ранены? – крикнул Снейдер.

– Нет, – прохрипела Сабина. Она лежала на полу среди дюбелей и шурупов и в панике ощупывала себя.

Снейдер отчаянно дергал руками, пока кабели не разрезали его кожу и по запястьям побежала кровь.

– Чему вас учили в академии? – рявкнул он.

Ауэрсберг медленно подошла к Сабине и направила на нее ствол пистолета.

– Могу вас успокоить. Вас уволили абсолютно справедливо. Вставайте, – абсолютно спокойно сказала она, даже не запыхавшись от борьбы.

У Сабины тоже кровила губа. Она убрала волосы с лица и поползла по полу, пока не наткнулась на стеллаж. По выражению ее лица Снейдер видел, что она с удовольствием залепила бы себе пощечину за собственную глупость.

Ауэрсберг так крепко вцепилась в пистолет, что у нее от напряжения побелели костяшки.

– Эрик Дорфер вам уже что-нибудь рассказал, после того как вышел из комы?

– Нет, его речевой центр нарушен. К тому же у него амнезия.

Ауэрсберг положила палец на спусковой крючок.

– Я не верю ни одному слову.

– Это правда! – вмешался Снейдер в разговор.

– Молчать! – Ауэрсберг быстро направила пистолет на него, потом снова на Сабину.

– Я ничего не знаю, – пролепетала Сабина.

– Правда? Тогда почему вы здесь?

– Вы последняя видели Снейдера. Я хотела поговорить с вами, – прорвало Сабину. – Террасная дверь была открыта.

Ауэрсберг рассмеялась.

– Вы, наверное, считаете меня душой? Вам не следовало сюда приходиться. – Она ходила взад-вперед перед Сабиной. С жестким взглядом, голубая радужная оболочка глаз призрачно блестела, как у хаски.

– Не усугубляйте ситуацию. Отпустите меня, – попросила Сабина. – Мы можем обвинить вас только в лишении свободы, больше ни в чем.

– Больше ни в чем? А я думала, вы такая талантливая и одна из лучших на курсе Мартена. Не разочаровывайте меня. Какую связь между делами вы обнаружили?

– Никакой.

– Вы получаете такое великолепное образование, в вашем распоряжении все специалисты и источники информации, и вы ничего не можете найти? Какая убогость! Вы же навещали Белока в тюрьме.

– Но ничего от него не узнала.

– Однако вы читали письма, которые он получил.

– Они мало чем помогли, – выдавила из себя Сабина.

Ауэрсберг прищурилась, и ее глаза превратились в узкие щелочки.

– Вы даже не подвергли подпись Белока на письмах, которые получил доктор Ян, графологической экспертизе, чтобы выяснить, кто их на самом деле написал?

– Что бы это дало?

– Вы меня спрашиваете? Вас считают одной из самых способных молодых сотрудниц БКА, – вырвалось у Ауэрсберг. – Деточка, на самом деле вы просто наивная баварская деревенская растяпа с куриными мозгами.

– Тогда отпустите меня.

– Проблема в том, что я вам не верю. – Ауэрсберг прицелилась ей в лоб.

– Да, черт возьми, я сравнила почерк с другими, – выдавила Сабина.

– Вот видите, и что же вы выяснили?

– Ничего.

– Не прикидывайтесь наивной дурочкой!

Сабина поднялась.

– Да, черт, я знаю, что это вы написали письма доктору Яну и подбили его на убийство!

Ауэрсберг опустила плечи.

– Видите, поэтому я не могу вас отпустить. Кто еще об этом знает?

– Никто. – Сабина ощупывала руками стеллаж за спиной.

– Отойдите от стены! – приказала Ауэрсберг.

Снейдер увидел, как пальцы Сабины схватили гаечный ключ.

– Не надо, – пробормотал он.

В следующий момент Сабина набросилась с гаечным ключом на Ауэрсберг.

– Нет! – закричал он.

Он увидел огневую вспышку пистолета еще до того, как услышал выстрел. Сабина замерла. Как в замедленной съемке, пошатнулась назад. Пуля попала ей в живот с расстояния один метр. Ну почему она была такой легкомысленной?

Сабина схватилась за живот, зацепилась за стеллаж и упала на колени. Она закашлялась. Из рта у нее потекла слюна.

– Черт! – выругалась Ауэрсберг. Пальцем показала на Снейдера. – А ты вообще молчи!

В это время Сабина, скорчившись, упала на пол.

Ауэрсберг сунула пистолет в задний карман джинсов и похромала вверх по лестнице. Видимо, Сабина повредила ей ногу во время борьбы.

Снейдер дернул свои оковы и посмотрел на Сабину, которая лежала лицом в пол и уже перестала дышать.

Лоб Сабины болел. Там будет приличная шишка. Удар о пол был чертовски болезненным. Она моргнула, чтобы удостовериться, что Ауэрсберг ушла, и жадно вдохнула воздуха. Потом вскочила на ноги.

– Белочка! – закричал Снейдер.

Она зажала ему рот рукой.

– Вы не слышали, что сказала Ауэрсберг? – шикнула она ему в ухо. – Молчите.

Снейдер, не веря своим глазам, смотрел на ее живот и искал рану.

Сабина подняла с пола пассатижи и перекусила кабельную стяжку. Уже намного расторопнее и ловчее, чем до этого.

– В магазине были холостые патроны. Учебные боеприпасы для тренировок в академии, – прошептала она. – Я надеялась, что Ауэрсберг воспользуется шансом и попытается отобрать у меня оружие. – Она вытерла кровь с губы, которая, казалось, распухла в два раза.

– Вы сумасшедшая, – прохрипел Снейдер.

– У вас научилась. – Сабина перекусила вторую кабельную стяжку.

Снейдер потер себе запястья.

– Но зачем этот фарс?

Сабина вытащила телефон из кармана брюк.

– Я записала разговор. У нас есть признание Ауэрсберг на пленке.

– Вы действительно проанализировали почерк Ауэрсберг?

– Нет, конечно.

На долю секунды Сабина заметила уважение во взгляде Снейдера.

– Вы очень хитро все устроили, но был ли риск оправдан?

– Для раскрытия убийства все средства хороши, – повторила она его слова.

– Правильно. – Он поднялся с ящика и помассировал себе ноги. Но в следующий момент осел, и Сабине пришлось поддержать его.

– А я уже удивился, почему вы так легко позволили отобрать у себя оружие.

– Я все ждала, когда же Ауэрсберг наконец нападет на меня. Она была в отчаянии и просто должна была это сделать.

Снейдер кивнул.

– Что бы вы сделали, выстрели она сразу, без разговоров?

– Тогда бы мы обвинили ее в покушении на убийство.

– Хитро, Белочка.

Сабина посмотрела в сторону лестницы. Сверху доносилось шуршание пленки.

– Что она задумала?

– Угадайте с трех раз. Она должна попытаться избавиться от вашего трупа.

При слове «труп» Сабина невольно подумала об Эрике. Она опустила плечи.

– Эрик умер сегодня вечером.

Снейдер заскрипел зубами, но ничего не сказал. В следующий момент снаружи перед домом раздались звуки полицейской сирены. Через секунду в подвал спустилась Ауэрсберг, клацая каблуками.

Снейдер, шатаясь, пересек комнату, оперся о винный стеллаж и нагнулся за кочергой.

– Мартен, у нас гости. К сожалению, я должна тебя... – Ауэрсберг застыла, как громом пораженная, и не веря своим глазам уставилась на Сабину.

– Извини, моя дорогая, – сказал Снейдер.

Ауэрсберг повернула голову, и Снейдер ударил ее кочергой по голове.

Через полчаса Сабина стояла с пледом и в желтом дождевике на дорожке перед домом Ауэрсберг и пила из крышки термоса. Чай согревал ее, но был мерзким на вкус, словно горячую воду пропустили через солому. Дождь капал на ее пластиковую кожу, и мороз, как ящерица, полз вверх по ногам.

Перед домом стояли три патрульные машины с включенными мигалками. Полицейские оцепили территорию и освещали ее фарами.

Сабина прислонилась к открытой двери машины скорой помощи. Снейдер сидел в кузове на носилках. Опять! Врач измерил ему давление и посветил лампой в глаза. На этот раз Снейдер молча подчинился.

– У вас есть обезболивающее? – пробурчал он, массируя болевые точки на кистях.

– Не двигайтесь, – предостерег его врач.

Дитрих Хесс в сопровождении Ломана тоже вышел из виллы. Ломан был в черной шерстяной шапке, Хесс раскрыл зонт.

Двое полицейских вывели Ауэрсберг в наручниках на улицу. Ее голова была перевязана. Проходя мимо кареты скорой помощи, Ауэрсберг остановилась и посмотрела на них.

– Вот так все кончилось между нами, – сказал Снейдер с искренним сожалением в голосе.

Она подняла подбородок и смерила его стоическим взглядом.

– Я засужу тебя за нанесение телесных повреждений.

Снейдер равнодушно смотрел на нее.

– Список угроз против меня длинный. Рассчитывай на то, что придется подождать.

Ауэрсберг взглянула на Сабину.

– У вас ничего против меня нет.

Сабина молча достала из кармана сотовый и демонстративно сунула его Ауэрсберг под нос.

– Снейдер может подтвердить запись.

Взгляд Ауэрсберг застыл в тот же момент.

– Понимаю... – Похоже, она лишь теперь осознала суть двойной игры Сабины. – Вы инсценировали все это и спровоцировали меня. Но без гениального метода допроса Бессели вам бы этого никогда не удалось.

Сабина улыбнулась:

– Всегда утверждай обратное тому, что хочешь сказать на самом деле, чтобы вытянуть правду из собеседника.

Полицейские повели Ауэрсберг дальше к автомобилю.

– Хотя мы и продвинулись на шаг вперед, – вздохнул Снейдер, – нам предстоит еще выяснить всю подоплеку.

Сабина подумала о прокуроре Мелани Дитц, татуированной девочке в Вене и ее упоминании о других девочках. Возможно, все не так, как они до сих пор полагали.

IX. Вторник, 10 сентября

*Совесть – это
рана, которая
никогда не
заживает.*

Фридрих Геббель

60

Сабина стояла под козырьком крыши у главного входа в Рейн-Майн-Халле и мерзла в короткой черной юбке и тонкой блузке. Так как ее комната была уже занята, она переночевала в гостинице БКА. Сабина была в черном, как и многие студенты, хотя они даже не знали Эрика. Сейчас ей больше всего хотелось проглотить таблетку от головной боли и залезть в постель, но Снейдер заставил ее прийти на вечернее мероприятие.

На всю ширину фасада висел баннер, сообщавший о праздновании шестидесятилетия БКА, которое проходило под лозунгом «Мы вносим вклад в обеспечение внутренней безопасности». Перед главным входом остановился очередной автобус. Моросило, и гости под зонтами перебежали от автобуса к стеклянным дверям, где их тут же встретил персонал службы безопасности.

Шёнфельд затушил сигарету в пепельнице.

– Одни большие шишки.

– Может, тоже войдем? – спросила Сабина.

Он пожал плечами.

– Начало только через полчаса. Замерзла? – Он снял пальто и накинул его Сабине на плечи. Сам он был в смокинге.

Сабина удивленно посмотрела на него.

– Я не привыкла к такому участию.

– Мне очень жаль твоего друга. К тому же... – Он скривил рот. – Если я что и уважаю, так это когда кто-то самостоятельно раскрывает

серию преступлений... как ты вчера вечером на Нероберг.

В этот момент из такси вышли Тина, Гомез и Майкснер и встали рядом с ними. Гомез тоже был в смокинге, да и дамы нарядились. Правда, Тина не сняла ни одного пирсинга с лица. Она молча обняла Сабину и погладила ее по спине.

– Войдем? – спросила Майкснер.

Гомез посмотрел в зал через стеклянную дверь.

– Да там очередь перед рамками безопасности. К тому же Мартен Снейдер сказал, что мы должны дождаться его.

– Мартен С. Снейдер, – поправила его Тина, но никто не засмеялся.

– Вспомнишь дьявола... – пробормотал Шёнфельд.

Тут из здания вышел Снейдер и направился к ним.

– Рад всех вас видеть.

Тина наморщила лоб.

– Скажите еще, что действительно радуетесь.

– Вы правы, Мартинелли. Я просто хотел быть вежливым.

– У вас новое качество, – пошутила Майкснер.

Снейдер холодно улыбнулся.

– Не преувеличивайте.

Когда Снейдер ловил преступника, он обычно расцветал и выглядел как нормальный человек. Никаких признаков кластерной головной боли. Но сейчас его лицо все еще было бледным. Возможно, смерть Эрика и арест Ауэрсберг шокировали его больше, чем предполагала Сабина. К тому же его запястья были перевязаны, а под рубашкой проступал бандаж, который опоясывал его туловище, как корсет.

Перед входом остановился автомобиль спецназа. Сотрудники спецподразделения выскочили из машины и распределились вокруг здания. Сабина огляделась. Если прибавить группу для защиты людей, группы наблюдения и людей Ломана, то за безопасность здесь отвечало около двухсот человек.

Один из охранников в униформе подошел к ним сзади.

– Уважаемые, здесь смотреть нечего, заходите! – Он нетерпеливо махнул рукой.

Снейдер медленно повернулся к полицейскому и оглядел его с презрительной улыбкой на губах.

– Вы что, хотите навязать мне разговор?

– Извините, я не знал, что эти гости с вами, – стал оправдываться мужчина. И тут же переключился на другую группу, которую мог загнать в здание.

– Зачем весь этот цирк? – спросила Сабина. – Ауэрсберг ведь уже призналась в убийстве Эрика.

Снейдер кивнул, с плотно сжатыми губами.

– Да, но мы до сих пор не знаем, как она смогла проникнуть в здание с оружием.

– Ее сейчас допрашивают? – спросила Тина.

Снейдер кивнул:

– Бесперывно... с пяти утра.

– И каков результат? Не томите нас.

– Мартинелли, чего вы от меня ждете? Это актуальное расследование.

– Мы подписали соглашение о конфиденциальности, забыли? – напомнила ему Тина. – К тому же мы хотим учиться у вас не только на занятиях.

Снейдер выглядел так, словно взвешивал про себя, стоит ли оставаться твердым со своими льстивыми студентами или нет. Наконец переступил через себя. Вероятно, потому, что действительно должен был им все объяснить.

– Экспертиза почерка показала, что Ева-Мария Ауэрсберг написала письма гинекологу доктору Яну от имени Белока, чтобы спровоцировать его на убийства «Многоножка», которые завершили бы творение Белока. Выбрать именно ту берлинскую семью предложила, конечно, тоже она.

Снейдер понизил голос.

– У нас еще не было времени, чтобы проверить все данные на компьютере Ауэрсберг, но мы узнали, что из ее дома, через IP-адрес, был установлен контакт с венским серийным убийцей, которому она подкинула юную жертву. На допросе Ауэрсберг призналась, что спровоцировала убийство на Ваттовом море, случай каннибализма в Айфеле и убийство в Нюрнберге.

– Мотив? – спросила Майкснер и подняла три пальца. – В трех коротких точных предложениях.

– Вы быстро учитесь. – Он кивнул Сабине. – Расскажите?

– Если бы десять лет назад суд присяжных вынес убийце обвинительный приговор, ее дочь была бы сегодня жива, – объяснила Сабина. – Ауэрсберг винит в этом присяжных. Она не в себе от ненависти и хотела, чтобы присяжные почувствовали то же самое, что и она. Но Ауэрсберг не могла убивать сама, поэтому манипулировала серийными убийцами и определяла для них жертв – это была ее новая цель в жизни.

– Поэтому она председательствовала на процессе по делу «Многоножка» против доктора Яна, – добавил Снейдер. – Насколько это было возможно, она манипулировала доказательствами и всем расследованием, чтобы преступника оправдали. Тем самым усиливая страдания и боль близких родственников жертв.

– Однако Дорфера она убила сама, – встала Тина.

– Это был просто инстинкт самосохранения.

– Почему вы не заметили, что Ауэрсберг психически больна? – спросила Тина.

Это был главный вопрос, которым задавалась и Сабина.

Снейдер посмотрел в пол, но ничего не ответил.

– Вы же были с ней друзьями, – сказала Майкснер.

– И остались, – ответил он. – Я расскажу вам одну историю...

Если пригласить двух психиатров на разговор и заранее сказать обоим, что другой психиатр сумасшедший, произойдет следующее: после первой же беседы оба психиатра диагностируют друг у друга расстройство личности. – Он вздохнул. – К сожалению, психология часто работает так, что ты видишь только то, что хочешь видеть. – Снейдер заглянул в зал. – Давайте войдем.

Он придержал дверь, и Тина, Майкснер и Гомез проскользнули внутрь. Сабина вернула пальто Шёнфельду и тоже вошла в здание. Снейдер последовал за ней.

Когда другие уже прошли контроль безопасности, Сабина и Снейдер все еще стояли в очереди.

– Теперь мне понятно, почему Эрик действовал в одиночку и ничего не говорил вам о своих подозрениях, – сказала она.

– Мне тоже, – буркнул он. – Он раскрыл тайну Ауэрсберг, но знал, что я с ней дружу.

– Как бы вы отреагировали, если бы он поговорил с вами открыто?

– Правда в том, что... Я не знаю.

Сабина посмотрела на своего бывшего наставника.

– Мне знаком этот взгляд. Вы что-то обдумываете.

– Я для вас как открытая книга?

Сабина кивнула.

– Ну, я просто удивляюсь, – бросил он ей, – как Ауэрсберг справлялась со всем этим в одиночку столько лет.

Зал для проведения торжеств был украшен винно-красными портьерами в пол. Из колонок раздавалась приглушенная музыка в стиле свинг. На трибуне находились три кафедры для докладчиков, большой проекционный экран и подиум для музыкальной группы. У каждого входа и выхода стояло как минимум по три сотрудника службы безопасности. Сабина увидела даже Ломана, который суетился и раздавал указания.

Во главе со Снейдером они протискивались в начало зала. Пахло человеческой толпой, духами и свежeweымытыми полами. Тина быстро обернулась к Сабине и глазами показала вперед. Сабина вытянула шею. Ого! Президент Хесс в черном костюме и галстукe приближался к их группе. Он протянул Снейдеру руку, и все они послушно остановились позади Снейдера.

Хесс указал на передние ряды в центре.

– Сейчас начнется первая часть. Для тебя и четырех твоих стажеров зарезервировано место впереди.

– Пятерых стажеров, – исправил его Снейдер.

Хесс оглядел их и, увидев Сабину, изменился в лице.

– Но Немез ведь...

– Правильно, – перебил его Снейдер, – все еще в моей команде. Она профессионально представила нас в Вене и помогла обнаружить взаимосвязи между несколькими нераскрытыми убийствами. Поэтому я увеличил бронирование на одного человека.

Тина толкнула Сабину в бок.

– Он сказал «команда», – прошептала она. – На самом деле он нас любит.

– Почему тогда постоянно опускает нас на своих занятиях? – возразила Сабина.

Тина пожала плечами.

– Он ведь Снейдер.

– Садитесь, – пробурчал Хесс и прошел мимо них, не подав никому руки.

Они прошли к своему ряду и протиснулись к свободным стульям. На одном из них действительно лежал листок с фамилией Сабины.

Музыка замолкла, и, как в театре, прозвучал звонок, который сообщил о начале мероприятия. Шепот в зале становился тише, задвигались стулья, и под туш музыкальной группы Хесс поднялся на трибуну и подошел к микрофону. Объявили минуту молчания в честь Эрика Дорфера. Сабина встала и закрыла глаза. Она услышала, как другие тоже встали, потом воцарилась тишина. Она думала об Эрике, но, когда перед глазами всплыли первые картинки – перевязанный, подключенный к аппаратам Эрик, – Сабина просто попыталась ни о чем больше не думать. Удивительно, однако она не могла скорбеть. Она была в ярости на саму себя за то, что не смогла предотвратить смерть Эрика.

Спустя минуту они снова сели, и Хесс взял микрофон в руку. После десятиминутного представления почетных гостей, то и дело прерываемого аплодисментами, он показал короткий фильм про историю успеха БКА, которая, видимо, началась с его назначения на пост вице-президента и продолжалась по сей день. Когда он стоял уверенный и красноречивый на сцене, казалось, что он не может испытывать такую невероятную ненависть к одному-единственному человеку. Сабина все еще не знала причину, почему Хесс и Снейдер враждовали, хотя и обращались друг к другу на ты, как она сегодня слышала.

Когда Хесс перешел к мультимедийному шоу, она покосилась на Снейдера, сидящего рядом с ней. На коленях у него лежала тонкая книжка, в чтение которой он был погружен.

– Вас это не интересует? – прошептала она.

Снейдер захлопнул книжку – «Дао Дэ Цзин» Лао-цзы^[30] – и нагнулся к ней.

– Как только в этом зале начинает ощущаться эйфория, я становлюсь подозрительным.

– Но доклад интересный, – солгала она, хотя сама почти не следила за происходящим.

– Я не могу все это больше слышать, – пробормотал Снейдер. Неожиданно он наклонился еще ближе: – Вы уже замечали, что каждый, кто ожесточенно пытается состояться, делает вид, что ему это уже удалось?

Сабина покосилась на Хесса.

– Это универсальный закон, – заявил Снейдер. – Вы можете наблюдать его в самых разных сферах жизни.

– Но как президент он ведь может говорить о своих успехах. За спиной у них зашикали.

– Ладно, ладно. – Снейдер снова открыл свою книгу. Спустя двадцать минут завибрировал телефон Снейдера.

Он быстро вытащил его из кармана пиджака и ответил на звонок. Несколько голов повернулось в его сторону.

Какое-то время он молча слушал, потом неожиданно выругался по-голландски и прошипел:

– Они не сняли с нее кольцо?

Он прервал разговор, наклонился к Сабине и прошептал:

– Ауэрсберг покончила с собой в комнате для допроса. Пока Хесс продолжал выступать на сцене, Снейдер поднялся, протиснулся между рядами стульев в центральный проход и удалился через запасный выход.

Через час объявили первый перерыв. Большинство гостей поднялись и направились к буфету. Сабина пробиралась против потока людей, высматривая Снейдера. Но того нигде не было. В этой многотысячной толпе ей не найти даже его заметную лысину. К тому же он наверняка находился уже не в Рейн-Майн-Халле, а ехал в такси к зданию БКА.

Сабина пыталась найти хотя бы Ломана, как вдруг оказалась напротив Хесса, который разговаривал с привлекательной платиновой блондинкой в черном платье в пол. Сабина едва не налетела на Хесса, такой сильной была давка в проходе.

Хесс проигнорировал Сабину.

– Извини, дорогая, ты знаешь... обязанности. – Он поцеловал свою собеседницу в щеку и исчез.

Дама с программкой в руке проводила Хесса взглядом. Вдруг она сняла очки для чтения, повернулась к Сабине и с улыбкой протянула

ей руку.

– Добрый вечер, фрау Немез. Я надеюсь, вы извините невоспитанность моего мужа, но в такие дни, как этот, с ним сложно разговаривать. – В голосе звучал легкий упрек.

Значит, это была та женщина, которую Сабина видела на фотографии в бюро Хесса. В жизни она выглядела лучше, чем на снимке. Она была как минимум на десять лет моложе Хесса, носила жемчужное ожерелье, несколько скромных колец и выглядела ухоженной. Даже ее движения казались очень женственными и элегантными.

– Откуда вы знаете?..

– Откуда я вас знаю? – Фрау Хесс рассмеялась. – Мартен Снейдер рассказал мне о вас. К тому же... – Она заговорщицки понизила голос. – Кто вас не знает после событий последних дней? – Ее взгляд скользнул по черному костюму Сабины. – Я знала Эрика, приятный молодой человек. Искренне сожалею о вашей потере.

Они отошли в сторону, к небольшой нише. Сабина была благодарна фрау Хесс, что та не произносила обычных фраз типа «Все будет хорошо, жизнь продолжается», а вместо этого сказала:

– Я достаточно хорошо знаю Мартена. Называйте меня Дианой. Если вам понадобится помощь, вы всегда можете мне позвонить. Я серьезно.

– Почему? То есть... – Видимо, Сабина выглядела очень растерянной, потому что Диана Хесс улыбнулась:

– Я понимаю, что вы удивлены. Но я знаю о вас больше, чем вы думаете. Мартен рассказал мне, что вы одно из его самых талантливых открытий в БКА. Он называл вас своей воспитанницей.

– Но из-за меня он был ранен в Нюрнберге.

– Но вчера вы спасли ему жизнь, – возразила Диана. – Кто знает, сколько бы еще Ауэрсберг продержала его в подвале.

Сабина молчала. Похоже, именно супруге своего заклятого врага Снейдер доверял больше других.

– Сабина – я могу к вам так обращаться?

Сабина кивнула.

– Я вижу недоверие в ваших глазах. Это хорошо и вполне понятно. – Диана посмотрела в окно. – Двенадцать лет назад мой муж, как вице-президент, отвечал за безопасность на конференции в

Берлине. – Ее взгляд уходил вдаль, словно вместе с воспоминаниями она сама отправилась в ужасное прошлое. – Мартен указал ему на несколько слабых мест в системе защиты, но мой муж не пожелал его слушать. Случилось то, что должно было случиться, – неизвестный проник в ВИП-зону, одного человека зарезал ножом, а меня... – Она замолчала. Пальцы сами собой потянулись к жемчужному ожерелью. Под ним виднелись белые шрамы, которые выделялись на загорелой коже. – Мартен спас мне жизнь, но был тяжело ранен.

Диана вздрогнула, и ее взгляд снова сфокусировался.

– Хм, – сказала она, словно хотела отмахнуться от воспоминаний. – Вы наверняка задаетесь вопросом, почему я вам это рассказываю. Я до конца жизни обязана Мартену, потому что он спас не только меня, но и моего сына... – Она сделала глубокий вдох. – Я тогда ждала ребенка. К счастью, все обошлось. Моему сыну сегодня двенадцать, и он совершенно здоров.

Сабина была все еще ошарашена откровенностью дамы.

– Вообще-то ваш муж должен быть обязан Снейдеру. А у меня такое впечатление, что оба друг друга...

– Ненавидят? – помогла Диана. – Называйте вещи своими именами. Они всегда придерживались разных взглядов. К тому же Дитрих видел в Мартене конкурента. В тот раз дело дошло до скандала. Дитрих не хотел признавать, что своей невнимательностью подверг меня опасности, а Мартен наглядно продемонстрировал Дитриху его некомпетентность. Вы знаете, каким прямолинейным может быть Мартен. Он до сих пор ждет простого слова благодарности от моего мужа, а Дитрих – извинения от Мартена.

«Их это не смогло этого пережить», – мысленно добавила Сабина.

– Мужчины, – вздохнула вместо этого она.

Диана улыбнулась.

– Кто знает, что творится у них в голове? Больше всего мой муж хотел бы убрать Мартена с действительной службы и засунуть в какую-нибудь офисную дыру с неоновыми лампами.

– Но вы ему запретили? – предположила Сабина.

– Не в моем стиле использовать влияние, но иногда это необходимо. – Диана кивнула. – С тех пор Мартен находится под моей личной защитой.

Теперь Сабина поняла взаимосвязи. Диана Хесс была не какой-то женщиной, а той самой женщиной, которая стояла за Хессом и имела на него достаточно влияния. Видимо, она была высокого мнения о Снейдере – а таких людей мало. К сожалению, должна была признаться Сабина.

Звонок возвестил об окончании перерыва, и гости поспешили на свои места.

– Я надеюсь, это останется между нами. – Диана Хесс взглянула на Сабину. – Друзья Мартена – мои друзья, и я приложу все усилия, чтобы вы смогли продолжить обучение в академии. Было бы ошибкой отпускать таких людей.

– Спасибо.

Звонок прозвучал во второй раз.

– Посмотрим, получится ли у меня, а если вы потом захотите сказать «спасибо», просто приходите ко мне домой, и мы откроем бутылку красного вина из винного погреба моего мужа. – Диана подмигнула ей, достала из сумочки визитку и сунула Сабине в руку. – А теперь извините меня. Я должна вернуться в ВИП-зону с радостным и заинтересованным лицом.

Высокая элегантная дама грациозно поплыла сквозь толпу и вскоре исчезла из вида. Лишь теперь Сабина обратила внимание, что за ней незаметно следуют двое людей Ломана. Очевидно, Дитрих Хесс усвоил урок после событий двенадцатилетней давности.

Сабина сунула визитку в сумочку и вернулась на свое место. Только она села – началась вторая часть торжества. Стул Снейдера пустовал.

Как и предсказывал Снейдер, Хесс начал презентацию собственной биографии и рассказ о своем многолетнем опыте криминалиста. Сабина слушала вполуха и задавалась вопросом, описал ли он в книге то событие, о котором ей поведала его жена. Но наверняка Снейдер не упомянут в книге ни одним словом.

Пока Хесс говорил, его голос звучал все дальше, а шум аплодисментов проник в сознание Сабины совсем приглушенным, она думала о разговоре с Дианой Хесс.

Она тогда ждала ребенка.

Внезапно ее осенило. Беременность! Это был ключ. Боже, Снейдер и она видели до этого лишь половину правды. Но сейчас

части пазла сложились. И все приобрело смысл – в том числе и сообщение Эрика на мобильном Снейдера.

«Я теперь знаю, кто отец ребенка...»

Сабина должна была найти Снейдера. Она вскочила и, под недовольное шиканье, пробралась через ряды к выходу.

61

Мелани было пора возвращаться домой, потому что Шейла находилась одна на участке. Герхард после обеда уехал на пресс-конференцию, где вечером должен был делать доклад, который писал две недели. Он собирался переночевать в отеле, и Мелани хотела разогреть в духовке пиццу, поиграть с Шейлой в гостиной и посмотреть старый сериал «Перри Мейсон».

На сегодня было достаточно. Она выключила ноутбук, заперла письменный стол и только взяла пальто, как зазвонил телефон. На дисплее высветился номер мобильного Хаузера. Вероятно, он уже лежал дома на диване, на левом плече Том, на правом Джерри, и кормил их кузнечиками. Мелани взяла трубку.

– Вы еще в Вене? – спросил он.

– Да, где пожар?

– Я в отделе криминалистической техники, вы должны приехать.

На машине это займет какие-то десять минут. Тем более все равно по пути. Мелани надела пальто.

– Выезжаю.

В лаборатории криминалистической техники кипела работа. Пятеро сотрудников сидели перед компьютерами, другие разбирали на длинном белом столе электронные приборы. Из-за жужжания и гудения в помещении можно было ощутить электрическое напряжение буквально физически.

Хаузер координировал работу коллег. Увидев Мелани в дверях, он сразу подошел к ней.

– Мы как раз изучаем конфискованные во время обыска компьютеры, сотовые, ноутбуки и внешние диски Лазло.

– И как успехи?

Он понизил голос.

– Пока не очень. Ни на одном из приборов мы не можем найти никакого отягчающего материала. Никаких контактов с Кларой, никаких фотографий или видео татуировок. Я был у коллег-криминалистов. Они тоже не нашли следов ДНК Клары в доме. Поэтому некоторые подозрения отпадают.

– Вот черт! – выругалась Мелани. – А что говорят судмедэксперты?

– Они как раз изучают татуированные куски кожи, которые мы нашли в рамах в подвале Лазло. Если повезет, использованные краски окажутся теми же, что и на спине Клары, или какой-нибудь фрагмент совпадет с одним из трупов, которые мы обнаружили в лесу.

Мелани задумалась.

– Я запрошу у судьи разрешение на эксгумацию тела румынской девочки, которую нашли два года назад.

Хаузер кивнул:

– Об этом я и хотел вас попросить.

– Без проблем. – Мелани удивилась, что Хаузер вдруг проявлял столько усердия, словно боялся не успеть. Почему он так торопится?

– А сейчас к хорошей новости, – сказал он. – Обоих жертв, которых мы нашли в лесу, смогли идентифицировать. Девочка у источника Агнессы тоже родом из Румынии, в канализационной трубе – из Польши. Из обеих стран у нас имеются заявления о пропаже. Девочек нелегально привезли в страну больше года назад для занятия детской проституцией.

«...Но кто-то воспользовался ими для других целей». Мелани стало не по себе. Она скептически огляделась в лаборатории.

– Но вы ведь меня не поэтому вызвали? Это мы могли бы обсудить и по телефону.

– Ну... – мялся Хаузер. – Прежде чем вы поедете домой, я хотел лично проинформировать вас о состоянии дел.

Состояние дел. Когда разговор начинался так, она знала: возникли проблемы.

– Что случилось?

– Давайте выйдем. – Он открыл дверь, они вышли в коридор, который в это время был пуст.

– Полчаса назад я узнал от одного коллеги, что адвокаты Лазло добились его освобождения под залог. Он уже час как на свободе.

Мелани сделала большие глаза.

– Почему я ничего об этом не знаю?

Хаузер выглядел растерянным.

– Как такое могло случиться? – спросила она.

– Я не знаю, но вы должны что-нибудь предпринять, пока этот мерзавец не ушел от нас.

– Спасибо... Я ваша должница. – Мелани достала телефон из сумки.

Хаузер коротко кивнул ей, потом вернулся в лабораторию. Идя по коридору, Мелани набрала номер судьи.

Хиршман ответил после второго гудка.

– Я так и думал, что вы еще позвоните мне сегодня вечером, – пробурчал он.

– Это вас удивляет? – спросила Мелани. – Вы отпустили Лазло под залог.

– Доктора Лазло, – исправил ее Хиршман.

– Если хотите, даже профессора, но это не делает ситуацию менее опасной.

– Оценку ситуации предоставьте мне, коллега. Я принял такое решение в ходе проверки обоснованности содержания его под стражей.

– Проклятье, почему?

– На допросе доктор Лазло заявил, что купил экспонаты, как он называет то, что было обнаружено у него в подвале. И ничего не знает о происхождении кожи.

– А моя бабушка станет следующим папой римским.

– Я знаю, что вы сейчас чувствуете, – вздохнул Хиршман, – но вы пока не можете доказать обратное. Так как мейлы и посты Клары в Фейсбуке защищены и доктор Лазло не может оказать воздействие на свидетелей, опасность сокрытия следов исключена. Как и опасность рецидива, потому что в этой ситуации он вряд ли станет похищать еще одну девочку – если он вообще это делал, в чем я сомневаюсь.

«В чем он сомневается?» От ярости у Мелани вздулась вена на шее.

– А опасность побега? – напомнила она.

– Поэтому я назначил залог.

– Это же смешно! Вы видели виллу, в которой живет Лазло? Как звездный адвокат он зарабатывает в три раза больше, чем мы с вами вместе.

– По этой причине я определил залог в размере пяти годовых окладов.

– Я... – Мелани замолчала. – Пять годовых окладов? – медленно повторила она.

– Думаю, эта сумма достаточно велика, чтобы не совершать побег. Деньги только что были переведены и лежат в депозитарии Высшего земельного суда.

Мелани знала, что это означает. Если Лазло сбежит, деньги перейдут Австрийской республике. Но почему Лазло согласился на такое? Почему ему было так чертовски важно выйти на свободу?

– А если он все равно скроется? – спросила она.

– Успокойтесь. Мы забрали у доктора Лазло паспорт, к тому же он ежедневно должен являться в полицию. Вам этого достаточно?

– Как насчет электронного браслета? – предложила она.

– Не смешите меня. Я уверен, что этих мер достаточно, чтобы подозреваемый не скрылся.

– По крайней мере, запретите ему приближаться к Кларе, – настаивала Мелани.

Хиршман задумался.

– Не возражаю. Завтра утром я обсужу это с адвокатами Лазло.

– Спасибо. Спокойной ночи. – Она положила трубку. Хотя бы этого удалось достичь. Правда, лишь с завтрашнего дня.

А что насчет сегодняшней ночи?

Она вошла в лабораторию и сразу направилась к Хаузеру, который стоял за спиной у коллеги и смотрел в монитор его компьютера.

– Необходимо организовать личную охрану для Клары, – сказала она без обиняков.

Видимо, Хаузер услышал отчаяние в ее голосе, потому что мягко отвел ее в сторону.

– Вы сами знаете, как редко одобряют государственную личную охрану для частных лиц. Нам необходима конкретная угроза.

– Конечно, у меня нет ничего конкретного на руках, но я знаю, что Лазло что-то задумал. Иначе почему он согласился выплатить пять

годовых окладов за свою свободу?

У Хаузера отвисла челюсть.

– Пять? – Он сглотнул. – Хорошо, завтра утром я поговорю с нашей службой безопасности и попытаюсь организовать личную охрану.

– А сегодня ночью?

– Господи, да ничего за одну ночь не случится.

– Вы в этом абсолютно уверены? – спросила Мелани, но Хаузер молчал.

Идя к машине, Мелани подняла воротник пальто. Ночь была прохладной, небо безоблачным. В голове у нее крутились десятки вопросов. Прежде всего этот проклятый Лазло не давал ей покоя.

Она села в машину, выехала с парковки на улицу и уже повернула в сторону озера. Но вдруг резко затормозила и задумалась. Клара была главным свидетелем обвинения, и очная ставка между ней и Лазло еще не проводилась. Со своими связями Лазло мог без проблем выяснить, что приемный отец Клары арестован, а сама Клара находится в детском кризисном центре города Вены. Если он это уже не сделал.

Пять годовых окладов!

Мелани смотрела на огни проезжавших мимо машин. Сможет ли она простить себе, если с Кларой в эту ночь что-нибудь случится? В детском приюте, куда любой мог свободно зайти?

Она повернула в сторону детского приюта.

62

Еще пробираясь между рядами, Сабина набрала номер Снейдера. Но его телефон был выключен. Она добралась до центрального прохода и огляделась. Теперь на нее было обращено больше взглядов, чем на Хесса, который продолжал вещать на сцене.

У одного из запасных выходов она наконец заметила Ломана, который посмотрел на нее, как на сумасшедшую, и подозвал к себе коротким жестом.

– Черт возьми, что происходит? – шепотом спросил он.

– Где Снейдер? Мне нужно срочно с ним поговорить.

Ломан взглянул в четвертый ряд на пустое место Снейдера.

– Перед перерывом он еще говорил по телефону. Потом я видел его в туалете.

– Где?

– В фойе, у входа в зал номер три.

– Спасибо. – Сабина направилась к выходу. Дверь закрылась. Сабина пошла по пустому коридору и услышала, как в зале раздались аплодисменты.

За большим стеклянным фасадом в фойе лежала освещенная фонарями улица. Мимо проезжали машины. Но Снейдера и след простыл.

– Вы видели Мартена Снейдера? – спросила она сотрудников службы безопасности у входа.

Все мотали головой. Разочарованная, она прошла мимо гардероба к лестнице, ведущей к залу номер три. Здесь находились мужские и женские туалеты. Не раздумывая, она толкнула дверь в мужской туалет. Автоматически зажегся свет, и она направилась мимо раковины и писсуаров. В следующей комнате были кабины.

Она надеялась унюхать запах марихуаны и найти Снейдера, курящего косяк в кабине. Но пахло только туалетными дисками и чистящими средствами.

– Снейдер? – уныло крикнула она.

Никакого ответа. Вот дерьмо!

Сабина увидела свое отражение в зеркале: черная блузка, черная узкая юбка, чулки и туфли на каблуках. Она выглядела как жуткий ангел мести из современной сказки. Существовало две возможности. Или поехать на машине к зданию БКА и искать Снейдера в его бюро, или вернуться в зал. Но с каждым ничего не значащим словом изо рта Дитриха Хесса она будет закипать все сильнее, пока не взорвется.

Проклятье, у нее была разгадка, но в первый раз в своей жизни она не имела плана действий. Сабина развернулась и собиралась покинуть туалет.

– Ну что еще? – донесся приглушенный голос из одной из кабин.

Снейдер!

Она обернулась.

– Где вы?

– Откуда я знаю? В какой-то кабине.

Его голос доносился из-за последней двери. Сабина встала напротив.

– Чем вы там занимаетесь?

– Почему вы не на праздновании? – ответил он.

– Мне нужно с вами поговорить.

– Я что, даже не могу спокойно...

– Послушайте! Дело в том...

Она запнулась, когда услышала, как Снейдера вырвало и он, давясь, закашлялся.

– Что с вами? – в панике закричала она.

– А что может быть? – ответил он, тяжело дыша, и сплюнул. – Вы же знаете, что я ненавижу толпы людей. К тому же у меня невыносимые головные боли.

Сабина услышала, как он опустил стульчак унитаза и со стоном сел на него.

– Послушайте, мне жаль, что Ауэрсберг покончила с собой, – сказала она.

– Она велела передать мне лишь одно предложение, прежде чем отравиться. «Через несколько минут я воссоединюсь со своим ребенком».

– Вот об этом и речь, – перебила его Сабина. – Когда полчаса назад Диана Хесс рассказывала мне о своей беременности, это слово неожиданно привело меня к разгадке. Теперь я знаю, кто был сообщником Ауэрсберг.

– Диана говорила с вами о своей беременности?

– Да это уже не важно! Послушайте! Ауэрсберг якобы прибегла к искусственному оплодотворению, верно? Но для одиноких женщин доступ к семенному банку закрыт. Дочь Ауэрсберг убили пять лет назад, когда ей было шесть. Значит, Ауэрсберг забеременела двенадцать лет назад, но не в результате ЭКО, а естественным путем.

Из-за двери послышался звук, словно Снейдер ударился головой о разделительную стенку.

– И кто отец?

– Это самый главный момент. Эрик случайно выяснил эту тайну, когда искал связь между нераскрытыми преступлениями. Поэтому и оставил вам голосовое сообщение.

– Черт возьми, кто это?

– Тот, у кого есть доступ в здание БКА. На самом деле Ауэрсберг не нужно было проносить оружие в здание, потому что она в него никогда и не входила. Сообщник Ауэрсберг выстрелил в Эрика в тот самый момент, когда он говорил вам на автоответчик. Видимо, сообщник Ауэрсберг услышал последнее предложение. «Взаимосвязи просто невероятные. Я теперь знаю, кто отец ребенка». Поэтому он тут же поддержал вашу идею заменить служебные телефоны и сим-карты.

– Вы говорите о Дитрихе Хессе? – спросил Снейдер.

– Нет, о Вессели.

Снейдер замолчал. Наконец она услышала, как он со стоном поднялся.

– После меня хоть потоп, – пробормотал он, спуская воду в туалете.

В следующий момент он отпер кабину, распахнул дверь и, пошатываясь, вышел наружу.

– Извините, что вам приходится видеть меня таким.

Не глядя на нее, Снейдер прошел мимо. У него было мертвенно-белое лицо. На лбу блестел пот, глаза остекленели, а в каждой ладони торчало по пять акупунктурных игл, с помощью которых он пытался избавиться от боли.

– Бессели... – пробормотал он и направился к ручкомойнику.

Одну за другой он вытащил из кожи иглы и положил их на полочку. Затем наполнил ручкомойник холодной водой, наклонился и опустил лицо в воду на тридцать секунд. Потом прополоскал рот.

– Бессели... – снова пробормотал он. – Я искал этот ответ две недели. Он выстрелил в Эрика, перевернул мой офис и затем инсценировал то же самое в своем.

– Вы тоже считаете, что это был он? – спросила Сабина.

– Как вы догадались?

– Когда Ауэрсберг арестовали, она сказала, что без гениального метода Бессели у меня ничего бы не вышло.

Снейдер кивнул:

– Я тоже обратил внимание... Она много лет утверждала, что презирает Бессели, а тут вдруг такое восхищение. – В следующий момент он уставился куда-то вдаль. – Жена Бессели страдала маниакально-депрессивным психозом. Если бы он расстался с ней, она тут же оказалась бы в психушке. Возможно, Ауэрсберг много лет была

его любовницей, а он биологическим отцом ее дочери, – бормотал Снейдер, словно разговаривал сам с собой. – Но мы должны быть абсолютно уверены. Попробуйте встать на его место, – велел он Сабине. – Что происходит у него в голове?

– Бессели точно знал, как и где можно спровоцировать маньяков, – сказала Сабина. – Вместе с Ауэрсберг он перешел на другую сторону. Они работали уже не как профайлер и судья, а манипулировали серийными убийцами, чтобы заставить почувствовать этих беспечных легковверных людей, которые провалились как присяжные, на что способны настоящие монстры, и тем самым справиться с собственной болью.

– Все гении немного сумасшедшие. – Снейдер сорвал с шеи бабочку и сунул ее в карман смокинга. – Я ошибся, – признался он. – Спустя столько лет мой бывший ментор по-прежнему практик – хуже и страшнее любого серийного убийцы. Мы должны его найти. – Неожиданно его глаза загорелись страстью охоты.

– Бессели нет на праздновании?

– Нет, он отказался. – Снейдер посмотрел на свои наручные часы. – Он не знает, что мы сели ему на хвост. Эрик мертв... а после того как Ауэрсберг взяла на себя всю вину и затем покончила с собой, Вессели вынужден уничтожить все следы, которые могли бы привести к нему.

– Не только это. – Сабина подумала о маленькой Кларе в Вене и вспомнила данные о похищении из материалов дела, которое Мелани Дитц дала ей с собой. – Прежде всего для него может быть опасна татуированная девочка из Вены. При очной ставке она может опознать мужчину, который с улицы фотографировал ее в ванной комнате. Возможно, это единственное веское доказательство, с помощью которого можно уличить Вессели.

– Ваша копия венского дела лежит в моем кабинете, но у меня еще не было возможности заняться им.

– В любом случае я должна предупредить прокурора Дитц.

В этот момент зазвонил телефон Сабины, и она уставилась на дисплей.

– Даже жутко становится, – прошептала она. Это был телефон Мелани Дитц. Сабина ответила: – Алло?

– Это Дитц. Если я не помешала, хочу сразу перейти к делу. – Ее голос звучал взволнованно. – БКА Висбадена и Вены начали сотрудничать, и я узнала, что вы уже схватили и допрашиваете того, кто манипулировал всеми убийцами.

Сабина включила громкую связь, чтобы Снейдер тоже слышал.

– Это правда, судья Ауэрсберг призналась в соучастии в убийствах, – ответила она. – Мой наставник Мартен Снейдер тоже слушает наш разговор.

– Мартен С. Снейдер, – еле слышно пробормотал он.

– Это очень удачно... – Дитц замялась. – Мне срочно нужны те части протокола допроса, которые касаются дела Клары.

Снейдер наклонился к телефону.

– Говорит Снейдер. Зачем?

– Я только что узнала, что похитителя Клары, доктора Михаэля Лазло, выпустили под залог. Это может быть опасно для Клары; я снова хочу добиться для него предварительного заключения, и как можно скорее.

– Не хочу вас волновать, – мягко сказал Снейдер. – Поэтому слушайте меня внимательно. – Он прислонился к рукомойнику и провел ладонью по мокрому лицу. – Правда, эта информация еще не официальная, она предназначена только для ваших ушей и ни при каких обстоятельствах не должна быть передана третьим лицам.

– Поняла.

– Хорошо. Судья Ауэрсберг манипулировала убийцами не одна. У нее был сообщник, который все еще на свободе. Возможно, Клара могла бы его опознать. В настоящий момент это единственный наш шанс уличить его. Поэтому вы должны срочно затребовать для девочки личную охрану.

Дитц горько усмехнулась.

– Поверьте мне, я только что пыталась это сделать, но охрана будет самое раннее завтра утром.

– Где сейчас находится девочка?

– У меня в машине, спит на заднем сиденье, – ответила Мелани. – Я забрала ее из детского приюта и отвезу к себе домой. Там она будет в безопасности.

– Вы уверены?

– Мой муж, правда, не ночует сегодня дома из-за участия в пресс-конференции, но у меня есть терапевтическая собака, которая жизнь отдаст за Клару.

Лоб Снейдера напрягся. Сабина буквально видела, как работали извилины его мозга. Хотя он еще не ознакомился с делом, но догадывался, что Бессели и Лазло представляли собой колоссальную угрозу. Очевидно, он пытался прикинуть, от кого из них для девочки исходила большая опасность.

– Возможно, мне все это уже мерещится, – сказал он, – но следите за Кларой. А я пока постараюсь как можно быстрее добраться до Вены.

– Когда будете в Вене, свяжитесь с комиссаром Хаузером.

– Хорошо, до скорого.

Сабина положила трубку.

– Вы полетите в Вену?

– И сегодня же вечером.

– Но ведь полиция Вены может позаботиться о Кларе.

– На это я не полагаюсь. Вспомните, как эти бездари халтурили в прошлом году. Пойдемте! – Он бодро вышел из туалета, словно был абсолютно здоров, и это не его только что выворачивало наизнанку в туалетной кабинке.

Сабина последовала за ним в фойе, где остановилась и покосилась на сотрудников службы безопасности.

– А кто займется Вессели? – понизила она голос.

– Вы, – ответил Снейдер.

– Я? И как же? Кто тут меня слушает? Хесс с удовольствием услал бы меня на Луну.

– Как и меня, – парировал Снейдер. – К тому же сейчас нам все равно никто не поможет. В крайнем случае, Ломан, но он сегодня очень занят. Наше главное здание словно вымерло. Почти все коллеги здесь – как и служба безопасности.

– И, скорее всего, Вессели воспользуется этим моментом, чтобы после задержания Ауэрсберг уничтожить все улики, которые могут связывать их.

Снейдер сверлил ее взглядом.

– Вы должны это предотвратить. Я могу на вас положиться?

– Да, конечно, – промямлила она. – Но умно ли нам сейчас разделяться?

Снейдер кивнул:

– Мы сможем атаковать врага в лоб. Или зажать в клещи с обеих сторон... И это именно то, что мы должны сделать. Я возьму на себя Лазло, а вы Вессели.

У Снейдера было больше опыта в таких вещах. Она должна ему просто доверять, даже если это не просто.

– Согласна.

– Еще кое-что. – Он оценивающе оглядел ее. – Если вы правы, в Эрика стрелял Вессели. Я могу рассчитывать на то, что вы не сорветесь, а будете профессионально действовать в этой ситуации?

– Конечно, – ответила Сабина. Но руку на отсечение не дала бы.

63

Снейдер зажал под мышкой материалы о похищении Клары и вышел через вертящуюся дверь из здания БКА. В спешке он забыл запереть свой кабинет, но это было сейчас не важно. Главное – у него с собой оружие, удостоверение, диктофон, травка и упаковка сильного обезболивающего.

В ухе у него торчал наушник от мобильного. Пока Снейдер бежал по улице к кампусу академии, он разговаривал по телефону с комиссаром уголовной полиции Хаузером в Вене.

– Прокурор Дитц уже сообщила вам, что я прилетаю в Вену? – задыхаясь, спросил он.

– Да, но когда? Завтра утром? – буркнул Хаузер.

– Сегодня ночью. Будьте готовы. Встретимся в аэропорту Швехат.

– Когда?

Сейчас было 22:00.

– Не могу сказать, зависит от встречного ветра. Вероятно, в час ночи.

Хаузер, похоже, думал, что это шутка, – но он ошибался.

– Подготовьте все, потому что мы возьмемся за Лазло.

– С новым ордером на обыск? Забудьте об этом. Мы говорим об адвокате докторе Михаэле Лазло, который...

– Мне плевать!

– Возможно, вам и плевать, но доктор Лазло отпущен под залог, – сказал Хаузер.

– Это была чертовская ошибка. Если мы ее сейчас не исправим, то совершим вторую, – пыхтел Снейдер. С каким идиотом он вообще имеет дело?

– Послушайте, – предупредил его Хаузер. – Я...

– Нет, это вы послушайте! Клара Брайншмидт главный свидетель обвинения, который у нас есть, и этот Лазло представляет для нее опасность. Поэтому я предлагаю вам взяться за работу и не тратить мое время.

Снейдер прервал разговор. А, проклятье, у него снова заболел бок. Ему нельзя так быстро бегать и совершать резкие движения. Но он уже добрался до кампуса.

На взлетной площадке мигали огни вертолета. Пилот тут же запустил винт. Снейдер втянул голову в плечи и залез в кабину.

– Полный бак? – крикнул он и закрыл дверь.

Пилот кивнул и указал Снейдеру, чтобы тот надел наушники.

– Куда летим?

– Аэропорт Вена-Швехат, – услышал Снейдер свой собственный голос в наушниках. – У вас есть разрешение на ночной полет?

– Да.

– Хорошо, разрешение на посадку я запрошу у Австрии чуть позже. – Снейдер указал на потолочный светодиод. – Вам лампочка для чтения во время полета не мешает?

– Нет, если вы пристегнетесь.

Какой умник – как раз в его вкусе, подумал Снейдер и пристегнулся.

Вскоре треск мотора превратился в оглушительный шум. Затем вертолет поднялся и за секунды набрал головокружительную высоту. Снейдера вжало в сиденье.

Шестьсот тридцать километров до Вены. Снейдер не знал, какой маршрут выберет пилот; в любом случае времени будет достаточно, чтобы подробно ознакомиться с делом. Он раскрыл папку, и первое, что попало ему в руки, была цветная фотография татуировки, которая напомнила ему ужасающе детальное изображение Ада.

Под монотонный треск лопастей и рокот мотора внизу проплывали огни разных городов. Спустя час Снейдер прочитал материалы и запомнил все важные детали. Самым интересным он нашел фотографии из тайного подвала Лазло, сделанные во время обыска его дома. Снейдер снял наушники. Пилоту не нужно слышать то, что сейчас последует. Он откинулся на спинку сиденья, поднес диктофон ко рту и нажал на кнопку.

– Погружение в Ад, – сказал он и подождал несколько минут, пока перед его внутренним взором появится лицо доктора Михаэля Лазло. Затем слова полились сами собой. *«Уже ребенком я ощущал в себе этот недобрый жар...»*

64

В половине одиннадцатого двери зала для проведения торжеств наконец открылись, и люди хлынули или на улицу, чтобы покурить, или в соседний зал, где был организован фуршет и играла музыкальная группа.

Сабина высматривала Ломана, но нигде не могла найти начальника службы безопасности. Зато заметила Гомеза, который направлялся с сигаретой к выходу. Тина, Майкснер и Шёнфельд тоже вышли из зала, увидели ее и подошли.

– У тебя хватило наглости вскочить посредине выступления и выбежать, – сказала Майкснер.

– Ты какая-то напряженная, – констатировала Тина.

Шёнфельд тоже вопросительно смотрел на нее. Сабина ни за что не смогла бы отделаться от троих, поэтому даже не стала пытаться рассказывать им сказки.

– У меня мало времени, поэтому слушайте внимательно, – сказала она. – Ауэрсберг покончила с собой. Но она планировала убийства не одна, а, скорее всего, с Вессели. – Она кратко рассказала им, что они со Снейдером выяснили. – Снейдер срочно полетел в Вену, а я должна найти Ломана. Он единственный, кому я могу довериться, – добавила она.

Все трое смотрели на нее с раскрытым ртом.

Шёнфельд быстрее всех взял себя в руки.

– О’кей, тогда давайте искать Ломана.

– Эй, это моя задача, вы не обязаны мне...

– Замолчи, конечно, мы поможем тебе. Мы команда или нет? –

Майкснер схватила Шёнфельда за руку. – Пойдем посмотрим в зале.

Когда оба исчезли, Тина недоверчиво посмотрела на нее.

– И это не шутка?

– Нет, черт возьми! Но я справлюсь и одна.

– Знаю, но Майкснер права, в порядке исключения. Мы команда, поэтому идем!

Они подошли к женщине из службы внутренней безопасности с рацией, и Тина попросила вызвать Ломана. Скоро выяснилось, что он стоит у входа в ВИП-зону. Конечно, где же еще?

Сабина и Тина застали Ломана за разговором с Дитрихом Хессом. Рядом стояли и другие, среди них жена Хесса, вице-президент БКА и несколько высокопоставленных начальников отделов, что Сабина поняла по поганам на форме. Это не хорошо! Они болтали около стола с книгами, и Хесс с неестественной улыбкой раздавал свою автобиографию.

Тина осталась сзади, а Сабина пробралась к Ломану.

– Извините, пожалуйста, мне нужно срочно с вами поговорить.

Когда президент Хесс обернулся и узнал Сабину, у него на лице появилось такое выражение, словно он узнал о предстоящем конце света.

– Это невероятно, вам хватает наглости настаивать на разговоре сейчас. Разве вы не видите...

– Не с вами, – перебила его Сабина. – Я хотела бы поговорить с главным комиссаром уголовной полиции Ломаном.

Ломан показал жестом, чтобы она исчезла, но Диана Хесс, которая стояла рядом, ткнула его – незаметно, прикрывшись сумочкой – локтем в бок и бросила вполне недвусмысленный взгляд.

– Минутку, – выдохнул Ломан и извинился перед другими.

Он взял Сабину за локоть и отвел к окну, где никого не было. Тина последовала за ними.

– Что такого срочного?

– Снейдер и я выяснили, что у Ауэрсберг был сообщник.

Ломан подумал секунду, потом прищелкнул языком.

– Когда?

– Три четверти часа назад.

– Это вряд ли, потому что Снейдер попросил предоставить ему вертолет, так как срочно должен был улететь.

– Я знаю, в Вену, это все связано.

– О'кей, кто, по вашему мнению, сообщник Ауэрсберг?

В этот момент к ним по коридору подбежали Майкснер и Шёнфельд и присоединились к их группе.

Ломан огляделся.

– Они все в курсе?

– Да, – ответил Шёнфельд, – и нам нужна помощь!

– Тогда скажите, кто сообщник Ауэрсберг.

– Конрад Вессели помогал ей инсценировать убийства, – ответила Сабина.

Ломан и бровью не повел.

– Почему?

Если рассказать ему это сейчас, он решит, что она сошла с ума.

– Это очень сложно, – попыталась она увильнуть от ответа.

– С чего тогда я должен вам помогать?

– О'кей. – Следующий гвоздь в крышку ее гроба. – Вессели был отцом ее внебрачного ребенка, которого убили пять лет назад.

Сабина рассчитывала, что Ломан громко рассмеется, но он сохранял pokerное лицо.

– Поэтому Снейдер меня спрашивал, где Вессели, – пробормотал Ломан.

– А вы знаете?

– Нет. – Он закусил нижнюю губу, потом положил руку Сабине на плечо. – Если кто-то из вас будет обсуждать эти обвинения с третьими лицами, ваша профессиональная карьера пойдет под откос, вы все это поняли? – предупредил он их. – Вессели значительная фигура в Висбадене.

Сабина кивнула.

– Мы знаем, поэтому обратились к вам.

– О'кей, что вам нужно?

– Оружие, – сказала она.

Вот теперь Ломан рассмеялся.

– Хесс отозвал ваше служебное оружие. Вас даже не пригласили бы на это торжество, если бы Снейдер не внес вас в свой личный

список гостей.

– Оружие, – упорствовала Сабина.

– Я не могу вам его дать. – Ломан оглядел остальных. – И вам тоже советую оставить сегодня служебное оружие в оружейном шкафу.

– Тогда хотя бы отпеленгуйте сигнал нового служебного телефона Вессели, – предложила Сабина.

– Наши айтишники могут это сделать, но им понадобится какое-то время – если телефон у Вессели вообще с собой. – Он взял рацию и переговорил со своим подчиненным. Потом еще с кем-то, в конце покосился на Хесса, который как раз подписывал книгу. – Сделаем так... – Он понизил голос. – Через двадцать минут подъедет коллега в патрульной машине. Он будет сопровождать вас и находиться в вашем распоряжении два часа.

– Нам не нужна охрана...

– А полицейский не в качестве охранника, он будет присматривать за вами, чтобы вы не бегали вооруженные по Висбадену и не увязли еще больше в дерьме. Поняли?

Они кивнули.

– Хорошо. Больше я не могу ничего для вас сделать – и на это согласился лишь потому, что вы спасли Снейдеру жизнь.

Вчетвером они поехали в патрульной машине на Гайсберг. Фальконе своим глазам не поверил, когда Сабина вошла в здание БКА в сопровождении Тины, Майкснер, Шёнфельда и полицейского в униформе.

– Я думал, вас уволили с концами.

Сабина не ответила. Да, с концами. Только если влияние Дианы Хесс не поможет ей вернуться в академию. Но и на это можно было рассчитывать только в том случае, если сегодня ночью она ничего не запрет.

Сотрудник полиции сопровождал их на верхний этаж к бюро Конрада Вессели. Когда они шли по коридору, у Сабины зазвонил телефон. Это был Ломан.

– В отделе ИТ определили местонахождение телефона Вессели. Похоже, он лежит в его кабинете.

– Спасибо, мы как раз туда направляемся, – сказала Сабина и положила трубку. В следующий момент они уже стояли перед дверью.

Тина прижалась ухом к двери и прислушалась. Из комнаты не доносилось ни единого звука.

– У вас есть номер сотового Вессели? – прошептала она полицейскому.

Тот кивнул.

– Позвоните ему, пожалуйста.

Он набрал номер, и через несколько секунд в бюро Вессели зазвонил телефон. Но никто не отвечал. И никаких других звуков из-за двери не доносилось.

В конце концов Сабина постучала, но никто не отозвался.

– Вы можете взломать дверь? – спросила она полицейского.

Он колебался.

Шёнфельд кивнул на потолок, где камера снимала все происходящее в коридоре.

– Я бы не стал рисковать.

Затем они поехали на лифте в подземный гараж. Парковочное место Вессели пустовало. Они прошли к его частному архиву, но и там его не было.

Майкснер осмотрела ручку двери и замок.

– Пыльные, – заявила она. – В последнее время эту камеру не открывали.

Потом они направились на Зонненберг, в тот район с виллами, где жил Вессели. Но дом на Кройцбергштрассе тонул в крошечной темноте. Ни в одном окне не было света.

Сабина и ее коллеги вышли из патрульной машины. Полицейский последовал за ними. К этому времени дождь уже перестал. Сабина позвонила в домофон. В доме не было заметно никакой реакции.

Они с Тиной обменялись многозначительными взглядами. Как и Майкснер с Шёнфельдом. Видимо, они все думали об одном и том же. Пока полицейский с ними, они не могут перелезть через забор на участок.

– Бессели здесь нет, – констатировала Майкснер. – Я возвращаюсь в Рейн-Майн-Халле. Кто со мной? – Она посмотрела на полицейского.

Тот взглянул на наручные часы.

– Моя смена все равно уже закончилась. Хотите поискать где-то еще, фрау Немез, или закончим с этим?

– Вы можете ехать, спасибо. Я останусь здесь и дождусь Бессели. Когда-то ведь он должен вернуться домой.

Остальные присоединились к ней.

– Вы все хотите остаться здесь? – спросил полицейский.

– Мы подождем еще немного. А позже вызовем такси.

– Уверены?

– Да. Только мне холодно. Вы не могли бы одолжить мне куртку?

– И мне! – крикнула Тина.

Полицейский достал из багажника две темно-синие куртки БКА на липучках.

Сабина надела одну из них.

– И оружие?

– Извините. – Он покачал головой, но отцепил с пояса перцовый баллончик и протянул ей. – Лучше, чем ничего.

Они попрощались с мужчиной. Как только задние фонари патрульной машины скрылись за поворотом, они перелезли через стальную решетку на участок, обошли вокруг виллы и прилегающего крытого бассейна и заглянули в каждое окно. Но не заметили ничего необычного.

Сабина прижалась лбом к стеклу, загородила ладонями свет уличных фонарей и рассматривала мебель в гостиной. Она вспомнила часть разговора в столовой, который она вела с Бессели за кроватками и «совиньон блан». Этот участок три поколения принадлежал семье его умершей жены. Иначе Вессели не смог бы себе позволить жить здесь. У него было еще одно место жительства?

Они снова перелезли через забор и встали под фонарем.

– Чокнуться можно, – прошептала Тина. – Где он? Его служебной машины нет ни в подземном гараже, ни здесь.

– Он что-то задумал. – Сабина вытащила мобильный из кармана и вызвала такси. – Я поеду на виллу Ауэрсберг.

– Зачем?

– Криминалисты основательно перевернули дом, но, возможно, они чего-то не заметили, и Вессели там, потому что должен что-нибудь завершить.

– О'кей, я с тобой, – тут же заявила Тина.

Майкснер взяла Шёнфельда под руку.

– Мы останемся здесь и подождем Вессели. Если он появится, мы вам позвоним. Будьте осторожны.

Такси приехало через десять минут, Тина и Сабина сели в машину. Поездка до Капелленвега на горе Нероберг, длившаяся двадцать минут, показалась Сабине бесконечной. Она смотрела в окно и кусала ногти.

Тина пихнула ее в бок.

– Прекрати!

– Не могу, – пробурчала Сабина.

Вилла Ауэрсберг была единственным местом, где мог находиться Вессели. Больше Сабине в голову ничего не приходило. Если его и там не окажется, тогда она не знала, что делать.

Они уже издалека увидели, что в доме не горит свет. Таксист остановился на асфальтированной подъездной дорожке перед живой изгородью. Видимо, он понял, что они здесь не живут.

– Мне вас подождать? – спросил он.

– Нет, спасибо. – Сабина расплатилась и вышла из машины.

Такси развернулось, съехало вниз по горной дороге, и задние огни исчезли между деревьями. А Тина и Сабина направились к дому, который одиноко стоял в лесу. Делая круг вокруг виллы, они то и дело проваливались высокими каблуками в гравий. Им следовало надеть хотя бы джинсы и кроссовки, но Сабина торопилась. Боялась, что Вессели может от них улизнуть. Ложное предположение, как оказалось. Или ее теория была ошибочной, или же Вессели просто слишком умен.

Пять минут спустя они обошли вокруг дома и заглянули в каждое окно.

– Что будем делать? – спросила Тина.

Сабина огляделась. За исключением сыча, который неустанно кричал, участок леса казался абсолютно вымершим.

– Понятия не имею. – Она села на лестницу перед входной дверью, которую опломбировала уголовная полиция, и задумалась. За это время ни Майкснер, ни Шёнфельд не позвонили. Значит, и у дома Вессели новостей тоже не было. Где он мог находиться? Что она упустила?

Тина подсела к ней, и они вместе прошлись по данным всех дел. Но не нашли никаких зацепок, указывающих на то, что мог бы

предпринять Бессели, чтобы спасти свою шкуру. В конце концов Сабина вытащила из кармана телефон и набрала номер Снейдера. Был почти час ночи, и Снейдер должен был уже подлетать к Вене, но его номер был занят. Сабина попробовала через десять минут – все еще занят. Засовывая мобильник в карман, она наткнулась на визитку Дианы Хесс и рассеянно достала ее.

Тина бросила взгляд на карточку.

– Ты знакома с женой Хесса?

Сабина рассказала ей о встрече с Дианой Хесс.

– По всей видимости, она знает многих коллег своего мужа. – Сабина, недолго думая, набрала ее номер.

– Хесс, – ответила Диана. На заднем плане слышались приглушенные басы оркестра.

– Это Сабина Немез, извините, что помешала.

Тина с любопытством подвинулась ближе и тоже приложила ухо к телефону, чтобы слушать.

– Вы не мешаете, здесь только скучные мужские разговоры – а так у меня есть причина отойти от группы. Как я могу вам помочь?

– Вы знаете Конрада Вессели?

– Одноглазого седого волка? – Диана Хесс рассмеялась. – Кто ж его не знает? Он уже много лет консультант моего мужа.

– Я ищу его, но на праздновании он не появился, его нет ни дома, ни в бюро. Где он может находиться? Может, у него есть второй адрес проживания?

– Нет, этого нет, – размышляла Хесс, – но, насколько я знаю, его жена была состоятельной. Вессели как-то упоминал, что она владела виноградниками и лесами, которые они сдавали в аренду.

– Лесами? – повторила Сабина. – Где, например?

– Я могу узнать.

– Если это не составит труда.

– Я вас умоляю. Большинство гостей еще на празднике. Здесь и сейчас самая лучшая для этого возможность. Дайте мне пару минут. – Диана Хесс положила трубку.

Тина помахала рукой.

– Ничего себе! Всего семь дней в академии, а уже знаешь жену шефа.

– Пока мне это не особо помогло. – Сабина удобнее устроилась в нише, до подбородка застегнула молнию куртки и ждала. Холод проникал до самых костей, и скоро у нее околели пальцы и нос. Она слушала сыча, который кричал каждые пять минут.

Почти все время они молчали и смотрели в сторону леса, пытаясь разглядеть приближающиеся автомобильные фары. Через полчаса наконец зазвонил телефон Сабины. Это была Диана Хесс. На заднем фоне все еще играла музыка, но намного тише.

– Бессели действительно владеют несколькими лесными участками в Висбадене, а именно на Нероберг, – сообщила она. – Вам это поможет?

Сабина с трудом поднялась, подошла к углу дома и с нехорошим чувством посмотрела вверх между ветвями. На возвышенности, густо поросшей деревьями, стояла одинокая хижина, которая еще во время первого визита к Ауэрсберг напомнила ей избушку Бабы-яги.

– Спасибо, вы действительно мне помогли, – сказала она, погруженная в свои мысли, и положила трубку.

Тина встала рядом.

Сабина указала на холм.

– Этот участок леса принадлежал жене Вессели. И если этот домик не хижина лесника, тогда...

– Тогда что... ею пользуется Вессели? – спросила Тина.

Сабина пожала плечами.

– Я осмотрюсь там наверху.

– Только осторожнее, не сломай ноги. Я подожду тебя здесь внизу, на случай если появится Вессели.

– О'кей, позвони мне, если нагрянут гости.

– Непременно.

Сабина покинула участок Ауэрсберг и направилась через лес к хижине, но ее каблуки постоянно проваливались в мягкую хвойную почву. Сабине ужасно хотелось снять эти дурацкие туфли, но босиком идти будет еще тяжелее.

Когда она преодолела больше половины пути, неожиданно между деревьями показался свет автомобильных фар и послышался шум мотора. Сабина спряталась за деревом и наблюдала, но не могла разглядеть марку автомобиля. Она надеялась, что Тина хорошо спряталась, потому что уже не успевала вовремя добежать до нее. Но

машина поехала вовсе не к дому Ауэрсберг, а по лесной дорожке к бревенчатой хижине.

Интересно, Тина видела свет фар? Сабина оглянулась, но не заметила ни движений, ни звуков.

Она поспешила дальше. От хижины ее отделяли еще метров триста подъема по склону. Но через несколько шагов она подвернула ногу. Сабина сжала зубы и на ходу стала набирать номер Снейдера. При этом держала телефон так, чтобы из хижины нельзя было увидеть светящийся экран. «Проклятье! Это бесполезно!» Сейчас номер Снейдера был уже не занят, а просто недоступен.

Когда Сабина преодолела две трети пути, в хижине зажегся свет. У кого-то нашлись там дела посредине ночи.

Инстинктивно она схватилась за пояс. Но оружия там не висело.

У нее был только баллончик с перцовым газом.

65

Последние полчаса полета Снейдер разговаривал по телефону с Хаузером, прокурором Дитц, а затем запрашивал у австрийской стороны разрешение на посадку. И в час ночи вертолет приземлился на территории Главного авиационного центра, в трех километрах к западу от здания Венского аэропорта. Пилот остановил вертолет прямо перед ангаром для частных джетов и уладил бумажные дела на стойке прибытия. Тем временем Снейдер направился в прилегающий VIP-терминал.

Ночь была теплой. Мигали красные сигнальные огни. Над зданием с холодной неоновой подсветкой простиралось звездное ночное небо. Перед входом стояли припаркованные автобус и два лимузина, и шоферы курили рядом с урной. Больше никого не было.

Снейдер вошел в VIP-зал – здесь находился один-единственный мужчина, который стоял у кофейного автомата и со скучающим видом вертел в руке стаканчик с кофе. До сих пор все прошло как по маслу, но если это Хаузер, то встреча переплюнет самые большие опасения Снейдера. Мужчина выглядел опытным и матерым, но в то же время очень раздраженным.

Снейдер подошел к мужчине.

– Полагаю, вы Хаузер. – Он раскрыл свое удостоверение. – Меня зовут Мартен С. Снейдер. Криминалист-аналитик и судебный психолог. Времени мало. Где ваши люди?

– Мои люди? – повторил Хаузер. – Вы шутите? Если вы ожидали торжественного приема, то должны были официально приземлиться на вертолетной площадке Министерства внутренних дел.

– Вам не объяснили, что у нас не так много времени?

Хаузер оставался спокойным.

– Хочу кое-что прояснить: я здесь исключительно по настоятельной просьбе прокурора Дитц, потому что вас нужно подвезти. И это в мое свободное время. Пока что речь не идет об убийстве и...

– Вот именно! Пока что! Но это может быстро измениться.

Хаузер оглядел смокинг Снейдера и наплечную кобуру.

– Глядя на вас, я в это практически верю. Зачем у вас с собой оружие? Хотите застрелить доктора Лазло?

Снейдер застегнулся.

– Я хочу полететь назад живым и в бизнес-классе, а не в холодном грузовом отсеке. А сейчас отвезите меня к дому доктора Лазло.

Вилла Лазло была расположена в тени деревьев. Позади сияла луна. Хаузер и Снейдер стояли перед входной дверью, и Снейдер дольше, чем это необходимо, жал на кнопку звонка. Хаузер демонстративно посмотрел на наручные часы. Было без двадцати два. В доме никто не отозвался.

Снейдер еще раз нажал на звонок. Нигде не зажегся свет. Снейдер взглянул на лейку с полиуретановой пеной, стоящую на пороге. Потом его взгляд переместился вверх по фасадной стене, где под козырьком крыши был выдран маленький четырехугольный предмет. Снейдер слегка пнул лейку ногой.

– Внутри сигнализация?

– Да, это было во время обыска дома.

– Профессионально!!!

– Тут кодовый замок, и отмычкой не открыть, – сказал Хаузер.

– Тогда мы должны его выбить.

– Мы? Я не знаю, как это происходит в Германии, но здесь для обыска необходим ордер от судьи.

В подобных ситуациях Снейдер не проявлял понимания к бюрократам.

– Но при неотложных обстоятельствах прокуроры, как фрау Дитц, тоже имеют право отдавать распоряжение своим следователям об обыске дома. И сейчас как раз такой редкий случай. – Он вытащил пистолет.

– Это шутка?

– Вы заметите, если я буду шутить. – Снейдер прицелился в замок.

Тут Хаузер схватил его за руку.

– Уберите пистолет!

Снейдер потер переносицу.

– До того как я приземлился, у меня было смутное опасение, что девяносто процентов венских полицейских просиживатели штанов и бюрократы. С тех пор как познакомился с вами, я в этом уверен.

– Приберегите ваши фразы для кого-нибудь другого. – Хаузер полез в карман и достал ключ. – Я открою.

Брови Снейдера взлетели вверх.

– Во время обыска вы сделали себе дубликат ключа? Мое почтение!

– На всякий случай, – признался Хаузер.

– И почему вы об этом сразу не сказали?

– Потому что надеялся отговорить вас от незаконного проникновения в виллу.

– Вы должны усвоить одно: меня невозможно отговорить или переубедить!

Хаузер провел Снейдера к картине Пикассо на стене и показал путь через взломанную дверь-сейф в подвал. В настоящий момент другие помещения Снейдера не интересовали. Пока Хаузер осматривал виллу в поисках Лазло, Снейдер спустился по лестнице. При этом заметил, что подвал находился не непосредственно под домом, а уходил под землю немного в стороне от виллы.

Он встал посередине комнаты и рассматривал голые стены в сверкающем неоновом свете. Черный кафельный пол сильно контрастировал с ними, и комната немного напоминала искаженную шахматную доску.

Хаузер спустился по лестнице в подвал.

– Доктора Лазло здесь нет.

– Если его отпустили из следственного изолятора под залог, я задаюсь вопросом, почему он первым делом не отправился домой? Где бы он мог быть?

Хаузер пожал плечами.

– Во время обыска вы не нашли никакого обвинительного материала на компьютерах?

– Ничего, – ответил Хаузер. – Два системных блока, два ноутбука, один айпад и три смартфона. На всех находились только материалы адвокатской конторы Лазло.

Криминалисты сняли рамы со стен. На их месте остались четырехугольники, отличающиеся по цвету от остальной стены. Картины не могли висеть здесь долго. Возможно, года два. За это время неоновый свет обесцветил краску. Согласно примечаниям в материалах дела, хромированные рамы с татуированными кусками кожи находились уже в судебно-медицинской лаборатории.

– Вопрос, на который мы до сих пор не нашли ответа, гласит: как доктор Лазло сумел связаться с Кларой? – сказал Хаузер.

Снейдер закрыл глаза и вызвал в памяти фотографии рисунков. Он мысленно разместил обрамленные куски кожи на голой стене и получил общую картину.

Неожиданно в замке наверху повернулся ключ. Входная дверь открылась и тут же снова захлопнулась. Потом кто-то, стуча подбитыми ботинками, спустился по лестнице и положил портфель на стул. Сложив перед собой руки, доктор Лазло встал рядом со Снейдером. Он был одет в дизайнерский костюм и благоухал дорогим одеколоном. Вместе они рассматривали картины на стенах.

– Фантастика, не правда ли?

– Определенно, но разве это не грустный момент, когда вам приходилось снимать кожу с тела?

– Конечно, но к тому времени у меня в работе была уже следующая картина.

– Вы наслаждались этим каждый раз, сколько было возможно, верно?

– Конечно. Такое делают не каждый день.

– *Всего восемь раз.*

– *Семь! Существует еще одна работа, которой нет в моей коллекции.*

– *Ее вы тоже хотите заполучить?*

– Вы вообще меня слушаете?

Снейдер открыл глаза.

– Я думаю, что где-то в этом доме должен быть компьютер, с которого Лазло отвечал на фейковые мейлы Клары, потому что IP-адрес привел все-таки к этой вилле.

– Это так, но мы его не нашли.

– Однако это не значит, что его не существует. К тому же Лазло должен был где-то спрятать трупы остальных четырех девочек.

– Как только в нашем распоряжении появится больше людей, мы с собаками-ищейками начнем прочесывать лес за домом.

Интуиция подсказывала Снейдеру, что можно не трудиться понапрасну, а лучше сразу с ордером обыскать участок Лазло. Он достал пистолет из кобуры и принялся стволom простукивать стену.

– Если вы ищете еще одно помещение, забудьте об этом. Мы уже пытались и ничего не нашли.

– Люди, как Лазло, одержимы идеей преддверия Ада, – объяснил Снейдер, продолжая систематически стучать по стене. – Данная комната со всеми ее великолепными экспонатами, над которыми он трудился много лет, символизирует для него это преддверие Ада. Возможно, настоящий Ад находится за стеной.

Снейдер взглянул на потолок. Никаких детекторов дыма. Он зажег сигарету и продолжил.

– Господи, вы курите травку? – возмутился Хаузер.

– Вы можете хоть на секунду закрыть рот? – прошепелявил Снейдер с сигаретой в уголке рта.

Эта комната была Чистилищем Данте. Снейдер не сомневался. Настоящий Ад должен был находиться за стеной.

Или внизу!

Снейдер опустил на колени, пополз по полу, постукивая по кафельным плитам.

– Вы ведь не думаете всерьез, что под этим подвалом находится еще один?

Внезапно в центре раздался глухой звук. Снейдер постучал еще раз по плиткам.

Бум... Бум... Дзинь!

– Посмотрите сюда! – крикнул он и пальцем указал на два места. – Похоже, здесь были установлены вакуумные присоски. Я, правда, не вижу шва, но нам нужна стамеска.

Хаузер тоже опустился на колени и пощупал черные плитки.

– В гараже мы нашли два вантуза размером с тарелку. Диаметр, наверное, подойдет.

Когда Хаузер принес вантузы из гаража, они накрыли ими кафель и подняли одну плиту из пола.

– С ума сойти можно. – Хаузер уставился в дыру метр на метр.

Края совпадали миллиметр в миллиметр, так что отверстие закрывалось бесшовно. В шахту вела деревянная лестенка. Потолочный свет проникал на два метра вглубь, где отражался от кроваво-красного пола.

С колющей болью в боку Снейдер начал спускаться в подzemелье. После каждой перекладки он сжимал зубы. Как только он добрался до самого низа, сработал датчик движения, и автоматически загорелась лампа. Тусклый красный свет падал на стены. Снейдеру казалось, что он находится в горящей подводной лодке.

«Добро пожаловать в Ад!»

Воздух здесь был затхлый. Адвокат наверняка зарабатывал достаточно, чтобы соорудить себе такое тайное укрытие рядом с домом под садом. В бункере размером около восьми квадратных метров находилось только несколько медицинских шкафов с ящиками, стол из нержавеющей стали и хромированный вращающийся стул.

На столе стоял чайный сервиз. Снейдер принюхался. Апельсин. Уже холодный. На краю чашки засох подтек. Чай стоял здесь уже не менее двадцати четырех часов. Но намного интереснее были ноутбук и большой плоский экран.

Пока Хаузер спускался по лестнице, Снейдер включил компьютер.

– Вы можете хотя бы здесь потушить сигарету? Иначе меня сейчас тоже торкнет, – попросил Хаузер.

Как по команде включился встроенный в потолок кондиционер, который тут же начал вытягивать дым от косячка Снейдера и

обогревать помещение. Снейдер бросил тлеющую сигарету в чайную кружку, где она с шипением затухла.

– Никогда не слышали, что обычно на месте преступления собирают следы?

– Как вы думаете, что интереснее? Чашка или компьютер?

Компьютер за это время уже загрузился, и на мониторе появилась огненно-красная заставка с парой десятков иконок.

– Даже пароля нет, – с удивлением констатировал Снейдер. – Похоже, Лазло не рассчитывал на то, что кто-то обнаружит его бункер. Возможно, здесь вы найдете обвинительные материалы.

Снейдер открыл Интернет-эксплорер, и уже по первым, недавно используемым веб-адресам находилось множество видео и фотографий.

Хаузер тем временем открывал шкафы.

– Здесь, – с облегчением произнес он, словно долгое путешествие подошло к концу, и он наконец-то прибыл в пункт назначения.

Снейдер взглянул в его сторону. В ящиках лежали татуировочная машина, несколько картриджей с краской, а также перевязочный материал, антибиотики и дезинфицирующие средства. В другом ящике находились скальпели. Самый большой посередине отсутствовал. Плохой знак.

– Неплохое оснащение, – заметил Снейдер.

– Мы не должны больше ни к чему прикасаться, нужно вызвать криминалистов для фиксирования следов, – посоветовал Хаузер.

– Еще рано. Лазло как-то сумел даже организовать здесь внизу интернет-соединение. Я хотел бы еще взглянуть на перечень его мейлов.

Снейдер нашел нужную программу. Хаузер с любопытством заглядывал ему через плечо. Снейдер прошелся мышкой по всем мейлам, но ничего не обнаружил. В конце концов открыл папку с удаленными письмами. И там ничего.

– Если он когда-то и состоял с Кларой в переписке, то все электронные сообщения удалены.

Они растерянно смотрели на монитор. В этот момент в папке входящих появилось новое сообщение. Жирным шрифтом отобразилась тема письма.

Они тебя поймают.

Сообщение было от Клары. Мейл был отправлен несколько секунд назад, в 01:59.

– Твою мать! – выругался Хаузер. – Техники-криминалисты разобрали компьютер Клариной матери несколько дней назад, – выдавил он.

– Тогда это сообщение был отправлено с другого компьютера через веб-почту.

– Открывайте же! – торопил Хаузер.

– Уже открываю.

Мейл состоял всего из нескольких строк.

дорогая Мишель,

*это снова я – с тех пор как я узнала, кто ты на самом деле, это не дает мне покоя, год – большой срок, за который многое стало ясно, и я могу узнать тебя по многим деталям, не утруждайся и не переубеждай меня, я собираюсь все рассказать, и сделаю все, чтобы ты горела в аду – не только из-за меня, но и из-за всех других,
твоя клара*

– Кто же написал это сообщение на самом деле? – вслух подумал Хаузер.

– Вероятно, мой коллега Конрад Вессели из Висбадена. Последний шахматный ход манипулятора.

У Хаузера помрачнело лицо.

– Он хочет использовать Лазло для того, чтобы устранить последний след... а именно – саму Клару. Если он уже до этого послал Лазло сообщение, мы знаем, куда поехал Лазло.

– Направьте патрульную машину к Кларе, – сказал Сней-дер. – Но без мигалки и сирены; мы не хотим спугнуть Лазло, если он там появится.

– Само собой. – Хаузер вытащил из кармана телефон. – Нет сети, – пробормотал он и полез наверх по лестнице.

В следующий момент Снейдер остался один и опустился на вращающийся стул. Какая сумасшедшая ночь. Он слышал, как Хаузер ходил наверху и разговаривал по телефону.

Снейдер смотрел сквозь тусклый красный свет. Пока существуют такие монстры, как Лазло, которые увечат и убивают девочек, он

должен постоянно готовить в академии новые сильные кадры, которым по плечу такое дерьмо. Поэтому Сабина была его самой большой надеждой.

Но, похоже, ей не удалось обезвредить Вессели. Потому что еще несколько минут назад у него была возможность написать этот мейл. Откуда у Вессели была вся эта информация о Лазло, чтобы манипулировать им?

Когда кондиционер на секунду затих, какой-то скребущий звук заставил Снейдера вздрогнуть. Автоматически он посмотрел на монитор, но на экране высвечивалась лишь рожа дьявола в качестве заставки. Скребущие звуки шли не из компьютера.

Снейдер поднялся и прислушался, но тут снова включился кондиционер, и его жужжание заглушило все остальные звуки. До этого казалось, что кошка скребет когтями по двери. Звук доносился из угла. Рядом со шкафом Снейдер обнаружил отверстие замка в стене. Потайная дверь!

В другой ситуации Снейдер навалился бы на дверь плечом, но сейчас он был не в состоянии. Поэтому он перерыл все ящики стола и нашел ключ, который подошел.

Снейдер отпер замок и толкнул дверь. Помещение оказалось пустым. Только маленькая ванная комната с красной настенной плиткой, туалет, душевая кабина и сложенная больничная кушетка. Зеркала не было. На подушке лежала огненно-красная маска из латекса. Вероятно, именно здесь Клара и провела целый год – и ей как-то удалось сбежать отсюда.

У дальней стены была еще одна массивная стальная дверь. На этот раз ключ не подошел. Снейдер приложил ухо к металлу и отчетливо услышал скребущие звуки.

Он достал оружие.

– Отойдите от двери! – крикнул он.

Подождал несколько секунд, пока за дверью не перестали скрестись, потом три раза выстрелил по замку. Гильзы отлетали от настенных плиток, в ушах стоял грохот. Кашляя, Снейдер руками разогнал дым. Затем принялся пинать дверь. Каждый удар отдавался болью в боку. С четвертой попытки дверь открылась внутрь.

– Снейдер! – в панике крикнул Хаузер сверху.

– Все в порядке, – прохрипел Снейдер.

Красный свет из ванной комнаты проникал в это помещение и частично освещал его. Заднюю стену не было видно: слишком сумрачно. Но в тени что-то шевелилось.

Снейдер подошел ближе. В нос ему ударила вонь фекалий. Он наступил на картонную упаковку из-под еды, которая захрустела под ботинком. Когда Снейдер присел на корточки и его глаза привыкли к темноте, он увидел полуголую фигуру, которая, скорчившись, сидела на матрасе в углу.

За спиной Снейдер услышал, как Хаузер спустился по лестнице и вошел в ванную комнату.

– Поднимитесь снова наверх, – прошептал Снейдер. – Вызовите скорую помощь. Кроме того, нам нужна психолог. Очень важно, чтобы это была женщина! А потом принесите одеяло и воды.

– Что...

– Ну же! Идите!

Хаузер исчез, а Снейдер сделал еще один шаг в камеру и опустился на одно колено.

– Меня зовут Мартен С. Снейдер, – сказал он мягким голосом, достав из кармана телефон и освещая дисплеем свое лицо. – Тебе уже ничего не грозит. Ты в безопасности, – продолжил он спокойным ласковым голосом. – Мы здесь, чтобы помочь тебе. Скоро приедет врач, и мы вытащим тебя отсюда.

– *Zostaw mnie!*^[31] — закричала девочка. Судя по акценту, это был польский язык.

– *Nie skrzywdzg ci!*^[32], — ответил Снейдер, собрав все свои жалкие знания польского. Нет, он не причинит ей боли – наоборот, спасет. В этот момент он услышал шуршание рядом с собой. Там был кто-то еще.

Вторая девочка, в ужасно запущенном состоянии с длинными спутанными волосами – и он был готов поспорить, что у каждого ребенка на спине были жуткие татуировки.

Тяжело дыша, Сабина добралась до хижины и прижалась к деревянной балке под окном. По спине у нее струйкой стекал пот. В доме горел свет, который через откинутое окно падал на лесную почву. К тому же Сабина чувствовала едкий запах дыма, валящего из каминной трубы.

Она осторожно приподнялась и заглянула в окно. Комната оказалась больше, чем Сабина предполагала, потому что хижина была вытянута вглубь. На стенах висели звериные шкуры и олени рога, а под одной потолочной балкой болтался коричневый абажур. Обстановка состояла из массивного стола и резной угловой лавки. Рядом с открытым камином, в котором еле-еле шевелился огонь, находилась деревянная дверь, ведущая в другую комнату.

Тут в поле ее зрения попал высокий мужчина в черных брюках и водолазке. Он подкинул в камин полено, при этом качал головой и что-то бормотал, словно разговаривал сам с собой. Он повернулся к Сабине спиной, но она заметила, что он хромот. К тому же до этого видела его профиль и узнала черную глазную повязку. Вессели!

Она тут же втянула голову. Быстро переключила сотовый в беззвучный режим. Не хватало только, чтобы сейчас раздался звонок. Торопливо написала Тине сообщение: «Вессели в хижине!»

Затем Сабина снова заглянула в окно. На столе стоял ноутбук, голубой экран светился, но через грязное стекло она не могла ничего разобрать. Вессели, стоя, склонился над клавиатурой и что-то печатал.

Закончив писать текст, он поставил на стол тяжелую спортивную сумку и выложил ее содержимое рядом с ноутбуком. Сабина увидела фотографии, письма, тонкие папки, какие-то документы в прозрачных файлах, компакт-диски и внешний жесткий диск. Вот дерьмо! Вессели один за другим бросал предметы в камин. Огонь уже полыхал, и сухие поленья трещали так громко, что Сабина слышала их через откинутое окно. Она не могла ждать, пока Тина доберется до нее через лес. Нужно было немедленно остановить Вессели.

Сабина прижалась лицом к окну, чтобы увидеть другую часть комнаты. На стуле рядом с входной дверью лежала куртка Вессели. На спинке висела его наплечная кобура, в которой торчал пистолет. Если Вессели отвернется на какое-то время или склонится над камином, Сабине нужно просто ворваться в хижину и схватить оружие. Не

проблема. План был простой. Но все равно сердце у нее билось где-то в горле. Даже если что-то пойдет не так, скоро на помощь придет Тина.

Она обошла вокруг дома, следя за тем, чтобы не наступить ни на какую ветку. И оказалась на крытой площадке перед хижинкой. В двадцати метрах на узкой лесной тропе между деревьями стояла машина Вессели. Лунный свет отражался в лобовом стекле.

У Сабины был план, вопрос лишь в том, сработает ли он. Она сунула руку в карман и подготовила телефон к предстоящему разговору с Вессели. Потом взглянула в окно рядом с дверью. Вессели как раз рылся в спортивной сумке. Пора! Она распахнула дверь и ворвалась в комнату. Хотя и запнулась за порог, но тут же схватилась за кобуру. Одно нажатие на фиксатор – и пистолет оказался у нее в руке.

Вессели бросился к ней, но прежде, чем он успел приблизиться, она уже дозарядила пистолет и нацелила его Вессели в грудь.

Он остановился и поднял руки.

– Ой-ой-ой, осторожно!

– Назад! – приказала она.

Он послушался без возражений.

– И что дальше?

– К стене! – Сабина бросила взгляд на документы на столе и узнала фотографию Евы-Марии Ауэрсберг.левой рукой она закрыла за собой дверь, потом снова обхватила пистолет обеими руками. – Что вы уничтожаете? – спросила она, но Бессели молчал. – Вам же нечего опасаться. Ауэрсберг взяла всю вину на себя, и между вами нет никакой связи.

Бессели улыбнулся.

– Пытаетесь допросить меня моим же методом? Забудьте, ничего не получится. Вы одна здесь?

Она не ответила.

– Думаете, то, что сработало один раз, сработает и во второй. Полагаю, вы включили диктофон на вашем телефоне.

Сабина старалась сохранять pokerное лицо.

– Я так и знал. – Бессели спокойно прошелся по комнате, словно у него на руках были все тузы. – Думаете, сможете тайно записать наш разговор, как было с судьей Ауэрсберг?

– То, что вы в курсе, все равно ничего не меняет. – Она сунула руку в карман и положила сотовый на подоконник подальше от

Бессели. – По крайней мере, так ваш голос будет лучше слышно.

Он схватился за голову и стянул свою глазную повязку. Сабина невольно уставилась в его пустую глазницу. Потолочный свет падал под углом, так что углубление в его лице находилось в тени. Но потом Бессели повернул голову, и в дрожащем свете огня Сабина увидела, что внутри глазница заросла кожей. А сверху бессильно свисала бровь.

– Это должно меня испугать? – спросила она.

Бессели ничего не говорил, только улыбался. Он был хитрый лис. Но она не позволит отвлечь себя и, как охотничья собака, будет следить за каждым его движением.

– С чего все началось? – спросила она.

– Почему я должен отвечать на этот вопрос?

– Потому что игра уже закончилась, и я все равно найду большинство ответов в этих документах. Но я хочу дать вам шанс убедить меня в вашей миссии... понять и осознать ее.

– Я и за сто лет не смогу убедить вас в побудивших меня причинах.

– А вы постарайтесь!

– Это бессмысленно.

– Попробуйте!

– Невозможно.

– Почему?

– Потому что я... – Он замолчал.

– Потому что это вы убили Эрика? – подсказала она ему.

Бессели улыбнулся, и Сабина заметила тень уважения на его лице.

– Умно, – лишь сказал он.

– Итак, с чего все началось? – повторила она. – Когда вы и Ауэрсберг решили отомстить присяжным за оправдательный приговор, который они вынесли убийце?

– Я могу сесть?

– Разумеется. – Она указала на стул рядом с камином.

Бессели сел. Она стояла в двух метрах, целясь ему в грудь.

Он повернул голову к огню и какое-то время смотрел на пляшущие языки пламени.

– На протяжении многих лет у нас с Евой-Марией Ауэрсберг был роман – и да, у нас даже появилась дочь. Когда моя жена узнала о моей двойной жизни и о том, что я отец шестилетней девочки, она

потребовала объяснений. Но в те выходные я должен был лететь на конференцию в Берлин. Как только я сел в самолет, она покончила с собой.

Бессели сделал паузу, но продолжал смотреть на огонь.

– Через несколько месяцев после ее смерти я решил переехать к Еве во Франкфурт и больше не скрывать наших отношений, но вскоре после того, как мы приняли это решение, похитили нашу дочь. Томас Вандер держал ее у себя целый месяц. Одному богу известно, какие ужасные вещи он с ней делал. А потом закопал ее труп в своей теплице. Сначала моя психически больная жена, потом мой ребенок. – Бессели посмотрел на нее, словно искал понимания в ее взгляде.

Да, она могла представить себе, каково это – потерять любимого человека вскоре после того, как решил дать отношениям еще один шанс и начать совместную жизнь. Но, в отличие от Сабины, Бессели сам загнал свою жену в гроб. К тому же он был монстр, который отомстил кровью за кровь. В этом было их отличие – по крайней мере, Сабина так считала. И поэтому ей сейчас нельзя было думать об Эрике. Она быстро взглянула на дверь. Ну где же Тина?

– И вы с Ауэрсберг разработали план мести, – подсказала она.

– Нам помог случай. Однажды я по работе просматривал протоколы посещений Белока в тюрьме Вайтерштадт. И мне бросилось в глаза, что к нему два раза приходил берлинский гинеколог. Но доктор Ян был не просто его почитателем. Он был почти фанатично одержим творениями Белока. Белоку не хватало только пятого шедевра, чтобы завершить свой цикл, который он начал в Лейпциге в восьмидесятых. И во мне начала зреть идея – поддержать безумную страсть доктора Яна.

– Манипулировать им, – исправила Сабина.

– Если хотите, то так. Ева писала гинекологу письма от имени Белока. «Дорогой коллега...» и так далее. Ян отвечал, и Ева регулярно перехватывала письма в тюрьме. Правда, раза два у нее не получилось. Через год Ян был готов...

– ...убить определенную семью.

– Да, их родственники тоже должны были узнать, каково это – потерять родного человека. Кроме того, мы помогли Яну самореализоваться.

– Скажите еще, вы сделали ему одолжение.

– Само собой разумеется.

– Как и Симону Каспареку в Санкт-Петер-Ординге, которого вы подтолкнули убить студентку?

Бессели улыбнулся.

– Мы с Евой писали Каспареку письма, звонили ему и разговаривали измененными голосами, давили на него, пока он не поверил, что разгадал коварную игру студентки факультета психологии, которая выбрала его для рискованного эксперимента. Каждый раз, когда он умолял ее прекратить, она оскорблялась и называла его идиотом. И тем сильнее он верил, что она намеренно его мучит. Его душа полгода кипела, как в паровом котле.

– Каспарек сказал, что врач оставил связку ключей и сумку с салом и складным ножиком в коридоре перед его комнатой.

– Вместе с фотографиями его мертвой матери, – добавил Бессели. – В тот дождливый вечер я освободил его от страхов. Каспарек воспользовался ключом и достал бутылку хлороформа из медицинского шкафа. Потом он незамеченным покинул психиатрическую клинику и избавился от студентки. Его фантазию ничто не ограничивало. Когда находишь подход к психически больному человеку, он становится способным почти на все.

– Пока вы манипулировали Каспареком, Ауэрсберг уже забронировала из Висбадена номер в Айфеле для следующего убийства.

– Его мы тоже планировали целый год. Я еще раньше составил психологический портрет Хельмута Прёлля, безобидного бухгалтера, и знал о его каннибальских наклонностях. Речь шла лишь о том, чтобы подкинуть ему нужную жертву. На одной интернет-платформе мы установили контакт с телевизионным ведущим. Хотя у него и была эротическая идея быть съеденным, но мы должны были, конечно, его подтолкнуть.

– Вы усыпили ведущего, перетащили его в комнату, все подготовили и заманили Прёлля на встречу...

– А после убийства составил новое психологическое заключение о Прёлле, которое полностью сняло с него вину, – добавил Бессели.

Это было более чем исчерпывающее признание. Но по любезности и разговорчивости Бессели Сабина поняла, что он не просто тянет время, а что-то задумал. Но что? У него не могло быть

больше ни одного козыря. Она держала ситуацию под контролем: в руке заряженный пистолет, на подоконнике лежал телефон, Вессели сидел на расстоянии двух метров от нее.

Сабина прошла по комнате.

– Это вы снимали видео в Нюрнберге?

– Я? – Он засмеялся. – Одноногая женщина и ее друг из ночного клуба были известны тем, что предлагали различные услуги известным людям, тайно снимали их, а потом шантажировали. Я лишь позаботился о том, чтобы видео попало в Интернет.

– И пропитали плетку рицином.

На этот раз Вессели горько рассмеялся.

– Да, я так планировал. Накануне пришел в подвал пивоварни, но плетки там не оказалось. Вместо этого я влил рицин в бутылку с дезинфицирующим средством. Этого хватило, чтобы он через рану попал в кровь Хорста Эккера.

– Как вам удалось выложить видео в Сеть?

– С «Федеральным трояном» можно взломать практически любой компьютер.

– Как вы это сделали с компьютером Клары в Вене?

Вессели промолчал, что Сабина восприняла как ответ.

– Как вы наткнулись в Вене на доктора Лазло?

– Звездный адвокат... – Здоровый глаз Вессели блеснул. – Раньше Венское БКА часто просило меня о помощи, а Венская прокуратура обращалась ко мне за психологическими портретами во время процессов расследования убийств. Тогда-то я и познакомился с молодым доктором Лазло, который работал в защите. Он был фанатичным собирателем искусства, и я знал его пристрастие к татуировкам и Чистилищу. Когда два года назад в лесу случайно обнаружили труп румынской девочки, у которой была снята кожа со спины, мне в голову пришел Лазло. Выяснить остальное было делом времени.

– Вы фотографировали Клару в ванной комнате по вечерам?

Он скривил рот.

– Клара вас опознает.

– Не думаю, что до этого дойдет. – Вессели был очень самоуверен. Но по какой причине?

Почему он оставался таким собранным и спокойным? И почему так любезно отвечал ей?

Тут она услышала шорох за дверь. Вессели резко повернул голову. Дверь распахнулась, и в хижину, тяжело дыша, вошла Тина.

Вессели тут же вскочил и поднял руки вверх.

– Вы должны мне помочь! – взмолился он. – Эта женщина сумасшедшая. Она угрожает мне пистолетом. – Он сделал шаг в сторону Тины.

– Не приближайся к нему! – предупредила ее Сабина.

Тина отступила на шаг и пересекла комнату.

– Фрау Мартинелли, вы должны мне помочь. Эта женщина не знает, что делает...

– Я слышала ваши последние фразы, – сказала Тина.

– Ну и что? – Вессели направился к ней, разведя руки в стороны. – Мне угрожали оружием и заставили это сказать.

– Не старайтесь, мудаки! – выругалась Тина и встала рядом с Сабиной.

Вессели был убедительный актер, но Тину его игра не впечатлила. Она взглянула на стол, где лежали бумаги Евы-Марии Ауэрсберг. – Без глазной повязки вы выглядите уродливо, – холодно произнесла она.

Скрип половиц за спиной заставил Сабину вздрогнуть. В тот же самый момент она поняла, что Вессели до этого разговаривал не сам с собой и в хижине был кто-то еще. На секунду у нее мелькнула сумасшедшая мысль, что это Ауэрсберг, которая вовсе не покончила с собой.

Сабина обернулась и увидела, как кто-то сзади вводит инъекционную иглу Тине в шею. Ее подруга вскрикнула. Одновременно Сабина заметила краем глаза, как Вессели набросился на нее. Она вскинула оружие и выстрелила, но промахнулась, и пуля расщепила дверь. Тут Вессели схватил ее за руку с оружием и ударил коленом в челюсть.

У Сабины подкосились ноги, она запнулась и навзничь упала на пол. Хотела прицелиться в Вессели, но он уже навис над ней и замахнулся поленом.

Она почувствовала удар по виску, и комната начала кружиться. Рядом послышался грохот. Это Тина упала на пол. Шприц все еще торчал у нее в шее.

Слова Вессели звучали глухо, словно через стену.

– Не нужно было так долго ждать...

Сабина повернула голову набок. Прежде чем все вокруг нее почернело, она увидела очертания человеческой фигуры, которая стояла за ними, и медленно расплывающееся лицо. Эти глаза навывкате и сумасшедший взгляд она узнала бы всегда и везде.

Это были глаза не Евы-Марии Ауэрсберг, а доктора Лауренца Белла.

67

Очевидно, в какой-то момент Лазло захотелось скорее закончить свой цикл, и он начал татуировать одновременно двух девочек. Для Клары это была счастливая возможность – иначе ей никогда не удалось бы сбежать. Пока Хаузер занимался обеими девочками в подвале и ждал скорую помощь и психолога-криминалиста, патрульная машина повезла Снейдера к озеру Нойзидлер. В это время на дорогах никого не было, и полицейский мчал как сумасшедший.

Когда машина доехала до набережной у озера и навигатор показывал еще девятьсот метров до дома Мелани Дитц, Снейдер отстегнул ремень безопасности.

– Я выйду здесь.

Полицейский остановился.

– Вы уверены?

– Да, ждать меня не нужно, отсюда я сам найду дорогу. – Снейдер взглянул на карту на навигаторе. – Поезжайте тем же путем обратно, но сообщите своим коллегам, что я приду на участок пешком. Пусть и дальше сидят в засаде, все-таки мы не хотим спугнуть того, кого ждем.

– Понял, – буркнул полицейский.

Снейдер вышел и проводил взглядом автомобиль, который развернулся и исчез в темноте.

На озере было значительно холоднее, чем в городе. Снейдер торопливо пошел по дороге и добрался до берега. В центре озера, где отражался лунный свет, черная поверхность воды была зеркально гладкой. Несколько клочков тумана висело над берегом, волны тихо

шелестели по гальке. Камыши выглядели таинственно. Снейдер чувствовал, как влага пропитывает его смокинг.

Дойдя до участка, он нигде не увидел ни одного автомобиля, только внедорожник, который, видимо, принадлежал Мелани Дитц. О причал мягко бился гидроцикл, покачивающийся на волнах. Все вокруг словно вымерло.

Снейдер прошел за дом. Там тоже ничего не было видно. Коллеги в патрульной машине так хорошо спрятались, что даже он не мог их заметить. Главное, чтобы они и для Лазло оставались невидимыми, когда он появится. А он придет! Было несложно выяснить адрес Мелани. Ее муж был судебным репортером, и адрес его агентства наверняка значился в Интернете.

Держась в тени деревьев, Снейдер пересек участок. Рядом с домом стоял сарай. Полицейские должны уже знать, что он идет к ним. Почему они не подают ему сигнал карманным фонариком? Черт возьми, где они прячутся?

Посередине лужайки он резко остановился, услышав жалобный скулеж. Инстинктивно присел на корточки и присмотрелся. Впереди в траве что-то лежало. Согнувшись, он подкрался ближе. Это было животное. Снейдер увидел его блестящую в лунном свете шерсть. Судя по размерам, это была собака. Приблизившись к ней на метр, Снейдер увидел, что это сеттер или золотистый ретривер.

Животное жалобно скулило. Когда Снейдер потянулся, чтобы погладить, пес попытался схватить зубами его руку, но так медленно и вяло, что зубы просто щелкнули в темноте.

– Все хорошо, малыш, – прошептал Снейдер и коснулся шерсти.

На этот раз пес никак не отреагировал. Мордой он лежал на земле, а задними лапами отталкивался, пытаясь ползти в сторону дома.

– Тише, не напрягайся.

Когда Снейдер коснулся живота пса, тот оскалился и зарычал. Шерсть была мокрой. Снейдер почувствовал на пальцах липкую кровь. Рана должна быть чертовски глубокой.

Он быстро достал телефон и набрал номер Хаузера, который ответил уже после второго гудка.

– Куда, черт возьми, вы направили коллег? – прошипел Снейдер. – Они должны были появиться здесь уже четверть часа назад, но тут никого нет!

– Что за вопрос? К детскому кризисному центру, где Клара...

– Вот дерьмо! – выругался он. – Клара на озере, в доме Мелани Дитц.

– Не может быть, она снова это сделала! – воскликнул Хаузер.

– Немедленно пришлите сюда несколько патрульных машин – и ветеринара.

– Ветеринара?

– Да, ветеринара! Самого лучшего, какого сумеете найти.

Снейдер переключил телефон в беззвучный режим. Люди, которые мучают животных, были в его глазах последними подонками. В следующий момент его голос снова стал мягким.

– Не двигайся, малыш, ты справишься.

Ему хотелось зажать рану ладонью, чтобы остановить кровотечение, но пес потратил бы все свои силы на то, чтобы защищаться – силы, которые были ему нужны, чтобы выжить. Снейдер не сомневался, что это Лазло ранил ножом собаку. Возможно, даже несколько раз. Кровь в шерсти еще не свернулась, рана была совсем свежая, нанесена не больше пяти минут назад. Вероятно, Лазло еще здесь.

Снейдер поднялся, подбежал к дому и пошел вдоль стены. Входная дверь была не тронута, но стекло в двери, ведущей в зимний сад, разбито. Снейдер открыл ее и вошел в дом. Под ботинками захрустели осколки. Так как было уже поздно незаметно красться по комнатам, чтобы застать Лазло врасплох – если он вообще еще находился в доме, – Снейдер принялся искать выключатель. Нашел его на панели и зажег свет. На полу между диваном, плетеным креслом и книжным шкафом лежала брюнетка. Снейдер бросился к ней. На женщине был утренний халат, волосы на затылке склеились от крови – но рваная рана явно возникла не в результате падения.

Пока он проверял пульс у женщины, ее веки задрожали. Снейдер снял пиджак, скатал его и подсунул ей под голову. Потом провел ладонью по лбу. Он был ледяной. Вся краска отлила от ее лица. Вероятно, сотрясение мозга. Он ощупал ее тело, но не нашел больше никаких повреждений.

– Мелани Дитц? – прошептал он.

Она чуть приоткрыла глаза, так что даже зрачков не было видно.

– Что... случилось?

– Вы у себя дома, вас ударили по голове. Меня зовут Мартен Снейдер, мы разговаривали по телефону.

– Где... где Клара?

– Не волнуйтесь, скорая помощь уже едет к вам. – Он повернул ее тело на бок в устойчивое положение.

– Где Шейла? Она кого-то услышала и выбежала наружу.

– Успокойтесь. – Снейдер мягко положил ей руку на плечо, потому что Мелани попыталась подняться.

Посмотрел наверх.

Какого черта? Что это?

В доме раздавались тяжелые шаги.

68

Сабина открыла глаза с ощущением, что в голове у нее грохочет отбойный молоток, а тело словно парит на воздушной подушке. Деревянный пол расплывался перед глазами, на губах горчила смола.

Она все еще лежала в хижине. Воздух был спертый, за ней в камине трещал огонь. Плечевой сустав болел, и теперь она заметила, что лежит на полу со связанными за спиной руками. По ощущениям в запястьях, Вессели использовал кусок проволоки. К тому же кожу на виске стянуло, и Сабина чувствовала запекшуюся кровь.

Издали до нее доносились два голоса. Один принадлежал судебному медику Лауренцу Беллу, который вырубил Тину каким-то уколom. Мужчины не только сняли с Сабины куртку, но и расстегнули блузку – видимо, искали оружие или спрятанный микрофон, – а потом просто связали и полуголую оставили лежать на полу.

Сабина покосилась в сторону. Рядом с собой увидела ноги Тины. Она потеряла одну туфлю, и ее колготки порвались. Больше ничего не было видно. Невозможно сказать, была ли Тина без сознания или даже мертва.

Оба мужчины еще не заметили, что Сабина пришла в себя.

– Это было последнее подтверждение, – сказал Бессели.

– Тебе давно нужно было их уничтожить.

– А тебе – раньше вмешаться, – парировал Бессели.

– Что мне было делать? Она никак не поворачивалась ко мне спиной. – Голос Белла звучал взволнованно. – Куда мы с ней сейчас? Я не смогу никого убить.

– Однако уже убил.

– Это было другое.

– Предоставь ее мне.

Сабина осторожно повернула голову и моргнула. Ее куртка БКА висела на стуле перед ней. Тут Сабина услышала, как Бессели бросился к ней и, еще до того, как она успела закрыть глаза, пнул ее носком ботинка в ребра. Она скорчилась, но подавила крик. Такого удовольствия она Бессели не доставит.

– Она пришла в себя!

Сабина поднялась и села на стул. Голова кружилась, и было ощущение, что она в любой момент упадет. К тому же ее тошнило. Видимо, Бессели ударил сильно. Ее левый глаз подергивался, оттого что Бессели угодил ей в висок. Он не помог ей, когда она попыталась сесть прямо. Вместо этого наблюдал, глядя сверху вниз. Рукава его пуловера были закатаны до локтей, и он снова надел свою глазную повязку. Наплечная кобура с пистолетом висела у него на груди.

Белл в черных брюках и темном дождевике просто стоял рядом и смотрел на Сабину уродливыми выпученными глазами. Очевидно, он боялся, что она может напасть на него или пнуть.

– Вы комфортно себя чувствуете в нашем клубном доме? – с издевкой спросил Бессели.

Теперь она знала, почему до этого он был таким разговорчивым. Тянул время, чтобы у Белла появилась возможность подкрасться сзади со шприцем.

Сабина посмотрела на свою подругу, которая лежала на полу с закрытыми глазами и тоже со связанными за спиной руками.

– Она мертва?

– Еще нет, – ответил Бессели. – Но через час у нее откажет сердце.

Было бесполезно умолять не убивать Тину или хотя бы попытаться вызвать для нее скорую помощь. Сабина знала, что у Бессели и Белла только один шанс спастись – это убить их с Тиной.

– Теперь многое проясняется, – сказала она. – После смерти вашей дочери вы навели справки об остальных жертвах Томаса Вандера и так наткнулись на Белла. Его сына тоже убил Вандер, я

права? – Она взглянула на судебного медика, который нахмурился при упоминании своего имени. – Вы перевели Белла из Франкфурта в больницу в Висбадене.

– Хорошая комбинация, – похвалил ее Бессели. – Без союзника мне ни за что не удалось инсценировать все это действие, но вместе мы были хорошей командой.

«Судья, судебный медик и психолог-криминалист, соединившиеся волей случая, – идеальный альянс», – подумала Сабина.

– Планирование убийств было подобно лекарству для наших душ.

– Хотя бы сейчас прекрати с ней разговаривать! – предостерег его Белл.

– Не учи, что мне делать. – Во взгляде Бессели была откровенная ненависть. – Она должна знать, почему умрет как паршивая собака. Или тебе все равно, что Ева не видела иного выхода, как защитить нас своей смертью?

– И что, убийства членов семей присяжных вернули вам детей? – спросила Сабина.

Бессели проигнорировал ее провокационный тон.

– Ева тоже иногда задавалась этим вопросом. По крайней мере, это помогает нам примириться с нашей потерей.

Сабине было тяжело говорить, потому что при каждом движении в голове у нее гудело, словно рядом проезжал бульдозер. Но она все равно опять обратилась к Бессели и Беллу:

– Вы стреляли в Эрика, а вы дали ему умереть в реанимации.

– Проклятье, – выругался Белл. – Она это слышала.

– Улышала, и что? Скоро она воссоединится с Эриком навечно. Жаль... два хороших следователя, которым пришлось умереть из-за собственного любопытства.

Она посмотрела на Тину.

– Три следователя. Это же дикость – убивать нас лишь для того, чтобы скрыть свои планы мести.

– Как уже было сказано, это помогает примириться с потерей.

– Как Эрик вышел на ваш след? – спросила Сабина.

– Не говори с ней! – снова предупредил его Белл.

– Она все равно не переживет эту ночь. Сходи к машине, принеси два одеяла и рулон пленки из багажника, и мы с этим покончим.

Вессели дождался, когда Белл вышел наружу, потом пожал плечами.

– Как он додумался до всего этого, похоже, навсегда останется его тайной. В любом случае месяц назад он интересовался Томасом Вандером и закопанными в теплицах детскими трупами. Вероятно, выяснил, что двое из жертв были дочь Евы и сын Белла. В ходе расследования убийств «Многоножка» он вновь натолкнулся на фамилии Белл и Ауэрсберг. И, видимо, заподозрил связь между этими убийствами и Томасом Вандером. Знаете, какую?

– Нет, – солгала Сабина. Но инстинктивно знала, что Эрик, как и она, обнаружил рисунок судебного художника с фамилиями присяжных.

– Ева была хорошей подругой Снейдера, – продолжил Вессели, – поэтому Эрик доверился не ему, а мне. Именно мне! Но он каким-то образом выяснил, что я отец Евиной дочери, – и тут настало время убрать его с дороги.

Если взглянуть на все трезво, то результат не стоил тех усилий, которые приложили Ауэрсберг, Вессели и Белл. И тут Сабина осознала, насколько сумасшедшим был на самом деле Вессели. Выстрелив в Эрика, он уже через неделю поехал в Нюрнберг, чтобы инсценировать пятое, и последнее убийство. Даже в этот момент он не мог остановиться, потому что был одержим мстью. Видимо, каждое удачное убийство давало ему повод жить дальше.

Сабина увидела, что стол и спортивная сумка пусты. В камине догорали последние документы, которые, видимо, могли указать на связь между Ауэрсберг и Вессели.

Она не решалась покуситься на подоконник. Шанс, что ее телефон все еще там, был невелик, но оставалась надежда, что Вессели мог о нем забыть.

Вессели словно прочитал ее мысли, потому что в этот момент направился к окну. Сабина быстро взглянула в ту сторону. Телефон и правда все еще лежал на подоконнике. Теперь ей нужно поторопиться. Она быстро сдвинулась на край стула.

– Пора уничтожить мою исповедь, – сказал Вессели. – Вообще-то даже жаль такую симпатичную запись.

Когда он повернулся к ней спиной и взял телефон, Сабина сунула связанные руки во внутренний карман куртки БКА, которая висела на

стуле. Ну где же этот чертов перцовый баллончик? Вессели приставил руку к глазам козырьком и вглядывался в окно, туда, где стояла его машина. Снаружи все было спокойно. Вероятно, он высматривал Белла. Сабине удалось схватить баллончик. Прежде чем Вессели обернулся, она как раз успела спрятать баллончик в кулаке за спиной.

Вессели направился с ее телефоном к камину.

Тут Сабина вскочила и преградила ему путь.

– Только не телефон, – взмолилась она.

Вессели удивленно оглядел ее.

– Вы ведь не думаете всерьез, что я пойду на такой риск и оставлю эту запись? На вашем месте я волновался бы по другому поводу. – Он вытащил пистолет из кобуры. – А теперь уйдите с дороги!

Сабина попятилась, пока не почувствовала жар камина на ладонях.

– Только не мой мобильный!

Ситуация наверняка казалась Вессели очень странной, но он, похоже, не догадывался, что она задумала. Сабина сорвала пластиковый наконечник с баллончика, отступила назад и бросила его в огонь. Вессели услышал звук, но, видимо, принял его за треск поленьев.

– В сторону! – повторил он.

Она вернулась назад к стене. Он встал перед камином и хотел уже бросить телефон в огонь, как его взгляд упал на дисплей. В тот же момент его лицо окаменело.

Теперь он знает!

– Телефон вовсе не записывает! – опешив, констатировал он.

– Я никогда такого и не утверждала, – сказала Сабина.

– Это был звонок? Все сорок пять минут? Кому же, черт возьми? – Вессели прервал связь и уставился на дисплей. – Ломану? – И, словно телефон был облит разъедающей кислотой, он бросил его в огонь. И тут же прицелился из пистолета Сабине в голову. На его лице отобразались паника, истерия и лютая ненависть.

В этот момент распахнулась дверь. Вессели резко обернулся. Белл вошел в хижину с одеялами и рулоном пленки в руке.

– Ты с ума сошел? Не сейчас! – крикнул он.

Палец Вессели лег на спусковой крючок.

– Ломан в курсе! Нам нужно немедленно убираться отсюда!

Сабина закрыла глаза. Где, черт возьми, носит Ломана? Он должен был слышать разговор и выяснить, где они находятся.

Тут с глухим хлопком сдетонировал спрей. Одновременно из камина вылетел язык пламени. Сабина инстинктивно упала на пол и услышала жуткий крик Вессели. Он заметался по комнате. Его пуловер, лицо и руки были в огне.

Как ошалелый, он наугад, вслепую принялся стрелять туда, где только что стояла Сабина. Расщепил дерево и пробил стекло. Осколки посыпались Сабине на голову. Пахло порохом и горелыми волосами.

Пока Вессели, крича, продолжал стрелять, Сабина на коленях проползла мимо Тины, упала под стол, скорчилась и вжала голову в плечи. В это время Белл выронил пленку и накинул одеяло Вессели на плечи, чтобы потушить пламя. Пленка раскаталась до камина и мгновенно начала плавиться. В хижине распространилась невыносимая вонь.

На секунду Сабина увидела, как за окном сверкнули автомобильные фары. Она почти оглохла, но все равно услышала шум мотора, а потом приглушенный голос через громкоговоритель.

Выстрелы Вессели стихли.

Люди Ломана ворвались в хижину. Сабина подняла голову и увидела, что правая половина лица Вессели обожжена. Он сунул дуло пистолета себе в рот, отпрянул от жара камина и в следующий момент крепче обхватил рукоять... знал, что это будет последняя боль, какую ему придется испытать в жизни.

Едва тяжелые шаги в доме затихли, Снейдер наклонился к Мелани Дитц.

– Оставайтесь на месте, мне нужно идти, – прошептал он ей в ухо.

Он услышал, как звякнул ключ, потом хлопнула входная дверь. В следующий момент Снейдер вскочил и побежал в прихожую. Слева была входная дверь, справа лестница, которая вела на второй этаж. По ступеням к двери тянулись грязные следы.

Снейдер взвел пистолет и вышел наружу. Он увидел силуэт мужчины, который за руку тащил за собой девочку в сторону сарая.

– Стоять! – Снейдер сделал предупредительный выстрел вверх. Мужчина продолжал бежать.

Тогда Снейдер прицелился, и следующая пуля пролетела в метре над головой мужчины и с треском пробила листовую сталь сарая.

На этот раз мужчина вздрогнул. В тот же миг девочка вырвалась из его хватки и нырнула через дверь в сарай.

Умница!

Но мужчина не бросился наутек, как, вероятно сделал бы любой другой на его месте, а последовал за девочкой. Еще до того, как малышка успела запереть сарай изнутри, он открыл дверь и исчез за ней.

Снейдер тоже бросился к сараю, и, когда добежал до него, мужчина снова держал девочку и, спотыкаясь вместе с ней о разные металлические детали на полу, искал выход.

Снейдер пошарил по стене рукой, нашел выключатель. Под потолком вспыхнула голая лампочка. И на секунду ослепила Снейдера.

Большой сарай был завален металлоломом. Внутри пахло, как в автомастерской – лаком и металлической стружкой. Повсюду лежали велосипеды, покрышки и рамы кроватей с пружинами. Между ними стояли странные скульптуры. Одна из них имела жуткое сходство со средневековым пыточным аппаратом. Наверху возвышалась голова гальюнной^[33] фигуры, а тело состояло из острых стальных штифтов, которые были изогнуты наружу, как ребра, и формировали скелет. Позади торчали два крыла, которые – если их закрыть – и выполняли главное предназначение Железной Девы.

Посреди всего этого хлама стоял доктор Михаэль Лазло, держал перед собой Клару, как ангела-хранителя, и прижимал к ее веку длинный тонкий скальпель. Рот Клары был заклеен скотчем. Из-под разорванной пижамной куртки виднелось голое плечо, девочка беззвучно плакала.

Сумасшедший хотел просто убить ее или пытался срезать у нее со спины татуировку? Клара зажмурилась, словно хотела навсегда стереть все воспоминания и спрятаться в мире фантазий.

Рана в боку Снейдера нестерпимо саднила. Сдерживая дрожь в руках, он прицелился Лазло в лоб. Насколько он мог оценить, у мужчины кроме скальпеля не было другого оружия. Правда, в сарае

действительно имелся второй выход, к которому Лазло и подталкивал сейчас девочку.

– Лазло, – спокойно сказал Снейдер, – не усугубляйте. Этот побег бессмыслен.

– Положите пистолет на пол, иначе я вырежу девочке глаз.

Снейдер продолжал целиться в Лазло.

– Это не улучшит вашу ситуацию.

Без дальнейших комментариев Лазло порезал девочке нижнее веко.

– О'кей, ладно! – Снейдер опустил пистолет.

В этот момент он услышал за собой шорох.

– Клара! – в панике крикнула Мелани Дитц у него за спиной.

– Идите в дом! – велел ей Снейдер, не сводя с Лазло глаз.

– Проваливайтесь, вы оба! – выкрикнул Лазло.

Снейдер заметил, что Лазло на мгновение ослабил нажим на скальпель, воспользовался шансом, вскинул руку и выстрелил Лазло в правое плечо.

Мужчину откинуло назад. Клара высвободилась из его хватки и бросилась мимо Снейдера к Мелани.

– Уходите с девочкой! – крикнул Снейдер и выстрелил Лазло в другое плечо.

Мужчина качнулся и налетел спиной на Железную Деву, которая с грохотом упала на пол. Лазло потерял равновесие и беспомощно замахал руками. Снейдер стоял в полуметре от Лазло, но не протянул ему руку. Вместо этого он думал о засохшей собачьей крови на своих пальцах и об измученных девочках в подвале Лазло.

– Ну что, готов отправиться в Ад? – пробормотал Снейдер.

Лазло хотел схватиться за ладонь Снейдера, но тот в последний момент сжал ее в кулак и смотрел, как Лазло спиной повалился на скульптуру, которая пронзила его десятками стальных штифтов.

Эпилог

– БКА неустанно служит обеспечению внутренней безопасности. Мы постоянно ищем молодых, мотивированных, открытых и талантливых стажеров, которые смогут справиться с самыми сложными задачами.

Как показала практика, выпускники нашей Академии для особо одаренных молодых кадров доказали свою состоятельность в самых экстремальных условиях. Вначале они просто необработанные бриллианты, но они учатся не только аналитическому мышлению, но и умению самостоятельно докопаться до сути вещей.

Все эти мужчины и женщины не могут просто прийти вечером домой и рассказать партнеру: «Сегодня у меня был интересный случай – убийство пятилетней девочки на сексуальной почве. Не передашь мне сливки, любовь моя?» Потому что, если они целыми днями смотрят на мертвых и изувеченных людей, им необходима стратегия, как с этим справляться. Без нее им не выдержать и двух лет в этой профессии.

Позже от них будут зависеть человеческие жизни, и у меня есть методы отбора действительно пригодных кандидатов для такой работы. Я буду и впредь заниматься этим, применяя весь свой многолетний опыт. Спасибо за внимание. – Директор Дитрих Хесс снял очки, закрыл свою книгу и посмотрел на слушателей.

Читальный зал книжного магазина «Тантал» был заполнен до последнего места. Некоторые слушатели даже стояли с краю, за рядами стульев. Аплодисменты продолжались несколько минут. Только два человек не хлопали. В дальнем углу стояли Сабина Немез и Мартен Снейдер. Они наблюдали за пришедшими, которые теперь выстроились в очередь к столу с книгами, чтобы получить экземпляр с подписью Хесса.

Сабина пролиставала автобиографию. Имя Снейдера ни разу не было упомянуто в именном указателе. Но все, кто был знаком со Снейдером, знали, что Хесс использовал его многочисленные выражения и идеи, выдав их за свои.

Снейдер отнесся к этому спокойно.

– Я надеялся, что никто не придет. Если хотите, уже можем пойти.

Сабина сунула книгу в сумку, они вышли из зала, протиснулись сквозь толпу, которая хлынула к столу.

– Вы будете читать книгу? – спросил он.

– Конечно, я же хочу знать, что там написано о вас.

– Ничего.

– Только не говорите, что вы ее уже читали.

Снейдер скривился.

– Диана Хесс передала мне манускрипт несколько месяцев назад.

Скучное чтение.

Сабина улыбнулась.

– Конечно, если о вас ничего не написано.

У самого выхода путь им преградил какой-то мужчина. Даже издали он походил на детектива книжного магазина, который очень старается выглядеть как обычный покупатель. Но Сабине сразу бросилось в глаза, что он интересовался другими посетителями больше, чем книгами.

– Внутренняя проверка. Пройдите, пожалуйста, со мной в кабинет, – сказал он.

Сабина и Снейдер одновременно достали свои служебные удостоверения.

– В порядке. Тем не менее могу я заглянуть в вашу сумку?

– Конечно. – Сабина показала детективу книгу и чек, потом они проследовали мимо него и вышли наружу.

– Я думал, вы стащили книгу, – прошептал ей Снейдер.

– Я не должна всему учиться у вас. – Сабина знала, что уже много лет он враждует с сетью книжных магазинов «Тантал», которая довела до разорения и самоубийства его отца, владельца небольшого книжного магазинчика. Борьба Снейдера соответствовала неустанной партизанской тактике: он не покупал в этих филиалах никаких книг, а воровал их.

Над пешеходной зоной Висбадена висели темные тучи. Начинал накрапывать дождик.

– Тина, Майкснер и Шёнфельд уже ждут нас. Поймаем такси? – спросила Сабина.

Снейдер посмотрел на свои наручные часы.

– У нас еще час. Если не боитесь дождя, давайте немного пройдемся.

– Хорошо. – Сабина подняла воротник. Как и Снейдер, она была в длинном черном пальто.

– Между прочим, я получил посылку из Вены, – сказал Снейдер.

– Вы купили у Герхарда Дитца какую-то скульптуру?

– Не купил, мне разрешили выбрать любую. В качестве благодарности за то, что я спас жизнь Кларе и собаке.

– И что вы выбрали? – спросила Сабина, хотя уже догадалась.

– Железную Деву.

– Эта уродливая штука вовсе не подходит к интерьеру вашего дома.

– Но Мелани Дитц была рада, что наконец-то избавилась от конструкции – особенно после того, как Лазло напоролся на нее.

Не без помощи ли Снейдера, размышляла Сабина. В любом случае Лазло ничего иного не заслужил. У него в саду нашли остальные четыре детских трупа – а в подвале двух девятилетних девочек, которые сейчас находились в кризисном центре. Когда они вдвоем набросились на Лазло во время раздачи еды, Клара сумела сбежать из дома.

– Эй, откуда вы знаете, какой у меня интерьер? – спросил Снейдер.

– Я работала у вас в гостиной. Пароль вашей сигнализации Van Gogh.

– Белочка, я снова убеждаюсь, что вы слишком много обо мне знаете, – пробурчал Снейдер.

– Вам следует проводить со мной меньше времени.

– Честно говоря... – Снейдер сделал паузу. – Если бы я хотел иметь коллегу, то только вас.

У Сабины на секунду пропал дар речи.

– Какая честь! И это из ваших уст! Через два года, когда я закончу академию, можем об этом поговорить.

– Столько я могу подождать. Кстати, вы знаете, кому вы обязаны тем, что вас восстановили?

– Вам?

Снейдер помотал головой.

– Диана Хесс вынудила своего мужа оставить вас в академии.

Они немного помолчали. Хотя Снейдер больше ничего не сказал, она знала, что он тоже внес свой вклад в то, чтобы она осталась в БКА. Но приятно знать, что она, как и Снейдер, находится под защитой жены Хесса. Может, и у нее в будущем тоже будет немного свободы в БКА. И тем пристальнее за ней будет следить Дитрих Хесс. Не очень радужная перспектива.

– Когда я посещала Белока в тюрьме, он просил передать вам, – сменила тему Сабина, – «Пит ван Лун скоро выйдет».

Снейдер сжал губы в тонкую полоску.

– Я в это не верю. Он отбывает пожизненное заключение.

– А если у него все-таки получится?

Взгляд Снейдера похолодел.

– Тогда у нас появится большая проблема.

– Кто вообще этот Пит ван Лун? – спросила Сабина.

– Надеюсь, вам не придется этого узнать.

Они дошли до конца пешеходной зоны. Снейдер остановил такси, которое повезло их на кладбище, где скоро должны были начаться похороны Эрика Дорфера.

Благодарность

Прошел год, и я рад, что снова могу выразить благодарность. Сначала моим великолепным тестовым читателям, которые уделили мне время и прочитали манускрипт в его самых разных стадиях: Хайдемари Грубер, Гюнтеру Зуда, Веронике Грагер, Юргену Пихлеру, Габи Вильхальм, Роберту Фройхоферу, Ульрике Хорнунг, Дагмар Керн, Кристе Прашль, Петеру Хиссу, Лени Адам и моему лектору Вере Тиленхаус. Вы лучшие, и вы это знаете.

Как и в случае с книгами «Лето мести» и «Смерть с уведомлением», хочу сказать отдельное спасибо Роману Хоке и Маркусу Михалеку из международного литературного агентства AVA и команде издательства «Голдман» за доверие и отличную поддержку.

Список людей, которые помогали мне с поисками и сбором информации, очень длинный, и поэтому сначала я поблагодарю свою коллегу, автора детективных романов, Зигрид Нойрайтер, которая установила для меня контакт с немецким Федеральным ведомством уголовной полиции в Висбадене. Я благодарю главного комиссара уголовной полиции Габриэль Крафт из управления полиции западного Гессена, Вольфганга Бремеса и профессора Герхарда Шмельца из Высшей школы полиции и управления в Висбадене, Флориана Грубера за посещение школы БКА и главного комиссара уголовной полиции Ханса Буша из БКА Висбадена за экскурсию по зданию БКА. Спасибо за время, которое вы уделите мне, потому что без предоставленной мне возможности «заглянуть за кулисы» я не смог бы написать этот роман.

За то, что я сумел разобраться в дебрях информационных технологий, спасибо Вольфгангу Шпитцу и Андреасу Лехнеру. Я благодарю адвоката доктора Герду Малер-Хуттер за время, уделенное моим вопросам, и прокурора доктора Франка Хеллера за его подробные объяснения и удачные идеи для сюжета.

За медицинские консультации я благодарю профессора, доктора медицинских наук Кристиана Яковски из Института судебной медицины в Берне и доктора Ясмин Мейер, специалиста по неврологии и психиатрии из Земельной больницы Швабах. За объяснения о принципе работы и воздействии микроволновых печей в

техническом и медицинском смысле я хочу поблагодарить инженера Андреаса Голлента и доктора Карла-Хермана Килмера, а также мою коллегу Веронику Грагер, которая разрешила мне воспользоваться своей идеей для этого романа. За прочие подробные объяснения я благодарен Камилле Цинтек и психотерапевтам магистру Еве Грубер и магистру Уте Вебер-Грюнер.

Наконец, я благодарю Андреаса Фалькенхагена, директора книжного магазина в Санкт-Петер-Ординге, который любезно предоставил мне материалы по Северному морю. Сейчас в Санкт-Петер-Ординге действительно есть расчлененный труп – вот к чему это привело.

И последняя, но не менее важная и искренняя благодарность адресована моим читателям. Я надеюсь, что и в будущем смогу убивать для вас...

notes

Примечания

1

Восклицание удивления, приблизительно соответствует «вот тебе на!», «подумать только!».

2

Снафф-видео – короткометражные фильмы, в которых изображаются настоящие убийства, без использования спецэффектов, как правило, с предшествующим издевательством и унижением жертвы.

3

Рейн-Майн-Халле – большой зал в Висбадене для проведения мероприятий, конгрессов и т. д.

4

Понимаешь? (*ит.*)

5

Хлеб Бернд – кукольный персонаж и талисман детского телеканала КИКА.

6

«Железная дева» – орудие смертной казни или пыток, представляющее собой сделанный из железа шкаф, внутренняя сторона которого усажена длинными острыми гвоздями.

7

Лечебное воздействие на температуру тела пациента.

8

Балерман – тусовочное место на Майорке, очень популярное у немецкой молодежи. Также название одноименного бара и стиля отдыха в целом.

9

Элли Макбил – героиня одноименного американского комедийного телесериала о буднях молодой девушки-адвоката.

10

Кларис Старлинг – курсантка Академии ФБР из триллера «Молчание ягнят».

Клетка Фарадея (или «щит Фарадея») – устройство, изобретенное английским физиком и химиком Майклом Фарадеем в 1836 году для экранирования аппаратуры от внешних электромагнитных полей.

12

НЛП – нейролингвистическое программирование.

13

Да это и так слышно (*бавар. нем.*).

14

Биркеншток – популярная марка ортопедической обуви в виде шлепанцев или сандалий.

Шиацу – японский массаж, форма терапии.

16

Да (*яп.*).

17

Седация – введение в состояние полудремы; медикаментозно вызванное спокойствие и индифферентность к окружающему миру.

«Тельма и Луиза» – художественный фильм в стиле роуд-муви, драма.

Манипенни – персонаж в романах и фильмах о Джеймсе Бонде.

Племянники Дональда Дака.

21

Дядя Дональда Дака, владеющий огромным богатством.

Серебряный Сёрфер – популярный герой изданий Marvel Comics, супергерой.

Пешеходный мост Хенкерштег построен в середине XV века. Деревянное строение уже в Средневековье получило название «Дорога к палачу». Поскольку палач не мог жить в городской черте, его дом стоял за городской стеной. Мост как раз подходил к его дому.

Ёсано Акико – японская поэтесса (1878–1942).

РАФ – Фракция Красной Армии (RAF) – немецкая леворадикальная террористическая организация, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине в 1968–1998 годах.

Ули Штайн – немецкий иллюстратор-карикатурист.

Доброе утро. Приветствие преимущественно на севере Германии.
В некоторых областях используется в любое время суток.

Майдлинг – район в Вене.

Джетсеттеры – богатые люди, международные тусовщики, основным занятием которых является отдых, тусовки, обычно в элитных местах, куда нет доступа посторонним.

«Книга пути и достоинства» – основополагающий источник учения и один из памятников китайской мысли, оказавший большое влияние на культуру Китая и всего мира. Написана великим китайским духовным подвижником Лао-цзы примерно две с половиной тысячи лет назад.

31

Оставьте меня в покое! (*польск.*)

Я тебя не обижу (*польск.*).

Носовая фигура, украшение на носу парусного судна.

Table of Contents

[Андреас Грубер Смертный приговор](#)

[Пролог](#)

[I. С воскресенья, 1 сентября, по понедельник, 2 сентября](#)

[II. Вторник, 3 сентября](#)

[III. Среда, 4 сентября](#)

[IV. Четверг, 5 сентября](#)

[V. Пятница, 6 сентября](#)

[VI. Суббота, 7 сентября](#)

[VII. Воскресенье, 8 сентября](#)

[VIII. Понедельник, 9 сентября](#)

[IX. Вторник, 10 сентября](#)

[Эпилог](#)

[Благодарность](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)

